

Илья Земцов СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Илья Земцов
**СОВЕТСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЯЗЫК**

СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Ilya Zemtsov

**SOVIET
POLITICAL
LANGUAGE**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

Илья Земцов

**СОВЕТСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЯЗЫК**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

Ilya Zemtsov: SOVETSKIĪ POLITICHESKIĪ IAZYK

First Russian edition published in 1985
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Ilya Zemtsov, 1985
Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1985

All rights reserved

This book has appeared in English Translation. «Manipulation of a Language.
Lexicon of Soviet Political Terms». HERO BOOKS. U.S.A. 1984.

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0 903868 67 9

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany

"Предназначением новояза было не только служить инструментом для выражения мировоззрения и мысли... но и сделать все иные формы мышления невозможными".

Джордж Орвелл

ВСТУПЛЕНИЕ

Советский язык — явление уникальное. Его нельзя сводить ни к политическому слою русского языка, ни к одной из разновидностей бюрократического лексикона, хотя исторически он, несомненно, возник на основе последнего. Целиком национализированный государством, советский язык насаждается и культивируется коммунистами как универсальный заменитель русского языка. Он постепенно проникает во все сферы духовной деятельности человека — литературу, искусство, науку. Семантика этого языка отражает не социальную реальность, а идейное мифотворчество; она выявляет не объективные общественные процессы и явления, а коммунистическое мировоззрение в его наложении на действительность.

Советский политический язык однозначен. Но, деля мир на полярные субстанции добра и зла, он в то же время и двусмыслен. Эта двусмысленность — следствие двойственности советской социальной системы: социалистической формы, обращенной к внешнему миру, и тоталитарной сущности, направленной к собственным народам. Слова и выражения советского языка, действующие на уровне бессознательной психики, превращаются в сжатые пружины политического манипулирования: с их помощью в человека вгоняются за-

ряды идеологической энергии. Реальность проектируется по законам вымысла: рабство объявляется свободой, ложь — истиной, война — миром и т. д.

Советский политический язык основывается на двух основных компонентах: фикциях, которые коммунистическая философия провозглашает реальностью, и реалиях, представляемых в виде фикций. Отсюда — два различных (но не противоположных) пласта в советском языке. Во-первых, слова-явления, опирающиеся пусть на искажаемые, но существующие факты и процессы советской действительности ("встречный план", "доска почета", "колхоз", "очковтирательство", "анонимное письмо" и т. п.). Во-вторых, слова-фикции, передающие понятия, лишенные всякого социального смысла ("авангард", "боевитость", "внутрипартийная демократия", "дружба народов", "горизонты", "идейность" и пр.).

Поскольку в основе слов-явлений лежат определенные и всегда конкретные социальные факты, это затрудняет, а порой и делает невозможным их безграничное домысливание. Слова-фикции — это в известном смысле духовные "полуфабрикаты", задающие лишь направление для работы воображения. Дорисовывая их нужными (в зависимости от политической конъюнктуры) социальными красками, власти стремятся сохранить их недосказанность — для последующего манипулирования. Новая манипуляция почти наверняка будет отличаться от старой (жизнь не стоит на месте), но все они строго регламентированы коммунистическим мировоззрением, располагающим весьма ограниченным числом идеологических конструкций.

Слова-явления представляют собой более или менее постоянные формулы действительности и не распадаются при соприкосновении (или даже столкновении) с реальностью, ибо разложение (или хотя бы девальвация) заложенных в них идейных стереотипов означала бы крушение коммунистического мировоззрения. Вспомним, с каким завидным постоянством советский язык насаждает идеи "атеистического воспитания", "коммунистической морали", "коллективного руководства" и т. п.

Слова-фикции ("гегемония пролетариата", например) — чрезвычайно пластичны, они способны оперативно "откликаться" на любое изменение политической и социальной ситуации. Если один из компонентов такого словосочетания теряет свою эффективность, его тут же "вынимают" и заменяют другим, больше отвечающим задаче воздействия на массовое сознание (так "гегемония пролетариата" превращается в "гегемонию народа"). При этом традиционное название понятия, разумеется, сохраняется: и "гегемония пролетариата",

и "гегемония народа" в равной мере камуфлируют самовластие партийного аппарата.

При острых социальных коллизиях содержание слов-фикций меняется радикально. Примеры: замена "диктатуры пролетариата" "общенародным государством"; вариации с выражением "образ жизни" — "пролетарский", "советский", "социалистический" и, наконец, "коммунистический образ жизни". Манипулирование словами-явлениями в определенной мере ограничено их "привязанностью" к конкретному социальному опыту. В этом смысле слова-фикции, в силу своей абстрактности, подвижности и продуктивности, предоставляют советской пропаганде практически неограниченные возможности, хотя и они отнюдь не всегда являются искусственными образованиями. Исторически появление известного числа слов-фикций отражало возникавшие (но так и не возникшие) социальные явления; лишь впоследствии они были идеологизированы. Напротив, некоторые слова-явления первоначально формировались в рамках коммунистической идеологии и уже затем продуцировались в социальную жизнь.

Естественно, что оба эти слоя советского языка не разделены непроницаемой перегородкой. Слова-явления при определенных условиях (когда явление полностью изживает себя) исчезают или превращаются в слова-фикции; слова-фикции в ходе идеологического конструирования действительности начинают отражать реальность. Однако в конечном счете и те и другие различаются лишь ракурсом идеологического манипулирования. В первом случае (слова-явления) действительность накладывается на идеологию, во втором (слова-фикции) — идеология накладывается на действительность. Понятно, что усилия коммунистической пропаганды направлены на поддержание стабильности слов-явлений и обновление слов-фикций.

Советский политический язык содержит многообразные психологические "ловушки" для духовного захвата человека. В своей же совокупности он действует подобно железной клетке: ограничивает свободное движение тех, кто находится (мыслит, действует) внутри нее. Система "единомыслия" обеспечивается при этом не только (и даже не столько) бедностью оборотов, шаблонностью фраз, стандартностью выражений. Не меньшую роль играет непрямолинейность, закодированность одних понятий ("вертушка", "распределитель", "кремлевский паек") и чрезмерная информативность (перегруженность информацией) других: "коммунизм", "антисоветизм", "оппортунизм". Перегрузка содержанием лишает человека возможности

учесть огромную массу самых различных факторов, строить на их основе сколько-нибудь рациональную систему объяснения.

Советский язык охотно эксплуатирует приемы риторики, стремясь привести людей в состояние социальной экзальтации. Именно эту функцию выполняют такие обороты, как "волею партии", "активная жизненная позиция", "гвардейцы труда", "коммунистическая смена"... С помощью советского языка часто и успешно производится подмена понятий. В его лексиконе (когда речь идет о коммунистической действительности) нет, например, "безработных" (их именуют "лицами, ищущими работу"), нет "кризисов" (это всего лишь "временные трудности"), нет диктатуры (она выступает в благородном облике "демократического централизма"). Важную роль в советском политическом языке играют ассоциации (по аналогии или по противоположности). Если говорится о труде советских людей, то в сознании должен возникнуть ассоциативный ряд: "героический", "самоотверженный", в крайнем случае "доблестный". Тот же труд на Западе — "подневольный", "непосильный", "унизительный". Советский народ — "великий", "мужественный", народ США — "многострадальный"...

Реальная жизнь в советском языке отражается с помощью типичных приемов искривления перспектив. Но советский язык способен не только исказить пропорции и контуры действительности, он умеет и нечто большее — некоторые явления не отражать вообще. Так, в официальном советском лексиконе совершенно отсутствуют словесные знаки для таких широко распространенных в обществе явлений, как "закрытые письма", "коммунистическая бюрократия" и пр.

Многим советским словам давно придан характер символов: обожествлена "партия", одухотворен "труд", канонизированы "план", "соревнование".

Советский политический язык не столько называет и определяет явление, сколько разоблачает и осуждает. "Отщепенец", "оппортунист", "аполитичность", "отребье" — это уже приговор, приводимый в исполнение в соответствии со статьями уголовного кодекса: "враг народа", "антисоветчик". Советский язык достиг уровня, позволяющего заменить процесс познания лозунгом, марксистской догмой: "Вперед, навстречу коммунизму!", "Слава партии!", "Все — на коммунистический субботник!".

Язык в СССР призван вызывать у людей определенные, нужные властям социальные рефлексy. С этой целью гигантские лозунги водружаются как памятники на центральных площадях городов,

выставляются на зданиях и витринах магазинов, заполняют стены кинотеатров и клубов.

Советский политический язык — язык-агрессор. Он подчинил Восточную Европу, распространился на Азию, захватил часть Африки, утверждается на американском континенте. Он стал лингвистической маской всех, кто верит в "светлое будущее". Влияние его универсально. В сферу его магии попадают и народы Запада: бесконечное повторение лозунгов о мире убеждает их в миролюбии советских руководителей, восторженные вопли о любви народа к партии — в благополучии советских людей. Прочертанный советскими словами путь исторического развития навязывает всем и каждому представление о неизбежности советской политической модели, парализует любое сомнение в справедливости или разумности политики Кремля. Вот почему освобождение человека от коммунизма — его иллюзий и заблуждений — связано с освобождением от советского языка — "с языковым диссидентством".

Но любому "инакомыслию" должно предшествовать познание явления. Анализ основных аспектов советского языка и механизмов его функционирования и посвящена настоящая книга. При этом не ставится в качестве задачи выявление всех пластов современного советского языка. Поставленная проблема — исследование советского политического языка. Так что назначением книги становятся две цели:

1. Предоставить ученым — советологам и политологам, политическим деятелям, журналистам и всем, кто интересуется изучением советского общества, политический словарь-справочник, раскрывающий подлинное значение приводимых слов и словосочетаний, а также механизм советской пропаганды;

2. Раскрыть — на основе истолкования некоторых единиц языка — политические, социальные, философские, этические и психологические аспекты советской реальности, вуалируемые этим языком. В этом смысле "Советский политический язык" может в определенной степени служить путеводителем по советскому обществу.

Двойная задача книги определила ее структуру. Каждая статья открывается дефиницией значения слова (словосочетания). Затем следует анализ идеологического содержания слова в наложении на советскую реальность. Двойной угол зрения позволяет наглядно выявить противоречия между жизнью и языком. Применение слов иллюстрируется цитатами из современных советских изданий и периодической печати.

Статьи книги (расположенные для удобства в алфавитном поряд-

ке) подобраны с таким расчетом, чтобы дать читателю представление о советском политическом языке и советской социальной действительности.

В книгу включены слова и словосочетания:

1. Непосредственно политической и философской сфер ("антикоммунизм", "аполитичность", "дружба народов", "дальновидная политика", "исторические решения", "ленинский", "бессмертный" и др.);

2. дающие представление о различных сторонах советской действительности ("очередь", "жилощадь", "давать" и пр.);

3. характеризующие (идеологизированно) советскую производственную систему и экономические отношения в советском обществе ("бригада коммунистического труда", "постоянно действующее производственное совещание", "штурмовщина", "шефство", "вахта" и т. д.);

4. традиционно русские понятия оценочного характера, пропагандистски переосмысленные в советском языке ("пресловутый", "животворный", "отчаянный" и т. п.).

Слова и выражения, включенные в книгу, как и весь советский язык, призваны утвердить в сознании людей всеобъемлющее коммунистическое мировоззрение. Более конкретное их назначение — полностью исключить любой (не советский) образ мышления. Конечно, это — задача-максимум, ее редко удается решить в полной мере. Но каждому, кто так или иначе пользуется советским политическим языком, трудно избежать искаженного восприятия действительности. Многие советские люди теряют способность воспринимать социальные явления и нравственные категории вне понятий советского языка. Это не вина их, а беда. На советского человека со страниц газет, из передач радио и телевидения обрушивается бесконечный поток стереотипов, заглушающих свободную мысль, парализующих стремление составить объективное мнение о том, что происходит в современном мире. Эффект данной языковой обработки усиливается страхом: попытка освободиться от советского политического языка и пуститься в просторы независимой мысли опасна — за ней следует наказание. Тем не менее только на этом пути советского человека ждет духовное возрождение и нравственное раскрепощение. Автор надеется, что и в этом плане предлагаемая книга будет полезна.

Исследуя советский политический язык, предлагаемая книга раскрывает в нем ряд пластов — временных и тематических. Это позволяет рассмотреть язык в его наложении на действительность

и одновременно анализировать советскую действительность в ее наложении на язык. Такой анализ дает представление о путях и средствах, с помощью которых советская пропаганда воздействует на население СССР.

Читатель, надо думать, обратит внимание на архаичные пласты советского политического языка и широкое употребление привычных, традиционных для русского сознания слов. Эти словесные модели свидетельствуют о стремлении советской пропаганды сохранить преемственность, использовать в своих целях обороты традиционно русские, наполнив их, однако, новым коммунистическим содержанием. Содержанием, которое чуждо психологии и логике русского человека.

Другое любопытное явление – развернутая экспансия военной лексики в политический язык. Эта тенденция, разумеется, не случайна. Цель вторжения – внушить представление об СССР как о едином, находящемся в осаде военном лагере, в котором советские люди должны вести себя по-военному. Добавочное назначение военной, особенно морской лексики в советском языке – романтизация тусклой коммунистической действительности.

Показывая многоплановость советского политического языка, автор надеется, что это поможет читателю понять простую и вместе с тем изощренную механику идеологического манипулирования массами. Один из ее типовых приемов – насилие над русским языком, меняющее не только семантику слов, но ревизирующую общечеловеческие и нравственные категории, которые они выражают. Мистификация подлинного значения слов – подмена их реального смысла иллюзорным, сознательное ограничение этого смысла, разрыв традиционных значений для принесения коммунистической пропаганды – все это ведет к омертвлению языка. Русский язык, отличающийся своим богатством, образностью, гибкостью, яркостью, скудеет, нищает, зажатый в мертворожденные советские штампы.

Книга при этом раскрывает и двойное назначение советского политического языка. Маскируя от западного читателя коммунистическую действительность с помощью вполне благообразных и "безобидных" слов, этот язык достаточно императивен для советского читателя, которому внушается, что во всех действиях ему надлежит руководствоваться партийными ценностями – в соответствии с законами и правилами двойной коммунистической бухгалтерии.

Наша книга, наконец, – мы надеемся – поможет и советским людям преодолеть семантическое отчуждение советских словесных

стереотипов и вернет их мировосприятие к общечеловеческим и социальным ценностям, не извращенным и не искаженным коммунистической пропагандой.

Иерусалим—Филадельфия

1980—1984 гг.

"А"

АВАНГАРД — классы, партии, союзы, организации, являющиеся опорой коммунистических режимов и объявленные носителями социального прогресса.

А. проник в язык советской пропаганды из военной лексики. Используется в политических и идеологических текстах в тех случаях, когда речь идет о борьбе за "светлое будущее человечества", "ударном труде", "социалистическом соревновании" и т. п. Слово призвано вызвать в сознании советских людей ассоциации с фронтом никогда не затухающих классовых битв, где пролетариат (и его А. — коммунисты) вынужден сражаться с многочисленными врагами — внешними (мировая буржуазия и фашизм, правый и левый ревизионизм, троцкизм, маоизм, сионизм и т. д.) и внутренними (их тайные "агенты", действующие в советском обществе).

Использование слова А. для обозначения тех или иных социальных явлений всегда диктовалось целями и установ-

ками КПСС. Прежде всего А. был закреплен за коммунистической партией Советского Союза и стал использоваться как ее синоним. В советской интерпретации КПСС — А. рабочего класса, мирового пролетариата и "всего" человечества. В этом качестве партия выступила и на войне, и в многочисленных, инспирированных властями движениях: в освоении целины, коммунистических "починах", "стройках коммунизма" и т. д. Через идентификацию А. с партией пропаганда стремится внушить народу, что коммунисты по праву выступают в роли его политических и духовных наставников. Предполагается, что наличие А. — КПСС — должно вдохновить советских людей на самоотверженный труд, вселить в них удовлетворенность настоящим и уверенность в будущем.

А. провозглашается и советский рабочий класс, объявляемый марксизмом-ленинизмом носителем общественного прогресса. (В определенном контексте А. могут представляться и все трудящиеся Советского Союза, указывающие путь остальному "несознательному человечеству".) А. объявлен и советский комсомол — "верный помощник партии" и "постоянный ее резерв".

В А. коммунистического строительства время от времени попадают различные промышленные предприятия, колхозы, "ударные" комсомольские стройки, "бригады коммунистического труда" и т. д. В сущности, в А. может быть зачислена, в зависимости от нужд советской пропаганды, любая группа социальных коллективов и людей.

А. объявляются общественный или национальные движения, проводящие просоветскую политику: Всемирный совет мира, Всемирный союз молодежи, палестинские террористы, сандинисты Никарагуа и т. д. Отождествление этих и подобных им организаций с А. носит функциональный характер и зависит от текущих задач советской политики. Национальное или общественное движение, вышедшее из-под опеки Кремля, перестает быть А. Так, в конце 70-х годов иракская баасистская партия именовалась "А. арабских народов". Единственным основанием для подобного утвержде-

ния была приверженность Багдада советской политике, ибо коммунистическая партия этой страны ("А. иракского народа", по марксистской терминологии) была загнана в глухое подполье. Таким образом, в конфликте коммунистической идеологии с действительностью предпочтение было отдано сугубо прагматическим интересам. Идеология "заговорила" в полный голос только тогда, когда Ирак попытался освободиться от влияния Кремля. Тут в Москве вдруг "вспомнили" (в 1980 г. на XXVI съезде КПСС), что иракская компартия — А. трудящихся, в то время, как баасистская — нет.

Стоило Пекину поставить под угрозу гегемонию Москвы в международном коммунистическом движении, как советское руководство исключило из А. китайскую компартию, а вместе с ней — и все коммунистические партии, поддерживающие Китай. Вне А. остается и американский рабочий класс, плохо воспринимающий большевистскую агитацию.

Очевидно, что при закреплении за тем или иным явлением ярлыка А. советская пропаганда исходит исключительно из политических соображений, стремясь замаскировать природу и сущность тоталитарного государства.

ПРИМЕРЫ:

"Партия — это авангард класса, и задача ее не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой". (В. И. Ленин, ППС, т. 35, с. 94.)

"Литератор, будучи первопроходцем, идущим в авангарде, — живая совесть общества". ("Литературная газета", 8 июля 1984, с. 15.)

АГИТАЦИЯ — идеологическое, нравственное и психологическое воздействие на сознание и настроение людей для подчинения их политике руководства Советского Союза.

Провозглашаемые цели А.: разъяснение, пропаганда и популяризация постановлений партийного аппарата и правительства, мобилизация советских масс на выполнение социальных и экономических планов. А. призвана усилить об-

ственную и трудовую активность населения, организовать постоянный контроль коммунистической партии над советскими гражданами, их мыслями, взглядами, поведением.

А. придается в СССР исключительное значение. Многочисленные постановления ЦК КПСС постоянно подчеркивают ее важность и необходимость, указывают средства ее активизации и совершенствования. В помощь агитаторам выпускается специальная литература, разрабатываются методические пособия и инструкции, издается ежемесячный журнал "Агитатор".

Агитационная работа ведется с помощью бесед, митингов, теле- и радиопередач ("устная А."), лозунгов, плакатов, диаграмм ("наглядная А."), книг, статей в газетах и журналах ("письменная А.").

Устная А. рассчитана на непосредственный контакт агитатора с людьми. Она проводится специальными группами докладчиков и политинформаторов, функционирующих при первичных, районных и городских партийных организациях. Широкое распространение в 70-е годы получила устная А., известная под именем "наставничества": встречи молодежи с заслуженными (по-существу, привилегированными) партийными работниками, военнослужащими, деятелями науки, искусства и т. д. Традиционными средствами такой А. являются также "устные журналы", праздничные собрания, чествование победителей "социалистического соревнования" и т. д.

Агитатор призван восхвалять коммунистические идеи и принципы, возвеличивать "советский образ жизни", утверждать нормы коммунистической морали, доказывать неизбежность коммунистического правопорядка. И одновременно — всячески дискредитировать капитализм: его порядки, нравы и устои. В своей деятельности агитатор не вправе выходить за рамки официальной информации, он не анализирует, а лишь повторяет и разъясняет.

Кроме повседневной, заранее спланированной агитационной работы, агитатор участвует в периодически проводимых в СССР кампаниях по популяризации решений партийных

съездов и пленумов, обсуждению директив пятилетних планов, организации сезонных сельскохозяйственных работ, подготовке к юбилеям, торжественным и "знаменательным" датам. Ему вменяется в обязанность регулярно читать лекции по коммунистическому воспитанию, проводить беседы на атеистические темы.

Важное значение в СССР придается наглядной А.: партийным лозунгам и воззваниям, плакатам, стендам, доскам почета. Они — обязательный атрибут при оформлении больших зданий, улиц, площадей, предприятий. Среди неизменных реквизитов каждого советского предприятия, учреждения, колхоза, воинской части — портреты Ленина, членов и кандидатов Политбюро КПСС.

Наибольшими возможностями воздействия на общественное сознание располагает письменная А. Для реализации ее пропагандистских целей используются пресса, художественная, научная и детская литература. Для каждого вида печатной продукции, сообразно с ее жанром, дозируется определенный агитационный материал. В зависимости от возраста, вкусов, образования, психологических особенностей аудитории подбираются нужные цитаты "основоположников" научного коммунизма и высказывания советских руководителей, регламентируется мера дозволенного в показе и освещении советской действительности.

Через всю жизнь советского человека — от рождения и до глубокой старости — проходят различные агитационные кампании. Убогие, шаблонные и схоластические, они оставляют в его сознании глубокий след, но полностью поработить его не могут. Вместо социальной активности, они нередко вызывают инерцию и пассивность, вместо убежденности — иронию и неприязнь. Тем не менее А. как продуманная система идеологического и политического манипулирования в определенной мере способствует стабилизации режима, насаждая и поддерживая необходимый коммунистам стереотип социального и индивидуального поведения.

ПРИМЕРЫ:

"С озабоченностью говорилось на съезде о недооценке такого действительного инструмента, как устная политическая агитация, которой часто недостает конкретности и боевитости". ("Правда", 1 февраля 1982, с. 2.)

"Боевой, конкретной, лаконичной, должна быть на жатве наглядная агитация". ("Агитатор", 1983, № 14, с. 32.)

"В устной пропаганде и агитации широко используются плакаты". ("Агитатор", 1983, № 20, с. 59.)

АГРЕССИЯ — захватническая война, направленная на передел мира, политическое или экономическое порабощение народов; объявляется основой внешней политики буржуазных государств.

Аналогичные действия коммунистического государства, имеющие целью захват другой страны или лишение его политической независимости, не рассматриваются как А., но именуются "братской помощью". Таким образом, в толковании А. советская идеология исходит не из характера действий государства, а из его социально-политической сущности. В А., квалифицируемой как тягчайшее преступление против мира и безопасности, всегда обвиняются государства с некоммунистическим режимом, руководимые "империалистическими кругами", или страны, "предавшие" интересы международного коммунистического движения и вступающие в "сговор" с "мировой реакцией"; типичный пример — Китай.

СССР обвиняет Запад в проведении захватнической политики во всем мире: в вооруженных нападениях на государства, борющиеся за свою национальную независимость (прямая А.): в подрыве экономической базы стран "третьего мира" (экономическая А.), в стремлении ослабить "социалистическое содружество" средствами политической и психологической экспансии и дискредитации законной власти (идеологическая А.), в террористической деятельности против сил "мира и социализма" (косвенная А.). Одновре-

менно Советский Союз представляется "поборником мира" и "дружбы между народами", решительным противником захвата чужих территорий, политического и экономического закабаления других стран.

Осуждение А. используется коммунистической идеологией исключительно в прагматических целях советского руководства. В период становления СССР отказ от захватнической политики был обусловлен слабостью страны и боязнью иностранного вторжения. Широкая пропагандистская кампания 20-х годов позволила советскому правительству добиться международной поддержки коммунистического режима. Но даже в этот трудный для СССР период советские войска вторглись в Польшу, захватили внешнюю Монголию и, сформировав там марионеточное правительство, положили начало процессу создания государств — сателлитов Москвы. В эти годы советское правительство инспирировало коммунистические перевороты в Германии и Венгрии, проникновение в Финляндию. Только явный провал попыток спровоцировать "мировую революцию" вынудил советских руководителей изменить курс и перейти к программе "построения социализма в одной стране", что явилось в сущности А. против собственного народа: индустриализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства стоили советской России десятки миллионов жизней.

Перевооружив армию и усмирив собственные народы, Советский Союз обратил свои взоры на соседние государства. В 1939—1940 годах советские войска вторглись в Польшу, Финляндию и Румынию, захватив значительную часть их территорий, присоединили к СССР Эстонию, Латвию и Литву. В ходе второй мировой войны СССР стал всемирной империей; в сферу советского политического, экономического и социального влияния попали страны Восточной Европы и Юго-восточной Азии. Советский Союз аннексировал Западную Белоруссию, Западную Украину и Бессарабию, оккупировал Курильские острова и Южный Сахалин.

Экспансионистские акции СССР, совершенные до и во

время второй мировой войны, объяснялись опасностью "капиталистического окружения", посягнувшего на социалистические завоевания; после войны — верностью "интернациональному долгу".

Ударные отряды коммунизма (в советском лексиконе — "прогрессивные силы") рекрутируются либо из просоветских элементов в соответствующих государствах, либо формируются на территории СССР, а затем перебрасываются в нужную страну накануне или в процессе вторжения. Этот метод А. был использован Советским Союзом при аннексии Прибалтики, создании марионеточных правительств в Польше, Чехословакии, Восточной Германии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Албании, Северной Корее. Но не удался — в Финляндии и Югославии.

В 60-е годы, когда движение за социально-политическое обновление, развернувшееся в странах Восточной Европы, поставило под угрозу целостность коммунистической империи, в СССР была пущена в ход доктрина Брежнева "об ограниченном суверенитете социалистических стран", оправдывающая введение войск стран Варшавского военного пакта (по существу советских войск) в любую коммунистическую страну. Предлог защиты "единства" социалистического лагеря и "завоеваний социализма" использовался во всех случаях, когда кремлевское руководство стремилось пресечь любые попытки демократизации коммунистического режима (как это происходило в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г.), уменьшить зависимость от диктата Москвы, добиться гражданских прав, выдвинуть экономические требования (Польша в 1980 г.) и т. д.

Эскалация советского наступления на страны Азии и Африки побудила руководство СССР еще более расширить толкование доктрины Брежнева: оказывается, ограничен суверенитет любой страны, в которой, с советской точки зрения, возникла революционная ситуация. Иначе говоря, суверенитет государства был поставлен в зависимость от главной задачи — защиты "прогрессивных движений". Новый вариант "доктрины Брежнева" позволил советским

руководителям идеологически обосновать вооруженное вторжение в Афганистан. В тех случаях, когда Москва считает невозможным или нецелесообразным непосредственное участие СССР в военных действиях, для защиты советских интересов используются армии стран-сателитов: Кубы, Восточной Германии, Вьетнама (в Южном Йемене, Анголе, Эфиопии, Кампучии).

Постоянно обвиняя Запад в идеологической А. против стран социализма, во вмешательстве во внутренние дела суверенных государств, СССР настойчиво экспортирует коммунистические идеи, используя любые "трещины" в экономической и политической жизни независимых стран. Политика детанта, наведения культурных мостов с Западом позволила Москве создать подпольные идеологические туннели, в которые втягивается молодежь и левая интеллигенция.

Вовлечение стран Западной Европы в советскую орбиту осуществляется с помощью многочисленных торговых соглашений; СССР искусно использует лозунги азиатской солидарности или мусульманского единства (лозунги подкрепляются массивными поставками советского вооружения и техники) для привлечения симпатии и поддержки стран "третьего мира".

Как идеологическая, так и экономическая А. Советского Союза часто являются предпосылкой политических переворотов. Одна из разновидностей советской А. против Запада — поддержка и субсидирование различных террористических организаций и группировок: "Красных бригад" в Италии, "Красной армии" в Японии, банд Бадер-Майнхоф в Германии, Ирландской революционной армии в Англии, палестинских экстремистов на Ближнем Востоке, сандинистов в Никарагуа — всех, кто способен изменить соотношение сил в пользу Советского Союза. Под руководством Москвы террористы проходят обучение в более чем сорока специальных центрах СССР и стран Восточной Европы, сколачиваются в законспирированные, хорошо организованные соединения и бригады. Из разрозненных шаек убийц

и грабителей они превращаются в серьезную оперативную силу с конкретными планами и определенными заданиями. Их конечная цель (на случай готовящейся войны СССР со странами свободного мира) — в назначенное время выйти из подполья и, сея страх и разрушение, помочь советской армии сокрушить независимость западных государств. Пока же Советский Союз ставит перед международным террористическим интернационалом более скромную задачу: подрыв политической стабильности демократических стран. Руками террористов Москва ведет необъявленную третью мировую войну. У террористов есть военные базы, собственная агентура, современное оружие и верховное командование — в Москве.

Таким образом, коммунистическая А. ведется не только против стран свободного мира. Она направлена против самого права человека на жизнь. Мстя всему человечеству, террористы служат СССР, хотя нередко платят им непосредственные заказчики — ливийские, иракские, сирийские и прочие.

ПРИМЕРЫ:

"Агрессия американской и израильской военщины в Ливане приобретает все более широкие масштабы". ("Правда", 15 декабря 1983, с. 5.)

"Агрессия Китая против СССР показала, что пекинские правители в любой момент могут разжечь пожар войны, преследуя свои экспансионистские цели". ("Международная жизнь", 1980, № 1, с. 74.)

"Агрессия США против Гренады несет с собой угрозу безопасности всех стран Карибского бассейна, Латинской Америки, делу мира во всем мире". ("Комсомольская правда", 28 октября 1983, с. 3.)

АКТИВ — советские руководящие работники — сотрудники государственных учреждений и общественных организаций, систематически ведущие идеологическую, организаторскую и хозяйственную деятельность по осуществлению политики партии.

А. официально подразделяется на партийный, советский,

комсомольский, профсоюзный и хозяйственный. Наибольшее значение в жизни страны имеет "партийный А." — члены КПСС, проводящие в жизнь решения партийного аппарата. "Партийный А." — понятие обширное. В него входят ведущие партийные работники, руководители государственных учреждений, ведомств, министерств. Комсомольский, профсоюзный и хозяйственный А. составляют сотрудники, занимающие ответственные должности в этих учреждениях, ведущие постоянную общественную работу.

По значению А. близок понятию "номенклатура", но не адекватен ему. Вся партийная, хозяйственная, комсомольская, профсоюзная и военная номенклатура страны входит в состав соответствующих активов. Однако не весь А. представлен в номенклатуре: в нем есть немало людей, партийных и беспартийных, не пользующихся ни правами, ни благами номенклатуры.

Время от времени в Советском Союзе проводятся совещания различных А., на которых оглашается информация о постановлениях руководящих органов партии (съездов, конференций, пленумов ЦК) и принимаются решения по их выполнению. Заседаниям А. придается (внешне) демократическая форма. Однако даже здесь выступают лишь заранее подготовленные ораторы; они неизменно одобряют решения партии и берут на себя заранее оговоренные обязательства. Порядок проведения совещаний А. строго регламентирован: вначале проводятся республиканские совещания, "единодушно одобряющие" решения партии, затем созываются областные, городские и районные А., использующие резолюции предыдущих. По завершении работы А. устраиваются партийные собрания, на которых объявляются о принятых решениях.

Искусственное выделение в А. части членов партии, их предварительная обработка дают Политбюро дополнительное средство манипулирования основной массой партии, одурачивания народа.

ПРИМЕРЫ:

"Агитационный актив призван еще предметнее выявлять обще-

ственное мнение, настроения людей". ("Агитатор", 1983, № 22, с. 2.)

"Партийным организациям этих хозяйств, их активу, агитаторам необходимо поправить положение, привести в действие резервы увеличения выпуска продукции ферм". ("Агитатор", 1983, № 5, с. 18.)

"Новаторы — это наш актив, который действует на стыке теории и практики". ("Правда", 11 мая 1978, с. 2.)

АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ — участие в различных формах социальной жизни, навязываемое советскому человеку коммунистической моралью и предполагающее "добровольное" возложение им на себя большей меры ответственности, чем того требуют принятые в обществе нормы и правила.

А. ж. п. предписывает безусловное выполнение гражданского долга, пропагандирует сопричастность личности общественным интересам и бескорыстное служение государству: динамичное участие в производственной жизни, насаждение и утверждение в обществе партийных идей. Такая нравственная установка, вытекающая из идеологии А. ж. п., предполагает, что сфера интересов человека, его способности и деятельность концентрируются в одном направлении — исполнение директив партии. Советские люди обязаны иметь одну единственную общественную позицию — борцов за коммунизм, а следовательно, — быть проводниками политики коммунистического руководства. Любая другая жизненная позиция — неприятие тоталитаризма, критика устройства советского общества, борьба за его обновление — заранее исключается. Так, формально допуская свободу выбора, философия А. ж. п. исключает какой-либо выбор.

Требование А. ж. п. по своему содержанию близко к традиционным императивам советской этики: постулатам идейности, коммунистической сознательности, гражданской ответственности, приоритета общественных интересов над личными.

Понятие А. ж. п. введено в языковой обиход после

XXV съезда КПСС. Это была попытка обновить омертвевшие установки советской этики, обусловленная реальными переменами в советском массовом сознании, переменами которые стали особенно ощутимы в 60—70 гг.: безразличие к официальной идеологии и общественной деятельности, политический скептицизм, неверие в эффективность и гуманизм партийной политики. Социальная пассивность советского человека, утратившего коммунистические иллюзии и доверие к советской системе, выражалась в стремлении уйти в частную жизнь, лишь формально выполняя налагаемые на него обязанности.

Вместе с политическим скептицизмом и равнодушием во всех слоях советского общества стала распространяться неприкрыто потребительская психология, желание любым путем (законным или незаконным) обеспечить собственное благосостояние. Однако в советском обществе право на материальные блага имеет лишь правящая элита. Интерес к ним рядового советского человека опасен для режима: он влечет за собой требования об улучшении благосостояния всего общества. Кроме того, уход человека в сферу личной жизни предполагает известную свободу от официального мировоззрения.

Коммунистическая идеология тоталитарна. В своем стремлении сохранить духовный и нравственный контроль над личностью она не может допустить даже той малой доли личной свободы, которая вообще возможна в советских условиях. И пропаганда старается внушить массам, что служение государству, активное отношение ко всему, что происходит в обществе, важнее "жалкого" личного счастья. Поэтому уход в частную жизнь жестоко осуждается, представляется проявлением чуждых коммунизму мещанского эгоизма и индивидуализма.

Параллельно с ростом потребительских тенденций в советском обществе — 70—80 гг. усилился процесс брожения — поисков социальных и моральных ценностей вне рамок советской идеологии. Возникли такие формы неофициальной духовной деятельности, как национальные и религиоз-

ные движения, диссидентство. Советский человек, особенно молодой, открыл для себя новые сферы социальной активности, представляющие потенциальную опасность режиму. Осознав это, официальная пропаганда принялась доказывать, что и в рамках коммунистической действительности есть место для духовного поиска и активной нравственной позиции.

Стремясь замедлить эрозию идеалов советского общества, власти попытались законсервировать привычные стереотипы мышления (и поведения) советского человека: веру в коммунизм, некритическое приятие партийной политики, социальный конформизм. Этим целям и призван служить советский миф об А. ж. п.

В самом деле, если А. ж. п. — сознательно и свободно выбранная модель социального поведения личности, то она не имеет ничего общего с искусственно навязанными человеку нормативами, отчужденными от него и враждебными ему. Однако на практике речь идет не о добровольном служении обществу, а всего лишь об иллюзии политической и общественной активности. С помощью этой иллюзии партия стремится управлять массовым сознанием, пытаться (без особого успеха) направить активность советских людей в верное русло партийной идеологии, дискредитировать все иные формы духовной и социальной деятельности, справедливо усматривая в них угрозу стабильности коммунистического режима.

ПРИМЕРЫ:

“Активная жизненная позиция утверждается в борьбе за коммунизм. Она предполагает высокую политическую сознательность, беззаветную преданность социалистической Родине, верность интернациональному долгу, воплощается в целеустремленной борьбе за претворение в жизнь планов партии”. (“Партийная жизнь”, 1979, № 10, с. 15.)

“Активная жизненная позиция — это непримиримое отношение к врагам социализма, к любым отступлениям от принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Она закаляется в борьбе с буржуазной и ревизионистской идеологией, пере-

житками частно-собственной психологии, с антиподами коммунистической морали". ("Коммунист", 1979, № 8, с. 28.)

"Знание революционной теории, политики партии должно превращаться у советских людей в убеждение, активную жизненную позицию борца за коммунизм, против любых проявлений чуждой идеологии, в руководство к действию для решения актуальных проблем развитого социализма". ("Партийная жизнь", 1979, № 10, с. 7.)

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО (разговорный вариант — "анонимка") — донос или жалоба, направляемые в советские партийные, государственные или общественные организации без указания фамилии и адреса автора.

А. п. как социальное явление получило в СССР распространение в конце 20-х — начале 30-х годов, в период массового террора: физического уничтожения оппозиции, фабрикации судебных процессов над "врагами народа". Кровавые "чистки", сопровождавшиеся постоянными призывами к "бдительности" и искоренению благодушия, к борьбе с диверсантами, шпионами и "внутренней" контрреволюцией, создавали в стране атмосферу всеобщей подозрительности. Многие люди, ощущая постоянную угрозу самому своему существованию, пытались найти спасение, самоутвердиться в доносительстве. Они вели себя настолько же аморально по отношению к обществу, насколько общество — по отношению к ним. Но доносительство становилось и нравственным долгом советского человека. А. п. писали и те, кто верил в непогрешимость коммунистических идеалов, и те, кто надеялись с их помощью спасти себя, переведя опасность на соседа или приятеля и, конечно, те, кто просто сводил личные счеты.

Анонимность писем не только охраняла их авторов от мести или презрения знакомых и родственников репрессированных. Еще важнее было другое: признание самого факта каких-то связей с "неблагонадежными элементами" могло повлечь за собой арест, ибо органы государственной

безопасности рассматривали всех граждан как потенциальных преступников. Используемый властями метод был прост: сначала намечалась жертва, а уже потом под нее подбирались статьи уголовного кодекса. Тогда-то и возникла печальная мудрость: "Был бы человек, а статья найдется".

Работа карательных органов четко планировалась. Заранее составлялся список людей, подлежащих репрессиям, с обязательным указанием точных календарных сроков. В соответствии с общими правилами, план полагалось перевыполнять: в текущем месяце должно было быть арестовано больше, чем в предыдущем, и меньше, чем в следующем. Выполнение плана по арестам "врагов народа" во многом зависело от количества А. п., которые считались достаточным основанием для ареста и доказательством преступления. Массовое доноительство позволяло советским властям делить все население страны на две категории: на тех, кто находится в заключении, и тех, кого еще предстоит осудить. Не имело значения, какое именно преступление совершил человек (и совершил ли он его вообще), соответствует ли преступлению наказание. Было важно создать и закрепить в общественном сознании ощущение, что любой человек виноват перед государством. Как только коммунистическая партия подходила к очередному изгибу своей "генеральной линии" или приступала к новой политической реорганизации, в органы государственной безопасности устремлялся поток А. п., на базе которых возникала новая волна массовых арестов.

В то же время А. п. в какой-то мере раскрывают особенности "советского образа жизни": социальную индифферентность, беспринципность, взяточничество, карьеризм, продажность — сверху донизу.

В 50-е годы, после смерти Сталина, А. п. стали реже рассматриваться как основание для ареста и доказательство преступления. Однако они по-прежнему используются властями и обычно служат поводом для расследования. Поэтому как социальное явление, порожденное коммунистическим строем, А. п. продолжают играть свою роль.

Интенсивность их появления и распространения определялась историческим этапом развития государства и характером очередной агитационной кампании: борьбой с пьянством или "очковтирательством", походом против нарушителей "социалистической законности" или дисциплины труда и т. д.

Советская пропаганда объясняет наличие А. п. недостатками (конечно же, "отдельными") в работе тех или иных коллективов: плохой постановкой воспитания, слабостью партийной организации и пр. По существу, однако, А. п. свидетельствуют о социальной порочности всего коммунистического общества. Отсутствие независимой прессы, гласности, неограниченная и бесконтрольная власть бюрократического аппарата побуждают советских людей использовать А. п. как своеобразное средство социального приспособленчества, защиты от тоталитарного режима.

Система анонимной критики удобна и фактически необходима властям. Информация о скрытых сторонах деятельности граждан дает ей дополнительное оружие. Время от времени предпринимаются какие-то шаги для устранения особенно вопиющих нарушений. Это создает иллюзию заботы партии о народе.

Поощрение системы А. п. позволяет советским руководителям постоянно держать общество в зоне своего наблюдения, дает им важные сведения о настроениях и интимной жизни людей. Это существенно расширяет возможности контроля, позволяет режиму пользоваться услугами не только профессиональных, но и добровольных осведомителей.

ПРИМЕРЫ:

"В процессе проверки в большинстве случаев факты, указанные в анонимных письмах, не подтверждаются, и это оборачивается против самих анонимщиков". ("Бакинский рабочий", 4 февраля 1984, с. 4.)

"Экономьте бумагу: не пишите анонимок". ("Литературная газета", 1 декабря 1982, с. 26.)

”Но для авторов анонимок победа – это не торжество справедливости, да что там – элементарной добропорядочности...” (“Бакинский рабочий”, 13 августа 1980, с. 2.)

АНТИКОММУНИЗМ – философия и политика, используемые противниками марксизма в борьбе с этой идеологией.

Советская пропаганда прибегает к термину А. при характеристике самых различных, а иногда и прямо противоположных концепций. Так, к этой категории относят идеи, содержащие критический анализ теоретического наследия Ленина и не признающие его притязаний на единственно верное и окончательное истолкование марксизма. А. объявляются и экономические теории, доказывающие, что марксистский подход устарел и неприменим при решении проблем современного индустриального общества, или объясняющие неэффективность экономической системы СССР, а также любые этические и религиозные учения, противоречащие антигуманистической сущности тоталитаризма. А. – это и всякая политическая и общественная деятельность, не соответствующая целям и интересам советского руководства или направленная против распространения коммунистического режима: отказ от поддержки инспирируемых коммунистами ”освободительных” движений, кампаний ”борьбы за мир”, ”за разоружение” и т. д. Под понятие А. подводится и национализм.

В основе яростных атак против А. (как и всех других видов инакомыслия) лежит паническая боязнь любой критики режима, стремление изолировать народ от внешнего (особенно свободного) мира, уберечь его от ”глетворного” влияния Запада.

Слово А. нередко используется в сочетании с определениями типа ”беспринципный”, ”махровый”, ”оголтелый”, что способствует созданию в обществе стойкого стереотипа А., как олицетворения реакционности, мракобесия и чело-веконенавистничества.

Постоянное возвеличение ”классического” марксизма позволило советской пропаганде превратить А. в жупел,

в эффективное средство политической и нравственной дискредитации критиков советского режима. А. служит своеобразным сигналом, приводящим в действие сложную знаковую систему нравственных и психологических ассоциаций, идентифицирующих А. с империализмом, фашизмом, сионизмом и т. д.

Советские власти стремятся убедить массы в том, что сохранение существующего в СССР правопорядка, стабильности и благополучия общества требуют решительной борьбы с антикоммунистической пропагандой и деятельностью. Это позволяет партии выступать в роли "спасителя" нации, оправдывать прошлые и настоящие преступления режима необходимостью противостоять А.

Борьба с А. — не только основа советской идеологии, это и элемент реальной политики властей по отношению к собственному народу: любое несогласие с руководством объясняется проявлениями антикоммунистических тенденций.

Страх перед А., пронизывающий все стороны официальной советской идеологии, порожден неспособностью коммунизма как идеи и как социальной действительности противостоять демократии, ее духовным ценностям, экономической и общественной практике.

ПРИМЕРЫ:

"Политика антикоммунизма обречена на провал". ("Партийная жизнь", 1983, № 11, с. 72.)

"Антисоветизм и антикоммунизм превращены в инструмент подстегивания гонки вооружения, в орудие борьбы не только против СССР и других стран социалистического содружества, не только против коммунистов, но и против всех противников войны, миролюбивых сил, в средство подрыва разрядки". ("Партийная жизнь", 1980, № 13, с. 8—9.)

"Мы должны быть бескомпромиссными в борьбе идей, активно разоблачать антикоммунизм, решительно выступать против любых отголосков чуждых взглядов". ("Литературная газета", 22 апреля 1981, с. 1.)

АНТИСЕМИТИЗМ — национальная и расовая нетерпимость к евреям, представляемая коммунистической идеологией в качестве одного из средств борьбы эксплуататорских классов против революционного движения.

В соответствии с утверждениями советской пропаганды, в СССР полностью ликвидирована социальная и политическая база А. После Октябрьской революции евреям были официально предоставлены те же права, что и всем другим нациям. Были отменены правовые ограничения, установленные для них царским правительством, ликвидированы черта оседлости и процентная норма при приеме в учебные заведения и на работу. В общем потоке антирелигиозной борьбы первых лет нападки на иудаизм не воспринимались как проявление А. Более того, вожди коммунизма, добивавшиеся мировой революции, выступали против А. масс. Не имея достаточной поддержки в среде русской интеллигенции, советский режим стремился привлечь на свою сторону евреев, оказавшихся вне привычной национальной среды. И хотя основная масса традиционного еврейства не принимала участия в коммунистическом перевороте и даже была враждебна ему, ассимилированные евреи активно поддержали новый режим. Они составили (к 1922 г.) более 5% членов коммунистической партии и 26% ее Центрального комитета. Многие важнейшие в стране посты занимали евреи: Троцкий — глава Красной армии и второй после Ленина политический лидер, Свердлов — руководитель советского государства, Зиновьев — председатель Комитерна и наместник во второй столице России — Петрограде, Каменев — заместитель Ленина по Совнаркому...

В имперской стране с ее тяжелым наследием антисемитизма этого было вполне достаточно, чтобы спровоцировать новые антиеврейские настроения. При этом, однако, не следует сводить, а тем более отождествлять поднимавшийся советский А. с традиционным российским.

А. царской России был регламентированный: он жестко определял права евреев. Процентная норма для поступления

в гимназии и университет, черта оседлости — все эти ограничения, несомненно, унижали и оскорбляли достоинства еврейского населения, ограничивали возможности его национального самовыражения, но вместе с тем не вели к разрушению еврейской культуры и насильственному отказу от самобытности. Не носили они и расового характера — принятие христианства в существенной степени возвращало еврею гражданские права: он мог стать офицером, получал возможность владения земельной собственностью и т. д.

Нарождавшийся советский А. был предвосхищением нацистского — в нем отчетливо угадывалась и проявлялась биологическая сущность. Ни вступление в партию, ни отказ от веры предков не защищали и не защищают еврея в Советском Союзе от дискриминации — перед ним глухо остаются закрыты ряд учебных заведений страны (Институт международных отношений, Дипломатическая академия, Институт внешней торговли), а в других, негласно, но четко определена процентная норма. Такие же процентные ограничения существуют и при приеме на ответственную работу.

Поначалу — с 20-х годов — рост А. был связан с процессом интеграции евреев в советском обществе и с теми общими трудностями, которые переживало население в процессе "строительства коммунистического общества". Лишения, голод, политические репрессии, ломка традиционного уклада жизни ассоциировалась в народных низах с деятельностью евреев-большевиков. Активная деятельность евреев-предпринимателей в годы НЭПа тоже вызвала в народе отчуждение и неприязнь. Еврей в сознании русского или украинца стал ассоциироваться с ростовщиком, купцом, торговцем.

Наличие в советском государственном и хозяйственном аппарате значительного числа евреев породило уверенность, что только евреи выиграли от революции. Приток евреев в учебные заведения, в науку, технику и промышленность создавал представление о засилии евреев во всей экономической и общественной жизни. Политика коммунистов — индустриализация, чекистские репрессии против "классовых

врагов”, насильственная коллективизация и преобразования в деревне, приведшие к голоду на Украине, в Поволжье и Казахстане, — все это оборачивалось усилением ненависти к евреям. Не только к тем, которые действительно были причастны к этой политике, но ко всем. Какое-то время возродившийся А. низов, смыкавшийся с неприязнью к коммунистам, вызывал беспокойство властей. Пропаганда была вынуждена разъяснять массам вред А., его несовместимость с принципами коммунистического интернационализма. Был принят даже специальный закон, карающий за А.

Однако в 30—40 годы борьба с А. была ослаблена. В конце 1925 года на XIV съезде партии Сталин произвел диктаторский переворот, навсегда отстранив от власти доминировавшую раньше еврейскую группу — сначала Троцкого, а затем Зиновьева и Каменева. Тогда, однако, это не воспринималось ударом по евреям: борьба как будто велась только с оппозицией, и дело касалось лишь идейных разногласий. Кроме того, человек, захватывающий власть, был грузином, и в отстранении евреев-большевиков трудно было усмотреть проявление русского шовинизма.

Когда к власти в Германии пришел Гитлер, Сталин, предвидя возможность столкновения с ним, не хотел возбуждать враждебность к себе еще и еврейского мира. Поэтому устранение евреев на вершине власти не распространилось вниз; в довоенные годы евреи по-прежнему занимали многие важные посты в правительстве: наркомов, членов коллегии наркоматов, членов центральной ревизионной комиссии партии. Однако именно с Гитлером связана первая массовая волна советского официального антисемитизма.

В период сближения Сталина с Гитлером (вплоть до нападения Германии на СССР в июне 1941 г.) всякие упоминания в прессе об А. и антисемитской политике фашистов не допускались. К этому времени относится и усиление в Советском Союзе великодержавных настроений, выразившихся, в частности, в пропаганде превосходства русского народа над другими народами. Эти тенденции стали питательной почвой для А; началась ликвидация еврейских школ, прово-

дидлись массовые репрессии против еврейской религиозной интеллигенции.

После окончания второй мировой войны антисемитские настроения появляются уже не только как А. низов, но и как элемент государственной идеологии. Из "пережитка прошлого" А. превратился в важный компонент советской политики. В 1948 г. были закрыты все еврейские организации, театры, издательства; ведущие деятели еврейской культуры были арестованы и расстреляны. В 1949 г. в СССР развернулась кампания исключения из партии и изгнания из общественной и научной жизни "космополитов", 80% которых составляли евреи. Вводятся жесткие ограничения при приеме евреев на работу и в высшие учебные заведения. Эти распоряжения партийного аппарата никогда открыто не публиковались и доводились до сведения нижестоящих инстанций по служебным каналам — с помощью закрытых писем, инструкций, доверительных бесед.

Сталин обдумывал план полного уничтожения евреев. В январе 1953 г. было сфабриковано дело девяти врачей, из которых шесть были евреями. Арестованные обвинялись в государственном заговоре, в убийстве руководителей партии и правительства. Был срочно инспирирован "гнев народа", который должен был стать отдушиной для населения: все неудачи властей и лишения послевоенных лет решено было свалить на евреев.

Смерть Сталина приостановила готовившуюся депортацию евреев на Дальний Восток и в Сибирь, но не привела к их социальной реабилитации. Процентная норма при приеме евреев в высшие учебные заведения и на работу сохранилась. Не была возобновлена деятельность еврейских школ, театров и издательств.

В начале 60-х годов в СССР произошли многочисленные "экономические процессы", широко освещавшиеся в прессе. Евреи не были ни единственными, ни главными участниками подпольного бизнеса. Однако советская пропаганда использовала эти процессы для нагнетания антисемитских настроений. В фельетонах евреи неизменно выставлялись

злостными расхитителями государственной собственности, экономическими диверсантами, спекулянтами, взяточниками и валютчиками.

После победы Израиля в Шестидневной войне советские власти приступили к методической антиизраильской пропаганде, которая попала на благоприятную почву традиционного антисемитизма. Газеты, радио и телевидение развернули погромное наступление на "мировой сионизм". Советскому человеку стала внушаться мысль о связи сионистского движения в СССР с инакомыслием, диссидентством и антисоветизмом. Враг, внутренний и внешний, обрел, наконец, общие черты — сионистские. Советский еврей превратился в пособника империализма и идеологического диверсанта.

Почему? — возникает вопрос. В чем и каковы истоки советского антисемитизма 80-х годов? Эпохи, когда государственный антисемитизм практически изжит во всех цивилизованных странах. Коммунисты, как уже отмечалось, охотно и успешно использовали евреев в период становления режима, когда не хватало квалифицированных кадров для хозяйственного, партийного и государственного управления. Деклассированные, но образованные еврейские массы в ту пору были важной социальной основой нового государства. Впоследствии, когда на волнах террора сформировались собственно коммунистические кадры, жадно рвущиеся к власти, появилась необходимость расчистить для них престижное жизненное пространство. И А. становится удобным (и к тому же популярным) средством "чистки". При этом выяснилось, что большевикам не удалось полностью подавить и погасить бродильный элемент, исторически сложившийся в еврейском характере — евреи составляли значительный процент в многочисленных оппозиционных группах, пытавшихся противодействовать сталинской тирании. И их стали постепенно, но последовательно выталкивать из системы власти. И наконец, коммунисты быстро поняли, что А. является удобным идеологическим громоотводом. Дать элементарные права народам было невозможно — они узурпированы коммунистами; предоставление свободы

таило опасность существованию режима, созданию избытка мешала плановая и централизованная система хозяйства. Так что только и оставалось советским руководителям играть на примитивных инстинктах и темных предрассудках антисемитизма, заглушая этой игрой народное недовольство: всегда существовала надежда в Кремле (или иллюзия), что на фоне абсолютного унижения евреев не столь очевидным будет бесправие и несчастная участь остальных наций советской империи.

Откровенные проявления А. в советской политике (при публичных заявлениях о том, что в СССР нет ни А., ни причин, его порождающих), массированная антиссионистская, а по существу антиеврейская пропаганда привели к возрождению национального самосознания советских евреев. Движение еврейского протеста выразилось в стремлении изучать еврейскую культуру и историю, в борьбе за выезд в Израиль. Эмиграция евреев привела к новому взрыву А. на разных уровнях. Оскорбленное великодержавное самолюбие не желало понимать и принимать философию евреев, покидающих страну, в которой они родились и выросли.

Современный советский А., таким образом, служит как внутренним, так и внешним политическим целям советского руководства. Во внутренней политике он используется в традиционном механизме поиска "козла отпущения", помогая направлять недовольство масс в выгодное партии русло. Во внешней (в облике "борьбы с сионизмом") — помогает СССР усиливать свое влияние в арабских странах. И еще одно соображение: разрешение на эмиграцию стало разменной монетой в торговых отношениях с Западом.

ПРИМЕРЫ:

"Реальная действительность всецело опровергает клевету пропаганды Запада о существовании "официального антисемитизма" в СССР". ("Новое время", 1983, № 46, с. 26.)

"Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного

пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строгойше преследуется антисемитизм как явление глубоко враждебное советскому строю". (Молотов В. М. Конституция социализма, 1936, с. 27; из ответа И. В. Сталина 12 января 1931 г. на запрос Еврейского телеграфного агентства.)

"Сионистская пропаганда, ее средства массовой информации, сионистские центры, подобные "Национальной конференции", не жалуют ни сил, ни средств на раздувание лжи о якобы существующем в СССР антисемитизме". ("Огонек", 1983, № 47, с. 23.)

АНГИСОВЕТИЗМ — идеология и деятельность, несовместимые с политическими установками и социальными целями Кремля.

В философском обрамлении А. представляется одной из форм классовой борьбы, направленной против экономических и политических основ советского государства, его морали и культуры. В советской интерпретации А. имеет целью с помощью клеветы и фальсификации исторического опыта ослабить влияние и авторитет СССР в современном мире. Приспосабливаясь к меняющимся условиям и ситуациям, постоянно меняя свои формы и облик, он, однако, сохраняет неизменной свою антикоммунистическую направленность. В духовном плане развитие А. представляется в виде спирали: от "клеветы" и распространения "утонченных" и "лживых" вымыслов о социальном устройстве Советского Союза — к политике идеологических диверсий. В политическом — отождествляется с подрывной деятельностью, с угрозой войны и интервенции.

В советской интерпретации А. никогда не проявляется "в чистом виде", вне связи с "враждебными" СССР идейными течениями и "антикоммунизмом". При этом внимание акцентируется на гносеологической природе понятия А. Напротив, социальная сущность явления тщательно вуалируется, поскольку критика Советского Союза — его государственного устройства и политики, деятельности его руко-

водства — не обязательно связана с отношением к коммунизму.

Советская пропаганда выделяет разновидности А., каждая из которых будто бы маскирует и мистифицирует его подлинные причины, мотивы и цели.

1. Буржуазный А. Его социально-политическая функция — доказать превосходство капитализма над коммунизмом. Специализируется на превратном истолковании внешней политики Кремля, искажении процесса экономического развития СССР, клевете на советскую демократию и т. д. По утверждениям советской философии, эта форма А. отражает состояние современной западной идеологии, охваченной глубоким кризисом и пытающейся скрыть от трудящихся историческую обреченность капитализма.

2. Реформистский А. Его цели, утверждает советская пропаганда, те же, что и буржуазного А. — защита капитализма. Однако он использует иные средства — социалистическую фразеологию (в советском определении — "лжесоциалистическую"). Реформистский А. наиболее опасен, ибо из него следует, что проблемы СССР можно быстро и эффективно решить без революции, без коренных изменений социально-политической системы.

3. Троцкистский А. Искажая его сущность, советская идеология изображает его сторонников врагами коммунизма. В действительности к "классическому" коммунизму они ближе, чем советские руководители. Их изгнание из рядов "мирового коммунизма" было обусловлено именно тем, что они утверждали: в СССР нет ни коммунизма, ни власти советов. На этом и строились пессимистические прогнозы троцкистов относительно перспектив развития Советского Союза, их неверие в возможность построения в СССР "бесклассового общества".

4. Маоистский А. — новое понятие в советской идеологии, вызванное к жизни многолетней борьбой между СССР и Китаем за гегемонию в мировом коммунистическом движении. Китайским коммунистам, знакомым с советским "опытом" изнутри ("старший брат" интенсивно насаждал

его в Китае в 40—50-х годах), удалось развенчать и скомпрометировать советскую систему так глубоко, основательно и разносторонне, как не смогли за многие десятилетия многообразные и пестрые течения антикоммунистической мысли на Западе. Стремясь (безуспешно) "отлучать" Китай от "коммунистического движения", советская пропаганда закрепила за китайскими руководителями ярлык "антисоветчиков". В вину им ставится намерение расколоть "социалистическое содружество", подорвать "антиимпериалистический фронт", ослабить национально-освободительное движение и т. д.

5. Праворевизионистский А. (как и троцкистский, и маоистский) относится к "семейной" критике коммунизма — критике, идущей из рядов самого коммунистического движения. Если троцкистский А. атакует советские порядки "слева", отстаивая ортодоксальные догматы марксизма-ленинизма, то праворевизионистский А. срывает социалистические маски с советской системы, апеллируя к понятиям демократии и либерализма. Это дает советской идеологии основания обвинять ревизионистский А. в намерении реставрировать капитализм в социалистических странах. Ему ставится в вину извращение советского опыта, отрицание ведущей роли пролетарской партии в революционном процессе и т. д.

6. Сионистский А. — конструкция совершенно искусственная, умозрительная, ибо в сионизме нет ни антисоветского, ни антикоммунистического содержания. Сионистский А., в отличие от других его форм, характеризуется не только в плане идеологическом, но представляется как движение, стремящееся перевести "войну идей в практическую плоскость". Сионистскому А. инкриминируются попытки отвлечь мировое общественное мнение от агрессивных маневров империализма на Ближнем Востоке, ослабить "революционирующее" влияние Советского Союза, посеять сомнения в миролюбивой внешней политике СССР и пр. При этом сионистский А. отождествляется с фашизмом с тем незначительным различием, что на место

культы исключительности арийской расы ставится культ "избранного Богом народа".

Истоки острой неприязни советской пропаганды к сионизму и явного страха перед ним во многом обусловлены общим возрождением в советском государстве националистических идей и настроений, разрушивших миф о появлении в СССР "новой исторической общности людей — советского народа".

Концептуализация различных форм А. в последние годы вызвана стремлением властей скрыть действительные причины распространения антисоветских идей и взглядов, затушевать тот очевидный факт, что советская действительность сама порождает и инспирирует А., подталкивая общественное сознание к пониманию природы тоталитаризма.

Между тем антисоветская деятельность, вопреки целому комплексу фикций, которыми ее окружили, не может считаться антигосударственной, ибо полностью соответствует правам граждан, записанным в конституции СССР. Чтобы дискредитировать духовную оппозицию, коммунистическому режиму выгодно представлять ее антиобщественной, антикоммунистической, антинародной. В соответствующем социальном ракурсе рисуется и облик антисоветчика — "отщепенца", порвавшего с коммунистической идеологией и моралью, жалкого и ничтожного авантюриста, не имеющего устоев и опоры в советском обществе, подпавшего под влияние буржуазной пропаганды.

Идеологическая маска А. призвана скрыть то обстоятельство, что неприятие советского режима вовсе не свидетельствует о враждебном отношении к СССР или его народам, а порождено реальными процессами в самом советском обществе и эволюцией мирового демократического движения, не желающего мириться с тоталитаризмом в любой упаковке.

ПРИМЕРЫ:

"Мы предупреждаем тех, кто сеет зерна антисоветизма. Они выращивают позорный плод". ("Известия", 1 февраля 1981, с. 5.)

”США делают ставку на углубление антисоветизма в Китае. А что если этот антисоветизм в свою очередь не более чем разменная карта в игре на перевооружение, которую ведет сейчас Китай?” (“Литературная газета”, 5 августа 1981, с. 14.)

”Дело в том, что упомянутые корпорации давно снискали себе сомнительную славу одного из самых назойливых и нечистоплотных рупоров антисоветизма”. (“Правда”, 29 сентября 1979, с. 5.)

АПОЛИТИЧНОСТЬ — уклонение, действительное или мнимое, от участия в политической деятельности или общественной жизни, используемое (в советском представлении) определенными кругами или людьми для сокрытия и оправдания своих эгоистических интересов.

Предполагается, что в советском обществе, в условиях ”морально-политического единства народа”, для А. просто нет места. Советские люди обязаны всегда проявлять политическую активность, единодушно участвовать в общественной жизни организуемой и направленной КПСС. Отказ или уход от политической деятельности такого рода — участия в партийных и комсомольских собраниях, производственных совещаниях, демонстрациях, митингах и т. д. — воспринимается, как поправление важнейших устоев советского общества.

Под понятие А. в СССР часто подводятся и самые различные явления культурной жизни: объективный научный анализ, абстрагирующийся от партийных директив, непредубежденное — вне узких рамок социалистического реализма — художественное изображение действительности и т. п.

В 30—40-е гг. А. квалифицировалась как уголовное преступление. В 70-е и начале 80-х гг. обвинение в А. обычно влекло за собой административные меры: исключение из партии, изгнание из творческого союза, лишение почетных званий и наград. При тоталитарном строе все это ставит человека вне общества и обрекает его на голодное и бесправное существование.

Преследуя граждан за А., власти в СССР принуждают людей участвовать в насильно навязанных им формах обще-

ственной жизни. Тем самым достигается вынужденная сопричастность каждого к происходящему, общая ответственность (круговая порука) за преступления режима – важное условие его стабильности.

ПРИМЕРЫ:

“...современный коммунизм стремится использовать развивающиеся ныне в широких масштабах экономические, культурные, научно-технические контакты между ПНР и капиталистическими странами в качестве каналов для проникновения антисоциалистической идеологии, для стимулирования собственнических инстинктов, аполитичности и других чуждых нашему обществу наслоений” (“Проблемы мира и социализма”, 1979, № 6, с. 24.)

“Каждый военнослужащий, и прежде всего офицер, должен быть зорек и непримирим к любым проявлениям аполитичности...” (“Коммунист Вооруженных Сил”, 1984, № 3, с. 31.)

АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ – формирование атеистического мировоззрения, решительного неприятия религии и религиозного образа жизни.

А. в., как и коммунистическое воспитание вообще, охватывает людей всех возрастов – от дошкольного до пенсионного. Оно рассматривается партией в качестве одной из важнейших задач пропаганды: атеизм в СССР является не только официальной государственной доктриной, частью марксистско-ленинского учения, он должен стать и личным убеждением каждого советского человека. Без этого невозможна достаточно глубокая вера в коммунизм.

После Октябрьского переворота большевики, провозгласив свободу вероисповедания и отделение церкви от государства, объявили религию опиумом для народа, “пережитком прошлого” в сознании людей. Пережитком, который по Марксу, будет исчезать по мере развития социализма. Большая роль в ускорении этого процесса была отведена А. в.

На практике А. в. началось с насилия. В первые годы советской власти была насильственно закрыта большая

часть церквей, синагог, мечетей; конфисковано религиозное имущество и ценности. Служители культа объявлялись контрреволюционерами, врагами народа, многие из них были репрессированы.

Закрепив в 1919 году законодательным порядком право граждан СССР исповедовать любую религию, т. е. свободу совести, советская власть сохранила за собой право вести борьбу с религией любыми средствами.

Провозгласив отделение церкви от государства, коммунисты тем не менее поставили ее под свой административный и финансовый контроль. Священнослужители стали назначаться и утверждаться советскими органами. Жизнь церкви и ее отношения с верующими подвергались строгой цензуре: из проповедей удалялось все, что считалось критикой советского строя; служителям культа была запрещена благотворительная деятельность; прекратилось издание и распространение религиозной литературы.

Военные средства борьбы с религией и верующими сочетались с мирными. Ленин требовал, чтобы А. в. было непримиримо к любым проявлениям религиозных предрассудков. В то же время и он, и его преемники понимали опасность крайних форм антирелигиозной пропаганды. Поэтому время от времени партийные съезды принимали постановления, направленные против "искажений" партийной линии в области борьбы с религией (1929), их участники критиковали ошибки в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения (1954).

А. в. рассматривается в Советском Союзе как сражение за человека с "передовых позиций мировоззренческой борьбы" (Ленин). Это "сражение" ведется самыми различными средствами: с помощью репрессий и научно-популярной атеистической пропаганды, лекций, радиопередач, антирелигиозных обществ, занимающихся популяризацией атеизма и "разоблачениями" религии, специальных брошюр и журналов, подмены религиозных праздников "социалистическими"...

Формально коммунистам удалось снизить число верующих в СССР с 80% в 1917 г. до 20% — в 1978 г. Однако

уменьшение числа верующих (главным образом в довоенный период) объясняется не достижениями А. в.: серые и скучные атеистические лекции никого не убеждают и, конечно же, не воспитывают. Атеизм насаждается в СССР с помощью политического террора, устрашений и гонений. Успехи в этой области связаны и с усовершенствованием техники манипулирования психикой, превращающей человека в существо, настолько интегрированное в социалистическом обществе, что для него принятие иной веры, кроме марксистской, становится почти невозможным.

Тоталитарный режим стремится уничтожить любые силы (в том числе и религиозные), которые способны влиять на массовое сознание. За верующими (так сформулировано в советской конституции) признается свобода "отправления религиозного культа", но исключается свобода религиозной "пропаганды". Однако власть идет дальше, принуждая верующих участвовать в осуществлении коммунистического идеала — создании иллюзорного общества земного благополучия, в котором нет места Вере и Богу.

И тем не менее в тоталитарном государстве, где идейная жизнь общества полностью унифицирована, религия остается единственной полулегальной духовной и концептуальной альтернативой коммунизму. В этом — ее сила, а значит и бессилие А. в.

В 80-е годы отмечено возрождение религии, обращение к ней значительной части населения СССР. Усиливается влияние баптистов, униатов, православных, а так же римо-католиков (Литва), оживляется в славянских республиках деятельность пятидесятников. При этом рост религиозного самосознания переплетается с усилением национальных чувств и правозащитных движений. Отсюда — яростные призывы властей к усилению борьбы с духовным "закрепощением", к улучшению и совершенствованию атеистической пропаганды и А. в.

ПРИМЕРЫ:

"Эффективность атеистического воспитания зависит от того, в

какой обстановке оно проводится, насколько полно используются средства идейного влияния на людей". ("Агитатор", 1983, № 6, с. 60.)

"Если наука обращает внимание на необходимость тесного взаимодействия атеистического и интернационального воспитания, то наши идейные противники одержимы заботами противоположного свойства". ("Наука и религия", 1979, № 9, с. 82.)

"Кроме того, буржуазным пропагандистам хотелось бы, чтобы в школах и вузах преподавался закон божий. Это, с их точки зрения, было бы свидетельством истинной свободы совести. А поскольку-де в учебных заведениях проводится атеистическое воспитание, ни о какой свободе не может быть и речи". ("Наука и религия", 1979, № 12, с. 25.)

”Б”

БДИТЕЛЬНОСТЬ – нормативное требование, предъявляемое советскому человеку; заключается в умении распознавать и пресекать любые намерения и действия, ведущие к ослаблению коммунистической политической системы, к подрыву диктатуры партии и монополюной власти ее вождей.

Воспитание Б. как неотъемлемой черты характера и мироощущения народа советская идеология объясняет наличием двух противоборствующих социальных миров – империалистического и коммунистического.

Содержание понятия Б. менялось, постоянно расширяясь, в процессе эволюции советского государства. У его истоков Б. толковалась как способность узнавать и разоблачать классового врага – дворянство и буржуазию. Б. считалась важнейшим политическим качеством: ”Хороший коммунист должен быть хорошим чекистом”. В годы первых пятилеток (20–30-е гг.), отмеченных очередной волной массового террора, Б. была объявлена орудием борьбы с ”остатками

вражеских элементов” внутри партии. Сталин, последовательно насаждая в общественном сознании синдром Б., использовал его для уничтожения своих бывших соратников — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других, объявленных ”врагами народа”, вредителями и изменниками родины. В уставах КПСС Б. считалась важнейшим требованием к коммунисту, ”потеря” ее вела к исключению из партии. Советская конституция 1936 г. квалифицировала утрату Б. как государственное преступление. Б. стала не только чертой характера или нравственным принципом, но и гражданской обязанностью.

Образцом Б. представляется КПСС. Вся ее деятельность трактуется — и в исторической перспективе, и в современном ракурсе — как бесконечная Б. по отношению к изворотливым и коварным ”врагам”. Утверждают, например, что именно Б. подсказала Ленину необходимость раскола социал-демократического движения в России и выделения из него сектантской группы большевиков. На Б. ссылались руководство партии, пресекая всякое инакомыслие в ее рядах; Б. была проникнута вся борьба партии с оппортунизмом и ревизионизмом.

С течением времени Б. стала сопровождаться определениями типа ”революционная” и ”пролетарская”, на ее основе была разработана детальная система фабрикации политических обвинений. Сфера проявления Б. все больше расширялась: с ее помощью советский человек должен был уметь выявлять и разоблачать некоммунистическое мировоззрение, любые отклонения от ”советского образа жизни”, ”нездоровый” интерес к зарубежной культуре, способный толкнуть ”несознательного” гражданина на путь антигосударственной деятельности.

Неусыпное наблюдение за людьми и организация системы всеобщего доносительства — важнейшая прерогатива КГБ. Но аппарат госбезопасности не в состоянии проверить (а главное — обеспечить) лояльность и благонадежность всего народа. Поскольку же КГБ не может дойти до каждого советского человека, то каждый советский человек обязан

дойти до КГБ — стать добровольным осведомителем. Практика всенародного доносительства преподносится в качестве осознанной формы коммунистической Б., которая, как внушает советская идеология, призвана помочь очистить общество от чуждых советскому строю социальных элементов. Б. нужна всюду: на предприятии — чтобы изобличать антисоветские настроения, саботаж и хищения; в быту — чтобы выявлять соседей, знакомых, родных, имеющих "нетрудовые" доходы; в школе — чтобы контролировать ход учебного процесса и настроение преподавателей.

В 80-е годы широкое распространение в СССР получила оригинальная идея поднять Б. (доносительство) до уровня "самобдительности" (самодоносительства), сделать Б. нормой общественной жизни. Эта идея была выдвинута партийным руководством Азербайджана. В частности, Центр по изучению общественного мнения и социологических исследований при ЦК Компартии республики обратился к "коммунистам, комсомольцам и всем трудящимся" с призывом сообщать в партийные органы обо всех случаях хищения "социалистической собственности", взяточничества, спекуляции, кражи личного имущества и других правонарушений ("Бакинский рабочий, 13 августа 1981, с. 1).

Универсальная Б., насаждение в обществе недоверия и подозрительности, поощрение ханжества и лицемерия создают психологическую атмосферу для репрессий. В последние годы власти стали осторожнее и осмотрительнее в использовании насильственных мер, но машина террора — КГБ и его организатор КПСС — осталась неизменной. И если завтра руководство сочтет целесообразным пустить эту машину на полную мощность, жертвами снова станут миллионы.

ПРИМЕРЫ:

"Ход развития событий на мировой арене требует от каждого еще более высокой ответственности, дисциплинированности, бдительности" ("Правда", 1 декабря 1983, с. 1.)

"Как важно ... проявлять революционную бдительность, давать своевременный и решительный отпор антисоциалистическим силам" ("Известия", 23 августа 1981, с. 1.)

”Участники совещания делятся опытом, обсуждают вопросы идеологической работы в войсках, направленной на безусловное выполнение требований партии о поддержании высокой политической бдительности, постоянной боевой готовности” (“Известия”, 20 декабря 1983, с. 3.)

БЕЗРАБОТИЦА — вынужденная незанятость части трудоспособного населения, представляемая советскими идеологами как социальное явление, присущее только капиталистической действительности.

При слове Б. в сознании советского человека должен мгновенно возникнуть мрачный облик капитализма в том виде, в котором он рисуется коммунистической пропагандой: бездомность, неустроенность, бесправие, унижение человека, бездушие. Советские сообщения о Б., статистические обзоры и справочники не содержат сведений о размерах, длительности и порядке назначения пособий по безработице в разных странах и, конечно, не упоминают о том, что эти пособия превышают среднюю заработную плату в СССР. Такое умолчание создает искаженное представление о положении дел в свободных странах, способствует распространению пропагандистских мифов о голоде и нищете трудящихся в капиталистическом обществе.

Для характеристики Б. в Советском Союзе это понятие не используется. Вместо него употребляются такие неопределенные термины, как “незанятость”, “нетрудоустроенность”, “недостаточный уровень занятости”, “неполное использование трудовых ресурсов”, “резервы незанятой рабочей силы” и т. д. Однако во всех этих случаях имеется в виду та же Б., которая в Советском Союзе достигает солидных размеров. Так, на пленуме ЦК КПСС в марте 1965 г. говорилось о “незанятости” 16% мужского трудоспособного населения и 25% трудоспособных женщин в неиндустриальных городах и поселках страны.

Отказ от использования слова Б. при описании социальных процессов и явлений советского общества и его закрепление за капитализмом имеет совершенно определен-

ный идеологический смысл: внушить советским гражданам мысль о том, что в коммунистических странах нет и не может быть Б., тогда как в мире "капитала" она неизбежна и непреодолима. Поскольку, однако, само это явление в СССР существует, пропаганда вынуждена как-то говорить о нем. Использование вместо слова Б. эвфемизмов призвано создать впечатление, что речь идет о временном явлении, о мелких недостатках, обусловленных неудачным планированием, несовершенством управления, нераспорядительностью "отдельных" руководителей и т. д.

Впрочем, даже эти осторожные слова-заменители, не посягающие на основы коммунистического режима, употребляются в советской печати крайне редко. Как правило, они встречаются в докладах и выступлениях партийных руководителей перед элитой и в "закрытых письмах", не предназначенных для широкого читателя. Исключение составляют лишь периоды смены лидеров, когда пресса имеет возможность возложить вину за Б. в советском обществе (стыдливо именуемую "незанятость", "нетрудоустроенность") на прежнее руководство.

При описании ситуации в других социалистических странах, в дружественных СССР или развивающихся государствах термин Б. также не употребляется. О Б. начинают говорить вслух лишь тогда, когда эти страны делают попытку преодолеть советское влияние и проводить самостоятельную политику. Так, при каждом ухудшении взаимоотношений с Югославией советская печать сообщала о "массовой Б." в этой стране. Стоило, однако, отношениям улучшиться, как Б. в Югославии мгновенно исчезла. Нечто подобное происходило и с Китаем: как только между Москвой и Пекином обозначились противоречия, обнаружилось (в сообщениях советской прессы), что в Китайской Народной Республике миллионы безработных.

ПРИМЕРЫ:

"Характеризуя советское общество, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что мы создали общество, свободное от господства монополитической олигархии, свободное от страха

перед кризисами, безработицей, свободное от социальных бедствий” (“Коммунист”, 1976, № 10, с. 12.)

“Массовая безработица является постоянным спутником американской экономики”. (“Экономика стран мира”. Справочник. Изд. политической литературы, Москва, 1968, с. 326.)

“Растущая безработица, падение жизненного уровня трудящихся — неизлечимая болезнь капиталистического строя”. (“Агитатор”, 1983, № 14, с. 61.)

БЕССМЕРТНЫЙ — характеристика марксистско-ленинских идей, компартии Советского Союза, деятельности теоретиков и лидеров коммунизма.

Религиозное представление о бессмертии Бога и его творений советская пропаганда перенесла на партию и ее действия, представляя их единственно верными, а потому и “бессмертными”. Утвердить “вечную” жизнь марксизма — его идей и практики — важнейшая задача коммунистической идеологии. Широкое использование и насаждение в общественном сознании слова Б. и служит осуществлению этой задачи. Предполагается, что подобную “истину” не надо обосновывать или доказывать, она самоочевидна. Место аргументов занимают алогизмы; в общественное обращение запускаются лозунги: “Идеи партии бессмертны, потому что они верны!” Или: “Имя Ленина бессмертно!”

Определения типа Б. рассчитаны на неискушенное сознание советского человека, воспитанного в убеждении, что он не вправе подвергать сомнению любые лозунги партии.

Развенчивание культа личности Сталина привело к тому, что раздача прав на “бессмертие” стала производиться в Советском Союзе более осторожно. Некоторые идеи Хрущева, претендовавшие на непреходящую ценность, довольно скоро были признаны ошибочными. После его смещения в сан Б. стали возводить только труды покойных “основоположников” коммунизма — Маркса, Энгельса и Ленина. Что касается самой марксистской идеологии, то она при смене любых советских правителей остается Б. Ей не грозят

ни развенчание предыдущих правителей, ни "реформационные" взрывы, время от времени сотрясающие Политбюро ЦК КПСС.

Б. на все времена объявлена и партия: ее члены и даже лидеры могут ошибаться, партия — никогда. Основателю партии Ленину в центре советской столицы воздвигнут алтарь — мавзолей с набальзамированным прахом вождя, демонстрирующий бессмертие партии. Так что у советской пропаганды есть все основания утверждать, что "Ленин всегда с нами".

ПРИМЕРЫ:

"Имя Ленина бессмертно. Время не властно над ним". ("Агитатор", 1979, № 6, с. 16.)

"В памяти народной навсегда сохранятся бессмертные подвиги миллионов пламенных патриотов социалистической Родины, отдавших жизнь за победу над черными силами фашизма..." ("Известия", 9 октября 1979, с. 3.)

"Бессмертный героизм и мужество проявили трудящиеся Украины, все советские люди и в период восстановления разрушенного войной народного хозяйства". ("Известия", 9 октября 1979, с. 3.)

БИЗНЕС — предпринимательская или коммерческая деятельность, не соответствующая нормам советской морали и находящаяся в противоречии с "социалистической законностью".

Б. именуется также система нелегальных советских предприятий, производящих и реализующих свою продукцию незаконно: подпольные кустарные мастерские в домах советских граждан или довольно крупные частные производства, действующие под вывеской государственных (кооперативных) организаций и выпускающие продукцию, не зафиксированную в документах.

Советская "вторая экономика" во многом напоминает явление, известное на Западе", как "черный Б.", но не

равнозначна ему. Коррупция, фальсификация отчетов, уклонение от уплаты налогов, подпольное производство, хищения государственной собственности, злоупотребление служебным положением — все то, что подводится в СССР под понятие Б., — не случайный или искусственный нарост на теле коммунистической экономики. Это — интегральная, органическая часть "советского образа жизни".

"Вторая экономика" — не исключительно советское явление. Однако в СССР она порождена специфически советскими причинами: нехваткой товаров и услуг, нищенской зарплатой, понуждающей население искать незаконные пути обогащения, негибкостью руководства, идеологизированной системой производства и распределения. Советские предприятия вынуждены прибегать к незаконным операциям, чтобы выполнить план, обеспечить снабжение, реализовать готовую продукцию. Так что вторая экономика (в советском определении — Б.) является симбиотическим подвигом коммунистического хозяйства, выполняющим важные и полезные функции. Она перераспределяет награбленное, перемещая — наново и более справедливо — национальный продукт от эксплуатирующего правящего класса к эксплуатируемому народу, предлагает населению товары и продукты, которые государство не в состоянии ему предоставить, создает неформальные связи и отношения (они пронизывают социальную ткань общества сверху донизу), необходимые для существования людей, компенсируют несправедливость права и бессилие закона. Таким образом, Б. в известном смысле — смазочное масло советской государственной и хозяйственной машины. Без него замерла бы вся общественная жизнь.

Б. — еще и единственная реальная форма участия населения в управлении страной. Вся экономическая структура советского общества порочна. Поэтому любая серьезная попытка уничтожить Б. создала бы угрозу системе. Неудивительно, что идеологические атаки властей на Б. ограничиваются частными (хотя и не единичными) террористическими мерами. В конечном же счете Б. всегда выходит из

борьбы победителем, захватывая все новые сферы коммунистического производства.

Стремление к Б. в советском обществе непреодолимо (и неистребимо) еще и потому, что он спродуцирован психологией человека — его тягой к неотчужденному труду и к собственному делу, где он производитель и хозяин.

Слово Б. используется советской пропагандой и для иронической оценки политики зарубежных государств и деятельности руководителей, неугодных Москве. В этом случае Б. сопутствуют обличительные определения: "грязный", "кровавый", "черный", которые, впрочем, мало что добавляют к его эмоциональной окраске, ибо Б., в советском толковании, всегда аморален.

ПРИМЕРЫ:

"Нам сообщают, что кладбищенский бизнес процветает буквально во всем, что связано с погребальным ритуалом. В силу печальных обстоятельств человек оказывается беззащитным перед диктатом разных дельцов и проходимцев, которых не останавливает чужая скорбь, если речь идет о наживе". ("Литературная газета", 31 декабря 1983, с. 14.)

"Впервые в истории современного олимпийского движения игры целиком отданы на откуп частному бизнесу". ("Литературная газета", 21 декабря 1983, с. 11.)

"Человек не слишком крепких моральных устоев, он бросил две семьи, сына, связался с людьми, сделавшими своим бизнесом клевету". ("Белая книга", М., "Юридическая литература", 1979, с. 22.)

БЛОК КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ — предвыборный лозунг, используемый в СССР при проведении избирательных кампаний для создания видимости единства партии и народа.

Выражение Б. к. и б. вошло в пропагандистский оборот в 1937 г., накануне первых выборов в Верховный Совет СССР. К тому времени оппозиция в стране была разгромлена, все общественные объединения и организации, пытавшие-

ся сохранить творческую или идеологическую независимость от КПСС, уничтожены. Власть полностью сосредоточилась в аппарате ЦК, а фактически — в руках Сталина. Тогда-то для прикрытия тотальной партийной диктатуры и было решено насадить в общественном сознании представление, будто террор и "чистки" осуществлялись в интересах народа и завершились установлением демократии. Так возникло словосочетание Б. к. и б., лишенное всякого социального содержания и политического смысла.

Известно, что депутаты на всех уровнях подбираются в СССР партийными организациями. Часть из них рекрутируется из беспартийных, чтобы создать декорум народовластия. Хотя эти люди номинально не состоят в КПСС, они проверены партией и служат ей преданно. Этот странный союз обусловлен тем, что коммунистам в СССР "блокироваться" просто не с кем, ибо иной — некоммунистической — партии в стране не существует. Комсомол и профсоюз — организации коммунистические. "Комсомол — активный резерв и помощник партии", сказано в программе КПСС; профсоюзы, по словам Ленина, — "приводные ремни партии" и "школа коммунизма". В своей деятельности они руководствуются исключительно директивами и указаниями партийных органов, не проявляют собственной инициативы, не проводят своей политики. Они не могут "блокироваться" с партией, поскольку поглощены ею и целиком ей подчиняются. Идея же блока с беспартийными вообще нелепа, поскольку беспартийные никак не объединены и не имеют своих организаций. Таким образом, Б. к. и б. — откровенная фикция, лишь весьма слабо маскирующая безраздельное господство и неограниченную власть партократии, антидемократическую сущность коммунистического режима.

ПРИМЕРЫ:

"Под знаком дальнейшего развития социалистического народовластия, укрепления блока коммунистов и беспартийных проходит в стране избирательная кампания". ("Вышка", 7 января 1984 г., с. 3.)

"Ответственной задачей республиканской партийной организа-

ции, обкомов, горкомов и райкомов партии является образцовая подготовка и проведение важнейшей политической кампании — выборов в Верховный Совет СССР, которые, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС, должны проходить под знаком дальнейшего развития народовластия, укрепления блока коммунистов и беспартийных". ("Вышка", 24 декабря 1983, с. 3.)

"Эта важная политическая кампания должна пройти под знаком дальнейшего развития социалистического народовластия, укрепления блока коммунистов и беспартийных, еще более широкого привлечения граждан к управлению делами государства и общества". ("Бакинский рабочий", 20 декабря 1983, с. 1.)

БОЕВИТОСТЬ — особое качество членов коммунистической партии и ее организаций, которое должно проявляться в постоянных инициативах, повышенной деловитости, собранности, готовности к труду на благо государства.

Б. используется для характеристики деятельности человека или организации исключительно в мирных условиях. Однако сама эта деятельность представляется в понятиях постоянной борьбы. (Б. образована от слова "бой".) Такое изображение советских будней обусловлено стремлением властей насадить в обществе атмосферу войны и постоянной мобилизованности, а заодно — имитировать творческий порыв и энтузиазм.

Вместе с тем требование Б. отражает и реальную ситуацию советской действительности: напряженность жизни, необходимость постоянно преодолевать трудности, продуцируемые системой. Все это, однако, скрывается. Призыв к Б. создает видимость динамичности партии, готовности ее низовых организаций энергично откликаться на решения и указания руководства.

Демократичность, заложенная в этом понятии (Б. обязаны проявлять все коммунисты), призвана создать впечатление близости партии к массам: ее активисты будто бы тесно связаны с беспартийными, они всегда в гуще жизни, они всегда впереди.

Термин Б., широко насаждаемый пропагандой, не полу-

чил, однако, распространения в разговорной речи. Вкладываемый в него смысл чаще передается словами "активность", "энергичность", "инициативность". Искусственность образования Б. проявляется и в том, что даже в печати слово почти не употребляется без "подпорок". "Б. и организованность", "Б. и ответственность", Б. и инициативность", "Б. и действенность", "Б. и сплоченность".

ПРИМЕРЫ:

"Коммунисты являются примером организованности, боевитости, высокой ответственности за порученное дело". ("Агитатор", 1978, № 19, с. 28.)

"...надо повышать боевитость комсомольских организаций, больше им помогать". ("Коммунист вооруженных сил", 1975, № 13, с. 6.)

"Успехи учебно-воспитательной работы находятся в прямой зависимости от ... боевитости партийных и комсомольских организаций коллективов высшей школы". ("Коммунист", 1979, № 8, с. 36.)

БОРЬБА — одна из форм пропагандистского представления советского образа жизни.

"Б. за коммунистический труд, за повышение производительности труда, за выполнение плановых заданий", — все эти штампы призваны изобразить готовность советских людей (которой в действительности нет) к созидательному, творческому труду.

"Б. за коммунистическое поведение, за нового человека" — клише, цель которого — скрыть нравственное и духовное разложение советского общества: взяточничество, воровство, хулиганство, пьянство. Призывы к Б. ("беспощадной", "суровой", "жестокой" и т. д.) с внутренними врагами — свидетельство страха властей перед диссидентским движением и инакомыслием.

"Б. с империализмом и международной реакцией, с влиянием Запада" обнажает экспансионистские устремления Кремля и одновременно — его боязнь влияния свободного мира.

В обществе, давно растерявшем коммунистические идеалы, пропаганда пытается их гальванизировать, придавая самым обычным явлениям характер войны или спортивных состязаний. В свою очередь и спортивные соревнования оцениваются идеологически: победы рассматриваются как доказательство превосходства советской системы, поражения замалчиваются.

По сути слово Б., утратив традиционный смысл, стало обозначать не реальные процессы в обществе, а их отсутствие, маскируя все возрастающую социальную пассивность советских людей.

ПРИМЕРЫ:

"Л. И. Брежнев четко определил роль коммунистов на новом этапе борьбы за дальнейший подъем сельского хозяйства". (В. Ермаков. Авангардная роль коммунистов. "Знание", М. 1979, с. 3.)

"Отдельные комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом как при исполкомах местных Советов, так и на предприятиях действуют недостаточно энергично и принципиально". ("Советская Молдавия", 27 октября 1979, с. 2.)

"У рыбаков, понятно, борьба за качество должна начинаться прямо в ходе рейса". ("Правда", 15 декабря 1983, с. 2.)

БОРЬБА ЗА МИР — форма советской политики, эксплуатирующая страх перед мировой войной в целях шантажа и вмешательства в дела независимых государств.

Официально Б. з. м. была провозглашена советским правительством в конце 40-х годов — в период так называемой "холодной войны". Первоначально этот лозунг и движение Б. з. м. использовались Москвой в попытке добиться запрещения американского атомного оружия.

С 50-х гг. Б. з. м. преследует другие цели: скрыть наращивание советского военного потенциала, спровоцировать коммунистические настроения в свободных странах, разжечь очаги войны в стратегически важных для Запада регионах.

Политика Б. з. м., отражающая советские глобальные устремления, не соответствует классическим положениям марксизма-ленинизма, согласно которым антагонистические противоречия социалистического и капиталистического обществ непримиримы. Эту антиномию марксисты снимают "диалектически", ограничивая (конечно, на словах) непримиримость сферой идей. Принцип же классовой борьбы облекается в обтекаемую форму мирного сосуществования двух систем. Естественно, что результатом этого "сосуществования" должна стать победа коммунизма, ибо такова логика истории. Не очень доверяя этой "логике" советские руководители стараются ей помочь, используя все средства, в том числе (и весьма эффективно) Б. з. м.

Призывы к Б. з. м. не распространяются на инспирированные СССР национально-освободительные войны: для благозвучия (дабы не шокировать мировое общественное мнение) их называют "национально-освободительными движениями".

Понятие Б. з. м. нередко используется советской пропагандой и в более широком контексте, не имеющем отношения к войне и миру. Так именуются самые разные движения, действующие в интересах Москвы — в том числе и такие, что таят в себе явную опасность развязывания новой мировой войны.

ПРИМЕРЫ:

"Для страны Советов борьба за мир — не временная конъюнктурная задача, а принципиальная линия, которая проводится в братском единстве со всеми государствами социалистического содружества". ("Правда", 5 мая 1981, с. 4.)

"Огромное значение в борьбе за мир и социалистический прогресс приобретают сплоченность и активность действий международного коммунистического движения — самой влиятельной политической силы современности". ("Партийная жизнь", 1982, № 19, с. 9.)

"Ораторы указывают на жизненно важное значение борьбы за мир". ("Правда", 16 октября 1983, с. 5.)

БРАТСКИЙ – определение общественных движений, партий, организаций, государств и народов, подвластных Советскому Союзу или опирающихся на него и идущих в фарватере коммунистической политики.

Как оценочная категория Б. широко используется при определении отношения СССР к странам-сателлитам, чтобы создать видимость бескорыстных, дружественных межгосударственных связей. За пределами коммунистической системы термин Б. прилагается к социальным силам, полностью поддерживающим советскую политику. Левые движения, в том числе и коммунистические партии, проводящие политику, независимую от Москвы, не называются Б. Определение Б. не прилагается и к странам, просоветские режимы которых не прочны и чье руководство пока не утвердилось как коммунистическое. Так, Ангола и Эфиопия до сих пор не получили статуса Б., а Афганистан лишь недавно удостоился этой "чести".

Таким образом, для отнесения к категории Б. необходима не только политическая и экономическая зависимость от СССР, но и некая идеологическая общность.

Б. используется в сочетании с целым рядом слов, отражающих широкий спектр социальных явлений: "связи", "отношения", "поддержка", "содружество", "дружба", "солидарность", "сплоченность", "единение" и т. д.

Часто употребляемое выражение "Б. помощь" отражает политику откровенного и беззастенчивого вмешательства Кремля в жизнь коммунистических государств. На базе "Б. помощи" возник Варшавский пакт (блок военной экспансии). Необходимостью "Б. помощи" обосновывалось создание СЭВ (экономическая экспансия). "Б. помощью" или "Б. отношениями" обосновывалось ограничение суверенитета восточноевропейских стран. Под покровом "Б. солидарности" Советский Союз создавал условия для преимущественного развития своего национального хозяйства – в ущерб экономике зависимых от него государств.

"Б. помощь" никогда не была бескорыстной. Даже в

тех случаях, когда СССР оказывал ее, не считаясь с огромными материальными затратами, он преследовал отнюдь не братские интересы. Такая "помощь" диктовалась глобальными притязаниями Москвы — стремлением создать новые опорные пункты коммунизма или поддержать шатающиеся тоталитарные режимы. В период политических кризисов в Восточной Германии (1953 г.), Венгрии (1956 г.), Чехословакии (1968 г.), Польше (1970, 1981 гг.) СССР оказывал им существенную экономическую помощь. Советский Союз не жалеет затрат на содержание Кубы, на поддержку новых коммунистических систем в Азии и Африке. И если оказывается, что политических и экономических средств недостаточно, Советский Союз становится на путь открытого военного вмешательства, представляемого также в виде "Б. помощи".

Для обоснования права на вооруженную "Б. помощь" советские руководители выдвинули положение об особой ответственности СССР за национальное и политическое развитие коммунистических стран (теория ограниченного национального суверенитета социалистических государств). Этой доктриной было "освещено" советское вторжение в Чехословакию (1968), оккупация Афганистана (1981). Не исключено, что в будущем Москва попытается расширить концепцию "ответственности", распространив ее, например, на "Б. помощь" в борьбе за победу социализма во всем мире. Тогда Б. интервенция (под видом помощи) может распространиться на любую страну свободного мира.

Понятие Б. насквозь лицемерно и тогда, когда прилагается к явлениям внутренней жизни. В советском обществе нет ни "Б. отношений", ни "Б. дружбы", ни Б. сотрудничества", ни Б. взаимопомощи". В нем царят неравенство и ненависть, люди (и народы) отчуждены от государства и друг от друга. Тоталитарная система их эксплуатирует, беззастенчиво используя способности и труд, попирая достоинство. Партократия и общество антагонистичны: на одном конце — привилегии и богатство, на другом — бесправие и нищета.

ПРИМЕРЫ:

“С победой Великой Октябрьской социалистической революции началась эра новых, подлинно братских отношений народов бывшей царской империи”. (“Коммунист”, 1980, № 12, с. 11.)

“Митинг прошел под знаком нерушимой дружбы и солидарности КПСС и КПВ, братского единения советского и вьетнамского народов”. (“Комсомольская правда”, 1 ноября 1983, с. 3.)

“Представители советской и афганской общественности заявили о стремлении и впредь крепить нерушимую дружбу и братскую солидарность между народами двух стран”. (“Правда”, 29 ноября 1983, с. 4.)

БРИГАДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА — одна из форм организации производственного коллектива на советских предприятиях.

Появление Б. к. т. относится к середине 50-х годов. В отличие от обычных трудовых бригад, Б. к. т. были обязаны выполнять и перевыполнять планы и производственные задания, участвовать в социалистическом соревновании, проявлять высокую политическую активность, коммунистическую сознательность, трудовую дисциплину.

Б. к. т. были задуманы властями как показательные производственные ячейки, прообраз коммунистического общества. Им предоставлялось определенное “самоуправление” — в частности, право участия в обсуждении и распределении плановых заданий. Они наделялись и некоторыми социальными функциями: Б. к. т. должны были заниматься перевоспитанием правонарушителей, совершивших мелкие производственные преступления, им разрешалось брать на поруки осужденных и т. д.

Предполагалось, что Б. к. т. станут школой воспитания новой советской личности, живущей на основе норм “морального кодекса строителей коммунизма”. При Хрущеве (1953—1964 гг.) в СССР был провозглашен лозунг: “все во имя коллектива”. Самоотверженная работа, приоритет духовных стимулов над материальными, общность социаль-

ных потребностей и интересов, совместное проведение досуга, усиленная политическая учеба — все это должно было стать нормой жизни членов Б. к. т. Они призваны были продемонстрировать советским гражданам целый набор добродетелей: сознательное отношение к производству, гармоническое сочетание труда умственного и физического, стремление к творчеству, широту интеллектуальных и культурных интересов.

В действительности ни коммунистическим трудом, ни коммунистическим поведением Б. к. т. не отличаются. Трудно уловить в них и черты "ячеек будущего". В условиях эксплуатации человека государством, в обстановке, когда производственные отношения монополизированы господствующей партийно-советской бюрократией, полностью контролирующей и самого труженика, и результаты его труда, не может быть и речи о сознательной работе в интересах общества. Труд в Б. к. т. носит все тот же принудительный характер, а распределение материальных благ производится не по труду, а по социальному статусу человека.

Движение Б. к. т. скоро выродилось в обычную пропагандистскую кампанию, используемую властями для создания более изощренных форм эксплуатации и порабощения трудящегося. После падения Хрущева дискредитировавшие себя Б. к. т. умирают тихой смертью. Со страниц газет, а затем и из практики советской общественной жизни они вытесняются другими "движениями", такими же мертворожденными, как и Б. к. т.

ПРИМЕРЫ:

"Бригада коммунистического труда Запорожской шелкомотальной фабрики, возглавляемая Н. Мокеевой, выполнила свои социалистические обязательства, взятые на 10-ю пятилетку". ("Социалистическая индустрия", 11 августа 1978, с. 2.)

"Не случайно этот дружный коллектив носит звание "Бригады коммунистического труда". ("Агитатор", 1980, № 23, с. 41.)

"Ударники и коллективы коммунистического труда расширяют

и совершенствуют практику заключения договоров о взаимных обязательствах между смежными предприятиями" ("Агитатор", 1983, № 20, с. 16.)

БРЯЦАТЬ ОРУЖИЕМ (в значении "угрожать войной") — применяется для определения политики государств и военных блоков, враждебных СССР.

В идеологическое обращение (с ироническим оттенком) введено из военной лексики. Широко используется для того, чтобы создать представление о постоянной военной угрозе "коммунистическому лагерю". Советские военные приготовления, поставки вооружения коммунистическим и зависимым странам, военные маневры, концентрация сил на границах суверенных государств и т. д. — все это не считается бряцанием. Для объяснения этих действий существует туманная фразеология — "действия, необходимые для обеспечения безопасности советского государства".

В действительности, добиваясь глобального господства, постоянно Б. о. именно СССР, беззастенчиво угрожая странам, проводящим самостоятельную политику или пытающимся выйти из-под его контроля.

ПРИМЕРЫ:

"Империализм и реакция берут под защиту самые прогнившие, ненавистные народам режимы, прибегают к грубому нажиму на развивающиеся страны, бряцают оружием". ("Известия", 25 октября 1980, с. 5.)

"Американский империализм, его пособники в различных частях света нагло, с вызывающим презрением к миролюбивым надеждам людей доброй воли бряцают оружием, разжигают костры войны". ("Литературная газета", 1 июля 1981, с. 1.)

"...самые сокровенные чаяния жителей США, как и всех других людей на земле, связаны с миром, с поиском путей к нему через переговоры, а не через "бряцание оружием". ("Литературная газета", 29 октября 1970, с. 9.)

”В”

БАХТА — работа, представляемая как проявление трудового энтузиазма и героизма.

В. — морской термин; это позволяет уподоблять страну и народ команде корабля, где условия службы требуют неотлучного нахождения людей на трудовом посту и беспрекословного подчинения приказам начальства.

Использование понятия **В.** применительно к труду призвано также романтизировать жизнь советских граждан и скрыть серость и убогость будней, отсутствие заинтересованности в результатах своей деятельности. **В.**, преподносимая пропагандой как проявление высокосоциального труда, в действительности является утонченной формой жестокой эксплуатации: советским работникам, ”ставшим на **В.**”, приходится трудиться в сверхурочное время, с перенапряжением сил и под постоянным давлением администрации.

В. широко употребляется в таких словосочетаниях, как

”трудова В.”, ”предоктябрьская В.”, ”посевная В.”, ”стахановская В.”, ”предсъездовская В.” и т. д.

ПРИМЕРЫ:

”Вся страна встала на ударную вахту в честь партийного съезда”. (“Известия”, 28 февраля 1981, с. 1).

”Тысячи тружеников промышленных предприятий, организаций торговли, транспорта, сферы обслуживания Советского района Кишинева встали 20 ноября на трудовую вахту под девизом ”110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина 110 ударных трудовых дней”. (“Советская Молдавия”, 21 ноября 1979, с. 1.)

”Наш флот достойно несет вахту мира”. (“Литературная газета”, 22 июля 1981, с. 1.)

ВЕРТУШКА — телефон, не подключенный к общегородской телефонной сети, символ высокого престижа и принадлежности к власти, номенклатуре очень высокого ранга.

Его другое название — ”сотка”: когда-то таких телефонов на всю Москву было всего сто (сегодня их несколько тысяч). Эти первые в Советской России автоматические телефоны устанавливались в кабинетах высокопоставленных партийных чиновников по указанию Ленина, стремившегося оградить секретные и важные разговоры от подслушивания телефонисток. Телефон работал без коммутатора, и члены Политбюро и министры совершенно свободно вели по нему откровенные и доверительные беседы. Сталина, однако, это не устраивало, и он нашел выход: в его кабинете была установлена подстанция, позволяющая контролировать ведущиеся по В. телефонные разговоры. Это дало ему возможность быть в курсе всей закулисной жизни Вертушки, что помогло ему в борьбе за власть. И он постоянно знал (а не предугадывал, как это изображалось впоследствии) планы и замыслы своих политических противников.

После второй мировой войны телефоны, подобные В., появляются и в союзных республиках. Они устанавливаются в кабинетах местных руководителей партии и правительства

(отсюда — их второе название — "правительственные"), стремившихся подражать Москве, центральному партийному аппарату с его вельможными нравами.

Право на установку В. строго определено и жестко регламентировано, так же, как привилегия иметь служебную машину с шофером, персональную дачу или абонемент в закрытый магазин. Членам Политбюро и правительства, высшим офицерам армии полагается В. в служебном кабинете и на квартире (то же правило действует и в союзных республиках). Их заместителям, секретарям горкомов и райкомов партии, председателям райисполкомов, заведующим отделами ЦК, редакторам газет В. устанавливается только на работе.

Наличие собственной В. или доступ к ней — привилегия партийных работников и высших чиновников государственного аппарата. Поэтому для ответственных советских бюрократов она служит как бы пропуском в некий изысканный клуб держателей акций "правительственного телефона".

В. не следует смешивать с другим правительственным телефоном — "ВЧ" (работающим на высокочастотных каналах) предназначенным для тех же целей, но действующим на другом принципе и используемым для иногородней связи. ВЧ появился в Советском Союзе в конце 1941 года и использовался для чрезвычайной связи с фронтами (первоначально с московским фронтом). В настоящее время ВЧ устанавливается у секретарей и заведующих отделов ЦК КПСС, министров, командующих округами и родами войск, а на местах — у руководителей республик и областей.

ПРИМЕРЫ:

"Я поехал в редакцию "Правды", где есть особый кремлевский телефон — так называемая "вертушка". (Л. Владимиров. Россия без прикрас и умолчаний "Посев", 1969, с. 243.)

"Наконец, четвертый телефон — "вертушка". Это телефон автоматический, с очень ограниченным числом абонентов". (Б. Баженов, Воспоминания бывшего секретаря Сталина, 1980, с. 56.)

"Одним словом, они запретили мне этот спектакль и дали мне выговор. Я стал метаться, разговаривать с ними по вертушке... Я и звонил и разговаривал, как в народе говорят, со всеми портретами". ("Страна и мир", Мюнхен, 1984, № 1-2, с. 131.)

ВЕРХУШКА — лидеры зарубежных государств, чья деятельность не одобряется советскими властями: "пекинская В.", "военная В. НАТО", "В. буржуазного класса" и т. д.

В современном русском языке ясно ощутим пренебрежительный оттенок слова В. Однако, в 20-е годы оно встречалось и в нейтральном значении: "Как дальше руководить партией? Как дальше руководить верхушкой?" ("Правда", 1925, № 297.)

В семантически близка "верхам". Однако идеологизация языка, закрепив за В. негативное значение, не распространила его на слово "верхи": "совещание в верхах", "встреча в верхах", "договоренность в верхах" и т. п. "Верхи" используются для выражения понятия "лидеры" в тех случаях, когда советское правительство стремится наладить контакты и сотрудничество с руководителями стран, политику которых оно в недавнем прошлом осуждало и критиковало.

Все годы военного режима в Аргентине "военная хунта" неизменно определялась на страницах советской печати как В. В процессе англо-аргентинского конфликта (Фолклендская война 1982 г.) стратегические интересы СССР и Аргентины сблизились. С этого момента аргентинские власти стали именоваться "верхами". Напротив, руководители Египта, весьма почитаемые в Москве во времена Насера, стали называться В., как только отошли от советской политики.

Коммунистические и прокоммунистические круги никогда не именуются В. или даже "верхами", к ним применяется уважительное слово "руководство", которое призвано подчеркнуть созидательную (для народа), творческую (по своему характеру) и благородную (по своим целям) деятельность просоветских правителей.

ПРИМЕРЫ:

"...раввинская верхушка на Западе поставила религию на службу сионизму..." (Г. Баканурский. Иудаизм и современность. "Знание", М., 1978, с. 64.)

"Би-Би-Си" была создана как орудие консервативно настроенной правящей верхушки". ("За рубежом", 1979, № 2, с. 15.)

"Преступные действия пекинской верхушки встретили единодушное осуждение народов всего мира". ("Международная жизнь", 1979, № 4, с. 102.)

ВЕСОМЫЙ – определение социальных и идеологических явлений советской жизни, представляемых плодотворными, важными и результативными.

Широко используются в докладах партийных организаций, отчетах о работе советских руководителей, в газетных статьях: "В. вклад в дело мира", "В. усилия в строительстве социализма", "В. успехи в народном хозяйстве".

За этим высоким словом часто скрывается отсутствие реального дела, конкретных результатов. Постоянное обращение к фикциям привело к почти полной утрате содержательности и выразительности понятия В.

ПРИМЕРЫ:

"...социальный итог развития стран СЭВ – одно из весомых доказательств силы идей марксизма-ленинизма". ("Международная жизнь", 1979, № 8, с. 79.)

"Каждый трудовой коллектив призван внести весомый вклад в это всенародное дело". ("Правда", 17 декабря 1983, с. 1.)

ВETERAN – служащий, рабочий, офицер (участник войны), много лет проработавший на одном месте; рассматривается советскими властями как важная социальная опора режима.

Многие из В. труда и войны удостоены правительственных наград. Но их прошлые заслуги скоро забываются, и в повседневной жизни им приходится сталкиваться с лишениями и трудностями, обычными для подавляющего большинства населения СССР.

В 1978 г., через 33 года после окончания второй мировой войны, в СССР было учреждено звание "Ветеран Великой Отечественной войны". А в 1980 г., когда большинства В. не было в живых, вышло наконец "Постановление о мерах по улучшению материально-бытовых условий жизни ветеранов войны и инвалидов". Им предусмотрены такие льготы, как, право раз в год воспользоваться бесплатным билетом на поезд, внеочередная путевка в дом отдыха или санаторий, 50%-ая скидка с подоходного налога и т. д. С помощью небольших льгот и подачек советская власть стремится завуалировать свое глубокое равнодушие к судьбе солдат, которым она обязана своим существованием.

Звание В. труда присваивается лицам, проработавшим на предприятии или в учреждении более 20 лет. В отличие от В. войны, льготами и привилегиями они не пользуются и поощряются главным образом морально: их имена время от времени появляются на "Досках почета", при выходе на пенсию они получают благодарность и лишь в редких случаях — единовременное пособие.

Особое положение в советском обществе занимают В. партии: партийные функционеры, в течение десятилетий преданно служившие партии и чудом уцелевшие при чистках и терроре. Пропаганда именует их "бесценным фондом народа", "ленинской гвардией", им предоставляются особые блага: закрытые магазины, где несколько раз в год (обычно перед праздником) они могут купить дефицитные товары, в их распоряжении специальные поликлиники, дважды в год они получают бесплатные путевки в санаторий, им устанавливают персональную пенсию, превышающую обычную, и т. д.

Эти знаки внимания льстят самолюбию В. партии, и многие из них, стараясь забыть о прошлом страхе и унижениях,

восхваляют советский режим и его "ленинский ЦК": охотно выступают по радио и телевидению, ведут агитационную работу среди населения и пр.

ПРИМЕРЫ:

"Встреча ветеранов партии и труда с руководителями КПСС прошла в сердечной, товарищеской обстановке". ("Агитатор", 1983, № 18, с. 2.)

"Систематически проходят встречи студентов с ветеранами, героями сражений Великой Отечественной войны". ("Правда", 29 ноября 1983, с. 2.)

"Министр обороны СССР пожелал ветеранам советских вооруженных сил крепкого здоровья, счастья, новых успехов в укреплении могущества нашей любимой Родины". ("Вьшка", 16 декабря 1983, с. 2.)

ВЕХА — явление, факт общественной или личной жизни, представляемые чрезвычайно важными и ценными для развития советского общества.

Со ссылкой на историческую ретроспекцию советская пропаганда изображает сугубо обыденный факт — скажем, высокий удой молока, полученный дояркой, — как В. в развитии экономики, а событие, действительно выдающееся, например, высадку американских космонавтов на Луну, — как нечто заурядное.

В. являет собой своеобразную единицу отсчета времени в коммунистической классификации жизни: ею измеряется путь "движения человечества к коммунизму". Если имеют в виду государство, то В. определяют продвижение СССР к бесклассовому обществу; если речь идет о человеке, то В. служит "коммунистическое самоусовершенствование". Идея неизбежности коммунистического прогресса требует оптимистической окраски действительности, что и достигается широким использованием в сочетании с В. усилительных эпитетов: "крупная В.", "яркая В.", "зримая В.", "героическая В.", "радостная В." и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Важной вехой на пути реализации ленинской стратегии мира стала выдвинутая нашей страной в 1933 году идея обеспечения коллективной безопасности". ("Международная жизнь", 1983, № 7, с. 6.)

"Высший форум советских коммунистов станет важной вехой в борьбе за мир и международное сотрудничество". ("Известия", 28 февраля 1981, с. 11.)

"Крупной вехой стали общеевропейское совещание и его заключительный акт, подписанный во время встречи в Хельсинки..." ("Агитатор", 1979, № 6, с. 7.)

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО — подкуп должностных лиц, широко распространенный на всех уровнях советского общества.

В. — характерная черта советского образа жизни; к этому средству обращаются при назначении на государственную должность, при поступлении в университет, при распределении и получении материальных и духовных благ. Оно процветает в промышленности, науке, торговле, сфере обслуживания, здравоохранения, юстиции — на всех этапах советской общественной жизни.

В. чрезвычайно многообразно: вручение денег, драгоценностей, дефицитных товаров и т. д. Массовый характер приобрел такой вид В., как взаимный обмен услугами: за помощь в назначении на престижную должность можно получить квартиру без очереди, шубу, путевку в санаторий и т. д.

В первое десятилетие коммунистического режима в СССР В. связывалось с капиталистической действительностью, считалось "пережитком прошлого", а не следствием советской системы. Начиная с 60-х годов, В. как социальное явление приобрело, однако, настолько массовый характер, что на страницах периодической печати его стали увязывать с "отдельными" недостатками самой системы.

В. в СССР квалифицируется как серьезное преступление, подлежащее суровому наказанию. И в массовом сознании

срабатывает рефлекс предосторожности: на слово "взятка" наложено табу. Вместо "я дал взятку", "пришлось дать взятку", "все берут взятки", говорят: "я дал", "пришлось дать", "все берут" и т. д.

В. в некоторой степени снимает социальные противоречия советского общества, служит своеобразным защитным устройством, предохраняющим человека от непосильного общественного давления (эксплуатации, дискриминации, унижения). Благодаря В. многие категории советских служащих, получающих нищенские оклады (учителя, врачи, работники торговли и другие), могут как-то существовать.

В. продуцируется социальным укладом советского общества — всей системой управления и распределения. Централизованное планирование и отсутствие материальной заинтересованности в результатах своей деятельности порождает низкую производительность труда и, как следствие, недостаток предметов первой необходимости и продуктов. Например, чтобы купить ("достать") мясо, молоко (а нередко и хлеб), советскому человеку приходится после работы (или вместо нее) простаивать многие часы в очереди или приобретать товары с помощью В. В этом случае в скудном бюджете советских людей образуются существенные бреши. Чтобы как-то выйти из положения, они в свою очередь ищут возможность получить взятку.

На взятку "обмениваются" различные социальные услуги, вытекающие из занимаемой должности: учитель — за взятку, — завышает оценки учащимся, врач — выдает освобождение от работы, профсоюзный деятель — "устраивает" квартиру вне очереди, партийный работник — помогает продвинуться по службе, следователь — проявляет снисходительность к преступнику и т. д.

В. заложено в самой природе социалистического хозяйства. Производственные планы не учитывают специфики и возможностей предприятий. Выполнить их (предварительно занизив) или создать видимость выполнения можно лишь с помощью В. Взятка является и средством получения сырья, которого в СССР постоянно недостает. Для этой цели на

Советских предприятиях существует целая система агентов по снабжению ("толкачей"), главное назначение которых — дача взяток соответствующим чиновникам государственного аппарата.

Во В. втянуто практически все общество — от района до республики. Практика В. в СССР сложна и неоднозначна. В Закавказье, Средней Азии, в Прибалтике — таковы вековые традиции — взятки дают и берут свободно, подобное поведение считается там вполне законным (пока, разумеется, дело не доходит до суда). В России и на Украине, где нет столь мощного черного капитала, как в Грузии или Азербайджане, взятки поменьше.

Однако при общей безалаберности общественно-социального и промышленного планирования в любом советском городке действует слаженная и четкая система дачи взяток и распределения доходов подпольного бизнеса. Опытный секретарь горкома партии никогда не станет посягать на "права" подопечного ему районного секретаря: районные кадры — не его вотчина. Он принимает причитающиеся ему взятки от городских учреждений и предприятий. В сложных случаях, когда, например, поступает в "обращение" (т. е. становится вакантной) должность двойной подчиненности — территориально она принадлежит району, но является номенклатурой городского комитета партии — соответствующая взятка "честно" делится между секретарями горкома и райкома партии.

В организациях и на предприятиях общегородского значения секретарь райкома, на территории которого расположены эти предприятия, безоговорочно принимает кандидатуру, рекомендуемую городской партийной организацией. Впрочем, секретарь райкома не остается внакладе. Как только деятель городского масштаба начнет функционировать, получая доходы с черного капитала, взятки в заранее оговоренных размерах пойдут не только в горком, но и в районный комитет партии.

Точных сведений о том, какие доходы от взяток получают советские работники городского масштаба, разумеет-

ся, нет. Но, бесспорно, за год они измеряются пятизначными цифрами. Союзные же министры берут сколько захотят. Они не унижаются до мелочных поборов, присваивая главным образом национальные ценности. Деньги для них особого значения не имеют. Пока у них есть власть и положение, в распоряжении министров заповедники, дачи, ослепительные выезды с многочисленной свитой. Поэтому их главная задача — удержаться на своем посту как можно дольше. Тут решают не деньги, а устрашение, шантаж, интриги. Но для тех, кто стоит за ними (а вернее — под ними), деньги совсем не мелочь: они обеспечивают независимость в период службы, гарантируют безбедную старость. И жадные руки административных работников разного достоинства загребают любые взятки. Особенно ценится "валюта" — доллары и фунты.

В период правления Андропова к власти рванулась фаланга молодых честолюбивых карьеристов, тесня, отталкивая, сбрасывая с партийного престола заскорузлую и замшелую в коррупции группу старых бюрократов. Начались разоблачения, и на идеологически лицемерном фасаде "развитого социализма" на какое-то время обозначились трещины и разрывы, сквозь которые проступили типичные черты государственной мафии. Тюрьмы страны снова переполнились: в них оказались по соседству и те, кто требовал взятки, и те, кто вынужден был их давать. На тюремных нарах ответственные руководители и дельцы подпольного бизнеса, ворочавшие миллионами, встретились с официантами, шоферами такси, продавцами, получавшими один-два рубля "на чай".

Скандалные разоблачения, однако, не коснулись ни министров, ни секретарей ЦК союзных республик. Им предоставили возможность тихо уйти в никуда. Если их и снимают по воле случая или по ходу кампании борьбы с коррупцией, дело почти никогда не доводится до конца, обычно осуждается и отвергается стиль их руководства, реже — характер и методы работы, совсем редко — местнические тенденции. Но не продажность и подкупность. И уж во всяком

случае это не делается публично. По самому характеру их деятельности они не подлежат гласному суду, ибо очень высокий советский работник не просто занимает должность, он служит символом власти партии, партия же в СССР безгрешна.

Впрочем, существует и еще одно более прозаическое соображение, не допускающее публичных разоблачений: нужно сохранить возможность и преемственность эксплуатации элитарного места (должности). И В., перерастая во всеобщую коррупцию, поднимаясь до уровня социального явления, становится в советском обществе средством преодоления постоянных противоречий между производством и потреблением, между спросом и предложением.

ПРИМЕРЫ:

“Жить достойно — значит шире вести борьбу с мещанством и потребительством, карьеризмом и взяточничеством”. (“Комсомольская правда”, 27 октября 1983, с. 2.)

“Пора нам и более активно творить общую социальную педагогику, создавать всеобщую атмосферу нетерпимости вокруг негативных сторон нашей жизни — стяжательства, взяточничества, разгильдяйства, стремления пожить за чужой счет...” (“Литературная газета”, 3 июня 1981, с. 11.)

“...все обогащающиеся за счет подарков, подачек, благодарственных подношений и вполне материальных изъявлений дружеских чувств, а попросту говоря — взятки осуждены к длительным срокам лишения свободы”. (“Известия”, 27 января 1984, с. 3.)

ВИЗИТЕР — гость, чья поездка, официальная или частная, не соответствует советским интересам.

Слово имеет иронический смысл и обычно используется для дискредитации как личности самого В., так и его деятельности. Ироничность подчеркивается архаичностью слова, его явной обращенностью в прошлое, во времена, когда визиты порой наносились от безделья или скуки. Пренебрежительный характер В. еще усиливается аналогией с иностранными словами, в которых уничижительная характе-

ристика передается суффиксом "—ёр": "позёр", "резонёр", "фантазёр", "доктринёр".

Граждане Советского Союза и дружественных ему стран никогда не представляются В., они называются "посланцами дружбы и мира" или просто "гостями" — наименования, которые по отношению к лицу, принимаемому в СССР или в дружественных ему странах, должны вызывать уважение, расположение, доверие.

Советская политика, однако, крайне неустойчива, поэтому переходящи и ее характеристики: одна и та же личность, будь то политический деятель (Тито — президент Югославии), или писатель (Говард Фаст — американский прозаик), или ученый (Роже Гароди — французский философ), может, в зависимости от своего отношения к СССР и неустойчивых симпатий советских властей, оцениваться попеременно то как В., то как гость.

ПРИМЕРЫ:

"Среди визитёров — представители английских журналов и газет "Таймс", "Санди таймс", "Дейли телеграф", репортеры из Би-Би-Си и телевидения, американские журналисты из "Вашингтон пост", "Нью-Йорк таймс", а также их коллеги из ФРГ, Португалии, Италии, ну и, разумеется, Претории". ("Известия", 17 октября 1983, с. 3.)

"Среди западных визитёров, посетивших в последний период времени китайскую столицу, следует назвать Р. Дженкинса, председателя комиссии Европейских обществ". ("Неделя", 1979, № 9, с. 6.)

"Очередной визитёр: "Сегодня в британскую столицу прибывает с официальным визитом министр иностранных дел КНР Хуан Хуа". ("Правда", 11 октября, 1979, с. 3.)

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ— норма функционирования КПСС, провозглашаемая ее основой и предусматривающая широкое участие коммунистов в выработке политики партии.

Разработанные Лениным основные принципы В. д. — выборность руководства партии, отчетность, коллегиальность,

Критика и самокритика — призваны были сохранить привилегированный статус большевиков, захвативших власть в России в 1917 г., и гарантировать демократию для избранных. Трансплантация В. д. на тоталитарную структуру коммунистического государства оказалась несостоятельной. Диктаторская природа режима очень скоро превратила идею в фикцию. Рядовые члены партии лишены возможности оказывать какое-либо влияние на расстановку ответственных работников, которые в сущности не выбираются, а назначаются партийными комитетами. При этом суждения и мнения коммунистов никак не влияют на исход "выборов", ибо для избрания предлагается только то число кандидатур, которое нужно для заполнения должностей. В первичных (низовых) партийных организациях еще допускаются случаи "отвода" руководителей. Однако на партийных конференциях и съездах партийные деятели неизменно утверждают единогласно.

Обсуждение партийных отчетов стало пустой формальностью: ораторы подбираются заранее, резолюции и решения, подготавливаются заблаговременно. Критика руководителей исключена. Возможна лишь проработка вышестоящими функционерами нижестоящих или разжалованных (умерших) предшественников: Андроповым — Брежнев, Брежневым — Хрущева, Хрущевым — Сталина и т. п.

Поощряется и приветствуется "самокритика" — публичное покаяние членов партии, но и она возможна только на уровне рядовых коммунистов. В советской истории не было случая, чтобы с "самокритикой" добровольно выступали ответственные партийные работники.

Несостоятельна и идея коллегиальности руководства. Деятельность КПСС осуществляется на основе абсолютного единоначалия и полновластия. Решающей является не воля членов партийных организаций, а мнение первого секретаря. Он — абсолютный хозяин района, города, области, республики. Коллективное руководство утверждает себя в Советском Союзе в единогласном и полном одобрении решений генсека.

Не выражается В. д. и в "активности масс". Советские коммунисты пассивны, индифферентны и вынуждены подчиняться руководству в силу жесткой "партийной дисциплины", несоблюдение которой ведет к исключению из партии и изгнанию с работы.

Через страх перед наказанием реализуется еще один принцип В. д.: "единство рядов партии и недопустимость оппозиционности и фракционности". Этот принцип обеспечил успешную борьбу Центрального комитета против "антипартийной оппозиции" в период "чисток" 20—30-х годов и неизменно способствует сохранению "единства партии".

ПРИМЕРЫ:

"Единство партийных рядов во многом определяется тем, что КПСС неустанно заботится как о развитии внутрипартийной демократии, инициативы, активности коммунистов, так и об укреплении партийной дисциплины, повышении требовательности к каждому члену партии". "Коммунист", 1980, № 17, с. 15.)

"Это постановление ЦК имело громадное политическое значение. Его значение состояло прежде всего в том, что оно помогло партийным организациям перестроиться, провести курс на внутрипартийную демократию". ("История ВКП (б), Краткий курс, 1950, с. 334.)

"Владимир Ильич твердо проводил линию развертывания внутрипартийной демократии. Он опирался на широкие массы коммунистов и беспартийных". (Н. Хрущев. Заключительное слово на XXII съезде КПСС. Госполитиздат, 1961, с. 28.)

ВОЕНЩИНА — военные круги зарубежных государств, выступающие против советской политики.

В. оценивается как реакционная сила, выражающая милитаристские устремления империализма, побуждающая правительства различных стран к противодействию коммунизму и подавлению просоветских общественных движений. Неодобрительный смысл понятия передается суффиксом "-щин", традиционно используемым в русском языке для порицания социальных, идеологических, политических явлений ("поденщина", "обломовщина", "лакейщина", "дере-

венщина", "достоевщина", "есенинщина" и т. д. Экспрессивный характер слова усиливается эпитетами: "махровый", "реакционный", "безрассудный" и т. д., а также определениями, образованными от названий недружественных СССР государств: "израильская военщина", "пекинская военщина" и т. д. В советском сознании указанные словосочетания закреплены со стойким негативным смыслом, и неприязнь к В. тех или иных государств распространяется и на сами эти государства, на их общественную структуру, политику, культуру.

В. не используется при упоминании армий коммунистических стран или государств, входящих в орбиту советского влияния. Для них существуют иные наименования: "военные круги", "вооруженные силы". В советской интерпретации "вооруженные силы" непричастны к политике; они неизменно стоят на страже "завоеваний социализма и мира" и отстаивают интересы "освободительных движений".

"Военные круги" находятся под неусыпным контролем партии, и им отведена скромная роль советчика и эксперта: "военные круги в СССР считают ...", "по мнению советских военных кругов" и т. д. Такая интерпретация находится в глубоком противоречии с реальностью: командование коммунистических армий активно вмешивается в политическую жизнь общества. Устранение Берия, снятие Хрущева осуществлялись при участии советской В.; общее направление внешней политики Советского Союза и его милитаризация во многом определяются постоянным давлением военных кругов.

Таким образом, коммунистическая действительность, вопреки идеологическим схемам советской пропаганды, не дает оснований для идеализации вооруженных сил тоталитарных государств.

ПРИМЕРЫ:

"Американская военщина готовится разместить ядерные средства средней дальности в Европе". ("Правда", 16 октября 1983, с. 5.)

"Повстанцы в Сальвадоре подбили американский самолет "А-37",

которыми Пентагон снабдил сальвадорскую военщину". ("Комсомольская правда", 31 декабря 1982, с.3.)

"Генеральная Ассамблея ООН выразила резкий протест против наглых действий израильской военщины, совершившей агрессию в Ливане..." ("Комсомольская правда", 19 декабря 1982, с. 3.)

ВОЛЕЮ ПАРТИИ — идеологический образ (штамп), выражающий и утверждающий руководящую роль КПСС в жизни и развитии советского общества.

В. п. созвучно традиционным русским выражениям "волею небес", "волею судеб", подчеркивающим всемогущество высшей власти и неодолимость рока. Эта аналогия призвана создать представление о партии как о величайшей и всемогущей силе, способной преобразовывать действительность. Архаичная форма творительного падежа придает выражению определенную торжественность, напыщенность.

В пропагандистских текстах вслед за В. п. обычно следует "трудом народа", "подвигом трудящихся" и т. д. Подобная последовательность обнаруживает социальную иерархию советского образа жизни: власть принадлежит партии, назначение народа — исполнять ее волю.

Широко используется также вариант В. п. — "по воле партии". Эта форма менее риторична и характеризует текущую деятельность советского руководства: политическую и экономическую.

ПРИМЕРЫ:

"Волею партии в процессе преодоления классовых различий развивается ... коммунистическая сознательность и укрепляется интернационализм..." ("Строительство коммунизма и развитие общества" "Наука", М., 1966, с. 172.)

"Волею партии мы сильны..." (Из песни.)

"Выступавшие с удовлетворением отмечали, что внеочередной февральский Пленум ЦК КПСС вновь убедительно продемонстрировал непреклонную волю партии твердо и последовательно претворять в жизнь стратегическую линию, намеченную XXVI съездом..." ("Комсомольская правда", 23 февраля 1984, с. 2.)

ВООДУШЕВЛЕННЫЕ РЕШЕНИЯМИ — определение энтузиазма, который народным массам надлежит проявлять по поводу советской политики.

Выражение должно создать видимость духовного единства общества, непогрешимости КПСС и непререкаемости ее авторитета. Советский человек обязан вдохновляться решениями только высоких партийных и советских инстанций: Политбюро, партийных съездов, правительства. Что касается постановлений городских и районных организаций, то ими следует не "воодушевляться", их надлежит просто выполнять.

Употребляются и варианты В. р., в которых "воодушевленный" заменяется близким ему "вдохновленный", "открытый" или более энергичным — "вооруженный".

Иногда слову "решения" предшествует эпитет "исторический", указывающий на общечеловеческую, всеобъемлющую ценность решений, которыми следует воодушевляться.

ПРИМЕРЫ:

"Советские воины, воодушевленные решениями июльского Пленума ЦК КПСС, первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва, неустанно совершенствуют полевую, воздушную и морскую выучку..." ("Коммунист Вооруженных сил", 1979, № 13, с. 3.)

"Воодушевленные решениями XXVI съезда КПСС, XXX съезда Компартии Азербайджана майского, ноябрьского (1982) и июльского (1983) Пленумов ЦК КПСС, они настойчиво приумножают свой вклад в укрепление экономического и оборонного могущества многонациональной социалистической Родины". ("Вышка", 22 декабря 1983, с. 2.)

"Молдавские писатели..., воодушевленные историческими решениями XXVI съезда КПСС, еще активнее будут участвовать в благородной работе ленинской партии..." ("Литературная газета", 29 апреля 1981, с. 2.)

ВОСПИТАНИЕ СОВЕТСКОЕ — идеологизированная передача общественно-исторического опыта новым поколениям с

целью приобщения их к коммунистическим идеалам и деятельности.

В. с. имеет две цели: образовательную, заключающуюся в приобретении человеком в процессе обучения необходимых государству знаний и навыков, и воспитательную — укрепление в его сознании коммунистических принципов. В Советском Союзе приоритет отдается второй цели: "Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали" (Ленин., Соч. IV изд. т. 31, с. 266).

Объем В. с. противоречив. Духовно он искусственно сужается — сводится к натаскиванию людей лишь в соответствии с ценностями коммунизма; содержательно — неоправданно расширяется, подразумевая многочисленные виды образования: интеллектуальное, трудовое, физическое. На этом противоречивом фундаменте строится здание советского просвещения, теоретические основы которого были заложены Н. Крупской и С. Макаренко, утверждавшими, что обучение без коммунистического воспитания есть средство без цели, а коммунистическое воспитание без обучения — цель, лишенная средств.

В. с. имеет подчиненный по отношению к политике характер. Содержание образования, средства обучения, организация учебного процесса — все это носит четко выраженную коммунистическую направленность, в соответствии с которой советский педагог использует разнообразные методы: убеждение, поощрение, наказание, определенный режим труда и отдыха. Коммунистическими идеями продиктованы и основные принципы В. с. — такие, как связь с жизнью, воспитание в коллективе, через коллектив и для коллектива. "Построению коммунизма" подчинена и основная задача В. с., которая в Программе КПСС определяется как воспитание "нового человека", сочетающего в себе "духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство" (Программа КПСС, М., 1956).

Советская система образования порождает глубокие про-

творечия между обучением и воспитанием. Научные знания как предмет изучения не соответствуют задачам воспитания в СССР. Нравственные идеалы никак не "стыкуются" с советской действительностью, с ее низким материальным стандартом, узким диапазоном гражданских прав и духовных свобод. Реальность жизни порождает в людях чувства и убеждения, противоположные тем, которые В. с. стремится утвердить. Эти антиномии частично разрешаются фальсификацией обучения, когда овладение знаниями и само их содержание подчиняются марксистскому мировоззрению, обработке учащихся в духе преданности и покорности властям. А частично — идеологическим воздействием (вне учебного процесса) общественных организаций, стремящихся вытравить те черты характера, которые не вписываются в "моральный кодекс" советского общества.

В. с. осуществляется не только учителями, хотя им принадлежит в этом процессе ведущая роль, но и многочисленными "общественными" организациями: пионерской и комсомольской, молодежными лагерями, детскими комнатами милиции, домами культуры и т. д. В более широком смысле идеям В. с. служит вся система официальной духовной и социальной жизни в Советском Союзе (искусство, литература, средства информации, трудовая деятельность). Многочисленные культурно-просветительные учреждения — такие, как клубы, библиотеки, музеи — систематически проводят просветительно-воспитательную и образовательную работу среди взрослого населения.

Требованиям В. с. обязано отвечать и семейное воспитание. Их нарушение может повлечь суровое наказание родителей: лишение родительских прав и передачу детей под надзор и опеку благонадежных семей.

В. с. — школьное, общественное, семейное, направляемое и контролируемое в СССР партийными организациями, — имеет целью затруднить проникновение в сознание советских людей — и воспитателей, и воспитуемых — идей и мнений, нежелательных для властей, заменить подлинную картину мира надуманными представлениями и взглядами.

ПРИМЕРЫ:

"Особое внимание Советы уделяют делу интернационального, идейно-политического, трудового и нравственного воспитания подростков и молодежи". ("Известия", 13 октября 1983, с. 3.)

"Важнейшая задача воспитания – формирование человека-труженика". ("Правда", 15 октября 1983, с. 1.)

"Интернациональное воспитание – одна из наиболее действенных форм коммунистического воспитания". ("Агитатор", 1983, № 6, с. 58.)

ВОЯЖ – поездка государственного деятеля или частного лица, не отвечающая интересам советского руководства.

В понятие В. вкладывается обличительно-иронический смысл, подчеркивающий сомнительный или даже бесчестный характер поездки. Советские "ответственные" работники никогда не совершают В. Для описания их поездок используются слова нейтральные ("пребывание", "посещение") или слово, подчеркивающее необходимость и высокое назначение миссии – "визит".

Производное от В. – "вояжёр" – тоже несет в себе пренебрежительный оттенок, обозначая лицо, достойное осуждения и презрения.

ПРИМЕРЫ:

"Последовал взрыв дипломатической активности. В вояжи (в целях предотвращения революционных перемен в Родезии) отправилась мощная команда высокопоставленных эмиссаров Вашингтона". ("Новое время", 1979, № 23, с. 26.)

"Агентство также отмечает активизацию деятельности различных враждебных Никарагуа формирований, что связывается с вояжем команды Киссинджера". ("Известия", 13 октября 1983, с. 4.)

"... "бурный мистер Дэн", заместитель председателя Госсовета КНР Дэн Сяопин, как его окрестили американские газетчики, в ходе вояжа по Соединенным Штатам не скупился на угрозы в адрес Вьетнама". ("Международная жизнь", 1979, № 4, с. 104.)

ВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ — словосочетание камуфлирующее хроническую нехватку в СССР продуктов питания и потребительских товаров, а также недостаток квартир, топлива, строительных материалов, промышленного сырья, неудовлетворительную работу транспорта, несовершенный общественный сервис.

На разных этапах развития советского государства В. т. объяснялись то войнами и их последствиями, то неблагоприятными климатическими и природными условиями, то неурожаем. О действительной причине В. т. — пороках самой советской экономики — упоминать не принято. В редких случаях говорится о сложностях коммунистического строительства, некомпетентности "отдельных" руководителей, недостатках в работе местных властей и т. п.

Словосочетание В. т., свидетельствующее о признании трудностей в советском обществе, построено так, чтобы подчеркнуть их преходящий, временный характер. Однако после 65 лет существования советской системы В. т. не исчезли; они превратились в неотъемлемую принадлежность советской жизни. Оказалось, что нет ничего более постоянного в Советском Союзе, чем В. т. Коммунистическое сознание примирилось с "трудностями", но пропагандистская формула "временные" себя скомпрометировала. Поэтому В. т. в пропагандистских текстах все чаще заменяется выражением "объективные трудности", которые призвано закамуфлировать подлинные причины низкого и убогого стандарта жизни советских людей.

ПРИМЕРЫ:

"...Советский Союз и в прошлом всегда успешно преодолевал временные трудности, вызывавшиеся внезапным прекращением поставок с Запада той или иной продукции, налаживая свое собственное производство соответствующих товаров". ("Правда", 29 февраля 1980, с. 3.)

"Любой строящийся город сталкивается с временными трудностями: неустроенность новых районов и домов, отставание с воз-

ведением объектов социально-культурного и бытового назначения, благоустройством улиц и т. п." ("Агитатор", 1978, № 9, с. 36.)

ВСЕМЕРНЫЙ — характеристика различных форм советской социальной деятельности и политики.

Используется в контекстах, утверждающих "заботу" коммунистической партии о "благее" народа: "В. повышение благосостояния трудящихся", "В. укрепление обороноспособности страны".

В. употребляется и для побуждения народных масс к трудовой деятельности: "В. развитие движения за коммунистическое отношение к труду", "В. повышение эффективности производства", "В. повышение производительности труда" и т. п.

В. призвано также камуфлировать политику советского правительства. Нарращивание военного потенциала СССР именуется "В. укреплением обороноспособности страны", а советская экспансия в страны третьего мира и ужесточение контроля над ними — "В. поддержкой народов, борющихся за свою независимость", "В. укреплением дружеских связей со странами социалистического лагеря".

В общественном сознании — вне рамок пропагандистского давления — В. из-за своей назойливой императивности и двусмысленности ("всемерно", т. е. всеми мерами, возможными и невозможными), ассоциируется с неразборчивостью в средствах.

ПРИМЕРЫ:

"Мы должны оказывать всемерную поддержку молодым писателям". ("Литературная газета", 29 апреля 1981, с. 2.)

"...сложных проблем, связанных со всемерным повышением эффективности производства и качества труда строителей, еще немало".

"Его (голоса Америки) главные задачи — всемерная пропаганда внешней политики Белого дома, борьба с прогрессивными идеями". ("Советская культура", 10 августа 1979, с. 2.)

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ — определение, призванное подчеркнуть уникальное значение и непреложную ценность советских социальных явлений и коммунистической действительности.

Под категорию В. и. (вариант — просто "исторический") подводятся мировоззрение и труды "классиков" научного коммунизма; события, приведшие к установлению советского режима (октябрьский переворот) и его укреплению (индустриализация и коллективизация), к распространению и утверждению коммунизма в мире (вторая мировая война).

Явления, нежелательные или невыгодные Кремлю, оказываются вне рамок В. и. и даже просто исторических: достижения западной технической и социальной мысли, вклад союзников в разгром фашизма, достижения США в освоении космоса и многое другое.

В. и. таким образом, лишено объективного содержания и выражает лишь политические амбиции советского руководства.

ПРИМЕРЫ:

"Всемирно-историческое экономическое соревнование двух систем продолжается". ("Правда", 21 февраля 1982, с. 4.)

"Советские писатели восприняли очередной съезд КПСС как событие всемирно-исторического значения, знаменующее новый этап на пути строительства коммунизма". ("Литературная газета", 1 июля 1981, с. 5.)

"... Янош Кадар подчеркнул, что XXVI съезд КПСС имеет всемирно-историческое значение". ("Известия", 28 февраля 1981 г. с. 2.)

ВСТРЕЧНЫЙ ПЛАН — производственный план, предусматривающий более высокие показатели и более короткие сроки выполнения государственных заданий, чем установлено планирующими организациями.

В. п. разрабатывается администрацией предприятия и утверждается партийной организацией в процессе проведения "социалистического соревнования". Считается важней-

шей формой участия трудящихся в изыскании и эффективном использовании производственных резервов — рабочей силы, материалов и сырья.

Путем организации встречного планирования власти стремятся преодолеть пороки социалистической экономики, рассчитывают повысить производительность труда, снизить себестоимость продукции, увеличить прибыль предприятий, обеспечить их рентабельность.

В. п. — попытка координировать государственное планирование с реальными возможностями производства, согласовать деятельность поставщиков сырья и сбытовых организаций. Однако глубокого воздействия на хозяйственную программу и на царящую в советском обществе атмосферу равнодушия и инертности В. п. не оказывают. Не помогают ни повышенное экономическое стимулирование предприятий, ни обещания улучшить материальное вознаграждение рабочих. Несостоятельной оказалась и развернутая партийным аппаратом шумная пропагандистская кампания в поддержку движения за принятие и реализацию "напряженных встречных планов".

Сам факт появления В. п. свидетельствует о полной некомпетентности и несостоятельности централизованного планирования и о сокрытии руководителями предприятий имеющихся у них ресурсов. Обеспечивая некоторое увеличение объема выпускаемой продукции, В. п. ведут к снижению ее качества. Они — одна из причин постоянной лихорадки ("штурмовщины") на советских предприятиях. Действительная забота о росте производительности труда подменяется дутыми планами, завышенными отчетами и "приписками"; повсеместный обман и очковтирательство становятся нормой. В. п., усиливая потогонную систему эксплуатации, увеличивает текучесть кадров и приводит к массовым нарушениям трудовой дисциплины.

ПРИМЕРЫ:

"Одна из важнейших задач — обеспечить выполнение принятых в начале года встречных планов, где наиболее полно учтены вскрытые на предприятиях резервы". ("Правда", 13 декабря 1983, с. 1.)

”Основное внимание в ходе разработки встречных планов концентрируется на улучшении качественных показателей работы, на своевременном и полном выполнении поставок продукции по заказам потребителей, на всемерной экономии материальных, трудовых и финансовых ресурсов”. (“Правда”, 28 ноября 1983, с. 1.)

”Девиз ”логика” находит подчас воплощение во встречных планах и обязательствах на 1984 год”. (“Правда”, 25 декабря 1983, с. 2.)

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ — формула, призванная характеризовать отношение партийного руководства к советским людям.

Отношение народа к партии представляется просто ”доверием”. Манипулирование двумя категориями ”доверия” (высокое доверие и просто доверие) призвано создать представление об отсутствии между правительством и народом противоречий, о духовной гармонии, основанной на их взаимном доверии.

Исполнение понятия В. д. свидетельствует, однако, об обратном, о наличии социальной иерархии в советском государстве, снисходительно-покровительственный смысл В. д. утверждает превосходство партии над обществом. Партия, дарующая людям В. д., оказывается на вершине социальной пирамиды; народ, наделяющий партию только ”доверием”, находится внизу — у основания пирамиды. Тем самым в общественном сознании укрепляется представление о руководящей роли коммунистов в государстве.

ПРИМЕРЫ:

”Высокое доверие — быть выдвинутым в высший орган государственной власти страны”. (“Комсомольская правда”, 11 февраля 1979, с. 2.)

”Он сказал, что это высокое доверие целиком относит к нашей славной Коммунистической партии, ее Ленинскому Центральному Комитету”. (“Известия”, 9 февраля 1979, с. 2.)

”4 марта 1984 года советские люди придут к избирательным урнам, чтобы отдать свои голоса тем, кого они решили облечь своим высоким доверием”. (“Известия”, 19 декабря 1983, с. 1.)

”Г”

ГВАРДЕЙЦЫ ТРУДА — советские трудящиеся, объявляемые наиболее передовыми, сознательными, дисциплинированными представителями рабочего класса и крестьянства.

Словосочетание возникло путем перенесения военного термина ”гвардейцы” на явления общественной жизни: ”старая гвардия”, ”партийная гвардия” и т. д. Слово ”гвардейцы” ”воины лучших, отборных армейских формирований” стало основой понятия Г. т. Объявляя тех или иных граждан Г. т., советская пропаганда стремится создать идеальный образ грузеника, преданного режиму, бескорыстного, делового, исполнительного, примеру которого призваны следовать все советские люди.

В действительности за понятием Г. т. нет реального социального содержания: работники, провозглашаемые ”гвардейцами”, — обычные советские служащие, задавленные принудительным трудом, ищущие спасения от непосильной работы в прогулах и пьянстве.

Г. т. в политическом языке обнаруживают тенденцию к продуктивности и используются для создания новых слово-сочетаний, близких ему по значению: "Г. хлебных полей", "Г. армии строителей", "Г. нефтепроходки" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Непременная заповедь гвардейцев труда – постоянная общеобразовательная и идейно-политическая учеба, рост профессионального уровня, общей культуры". ("Агитатор", 1978, № 12, с. 3.)

"Пример патриотов – гвардейцев труда вдохновляет". ("Агитатор", 1983, № 22, с. 12.)

ГЕГЕМОНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА – концепция, обосновывающая ведущую роль рабочего класса в социалистической революции и служащая лозунгом и политическим инструментом коммунистической партии.

Идея Г. п. призвана утвердить доминирующую роль рабочих в революционном переустройстве мира, ибо цель гегемонии – осуществление их исторических и социальных устремлений. Лозунг Г. п. создавал представление, что идеалы, за которые профсоюзы боролись десятилетиями и даже столетиями, могут быть реализованы в результате завоевания власти пролетариатом. Это привлекало рабочих к теории Г. п. в революции.

Но уже Маркс и Энгельс ограничили роль пролетариата в качестве гегемона революции, подчеркнув, что он вступает в борьбу только "руководимым ... партией коммунистов". Ленин еще больше сузил эти возможности: "Пролетариат может быть гегемоном своей революции... в лице своего авангарда, коммунистической партии". Пролетариат, таким образом, оказывался в революции силой не руководящей, а руководимой (коммунистической партией). И стоило ему отказаться от "предначертаний" партии, как "гегемон" становится классом "отсталым, консервативным" (Маркс) или подверженным "мелкобуржуазным настроениям" (Ленин).

Захватив власть, коммунисты воспротивились попыткам

рабочих сохранить свою независимость, завоеванную отчасти еще при царизме и полностью обретенную в феврале 1917 г. Репрессии против рабочих, отличавшихся политической активностью и, в частности, — против возникшей в 1920—21 гг. "Рабочей партии", добивавшейся самостоятельности, смена руководства профессиональных союзов, разгон и расстрел народных демонстраций 1920—21 гг., исключение из коммунистической партии лидеров "рабочей оппозиции" (1922), запрещение забастовок, свертывание "профсоюзной дискуссии" — таковы этапы подчинения советского пролетариата диктату государственной власти, превращения рабочих в "приводные ремни" партии. Эту политику советское руководство проводило все годы при Сталине, не изменило ее ни при Хрущеве, ни после него.

До второй половины 50-х годов представление Г. п. в советской идеологии полностью соответствовало каноническим определениям Маркса. Важнейшей после свершения социалистической революции целью "класса-гегемона" объявлялось установление диктатуры пролетариата. Позднее, когда об этой цели "забыли", в характеристике Г. п. стали подчеркивать "широту классовых союзов пролетариата" и "разнообразие форм". При определении границ и форм Г. п. упор стал делаться на степень "зрелости" самого рабочего класса, его "способность" возглавить революционную борьбу, уровень "развитости" других классов. Эти оговорки лишили Г. п. прежней категоричности. В их подтексте сквозила мысль о том, что при недостаточной "сознательности" рабочего класса, при его неспособности "возглавить борьбу", коммунисты могут опираться и на другие, более "зрелые" классы. Эта трансформация формулировок Г. п. объяснялась как внутренними, советскими, так и международными факторами.

В самом Советском Союзе коммунисты перестали нуждаться в "штурмовых отрядах" рабочих для атаки на "классовых врагов", как это было во время октябрьского переворота, гражданской войны и осуществления политики "военного коммунизма". Для организационных, хозяйствен-

ных, научно-технических и идеологических целей пролетариат стал нужен партии меньше, чем опытная и квалифицированная интеллигенция. Не имея экономико-правовых преимуществ перед другими слоями общества, не получив обещанных революцией власти и благ, пролетариат перестал быть политической опорой режима. Это вынудило коммунистов в своих идеологических спекуляциях постепенно ввести "гегемона" в те социальные рамки, в которых пребывают все советские поданные в системе "общенародного государства".

В международной пропаганде вытеснение идеи "класс-гегемона", "гегемонии пролетариата" понятиями "классовые союзы", "национальные движения" и "национальные фронты" оказалось необходимым потому, что важнейшей опорой СССР в современном мире стали слаборазвитые страны, в которых нет (или почти нет) рабочего класса. Но для того, чтобы все-таки сохранить связь современной политики с декларациями Маркса, было объявлено, что "международный рабочий класс и мировая социалистическая система выступают гегемоном всемирной антиимпериалистической борьбы, осуществляя руководящую роль в международном масштабе".

Тем самым СССР в качестве гегемона мировой социалистической системы и КПСС в роли "авангарда" советского общенародного государства обретают обоснование, хотя бы фразеологически связанное с марксизмом.

Вторым претендентом на гегемонию в "мировой социалистической системе" оказалась коммунистическая партия Китая. При этом была построена другая идеологическая модель, согласно которой роль "мирового пролетариата" в современном мире играют "бедные" страны, освободившиеся или освобождающиеся от колониальной зависимости. Лидером этих "бедных" (слаборазвитых) стран и провозглашается КПК. Тем самым обосновываются притязания Китая на мировое господство.

Отождествление слаборазвитых стран Востока и Африки с пролетариатом индустриальных стран и предсказание, что

”Восток похоронит Запад в той яме, которую Запад сам для себя выроет”, (точно так же, как пролетариат похоронит буржуазию) восходит к Ленину. Оказывается, что длительная эволюция понятия и явления Г. п. была, в сущности, запрограммирована марксизмом у самых истоков становления коммунистического движения.

Единственно новым в коммунистической лексике оказалось производное от пролетарской ”гегемонии” — ”гегемонизм”, вошедшее в политический словарь мирового коммунизма в 60-х годах. В идеологическое обращение ввели его китайские коммунисты, настойчиво уличавшие послесталинское руководство КПСС в стремлении к мировому господству (”гегемонизму”). Советская компартия не осталась в долгу, переадресовав обвинение в ”гегемонизме” самим китайским лидерам.

ПРИМЕРЫ:

?

”Под руководством коммунистической партии Китая гегемония пролетариата обеспечила победу Народной революции и создание Народной республики в Китае”. (”Большая советская энциклопедия”, 1952, т. 10, с. 312.)

”...гегемония пролетариата в буржуазной революции при союзе пролетариата и крестьянства должна была перерасти в гегемонию пролетариата в социалистической революции при союзе пролетариата и остальных трудящихся и эксплуатируемых масс...” (История ВКП (б). Краткий курс. Госполитиздат, 1950, с. 72.)

”Ленин, большевики последовательно отстаивали на съезде главное, что обеспечивает успех революционной борьбы — установление гегемонии пролетариата”. (”Партийная жизнь”, 1973, № 16, с. 8.)

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ — руководящая политическая установка партийного аппарата (Политбюро, Центрального Комитета, съезда КПСС), определяющая деятельность государства на каждом этапе его развития.

Выражение вошло в обиход в 20-е годы, в период становления и укрепления советской власти. Приспосабливаемая к нуждам текущего момента, Г. л. позволяла партократии

маневрировать, выдвигать и обосновывать различные направления ее социальной деятельности, скрывая при этом от народа подлинную сущность коммунистической диктатуры.

Между требованиями Г. л. и реальной политикой КПСС существует глубокое противоречие. Оно прослеживается на протяжении всей советской истории. Формулируя еще в начале века первый лозунг Г. л. "Вся власть Советам", Ленин предполагал, что большевики могут завоевать власть только через советы депутатов трудящихся. Стоило, однако, Ленину убедиться, что большинство в советах получили представители либеральных и националистических партий, как этот призыв тут же перестал быть частью Г. л.

Осуществление Г. л. на коллективизацию сельского хозяйства предполагало физическое уничтожение кулачества как класса. Г. л. на индустриализацию означала создание ответственной промышленной базы за счет нищенской зарплаты и эксплуатации труда заключенных. Лозунг Г. л. "Кадры решают все" (в его основу были положены слова Сталина о том, что из всех ценных капиталов самым ценным являются люди) "реализовывался" путем партийных чисток и многомиллионных кровавых расправ.

Периодическое переписывание и постоянная фальсификация Г. л., многочисленные отклонения Г. л. от провозглашенных ранее, возникновение новых Г. л. объясняются в Советском Союзе трудностями развития первого "социалистического государства" и "мудростью" партийного руководства.

Г. л. неизменно носила абстрактный характер. Первым попытался конкретизировать ее Хрущев: он предусмотрел точные сроки осуществления самой генеральной из Г. л. — сроки построения коммунистического общества. Известно, что из этого ничего не вышло. Но еще раньше выяснилась угроза диктатуре, вытекающая из новой Г. л.: народные массы начали выходить из рамок управляемой "сверху" либерализации. Хрущев вынужден был пренебречь "восстановлением социалистической законности", декларируемым

в его Г. л. и санкционировал широкие репрессии — от судебных процессов против инакомыслящих до беспощадного подавления рабочих демонстраций и забастовок (в Темир-Тау, Новочеркасске, Муроме, Александрове и др.)

В последующий период, при Брежневе и Андропове, партийное руководство уже не пыталось осуществлять выдвигаемую им Г. л. Подписав Хельсинкские соглашения, объявив себя наиболее последовательным борцом за мир и демократию, партийное руководство жестоко расправляется с диссидентами. Провозглашая важнейшим принципом Г. л. во внешней политике невмешательство во внутренние дела других государств, советские власти используют вооруженные силы для подавления национальных движений.

Г. л. при всех ее метаморфозах (иногда резких, а порой и неожиданных) обладает логикой и политической последовательностью: каждый ее пункт служит задачам коммунистической диктатуры. Все повороты и изгибы Г. л. продиктованы интересами партийного единовластия в различных его формах: олигархической (Ленин, Брежнев, Андропов), тиранической — Сталин, единоличной — Хрущев. Г. л. — важнейший самосохранительный инструмент режима — идеологический, разъяснительный, маскирующий; отклонения от нее рассматриваются как тягчайшее преступление.

В СССР невозможна оппозиция партии ни по одному пункту Г. л. В анкетах сталинского периода существовал вопрос: "Были ли колебания и отклонения в проведении генеральной линии? Когда? Какие?" Утвердительный ответ на него означал конец служебной карьеры, а впоследствии — тюремное заключение и ссылку. В сравнительно "мягкие" 60-е годы ответ на этот, теперь уже устный вопрос, шутливо обыгрывался: "Колебался вместе с генеральной линией партии".

И всегда, на протяжении всего существования советского государства, Г. л. маскировала коммунистическую диктатуру, служила прикрытием стремления партократии удержать власть и удержаться у власти.

ПРИМЕРЫ:

”Партия вырабатывает свою генеральную линию, исходя из коренных интересов и потребностей народа и Советского государства, руководствуясь марксистско-ленинской теорией”. (“Коммунист”, 1979, № 2, с. 26.)

”Коммунистическая партия и советское государство последовательно и настойчиво проводят ленинский миролюбивый внешнеполитический курс. Это генеральная стабильная линия нашей партии” (“Партийная жизнь”, 1971, № 13, с. 5.)

”В докладе четко определена генеральная линия партии на 80-е годы и последующий период”. (“Литературная газета”, 8 декабря 1981 г. с. 1.)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (сокращенно — генсек) — глава советской компартии, который по существу является и правителем государства.

Г. с. — типичное порождение советской системы. Власть его не узаконена демократическими выборами — он назначается, по представлению Политбюро, узким кругом партфункционеров на пленуме ЦК. Единственным обоснованием его власти является сама власть. И он вынужден утверждать ее (и себя в ней) через постоянную демонстрацию непрерывных ”успехов” и ”достижений” режима и борьбу с партийным аппаратом. Иначе с неизбежностью возникает вопрос: на каком основании Г. с. правит страной, распоряжается ее богатствами и судьбами людей?

Партийный аппарат, пока возможно, стремится не дать в руки генсека всей полноты власти. Чтобы противостоять его честолюбивым устремлениям, используется хитроумное построение советского режима, которое на партийном языке именуется ”коллективным руководством”. Изобретение вынуждает любого советского руководителя — перед выходом на орбиту ”диктаторства” — некоторое время пребывать в невесомости внутри раздираемого противоречиями Политбюро, где недруги генсека по любому обсуждаемому вопросу всегда — ”против”, а сторонники иногда, но не

всегда — ”за”, и где решается роковой вопрос: кому из членов Политбюро быть, а кому — не быть.

Сила генсека прямо пропорциональна слабости членов Политбюро. Члены же Политбюро видят свою задачу в поддержании деликатного баланса: не позволять генсеку чрезмерно возвыситься (что грозит потерей влияния на него), но и не допускать полного крушения его авторитета (ибо, только опираясь на него, они могут реализовать свои честолюбивые замыслы).

Так, отдавая в руки генсека штурвал власти, члены Политбюро стремятся сохранить приводные ремни этой власти в своих руках. Но тут возникает противоречие между субъективными устремлениями соратников генсека ограничить его права жесткими политическими рамками и объективно заложенной в статусе генсека тенденцией к тоталитаризации и концентрации власти.

Источник и основа силы генсека — Политбюро и Секретариат ЦК; ему необходимо гарантированное и устойчивое большинство в обоих органах. С этой целью генсек в одинаковой мере стремится избавиться и от тех, кто помог ему подняться к власти, и от тех, кто противодействовал его восхождению на вершину партийной пирамиды. От первых зависит он, вторые зависят от него. Эта двойная система зависимости служит препятствием к превращению генсека из ”первого среди равных” в ”первого среди неравных” в Политбюро. Зависимость Г. с. от других ограничивает его свободу действий; зависимость других от него таит в себе потенциальную угрозу его власти. Так что для него важно, чтобы членами Политбюро становились люди не просто зависимые, а лично ему всем обязанные — каждый генсек стремится к этому.

Сталину для замещения большинства Политбюро своими людьми понадобилось 15 лет: он не торопился, так как стал генсеком в 43 года. Хрущев возглавил партию на грани пенсионного возраста — в 59 лет — и вынужден был провести этот процесс вдвое быстрее — за 7 лет. Брежнев, который пришел к власти, будучи всего на год моложе Хрущева,

Правил гораздо дольше и мог позволить себе "очищать" Политбюро дважды, заполнив его сперва "днепропетровским кланом" (1969–72 гг.), а затем – "молдавской мафией" (1977–80 гг.) . Андропов оказался в совершеннейшем цейтноте: сроки обновления Политбюро пришлось "спрессовать" до одного года. Если болезни пощадят Черненко, он также постарается заполнить Политбюро своими людьми.

В нормах советской партийной жизни (как и в советской конституции) не предусмотрены система наследования и порядок преемственности. Смена Г. с. в СССР неизменно сопровождается отказом от политического курса предыдущего лидера с последующим его осуждением и разоблачением.

В отказе от прошлого можно видеть определенную систематичность, продиктованную обстоятельствами. Каждый Г. с. действует в замкнутом и строго ограниченном социальном пространстве тоталитарной системы; выйти за ее рамки, оставаясь коммунистическим деятелем и не посягая на основополагающие принципы режима, он не может. Так что любое социальное творчество, будь то политическое конструирование или экономическое новаторство, сводится в СССР, по существу, к комбинациям с одними и теми же переменными: партийное единовластие, плановое руководство, централизованное управление, монополизированное хозяйство, государственное крепостничество. И каждый новый советский правитель, получивший власть над системой, или вернее подобранный системой в соответствии с ее потребностями, в состоянии проявить свою индивидуальность и самобытность, если она у него есть, только в рамках правил "коммунистической игры".

Возможностей здесь немного. Следовать по пути предшественника опасно: пришлось бы взять на себя ответственность за его ошибки и преступления. Остается по сути дела единственный вариант: отрицание целесообразности предшествующего этапа исторического развития вместе с отрицанием самого предшественника. Но коммунистическая система к 50-м годам XX столетия уже не поставляла "строи-

тельный материал” для реального, а не мифотворческого социального прогресса: к этому времени она исчерпала все свои способности к динамизму. В результате ”отрицание” процессов, протекающих в ”самом передовом” государстве, грозит подорвать власть того, кто на это отрицание решается, не приняв предварительно особых мер предосторожности.

У коммунистических руководителей не остается другого выхода, как имитировать ”утверждение” с помощью двойного отрицания: два социальных минуса, как и в алгебре, в соответствии с законами диалектики дают ”плюс”. Осуждение Хрущевым преступлений Сталина само по себе ничего не ”утверждало”. Но Хрущев не только ”отрицал” Сталина, он выступил против сталинского ”отрицания” Ленина. ”Отрицание отрицания” выводило его к позитивным началам коммунистического мифа — к Ленину: к нему он апеллировал в своей борьбе с оппозицией, его именем и авторитетом прикрывал и оправдывал свои авантюрные эксперименты.

Брежнев действовал по тому же рецепту: заклеив Хрущева, он воспротивился тотальной критике Сталина. Таким образом, из политической ткани ”двойного отрицания” правители России кроили себе костюмы положительных героев. Историческое же движение в СССР тем временем превращалось в бег на месте: от Хрущева, минуя Сталина, — к Ленину; от Брежнева, через голову Хрущева, — к Сталину. Новым провозглашалось более или менее основательно позабытое старое.

Основу амбиций Ленина составляли мировая революция и коммунистический интернационал. Сталин, захватив власть, сосредоточился на внутренних проблемах страны — на экономических вопросах и на борьбе с личными противниками. Его жизнь государственного деятеля оказалась настолько, однако, продолжительной, что это позволило ему с конца 30-х годов перенести центр тяжести на проблемы высшей политики: осознав, что с построением социализма в ”отдельно взятой стране” ничего не получилось, он стал закладывать основы международного коммунистического лагеря.

Ленин и Сталин исчерпали весь небогатый диапазон социальных и экономических альтернатив советского строя. Далее можно было подражать либо одному из них, либо обоим одновременно, либо, наконец, создавать политические комбинации из элементов первого и второго.

Впервые это сделал Хрущев. Осознав, что вести вперед "корабль" советского режима и опасно, и просто некуда (намеченный переход к коммунизму не состоялся), так как на закваске идей отмирания государства возникли центробежные силы, он попытался создать видимость движения, начав дерзко раскачивать государственный корабль по синусоиде — от Ленина к Сталину, до тех пор, пока не израсходовал все горючее, отпущенное ему партийной командой Политбюро. И тогда его сбросили с капитанского мостика и отправили на пенсию.

Его преемник Брежнев был настолько напуган социальными манипуляциями Хрущева, что чуть ли не полностью отстранился от внутренних государственных проблем: он скромно похоронил идеи экономических реформ и переключился на реформы внешнеполитические. Восстановилась связь советских времен: Брежнев завершил "дело" Сталина — коммунизм расплодился по всем континентам, СССР превратился в мировую имперскую державу, первую по вооружению и одну из самых нищих — по уровню жизни.

"Дебрежневизация", через которую проходил путь Андропова к власти, привела к переоценке им государственных приоритетов. Они переместились с внешней политики, где не так-то просто было перекрыть достижения Брежнева, на внутреннюю: экономические вопросы (такие, как реорганизация производства, упорядочение планирования и управления) и социальные задачи — усиление контроля над личностью и борьба с коррупцией. Именно этим объяснялась определенная склонность Андропова к реформам, но при этом — только в естественных для системы, т. е. тоталитарных пределах, определяемых советским социалистическим контекстом. Легко предсказать, что утверждение Черненко

также обязательно будет сопровождаться отказом от реформ Андропова.

Однако история советской России и на сей раз пойдет по традиционному пути. Предстоит новая борьба за власть в Кремле, и победа Черненко — только эпизод в ней. В конечном итоге к управлению партией и государством придут другие политические лидеры. Они, быть может, будут более самостоятельными и уверенными в себе, возможно, более современными — у них появится опыт знакомства с Западом. Но они останутся пленниками коммунистической системы, рабами марксистской идеологии. А посему вынуждены будут оставаться такими же осторожными и такими же нерешительными и консервативными, как их предшественники. Море ненависти между ними и народом не станет меньше. В укладе советской жизни не произойдет существенных изменений, жизнь простого человека останется тяжелой; возможно, несколько менее тяжелой, а, возможно, и более. И это даже не зависит от намерений будущих генсеков. В ходе развития коммунистической системы они полностью потеряют контроль над социальным управлением, над производительностью труда и технологией производства. Так что стандарт жизни советского народа будет диктовать социальная стихия.

Советская элита, как и сейчас, будет наслаждаться многочисленными материальными привилегиями. Полицейский аппарат будет жестоко карать (может быть, меньше, чем сейчас, а может быть, и больше) тех, кто станет требовать свободы и равенства. Для простого народа изменений не предвидится: рабочие, как и раньше, будут выпивать "на троих" под соленые огурчики (а чаще "под сукнецо"), обсуждать и осуждать моральный облик соседа или начальника, жениться не в первый раз, разводиться не в последний раз, спорить о справедливости и о правах. И ждать. И надеяться. И верить в "светлое будущее".

И, по-прежнему, на Западе будут дебатироваться вопросы: как это на высшем уровне советской власти — в Политбюро — не понимают, что тоталитаризм антинационален,

антинароден, античеловечен? Как это секретари ЦК, вроде бы мыслящие люди, не видят необходимости социальных реформ? Ведь они не могут не любить свой народ, не могут не думать о его будущем...

В таком подходе к России проявляется не одна — три ошибки. Первая: партократическая селекция не выводит на олигархическую орбиту умных и способных людей. Вторая: эти люди не получают достаточного образования и воспринимают действительность не всеобъемлюще, а узко — сквозь призму собственных интересов. Третья: в этом мире нет чувств, в том числе и любви к народу. Могут быть только разговоры о чувствах, да и то — о собственных. А если иной раз в них все же пробиваются побегі совести, они срезаются страхом. Такова тенденция во всех углах трапеции советской власти. Общая для нее и в каждом углу — своя.

ПРИМЕРЫ:

"Политбюро уверено, что Константин Устинович Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС будет достойно возглавлять боевой штаб нашей партии". ("За рубежом", 1984, № 8, с. 3.)

"...как отмечал в своем докладе на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, "империализм явно задался целью испытать волю народов к миру..." ("Агитатор", 1980, № 19, с. 36.)

"В связи с избранием тов. К. У. Черненко Генеральным секретарем ЦК КПСС в его адрес поступили многочисленные телеграммы и письма с сердечными поздравлениями..." ("Известия", 21 февраля 1984, с. 1.)

ГЕРОИЗМ — форма поведения, представляемая нравственным идеалом коммунистического общества.

Марксизм связывает Г. с переломными историческими периодами, выводит это понятие из противоречивости социального процесса, в ходе которого возникает необходимость решения насущных общественных проблем при усло-

виях, препятствующих и противодействующих их осуществлению. Такой исключительной эпохой рисуется советская действительность, требующая "во имя коммунизма" не только Г. отдельных личностей, но жертвенности всего народа. Однако личный индивидуальный Г. не поддается административному контролю, не всегда и не обязательно находится в сфере влияния партийного руководства, а порой зависит от случайных или временных обстоятельств. Поэтому цель властей — перевести стихийный личный подвиг в санкционируемый и регулируемый массовый Г. При этом конструируется парадоксальный императив: создание счастливого бесклассового общества предполагает поправление личного счастья его создателей, а реализация идей равенства достигается путем отказа от равноправия граждан. "Прорыв" из этого противоречия видится коммунистам в подвижничестве.

При этом не делается различия между индивидуальным и массовым Г., личный подвиг играет роль "почина" для всенародного Г. Герой должен браться за решение особо трудных и сложных задач, обязан возложить на себя исключительную ответственность, которая впоследствии культивируется и насаждается властями как обязательная для всех нравственная норма. Задача победы нового общества, указывает Ленин, не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует "героизма упорной и длительной будничной работы" (Ленин. Соч., т. 39, с. 17—18).

Во время гражданской войны Г. проявлялся в жертвенности во имя защиты советской власти; в период первых пятилеток — в аскетизме и самоотреченности, в пренебрежении к быту; в годы коллективизации — в беспощадности к нежелающим вступать в колхозы. Во второй мировой войне потребовалась гибель 30 миллионов людей для спасения коммунистического режима. В послевоенные годы необходимы были терпение и мужество для того, чтобы выжить в условиях беспрестанных "временных трудностей".

Квалификация Г. — прерогатива властей. В 1935 г. было учреждено звание "Герой Советского Союза", которое долж-

но присваиваться за мужество и воинские подвиги. В 1938 г. — звание "Герой социалистического труда" — за особые заслуги в развитии хозяйства. И в СССР появились тысячи героев, которые изображались истинными и мужественными патриотами (разумеется, преданными партии). На войне они обязаны были умирать с именем Сталина, в мирное время гибнуть, спасая государственное имущество или "сгорая" на "стройках коммунизма". Судьбы таких людей оцениваются и представляются как свидетельство величия коммунизма: партия — вдохновитель и организатор подвигов советского народа; советское общество — источник Г.

На самом деле в советской жизни остается немного места для Г. — каждому человеку предписываются четко формулируемые нормы поведения, несовместимые с героическим порывом. Партийный догматизм выхолащивает содержание Г. Человек, удостоенный звания "героя", часто вообще не совершает подвига, а получает это звание в награду за политическую лояльность или по конъюнктурным соображениям. Это звание может быть присвоено несколько раз. Хрущев был трижды героем, Брежнев — даже пятижды.

Звание героя стало в СССР политической разменной монетой: его удостоился Насер, не совершивший подвигов во имя советского государства, Сахаров же был лишен "героя", как только выступил против беззаконий в Советском Союзе. В конце 40-х годов китайский народ назывался героическим, после XX съезда КПСС советская пропаганда лишила его этого звания. Точно так же чехословацкий, польский и югославский народы временами именовались героическими, и периодически лишались этого звания — в зависимости от их отношения к СССР.

Девальвация Г. связана и с частотностью его употребления. "Героическим" именуется нескончаемый ряд явлений: почин, труд, поступок, судьба, жизнь, будни и т. д. Все эти понятия отражают не реальные героические проявления, а лишь их идеологизированные представления, создаваемые советской пропагандой. Подлинная же сущность советского Г. глубоко антигуманна и аморальна: миллионы челове-

ских жизней приносятся властями в жертву призрачным, надуманным идеалам с целью сохранения и упрочения режима. Поощряются бессмысленные подвиги и ненужная жертвенность — такова цена материализации коммунистической идеи, представляющей СССР "страной героев".

ПРИМЕРЫ:

"Усилия партии, мужество и стойкость Красной армии, героизм всего советского народа привели к тому, что Москва не только выстояла, но и отбросила врага от своих стен". ("Известия", 2 октября 1981, с. 3.)

"Советский человек — это пример мужества и стойкости, трудового и воинского героизма..." ("Агитатор", 1978, № 17, с. 2.)

"Неизменными остаются героическая сущность характера советского человека, его активная гражданская позиция, его высокая патриотическая сознательность". ("Литературная газета", 24 июля 1981, с. 2.)

ГЛАВАРЬ — государственный лидер или общественный деятель, вызывающий неприязнь советского руководства.

Развитие негативной окраски слова Г. отражает одну из особенностей семантической эволюции: стремление слов, обладающих одинаковым значением, к размежеванию по их употреблению и стилистической окраске. Для представления людей, стоящих во главе политических организаций или социальных групп, импонирующих советским властям, используются слова "руководитель", "глава", "вождь". Их синоним "главарь" — в результате развития одного из его значений "зачинщик", "вожак" получило в советской лексике осуждающий смысл.

Г. — в значении "жестокий, коварный, беспринципный руководитель" — употребляется в многочисленных словосочетаниях: "нацистский Г.", "Г. антисоветской организации", "Г. преступного режима" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Около 4000 человек провели демонстрацию у отеля "Джек Тар",

Где остановился находящийся с визитом в США главарь сальвадорской хунты Хозе Наполеон Дуарде". ("Известия", 30 сентября 1981, с. 4.)

"Выводы фашистского главаря базировались на анализе политики "умиротворения" западных правительств..." ("За рубежом", 1979, № 36, с. 14.)

"В Кампучии закончился судебный процесс над главарями преступного режима. Пол Пот и Иенг Сари заочно приговорены к смертной казни". ("Новое время", 1979, № 36, с. 28.)

ГОРИЗОНТ (чаще горизонты) — линия соприкосновения советской действительности с ее идеологическим представлением будущего (социального, научного, художественного).

Широко употребляется в таких словосочетаниях, как "горизонты науки", "Г. творчества", "Г. пятилетки".

Слово Г. прочно закреплено за понятием "коммунизм" — "горизонты коммунизма". Коммунистическое будущее всегда рисуется безоблачным, сказочно прекрасным. Этим объясняется и устойчивость сочетания Г. и "светлый", "Светлые Г." — по аналогии с выражением "светлое будущее", т. е. коммунистическое будущее.

В результате коммунизм представляется уже не как идеал будущего, но как реальное явление, очертания которого доступны восприятию, так как линия горизонта при всей ее отдаленности отчетливо просматривается. Отсюда выражение "на горизонте — зримые черты коммунизма"

Иначе воспринимает понятие Г. и производных от него выражений народное сознание. Оно иронизирует: "Коммунизм на горизонте? А что такое горизонт? Это — линия, удаляющаяся по мере приближения к ней".

ПРИМЕРЫ:

"Широкие горизонты для проявления творческой активности ленинского комсомола, всей советской молодежи открыла новая конституция СССР". ("Правда", 27 октября 1979, с. 2.)

”Надо помочь им увидеть при современном уровне благосостояния новые горизонты, возможности их досуга, чтобы сделать его эстетически более насыщенным”. (“Агитатор”, 1984, № 4, с. 56.)

”Соревнованию – новые горизонты”. (“Агитатор”, 1983, № 22, с. 13.)

ГОРЯЧИЙ ОТКЛИК – выражение, продуцирующее на общественное сознание представление о духовной общности и солидарности народных масс с коммунистическими правителями.

Экспрессивность (по-существу – псевдоэкспрессивность) словосочетания Г. о. создает социальный фон видимой активности советских людей: коммунистическое руководство отражает заветные устремления народа, народ отвечает своей партии заинтересованностью в ее политике и решениях (а заодно – платит признательностью и благодарностью).

Искусственно созданное выражение Г. о., однако, обнаруживает иной смысл: оно раскрывает истинные общественные отношения в советском обществе, где власти формулируют и издают декреты, распоряжения и постановления, а народные массы, ”горячо на них откликаясь”, обязаны верноподданнически и беспрекословно претворять их в жизнь.

ПРИМЕРЫ:

”Голос съезда был услышан и нашел горячий отклик во всех уголках земли”. (“Партийная жизнь”, 1981, № 8, с. 24.)

”Горячий отклик в сердце каждого советского человека нашли пламенные строки Обращения ЦК КПСС ко всем избирателям, гражданам СССР”. (“Комсомольская правда”, 23 февраля 1984, с. 2.)

”Горячий отклик в молодых сердцах вызвало обращение частей – инициаторов социалистического соревнования в своих видах Вооруженных Сил...” (“Коммунист Вооруженных Сил”, 1980, № 1, с. 67.)

ГРУППА ”А.” И ГРУППА ”Б.” – принцип деления советского производства.

К группе "А." отнесены в СССР отрасли промышленности, создающие основные средства индустриального производства (тяжелая промышленность), к группе "Б." — производство предметов личного потребления и домашнего обихода. При этом всегда подчеркивалось, что производство группы "А." служит определяющим показателем экономического развития государства. Естественно, что группе "Б." в Советском Союзе всегда уделялось меньше внимания, она развивалась значительно медленнее и неизменно отставала по темпам роста (по количеству и качеству товаров). Так, в легкой и пищевой промышленности СССР в настоящее время трудится только каждый четвертый работник, и на ее долю приходится всего 12—13% капиталовложений.

Такая неравномерность в распределении производственных фондов объясняется "законом преимущественного развития средств производства", "открытым" марксистской политической экономией. Реализация этого "закона" с неизбежностью вела и ведет к постоянной нехватке продуктов питания и товаров первой необходимости, к недоеданию населения, а в отдельные периоды советской истории — к голоду и вымиранию. Таким образом, само это деление свидетельствует о пренебрежении советских властей к элементарным потребностям людей. Это, однако, не мешает партийным руководителям утверждать, что, "опираясь" на преимущественное развитие тяжелой промышленности, они "проявляют постоянную заботу" о росте благосостояния народа.

С конца 70-х годов в Советском Союзе отмечается некоторое увеличение темпов развития производства предметов "народного" потребления. Однако по важнейшим показателям развития группа "А." по-прежнему опережает группу "Б." В результате — по обеспечению населения продуктами и товарами, по удовлетворению насущных бытовых нужд — СССР по-прежнему занимает одно из последних мест в ряду развитых стран современного мира.

ПРИМЕРЫ:

"На долю группы "А." приходится 74 процента всей продукции промышленности". ("Агитатор", 1980, № 19, с. 24.)

"Четыре пятых стоимости продукции группы "А." – это продукты труда, то есть сырье, материалы, полуфабрикаты, топливо, энергия". ("Агитатор", 1980, № 19, с. 25.)

"Ныне вся продукция группы "Б." пользуется особым вниманием в государственном масштабе". ("Бакинский рабочий", 31 января 1984, с. 3.)

”Д”

ДАВАТЬ – разговорный вариант слова ”продавать”.

В Советском Союзе в свободную продажу поступают обычно товары низкого качества или устаревших моделей, не пользующиеся спросом у населения. В тех редких случаях, когда на прилавках магазинов появляются добротные и модные вещи (как правило, импортные), о них не принято говорить ”продают” – ведь продают то, что в продаже есть всегда. Гораздо чаще употребляется слово ”дают”, в котором ощутим определенный привкус благотворительности.

Разумеется, такие товары предлагаются покупателю не даром – за них платят (и немало). Но советские люди испытывают подсознательную благодарность за то, что им вдруг предоставили возможность приобрести желаемое (масло, мясо, лифчики, кофточки, галстуки и т. д.). То, что эти товары не продают (в привычном для советского человека смысле), а именно ”дают”, подчеркивается еще одним специфическим словом – ”выбросили”. Дефицитные товары

не лежат на полках, их "выбрасывают". Они появляются из-под прилавка, где томились, ожидая перекупщика-спекулянта, или из "закрытого" (правительственного) магазина-распределителя.

В таком случае не принято говорить "купил" (купить могли бы все). Естественнее сказать "достал", ибо тут мало иметь деньги, нужно простоять в очереди многие часы и именно "достать" вещь, кого-то опередив и растолкав. Слово достал выражает множество чувств: гордость, удовлетворение, радость осчастливленного покупателя.

Советский человек, живущий в обществе, где постоянно всего не хватает, при виде очереди сначала становится в нее, а уж затем спрашивает, "что дают". Тут срабатывает привычный инстинкт охотника — если у магазина собрались люди, значит "выбросят" нечто такое, что можно только "достать".

ПРИМЕРЫ:

"У входа в магазин стоит длиннющая, закручивающаяся, как улитка, очередь. "Что дают?" спрашивает распаренная от жары и пудовых сумок в руках особа. Хрусталь — отвечают из очереди". ("Известия", 16 сентября 1980, с. 6.)

"9 октября в НРСлове была опубликована фотография советского магазина, у входа в который стоит большая толпа: что-то "дают", что-то "выбросили". ("Новое русское слово", 21 ноября 1983, с. 3.)

"Читатели НРСлова старших поколений уже заметили, что ново-прибывшие привезли с собой в багаже родного языка совершенно незнакомый им прежде смысл "дают", "выбросили" — извращенное насилие над старыми русскими словами..." ("Новое русское слово", 28 ноября 1981, с. 3.)

ДАЛЬНЕЙШИЙ — определение, призванное подчеркнуть поступательный характер движения коммунистического общества и выявить неразрешимые противоречия и деградацию капитализма.

Д. обычно сочетается со словами, обозначающими прогресс и развитие: "Д. улучшение", "Д. подъем", "Д. рост",

”Д. успехи”, ”Д. продвижение”, ”Д. расширение”, ”Д. наращивание”.

В подобных лексических соединениях Д. часто заменяется близкими по смыслу словами: ”неуклонный”, ”нарастающий”, ”наступательный”, ”непрерывный”, ”непрекращающийся” и т. д. При описании советской действительности указанные определения связываются с деятельностью партийного руководства, которое всегда выступает как инициатор и вдохновитель ”Д. развития, расцвета, совершенствования”. С помощью идеологизированного насаждения понятия Д. власти стремятся внушить массам представление о КПСС как об организации, обладающей сверхъестественной силой. Такое толкование полностью соответствует концепциям Ленина о неисчерпаемых возможностях коммунистической партии (вернее, ее вождей) по социальному переустройству и конструированию. Манипулируя понятием Д. и его синонимами, пропаганда стремится создать видимость непрерывного развития советского общества и тем самым исключить мысль о возможности общественного застоя (”прерывности прогресса”) в СССР.

В свете мифа о всеисилии и непогрешимости партии замедление Д. прогресса, любые неудачи и провалы коммунистического управления приписываются действию факторов, неподвластных советскому руководству: неблагоприятным погодным условиям, стихийным бедствиям, ”проискам врагов”.

Другая сфера использования Д. — оценка социальных процессов в ”капиталистических” государствах: ”Д. углубление кризиса мировой империалистической системы”, ”Д. усиление классовой борьбы в странах капитала”, ”Д. обнищание трудящихся масс под властью капитала” и т. д. В таких текстах Д. характеризует не идею поступательного исторического развития социализма, а изначальную ущербность свободного мира, выражающуюся, согласно пропаганде, в падении нравов, обнищании народа, отсутствии равенства и свободы. При этом отмечается, что социальная деградация некоммунистических стран была предсказана ”классиками”

научного коммунизма, и, следовательно, является еще одним доказательством правоты и всемогущества учения Маркса-Ленина. Тем самым "оптимистическое" звучание словосочетаний с Д. сохраняется и при соотнесении его с мрачной действительностью "загнивающего Запада".

Изредка Д. используется и применительно к событиям, отнюдь не желательным для советского руководства: Д. наращивание империалистами военной мощи", "Д. укрепление агрессивного блока НАТО" и т. п. Но и в этих случаях, в соответствии с "игрой" диалектической логики, Д. не теряет позитивного содержания. Оно должно предостеречь человечество от опасности, грозящей ему со стороны буржуазных стран. Тем самым оно призвано служить Д. свидетельством мудрости советского руководства.

ПРИМЕРЫ:

"...труженики нашей страны проявляют неустанную заботу о дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества Родины". ("Правда", 1 декабря 1983, с. 1.)

"Сохранение американского военного присутствия на ливанской земле чревато дальнейшей эскалацией вмешательства США". ("Вышка", 16 декабря 1983, с. 2.)

"Дальнейшее развитие экономики страны, ее интенсификация, реализация энергетической программы СССР неразрывно связаны с бережным использованием материальных ресурсов". ("Известия", 3 декабря 1983, с. 2.)

ДАЛЬНОВИДНАЯ ПОЛИТИКА — представление политического курса КПСС.

Используется для оценки решений советского руководства и характеристики коммунистических правительств.

Д. п. объявляется любая деятельность советского руководства и ее частные проявления: административные, экономические, школьные реформы.

Поскольку все действия советской администрации на разных исторических этапах неизменно квалифицировались как

Д. п., то нередко так именовались и преобразования, прямо противоречающие друг другу. Скажем, Д. п. объявлялись хрущевские меры по свертыванию личных приусадебных хозяйств колхозников и постановления администрации Андропова, способствовавшие их развитию.

Советских руководителей критикуют только после, как их снимают, или после смерти. "Генеральная линия" партии — при всех условиях — свидетельствует о Д. п. В то же время политика правящих кругов недружественных СССР стран всегда расценивается как "недальновидная" ("близорукая", "узкая", "слепая" и т. п.).

ПРИМЕРЫ:

"Высокий международный авторитет Советского Союза — итог последовательной, дальновидной политики партии". ("Коммунист", 1979, № 5, с. 17.)

"Советские люди выражают горячее одобрение и глубокую признательность конструктивной, дальновидной и последовательной внешней политике, которую проводит ленинский Центральный Комитет КПСС, его Политбюро и лично тов. Л. И. Брежнев". ("Партийная жизнь", 1979, № 13, с. 5.)

"Сегодня на примере Казахстана весь мир видит, насколько дальновидна аграрная политика нашей партии". ("Литературная Россия", 22 июня 1979, с. 8.)

ДАЧА — загородный летний дом.

За этим нарочито обтекаемым и неконкретным определением патриархального плана скрываются самые различные понятия (а за ними — явления социальной иерархии): и убогий ветхий домик из одной комнаты, без водопровода и света, и роскошная каменная вилла в несколько этажей, огороженная глухим забором, и аристократический дворец, поражающий великолепием, с прислугой и охраной, с собственным пляжем и лесом.

Одни Д. — личная собственность граждан, они построены жилищным кооперативом или переоборудованы из старых

деревенских домиков, доставшихся в наследство. Другие — принадлежат государству, ими пользуются бесплатно (или за символическую плату) — в строгом соответствии с партийным протоколом.

Для известных ученых, писателей, режиссеров, композиторов, солистов оперы (более известных своим прислуживанием режиму, чем творческими успехами) Д. строятся в специальных поселках, расположенных в стороне от проезжих дорог, и прячутся в сосновых лесах.

Партийная элита и те, кто их охраняет и защищает — высокие чины тайной полиции и армии — получают виллы с участками в несколько гектаров, где имеются собственная роща и сауна, теннисный корт и плавательный бассейн. К ним проложены особые дороги, на развилках которых ставятся посты милиции, ограждающие обитателей Д. от любопытства прохожих. Вход или въезд труда — по специальным пропускам и по предварительной договоренности. Расположены Д. чаще всего в 20—30 км юго-западнее Москвы, в деревенской местности (неподалеку от Барвихи, Жуковского Внуково и др.). Есть они и в окрестностях других крупных советских городов — в живописных местах, отведенных для правительства.

Распределяются Д. строго по рангу. Характер дач, их отделка и расположение определяются статусом владельца. Большая Д. — большой человек. В Советском Союзе не может случиться, чтобы, например, член Политбюро стал владельцем такой же Д., как кандидат в члены Политбюро. Д. оттеняет и представляет (а в известной мере и определяет) значимость лица.

Дача в сорок комнат, принадлежащая теперь К. Черненко (перед этим она принадлежала Ю. Андропову, который наследовал ее от Л. Брежнева), с плоской крышей в калифорнийском стиле расположена в 25 км западнее от Москвы, в предместье Усово, в Заречье и окружена трехметровой высоты чугунной оградой. Помимо нее, у советского правителя есть дворец в Завидово — здесь он дает волю своей страсти охотника. Для отдыха в его распоряжение предо-

ставлены виллы в Ореанде — в Крыму, в Пицунде — на Черноморском побережье, в Прибалтике, домик в финском стиле на Карельском полуострове.

Не обижены Д. и прочие члены Политбюро. Расположены эти Д. над спокойно или бурно текущей рекой, в долинах или в горах, они обязательно изолированы от внешнего мира. Роскошь Д. завуалирована привычной секретностью; всей советской элите есть что скрывать и терять.

От случая к случаю обитатели Д., вероятно, вспоминают какие-либо коммунистические заповеди, с которыми они выступают перед своим народом и которые им бы, собственно, полагалось "претворить в жизнь". Например. Энгельса: "Частная собственность должна быть отменена, все имущество должно быть обобществлено".

ПРИМЕРЫ:

"Бюро Ленинского райкома КПСС объявило коммунисту А. Хохлову строгий выговор с занесением в личную карточку за злоупотребление служебным положением при строительстве личной дачи..." ("Партийная жизнь", 1983, № 20, с. 72.)

"Когда-то на участке, где расположились пять кооперативных дач, стоял помещичий дом, сожженный в революцию..." (Ю. Трифонов. "Старик". М., "Советский писатель", 1979, с. 132.)

"В 60-х годах дачное строительство в Баку получило широкий размах. Кто строил дачи? В основном руководящие работники, интеллигенция. А во что это вылилось? Во многих случаях — в злоупотребления: незаконное использование техники, транспортных средств, стройматериалов, рабочей силы с предприятий, строек... Нам пришлось серьезно наказать, вплоть до исключения из партии, некоторых руководящих работников" ("Литературная газета", 18 февраля 1981, с. 10.)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ — принцип организационного строения КПСС и государственного управления в СССР.

Централизм в КПСС выражается в существовании одной правящей партии с единым руководством — Политбюро и

Центральным Комитетом, в безусловном подчинении низших партийных инстанций высшим; меньшинства — большинству, "партийной дисциплине". В области государственного управления централизм проявляется в существовании всесоюзных Советов министров и Верховного Совета, которым подчинены республиканские министерства и советы. Установлен полный и систематический контроль центрального управленческого аппарата над провинциальным. Централизм утверждает себя и в общегосударственном планировании советской экономики.

Демократизм (в равной мере и в партии, и в государстве) — понятие чисто декларативное. Выборность руководящих органов (снизу доверху), отчетность депутатов перед избирателями, проведение съездов партии и сессий Верховного Совета — все это фикции, предназначенные для создания видимости народовластия. В действительности вся полнота никем и ничем неограниченной власти сосредоточена в Политбюро ЦК КПСС. Оно является тем единым, общепартийным и общегосударственным центром, который определяет правление и деятельность всего партийного и государственного аппарата.

Таким образом, из двух элементов Д. ц. единственно реальным является централизм. Демократизм же — всего лишь вуаль, прикрывающая великодержавный централизм советского государства, его имперскую сущность.

Совмещение или, как пишут в официальных советских документах, "соединение" централизма с федерализмом полностью исключает права национальных республик. Каждая из них номинально имеет свои министерства и советы. Но строгое и безусловное подчинение Москве превращает эти ведомства в периферийные придатки центральной государственной машины. И сущность, и права их не зависят от того, кому они подчинены формально — руководству республиканского совета или верховного, общесоюзного.

Население каждой республики имеет свой национальный язык, но вся официальная республиканская документация ведется на русском. Он же является языком партий-

ных конференций, съездов и сессий республиканских советов.

Децентрализация партийного и государственного управления допускается лишь в пределах, содействующих эффективному осуществлению централизма.

При наличии единой системы партийного и государственного руководства, госбезопасности, внутренних вооруженных сил и общегосударственного планирования Д. ц. представляет собой идеологическое обоснование советского тоталитарного строя, чуждого демократизму и враждебного национальным устремлениям.

ПРИМЕРЫ:

"Взаимоотношения центральных и местных органов партии базируются на принципе демократического централизма, который является руководящим принципом организационного строения КПСС". ("Коммунист". Календарь-справочник 1977 года. М., Изд. политической литературы, 1976, с. 38.)

"...выяснилось, что целый ряд партийных организаций в своей практической работе сплошь и рядом нарушает устав партии и основы демократического централизма..." (История ВКП (б). Краткий курс, 1950, с. 333.)

ДЕТИЩЕ — плоды деятельности, приписываемой коммунизму.

В таком представлении Д. теряет свой изначальный смысл ("ребенок") и употребляется в переносном — "результат человеческого труда". Вместе с тем прямое значение тоже подспудно присутствует и навязывается сознанию советского человека. Д. партии объявляется, например, комсомол; Д. комсомола — молодежные стройки; Д. молодежныхстроек — новый человек. Само собой подразумевается, что и комсомол, и молодежные стройки, и новый человек близки и дороги коммунистическому государству и правительству, как дети родителям. Так создается иллюзия семейной близости в советском обществе — близости, которой, разумеется, нет.

Д. в коммунистической пропаганде может иметь и обратное значение — при оценке явлений, враждебных советскому государству. Так, фашизм провозглашается Д. капитализма, война — Д. империализма, пережитки в сознании — Д. буржуазного окружения и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Плановая система — детище социализма, выражение его коренных преимуществ" ("Коммунист", 1979, № 5, с. 3.)

"Коминтерн стал ... детищем революционного творчества масс" ("Коммунист", 1979, № 6, с. 20.)

"Магнитогорский металлургический комбинат — легендарная Магнитка — детище первых пятилеток" ("Литературная газета", 29 апреля 1981, с. 1.)

ДЕФИЦИТ — недостаток продуктов питания и промышленных товаров, нехватка времени и трудовых ресурсов, ущербность и недостаточность общественных услуг, обусловленные социальными пороками советского общества.

Коммунистическая пропаганда объясняет наличие в СССР Д. двояко: действием исторических факторов (революционная разруха, война) и постоянным ростом потребностей советских людей. Любопытно, что уровень жизни советских граждан всегда оценивается в сравнении с данными 1913 года.

Истинные причины Д. связаны не с трудностями становления советского общества, а с его сущностью и структурой: системой централизованного планирования, милитаризацией промышленности, отчужденностью работника от результатов его труда, его незаинтересованность в количестве и качестве производимой им продукции, организацией управления и т. д. Столь же неправомерно объяснять Д. "особой" природой советских людей, чьи потребности почему-то постоянно растут.

Возможности общества зависят от распределения людей в системе производства и от самого характера производства. Здесь-то и проявляются глубокие диспропорции советской

экономики: из системы легкой промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг наиболее квалифицированная рабочая сила непрерывно перекачивается в военную индустрию — в соответствии с глобальными устремлениями коммунистического руководства. Следствием такой политики и становится производственная аритмия советского хозяйства; его противоречивость; относительный прогресс в военной промышленности сочетается с застоєм и упадком производства для гражданских нужд.

Одним из факторов Д. является умозрительное моделирование советской экономики, пренебрегающее анализом реальных производственных возможностей рынка. Потребности определяются не динамикой и развитием общества, а политическими целями руководства. Для Советского Союза вообще характерны непропорциональное распределение труда между различными сферами и система фиктивных показателей, способствующих расточительству, слабая механизация производства и кустарная его организация, преобладание малоквалифицированного труда. Все эти факторы в совокупности и порождают постоянный Д., делают его неизбежным и неизменным спутником "советского образа жизни".

Советские пропагандисты предпринимают попытки оправдать Д. и, с другой стороны, доказывают, что он положительно влияет на эффективность и рентабельность производства. Д. будто бы выполняет чуть ли не гуманные функции (например, дефицит кадров вынуждает руководителей видеть в каждом работнике индивидуума, проявить заботу о научной организации и улучшении условий труда). Однако сама постановка проблемы Д. в связи с человеком вводит личность в систему товарных категорий: Д. масла, мяса, одежды, мыла, тканей и... людей.

С Д. людей и их стремлением к налаженной и обеспеченной жизни советские власти борются постоянно; с Д. вещей — лишь спорадически, когда нехватка продуктов и товаров приобретает угрожающий характер. Тогда объявляется очередной поход против "спекулянтов", выдвигается требо-

вание "поставить заслон нерадивости и безхозяйственности", искусственно сбивается спрос, повышаются цены.

Уже много лет, с 30-х годов, СССР разделен на три продовольственные зоны. Первая — Москва, Ленинград и несколько городов в Прибалтике и на Украине, центры международного туристского маршрута — обеспечиваются продуктами и товарами относительно прилично (в советском понимании). Вторая зона — столицы республик и крупные промышленные центры — снабжается неравномерно: иногда на прилавках магазинов появляются нужные товары, но затем наступают недели и месяцы товарного запустения. Третья зона — города "областного значения", промышленные поселки, районные центры. Здесь мясо (а часто масло и молоко) распределяются по предприятиям, в магазинах же продаются рыбные консервы (да и то не всегда), некоторые крупы и, постоянно, водка.

Вся жизнь советского человека проходит на фоне бесконечного Д. Очереди сопровождают его от юности до конца жизни. В советском обществе Д. не ощущается только на самом верху социальной пирамиды: в закрытых магазинах-распределителях к услугам советской партийной и правительственной номенклатуры полное изобилие самых изысканных продуктов и товаров.

ПРИМЕРЫ:

"Ясно, что, запасая товары для себя, для нужных людей, дельцы от торговли искусственно создают дефицит". ("Агитатор", 1983, № 20, с. 24.)

"Продавцы ... успели продать из-под прилавка более половины всей партии поступившего дефицита". ("Социалистическая индустрия", 17 августа 1982, с. 4.)

"На экранах действительно есть дефицит, но именно приключенческих, увлекательных фильмов". ("Литературная газета", 5 августа 1981, с. 8.)

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА — безраздельная политическая власть партократии, устанавливаемая в процессе ре-

волюционного переворота, опирающаяся на насилие и не связанная законами.

Идея Д. п., впервые выраженная в марксистской литературе XIX века, предполагала захват пролетариатом власти, ликвидацию буржуазной эксплуатации и создание пролетарского государства. Считалось, что с возникновением бесклассового общества Д. п. как аппарат государственного подавления сразу же отомрет.

Русский большевизм расширил это понятие. Д. п. стала определяться как особая форма классового союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства. При этом, однако, отмечалось, что политическую власть пролетариат не делит ни с одним классом, и участие крестьянства в революции предполагает принятие им программы рабочего класса и его безраздельного политического руководства.

Со времен Парижской Коммуны (1871) и до смерти Сталина (1953) считалось бесспорным, что Д. п. сохранится до полного перехода к коммунизму. В советских партийных документах, начиная с 1961 г., существование Д. п. стало ограничиваться "эпохой социализма". Но сама "эпоха социализма" оказывается безграничной: вслед за стадией "развитого социализма" наследники Хрущева "вывели" Россию из периода "перехода к коммунизму" и вновь "ввели" в социализм, но теперь именуемый уже "зрелым". При этом благо-разумно отмечалось, что "полной и окончательной" является лишь всемирная победа социализма. Победа социализма в отдельных странах ныне считается "полной", но не "окончательной", ибо в мире, где еще существуют буржуазные государства, возможны попытки реставрации капитализма.

При всех изменениях в коммунистическом толковании Д. п. неизменным оставалось утверждение, что руководящей и направляющей силой в системе Д. п. остается коммунистическая партия, что осуществить свою историческую миссию построения "справедливого" общества рабочий класс может только "под руководством партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией".

До коммунистического переворота в России были попытки трактовать Д. п. как власть рабочих, организованных в непосредственную правящую силу; защищались и обосновывались идеи управления государством не через партию, а с помощью "съездов трудящихся". Концепция Д. п. как власти рабочего класса проявила свою несостоятельность, едва возникла реальная необходимость наладить функционирование большевистского государства.

В первые годы советской власти Д. п. все еще сохраняла некоторую свою видимость: руководящие кадры рекрутировались главным образом из среды рабочих, которые составляли значительную часть многократно увеличенной после 1917 г. коммунистической партии. Но такая установка стала противоречить социальному укладу складывающейся государственной власти, в котором коммунистическая партия представляла "направляющую и движущую" силу общества. Рабочая оппозиция, защищая идею пролетарского управления государством, восстала против создания над рабочим классом бюрократизированного партийно-государственного аппарата и требовала участия в управлении государством "всех рабочих", повторяя при этом дореволюционного Ленина. Профсоюзные лидеры добивались для рабочих, как для правящего класса, социальных привилегий: бесплатных коммунальных услуг, полного контроля над производством, сокращенной рабочей недели — именно такие обещания содержались в предоктябрьском варианте программы РКП (б).

Власть пролетариата, "поголовно организованного в правящий класс", быстро обнаружила свою несостоятельность: создание коммунистического государства породило множество административных, управленческих, организационных, военных функций, которые не могли осуществляться рабочими, выполняющими свои непосредственные обязанности на фабриках и заводах.

Д. п. как диктатура рабочего класса оказалась утопичной и потому, что при подавлении эксплуататорских классов ущемлялись и попирались права и свободы рабочих.

Демократические принципы приходили в противоречие с диктаторским режимом партии: коммунисты не могли допустить политической свободы профсоюзов, наличия рабочей оппозиции, выборности профсоюзного руководства, не потеряв власти, шатавшейся к началу 20-х годов из-за крестьянских выступлений и рабочих забастовок. После критического момента, кризиса власти — Кронштадтского мятежа матросов — X съезд КПСС (1921) принял резолюцию о единстве партии, запрещающую всякую (в том числе и рабочую) оппозицию. Коммунистическая партия стала управлять, ликвидировав демократические институты государства, партии и рабочего класса, права которого (вернее, его бесправие) в советском государстве сравнивались с правами всех классов общества — крестьянства и интеллигенции, хотя на фасаде советской власти по-прежнему оставался лозунг Д. п., объявляемой высшей и наиболее полной в истории человечества демократией. Для того, чтобы связать в одном определении взаимоисключающие понятия диктатуры и демократии, коммунисты утверждали, что Д. п. есть диктатура подавляющего большинства народа, трудящихся над эксплуататорским меньшинством. И как диктатура большинства она является воплощением самого полного народовластия.

Однако даже теоретически Д. п. не может рассматриваться как власть большинства народа: в России в 1913 г. рабочие и служащие составляли 17% населения, в 1920—22 гг. доля рабочих среди всего населения упала до 3%. В Китае к моменту прихода к власти маоистов, также было менее 3% рабочих; даже в наиболее промышленно развитых странах Запада рабочие не составляют большинства населения.

Сталинский режим провел в жизнь лишь две идеи из всего содержания Д. п.: опору на насилие и принцип неограниченной власти, не опирающейся на закон — то, что в сущности было уже заложено и в ленинской трактовке Д. п. Тем самым оправдывались сталинский произвол, насилие и репрессии, захватившие не только эксплуататорские классы в

городе и деревне, но обрушившиеся на самые широкие слои рабочего класса и крестьянства, чьи интересы, казалось бы, призвана была выразить Д. п.

В этом выхолощенном содержании Д. п. означала диктатуру элиты партии, опирающейся на советское государство и его репрессивный аппарат. За советским режимом, представляемым Д. п., кроме обычных функций государства (обороны страны и охраны законов) закреплялись новые задачи: борьба с политической оппозицией, монопольное право на организацию хозяйственно-экономической, социально-политической и культурной жизни, осуществление принудительного коммунистического воспитания.

Символическое сохранение фасада Д. п. в современной коммунистической идеологии необходимо советским властям для реализации их экспансионистской политики. Д. п. служит идеологическим обоснованием претензий Советского Союза на лидерство в международном рабочем и коммунистическом движении. Странам развивающегося мира, не имеющим многочисленного пролетариата, предлагается опираться на международное рабочее движение, т. е. прежде всего на Советский Союз. Государства, получившие независимость, призываются развивать тяжелую индустрию для создания рабочего класса, который предполагается использовать для коммунистических заговоров. Провоцируя же коммунистические перевороты, Москва не видит необходимости дожидаться появления местного пролетариата для создания правительств, действующих от имени рабочих.

Сохраняет свои идеологические функции Д. п. и во внутривластной пропаганде, несмотря на то, что в 1961 году было объявлено, что Советский Союз переродился в "общенародное государство". Отмечается, что в "общенародном государстве" руководящая роль рабочего класса даже усиливается.

Провозглашение опоры на рабочий класс, сопровождаемое парадным прославлением действительных и мнимых исторических заслуг рабочих, служит прикрытием и оправданием безраздельной власти КПСС. Однако, учитывая по-

тенциальную силу многочисленного в СССР рабочего класса, партократия тщательно следит за любыми проявлениями его политического сознания и экономической борьбы. В глубочайшей тайне хранятся неоднократно происходившие в СССР за последние десятилетия выступления рабочих, требовавших улучшения оплаты и условий труда; попытки создания свободных профсоюзов были жестоко подавлены в самом зародыше, а их лидеры репрессированы.

Партийная бюрократия неизменно стремилась к сохранению диктатуры, хотя сами формы коммунистической диктатуры не оставались неизменными: в сталинские годы Д. п. означала диктатуру узкой олигархической группы, направленной против как партии, так и народа. Изменение структуры власти в Советском Союзе в последние десятилетия привело к созданию диктатуры класса партократии, использующего партийный аппарат для подавления народа.

ПРИМЕРЫ:

“Диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс”. (Сталин И. В. Соч. , т. 6, с. 114.)

“Исходя из созданной Марксом концепции классовой борьбы и диктатуры пролетариата, Ленин всесторонне развил теорию социалистической революции...” (“Коммунист”, 1980, № 4, с. 13–14.)

“...необходимо считать закономерностью то обстоятельство, что страны, строящие социализм, должны учиться прежде всего на опыте СССР, где впервые в мире была установлена диктатура пролетариата, создан новый тип государства – Советское социалистическое государство...” (“Мировая экономика и международные отношения”, 1980, № 9, с. 142.)

ДИСЦИПЛИНА – обязательное подчинение определенному, твердо установленному порядку и правилам, предусмотренным уставом КПСС или административным и трудовым законодательством.

До установления коммунистического режима в России, как и в свободных странах, под словом Д. обычно имелась в виду воинская дисциплина. В советском лексиконе появились и прочно вошли в обиход словосочетания "партийная Д.", "государственная Д.", "трудовая Д.", "профсоюзная Д.", "комсомольская Д." и т. д.

Каждая из этих Д. по существу строится на тех же принципах, что воинская. Положения воинских уставов определяют организационную структуру коммунистической партии и — одновременно — взаимоотношения в рамках трудовых коллективов. При этом в партийных, государственных или профсоюзных документах, когда речь идет о дисциплине, фигурируют те же выражения, что и в воинских инструкциях: "железная", "нерушимая", "строжайшая" и т. д.

Важнейшей в жизни советского общества стала "партийная Д.", поскольку "решающей и направляющей силой" в стране оказалась коммунистическая партия, централизовавшая и подчинившая себе все формы социальной и политической жизни. Ее руководство — Политбюро и ЦК — наделено абсолютной властью, широчайшими правами и полномочиями. Его решения, обязательные для всех советских организаций, государственных и общественных, реализуются при насаждении партийной Д., официально именуемой "беззаветным служением" народу и преданностью партии. И одновременно — высшим проявлением коммунистической сознательности (а заодно — коллективизма, патриотизма, добросовестности и т. д.).

Фактически соблюдение партийной Д. обеспечивается суровыми наказаниями (за невыполнение партийных решений изгоняют из партии и увольняют с работы), насаждением и поощрением доноительства. Член партии обязан сообщать руководству о любых проявлениях непослушания и недовольства режимом.

Определяющий ("ленинский") принцип партии состоит в том, что отступление от партийной Д. приравнивается к преступлению. "Кто хоть сколько-нибудь ослабляет партий-

ную дисциплину, тот фактически помогает врагам трудящихся" (Ленин. Собр. соч., изд. IV, т. 4, с. 27.)

С государственной изменой идентифицируются и нарушения трудовой Д. Основание — тезис, что "трудовая Д." в социалистическом обществе есть проявление коммунистического патриотизма, героизма, самоотверженности и т. д.

Формула "трудовая дисциплина" обнаруживает глубокие противоречия в советском мышлении. Марксистская мораль рассматривает труд как внутреннюю потребность личности (иными словами, как естественный процесс социализации человека) и в то же время постулирует в качестве важнейшего метода его организации дисциплину, т. е. принуждение. Выход из этой антиномии и ее объяснение пытаются найти в теории взаимодействия общественного сознания и индивидуального бытия. Утверждается, что если для "социалистического" общества в целом труд уже стал духовной потребностью, то некоторые его члены (не вполне сознательные) все еще нравственно отчуждены от него. "Снимается" это противоречие с помощью социального регулирования и воспитания, неотъемлемой частью которого и является "трудовая Д." Она закрепляет работника на производственном участке, регламентирует объем работы, предопределяет выполнение плановых заданий и обязывает его участвовать в общественной жизни.

В сущности, трудовая Д. базируется на той же системе требований, что и партийная Д. — беспрекословное выполнение трудовых обязанностей и производственного распорядка, признание единоначалия и полное повиновение. Сознательное (оно же "коммунистическое") отношение к труду оказалось фикцией.

Действительность советских предприятий — постоянные прогулы и опоздания на работу, низкая производительность труда, незаинтересованность в производственном процессе, воровство, пьянство, очковтирательство, стяжательство. Власти стремятся переложить вину за развал трудовой Д. с системы на самих граждан, обвиняя их в лености, инертности, расхлябанности, неспособности к эффективному труду.

Борьба за трудовую Д. (направленную против народа) ведется руками самого народа, облекаясь в призрачную оболочку народовластия.

От имени трудящихся вносятся предложения посылать пьяниц на принудительные работы, устанавливать продолжительность отпуска и зарплату в зависимости от непрерывности стажа работы. За опоздание, неявку или самовольный уход с предприятия рабочих лишают премий и летнего отпуска. Устраиваются облавы в магазинах, кинотеатрах, банях — выискивают прогульщиков. В пригородных поездах вылавливают колхозников, направляющихся в город за покупками, граждан призывают к бдительности. Появилась новая профессия "слухачей": людей с магнитофонами, подслушивающих и записывающих крамольные высказывания. Впрочем, советские руководители не строят себе иллюзий по поводу того, что им удастся утвердить и насадить в обществе желаемую им дисциплину. Их цель скромнее — доказать, что нарушение дисциплины политически и экономически не окупается. Но и эта задача для них непосильна. Бегство человека от постоянного государственного нормирования — не случайный спутник социалистической действительности, оно — интегральная и органическая часть советского образа жизни.

ПРИМЕРЫ:

"Единство слова и дела, пожалуй, лучше всего характеризует уровень сознательной дисциплины, служит надежной гарантией осуществления наших планов". ("Правда", 13 декабря 1983, с. 1.)

"Один из самых важных резервов — укрепление сознательной дисциплины, повышение ответственности за порученное дело на каждом рабочем месте". ("Правда", 29 ноября 1983, с. 2.)

"Главное внимание коммунистов обращалось на совершенствование управления, укрепление дисциплины, повышение производительности труда". ("Правда", 13 декабря 1983, с. 2.)

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ — пропагандистское представление обычаев, поступков, социальных ситуаций, популяризуемых советскими властями.

Явления, определяемые как Д. т., отнюдь не являются типичными или устоявшимися нормами поведения в советском обществе. Так, пропаганда утверждает, что Д. т. стало участие жителей городов в сельскохозяйственных работах. В действительности это участие организуется и обеспечивается в принудительном порядке партийным начальством, и если его и можно считать советской "традицией", то отнюдь не доброй. Часто за выражением Д. т. вообще не стоит ничего конкретного. Тогда смысл понятия неопределенен и расплывчат: "Стало Д. т. отмечать трудовые праздники", "Сделалось Д. т. серьезное отношение к выполняемой работе".

Искусственно насаждаемые формы социальной и экономической жизни руководство преподносит как инициативу масс и называет Д. т., укрепляя в общественном сознании мысль, будто в коммунистическом обществе происходит слияние народного и государственного, желаемого и должного. На этом умозрительном идеологическом стыке создаются и насильственно навязываются новые Д. т., часто восходящие к исторически сложившимся национальным устоям и не имеющие ничего общего ни с "единством партии и народа", ни с "коммунистической сознательностью".

Слово "традиция" в пропагандистском обращении без определения "добрый" ("хороший", "славный" и т. д.) обычно не используется. Тем самым формируется убеждение, что обычаи, по отношению к которым не употребляются указанные характеристики (религиозные, например), являются недобрыми — вредными, негуманными, антиобщественными.

Насильственное, вопреки общественным потребностям, насаждение в массовом сознании искусственных "добрых" обычаев осуществляется за счет подлинных традиций и ведет к распаду в советском обществе реальных общечеловеческих и нравственных ценностей.

ПРИМЕРЫ:

"У нас стало доброй традицией — часть заработка, личных накоплений вносить в Фонд мира". ("Агитатор", 1983, № 22, с. 38.)

“У московских транспортников сложилась добрая традиция – помогать сельским труженикам в уборке урожая”. (“Социалистическая индустрия”, 4 мая 1978, с. 3.)

“Всесоюзные совещания молодых писателей полностью оправдали себя, стали нашей доброй традицией”. (“Литературная газета”, 21 марта 1979, с. 2.)

ДОПУСК – документ, разрешающий рабочим и служащим участие в секретных работах и ознакомление с запрещенной литературой.

Выдается Первым отделом предприятий и учреждений по рекомендации дирекции, которая обосновывает необходимость Д. и продолжительность его использования.

В Советском Союзе существуют несколько степеней секретности. Первая, самая распространенная, предоставляет работникам Д. (отсюда – название) к проектам и исследованиям, отмеченным грифом “ДСП” (для служебного пользования). Эти материалы не должны выноситься за пределы предприятий и не могут быть опубликованы в открытой печати. Часто знак “ДСП” получают зарубежные книги и их рефераты с не вполне приемлемой для властей идеологией. Они издаются в СССР в нарушение международных законов об авторских правах, но обычно малыми тиражами. В продажу эта литература не поступает. Вместо “ДСП” на них в отдельных случаях ставится штамп “ДНБ” (“для научных библиотек”), и тогда они продаются в ограниченном количестве и только лицам, имеющим Д.

Следующая категория Д. определяется как “форма номер два”. Она позволяет ее обладателям принимать участие в работах и пользоваться литературой, помеченной грифом “секретно”. Вся документация с такой надписью хранится в сейфах Первого отдела, где заводятся особые карточки, в которых фиксируются название книги, дата выпуска, автор или производитель, количество экземпляров и условия использования. Этим грифом пользуются многочисленные военные заводы, под ним ведется большинство исследо-

ваний для армии и полиции. Потеря или вынос без санкции Первого отдела изданий и бумаг, отмеченных секретностью, — серьезное уголовное преступление, расследование которого ведется госбезопасностью (максимальное наказание — 8 лет тюремного заключения).

Люди, облеченные особым доверием властей, имеют третью форму секретности — они получают Д. к работам, помеченным грифом "СС" — "совершенно секретно". Так визируются исследования в области космонавтики, разработки нового стратегического вооружения, оперативные планы генерального штаба, большинство зарубежных операций КГБ и некоторые инструкции и постановления Политбюро и Секретариата ЦК.

Наивысшая степень секретности — четвертая, к которой причастен в Советском Союзе очень ограниченный контингент людей, непосредственно связанных с Политбюро или курирующих деятельность Совета обороны и генерального штаба.

В большинстве случаев, однако, в СССР засекречиваются не военные и государственные тайны, а отсталость советской науки и промышленности, негибкость и неоперативность государственного управления — сведения, действительно не подлежащие оглашению.

ПРИМЕРЫ:

"Я взял бумажку из рук начальника, стал внимательно ее читать и допытываться одновременно, в чем дело. Выяснилось, что речь идет об оформлении допуска к секретной работе". ("22", 1979, № 9, с. 101.)

"Они проверяют документы всех посетителей — их особые секретные "допуски"... (Владимиров. Россия без прикрас и умолчаний. "Посев", 1969, с. 135.)

"Но и плоды трудов умственных могут быть упрятаны за семью замками в системе специального хранения, допуск в которую получить не так-то легко". ("Русская мысль", 9 февраля 1984, с. 6.)

ДОСКА ПОЧЕТА — форма наглядной агитации, используемая в СССР для морального стимулирования и поощрения производственной и общественной деятельности советских граждан.

Д. п. представляет собой яркий и красочно оформленный стенд, обтянутый красным материалом или выложенный красным деревом (красный цвет в СССР — символ революционной жертвенности, олицетворение борьбы и подвига). В верхнем углу стенда помещается портрет (барельеф или рисунок) Ленина, в правом — лозунг, призыв или высказывание вождя. Под ними ровными рядами наклеиваются фотографии партийных и профсоюзных деятелей, активистов производства, "ударников" и т. д. с кратким перечислением их заслуг, наград и званий.

Д. п. выставляется на видных местах. Цеховые, заводские, институтские — около партийного комитета или дирекции; районные, городские, республиканские — в клубах, парках, на площадях. Всесоюзная Д. п. с победителями "социалистического соревнования" установлена в Москве на ВДНХ, Выставке достижений народного хозяйства СССР.

Выдвижение на Д. п. осуществляется на профсоюзных собраниях. Заранее подготовленные докладчики называют кандидатуры, намеченные партийной организацией по согласованию с дирекцией. Эта процедура с графаретными ситуациями, заранее расписанными ролями для голосующих и разработанными правилами игры в гласность настолько привычна, формальна и бессмысленна, что совершенно не затрагивает мыслей и чувств советских людей — ни тех, кого выдвигают на Д. п., ни тех, кто их выдвигает. Да и само помещение на Д. п. ничего не меняет: зарплата и премия не повышаются, отпуск не увеличивается, уважения не прибавляется. И тем не менее стереотип советского сознания срабатывает: человек, отчужденный и униженный в системе общественно-политической и производственной жизни, на какое-то время удовлетворяется видимостью признания его заслуг.

Этим искусно пользуется советская администрация, придающая важное значение Д. п. как массовому средству пропаганды, искушающему наивные человеческие души.

Время от времени перед официальными праздниками (1 мая, 7 ноября, 8 марта) декорация Д. п. обновляется. За месяц до этих "знаменательных" дат включается и начинает работать машина государственного лицемерия, именуемая в народе "показухой". И весь ритуальный цикл выдвижения на Д. п. начинается заново, но уже с другими статистами и фотографиями.

ПРИМЕРЫ:

"На Доске почета у проходной завода среди лучших из лучших нашего многотысячного коллектива висит портрет вальцовщика четвертого цеха Виталия Родионова". ("Агитатор", 1983, № 19, с. 2.)

"Здесь позаботились и о том, чтобы разработать систему мер поощрения победителей соревнования. Им вручают переходящие Красные знамена, переходящие вымпелы, дипломы, присваивают звание "Лучший в профессии", фотографируют их у знамени, в их честь зажигают звезды славы, имена лучших заносят в книгу почета и на Доску почета, вручают призы имени знатных людей родины". ("Агитатор", 1979, № 22, с. 60.)

"В каждом городе, да и в селе неизменно можно увидеть стенд Почета с портретами победителей соревнований". ("Агитатор", 1983, № 9, с. 58.)

ДОСТОЙНЫЙ — универсальная характеристика явлений и людей, ценность, социальные позиции и поведение которых соответствуют требованиям коммунистической морали.

В советский период устоявшееся значение этого слова "заслуживающий уважения", "стоящий" изменилось: усилен оттенок гражданственности, привнесен не присущий ему изначально политический смысл. "Д. представитель", "Д. сотрудник" — это гражданин, которого, по уверениям пропаганды, отличает прежде всего преданность советскому государству. Иначе говоря, это человек, соответствующий идео-

логизированному представлению о "новой советской личности": он обладает "Д. мыслями" (конечно, коммунистическими), наделен "Д. чувствами" (верноподданническими), ставит перед собой "Д. цели" (патриотические). Его призвание и назначение — активная деятельность на благо и процветание коммунистического общества.

В советском языке широко насаждаются и распространяются словосочетания: "дать Д. ответ", "дать Д. отпор", в которых Д. имеет явно выраженный политический оттенок. И "Д. ответ", и "Д. отпор" советские люди дают "проискам империализма" и "клеветникам" — такова (как всегда подчеркивается пропагандой) нравственная потребность советского человека, воспитанного на лозунгах коммунизма.

Слову Д. придается и оттенок количественный. "Д. вклад в производство", "Д. встреча праздников", "Д. завершение плана" и т. д. измеряются интенсивностью труда, вложенного советскими людьми в построение "нового общества". В слове Д. скрыт и призыв проявлять трудовой энтузиазм, работать с максимальным напряжением сил.

Для выражения противоположного политического смысла распространено определение "недостойный", используемое для критики антиобщественного, антигосударственного, антипартийного поведения советских людей ("недостойный поступок", "недостойное отношение" и т. д.).

Широкое насаждение и пропаганда понятия Д. в советском языке призваны создать иллюзию, будто в СССР происходит слияние личного и общественного, и Д. качества, присущие в классовом обществе лишь отдельным людям, в коммунистическом государстве становятся нормой жизни.

ПРИМЕРЫ:

"Коммунисты, все трудящиеся Советского Казахстана своим самоотверженным трудом внесут достойный вклад в выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС". ("Известия", 28 февраля 1981, с. 6.)

"Сейчас в стране повсеместно ширится социалистическое соревнование за успешное завершение десятой пятилетки и достойную встре-

чу XXVI съезда партии". ("Литературная газета", 22 октября 1980, с. 2.)

"Голодных и оборванных на Кубе нет, всем гражданам гарантирована, хотя и без излишеств, достойная человека жизнь". ("Новое время", 1 января 1984, с. 8.)

ДРАКОНОВСКИЙ — жестокий, безжалостный (при обозначении политической деятельности, социальных действий и мер, предпринимаемых властями, враждебными СССР).

Это слово, восходящее к имени древнегреческого правителя Дракона, законы которого отличались суровостью, стало нарицательным.

Д. обычно входит в словосочетания типа "Д. меры", "Д. режим", которые приобретают особую экспрессивную окраску благодаря тому, что в русском сознании ассоциируются со словом "дракон" — сказочным огнедышащим чудовищем, пожирающим людей. Эти выражения перекликаются с такими советскими политическими штампами, как "акулы капитализма", "гидра контрреволюции", "щупальцы сионизма" и т. д.

Жестокие акции коммунистических властей, бесчеловечность и произвол советских законов никогда не определяются как Д., а именуются "справедливыми", "необходимыми", "чрезвычайными", "вынужденными" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Не помогут и те драконовские меры, с помощью которых в самом Ливане израильтяне пытаются создать предпосылки для наступления "послепалестинской эры". ("Литературная газета", 7 июля 1982, с. 14.)

"Американские власти с первых же дней забастовки в начале августа прибегли к драконовским мерам с целью сокрушить стачку". ("Известия", 2 августа 1981, с. 5.)

"В ответ на драконовские меры властей в феврале-марте текущего года в стране прошли массовые демонстрации протеста и забастовки студентов, юристов, врачей и учителей". ("Известия", 27 марта 1981, с. 4.)

ДРУЖБА НАРОДОВ — один из декларируемых принципов коммунистического интернационализма, противоречащий реальному политико-экономическому укладу советской жизни, ее духовным и нравственным основам.

Отношения между более чем ста нациями и народностями Советского Союза, выраженные в формуле Д. н., сложились и оформились в процессе длительного исторического развития российского государства (с XV по XX век), в результате которого русские стали меньшинством в управляемой ими (а по сути — от их имени) стране. И советский режим был вынужден действовать в рамках возможностей, определившихся к моменту насильственного захвата ими власти. В 1917 г. коммунисты провозгласили право каждой нации на самоопределение. Предоставление народам абстрактного права на выход из советского государства было, однако, не более чем политическим маневром. Большевики никогда не поощряли выход национальных меньшинств из состава СССР, рассматривая стремление к независимости как преступление.

В каждом политическом процессе, при котором подсудимые подвергались пыткам и репрессиям, неизменно присутствовало обвинение в национализме. Коммунисты неоднократно оружием возвращали территории, потерянные ими в процессе революции и гражданской войны: в 1920–21 гг. были насильственно советизированы республики Закавказья и Средней Азии; спустя 20 лет были присоединены к СССР независимые государства Прибалтики, Молдавия, Западная Белоруссия и Западная Украина; после второй мировой войны захвачены часть Пруссии и Курильские острова.

В начале 40-х годов с политической карты Советского Союза были стерты и перестали существовать четыре автономных республики: немцев Поволжья, крымских татар, калмыков, чеченцев и ингушей, а их население — миллионы людей — были депортированы в Сибирь и рассеяны по дальним углам советской империи.

Идея Д. н. в советской идеологической политике нашла

свое выражение в принципе культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Этот принцип требовал однородности ценностей коммунистического общества при допустимости традиционных форм их выражения у каждого народа. Терпимость, однако, проявлялась только к тем формам, которые согласовались с политическими интересами властей. Народное творчество в СССР подвергалось преследованиям, едва коммунисты усматривали в нем проявление национализма. Советское отношение к национальной форме, таким образом, это — терпимость в границах, не выходящих за рамки идеологии.

Религия без исключения всех народов СССР испытывала и продолжает испытывать преследование и гонения. Но особенно разрушительно они сказались на культурном развитии малых народов, у которых религиозное мировоззрение сплеталось с национальным сознанием. Притеснения веры в таких случаях воспринимались как попытка чуждого режима уничтожить национальную самобытность, своеобразие.

В социальных формах советской жизни установилось и господствует стандартное социалистическое содержание — плановая и контролируемая из центра экономика, коллективизированное сельское хозяйство, обобщественная собственность, коммунистический надзор и идеологическое промывание мозгов. Советские народы ощущают себя бесправными вассалами иностранной державы, над которыми господствуют московские правители — не всегда и не обязательно русские. Это могут быть грузины, армяне, украинцы и другие. Важно, что они представляют интересы центральной коммунистической власти, которая в народном представлении часто ассоциируется с русской властью, принуждающей местное население изучать русский язык, осваивать русскую культуру и исторический опыт. Советское руководство сознательно разрывает и разъединяет нации: от Украины оторваны районы воронежской и ростовской области, населенные украинцами. Азербайджану отданы исконно армянские земли Карабаха и Нахичевани, в Грузию искусственно включены Абхазия и Осетия и т. д.

”Мы выполняем эту задачу, — говорил Сталин, — невзирая ни на какие цены, не щадя усилий, не боясь жертв”. И верно, Сталин и его наследники жертв не боялись: за материализацию принципа Д. н. они расплачивались щедро — десятками миллионов умерших от голода и убитых в тюрьмах и ссылках.

ПРИМЕРЫ:

”Интересные мероприятия по воспитанию трудящихся в духе интернационализма и дружбы народов проводятся совместно с Дагестанским и Кабардино-Балкарским обкомами партии”. (“Партийная жизнь” 1983, № 24, с. 49.)

”Советская Армия является замечательной школой интернационализма, дружбы и братства народов страны Советов”. (“Партийная жизнь”, 1983, № 24, с. 56.)

”Непреодолимой темой агитмассовой работы было и остается разъяснение ленинской национальной политики КПСС, воспитание трудящихся, особенно молодого поколения, в духе братской дружбы народов СССР...” (“Агитатор”, 1984, № 3, с. 54.)

ДУША — духовный мир человека, воспринимаемый сквозь призму коммунистического сознания.

В советской интерпретации из слова Д. изъято трансцендентное содержание. Упор делается на оттенок, проявляющийся в таких словосочетаниях, как ”говорить с душой”, ”вложить в дело душу” и т. п.

Д. определяет отношение людей к работе, к общественной деятельности, к учебе, к коллективу и используется в значении, близком к понятиям ”горячо”, ”с увлечением”, ”с чувством”.

Советская пропаганда обращается к слову Д. в случаях, когда естественным было бы говорить всего лишь о добросовестном отношении к делу и прилежании. Обыгрывая традиционное содержание этого слова, пропаганда преследует

ряд целей — идеологических и прагматических. Прозаически заземляя духовное понятие на текущих, явно материалистических явлениях, советская пропаганда разрывает связь между Д. и религией. Возвышая с помощью Д. обыденные явления советской действительности, она стремится сделать их более значительными, глубокими, придает им особый смысл, чтобы создать у советских людей иллюзию, будто они обладают богатствами и ценностями всего государства.

За требованием относиться к государственной собственности "с душой" скрыт призыв к советскому человеку видеть в тяжелой, непосильной, часто унижающей его достоинство работе нравственную потребность. И наконец, назначение слова — побудить социально индифферентных советских людей следовать примеру надуманных литературных героев, которые, в соответствии со схемами социалистического реализма, относятся к своим производственно-общественным обязанностям по-особому, "с душой".

ПРИМЕРЫ:

"На этом стоит и будет стоять новая историческая общность людей — советский народ, где каждый вносит частицу своей души в общее дело..." ("Советская культура", 2 июня 1978, с. 3.)

"Таких строек, возведенных с душой, становилось год от году больше". ("Красная Звезда", 2 июня 1981, с. 4.)

"Если мы хотим, чтобы при ферме был человек с душой, то и относиться к нему надо тоже с душой". ("Правда", 25 декабря 1983, с. 3.)

”Ж”

ЖИВОТВОРНЫЙ — характеристика марксистско-ленинского учения и коммунистической партии.

Употребляется в сочетаниях типа: ”Ж. источник”, ”Ж. основы”, ”Ж. силы”, ”Ж. идеи”, ”Ж. учение”.

Определение Ж. призвано придать созидательный, творческий характер коммунистической идеологии, создать представление о коммунизме как об учении, преобразующем общество.

Словом Ж. не могут характеризоваться теории, идеи и явления Запада. По отношению к ним применяются определения противоположного смысла: ”загнивающий”, ”бесплодный”, ”умирающий”, ”мертворожденный” и т. д. (”бесплодные теории”, ”мертворожденные идеи”, ”загнивающий строй”).

ПРИМЕРЫ:

"Может ли капиталистический строй реально противопоставить что-либо ... животворным источникам силы социализма?" ("Коммунист", 1978, № 8, с. 92.)

"Еще глубже вошли в сознание людей животворные идеи советского патриотизма и интернационализма". ("Агитатор", 1979, № 4, с. 5.)

"Животворный источник технико-экономического и социального прогресса, роста духовной культуры народа и его благосостояния — вот что такое для нас наука сегодня". ("Агитатор", 1981, № 5, с. 13.)

ЖИЛПЛОЩАДЬ (сокращение от "жилая площадь") — помещение для жилья: квартира, комната или часть комнаты — "угол".

В СССР существует Ж. трех видов: государственная, кооперативная и частная. До 80 процентов городской Ж. принадлежит государству. Эта Ж. предоставляется населению в аренду — без права покупки и продажи. Часть городского населения (около 10% имеет кооперативную Ж. — квартиры, строящиеся на деньги пайщиков государственными строительными организациями. Сельские жители и небольшой процент населения городов имеют частную Ж. — комнаты, квартиры и небольшие дома.

Многие жители городов (молодожены, молодые специалисты, студенты и т. д.) не располагают собственной Ж. и снимают комнату или "угол". Арендная плата за комнату (и даже угол) составляет 20–25% заработной платы рабочего или служащего.

Жилищное строительство в СССР резко отстает от роста городов. И значительная часть городского населения живет в появившихся после революции коммунальных квартирах — "КК". В названии "коммунальный" совмещаются два понятия: "принадлежности многим" и "социальной и духовной общности".

В "КК" размещается несколько семей; как правило, три-четыре, а часто и больше. Каждая семья обычно имеет одну-две комнаты; подсобные помещения — ванная, туалет, кухня — общие. Так что одна сторона понятия "коммунальный" — общность квартирных услуг — в "КК" реализуется в полной мере. Что же касается духа коммуны — взаимопомощи, общей устремленности, взаимной поддержки, — то этого в "КК" никогда не было и нет. Напротив, совместная жизнь в "КК", где водопровод, канализация, электричество, газ и пр. находится в общем пользовании, совершенно невыносима — человек не может побыть наедине с собой, ему постоянно приходится приспосабливаться и принаравливаться к соседям. В "КК" живут люди неодинаковых социальных уровней и интересов, разных возрастов и национальностей, несхожего психологического склада, что постоянно и неизбежно порождает между ними конфликты и ссоры, доходящие порой до драк и поножовщины. Таким образом, символическая квартплата (по утверждению пропаганды — самая низкая в мире) взимается властями за помещения, которые лишь условно могут быть названы квартирами.

Советская пропаганда, утверждающая, что в СССР давно решена жилищная проблема, избегает пользоваться словами "коммунальная квартира", "комната", "угол", отражающими остроту и неразрешимость жилищного кризиса. Они заменяются неопределенным Ж.

Жилищная норма в СССР — 9 кв. м. на человека. "Излишняя" Ж. изымается или оплачивается по повышенной ставке. Если размер жилплощади меньше этой нормы, советские граждане имеют право на ее расширение. Но шансы на приобретение Ж. невысоки: очереди на получение квартир рассчитаны на многие годы, иногда на десятилетия. При распределении Ж. по месту работы или в местных органах власти — райисполкомах — предпочтение отдается членам партии, передовикам производства, профсоюзным активистам. Такой принцип выделения Ж. дает властям возможность манипулировать населением и служит дополнительным средством закабаления грудящихся по месту работы.

Привилегированные советские сословия — ученые, писатели, деятели искусств, офицеры — имеют право на получение дополнительной Ж., а для элиты вообще не существует ни нормативов Ж., ни очередей на ее получение: она располагает комфортабельными квартирами, особняками, а вне города — дачами-виллами.

В последние годы у правящего класса появилась тенденция иметь квартиры не в отдалении от города, а в центре, где они камуфлируются плоскими фасадами высотных зданий. Фактически такая квартира — дом в доме; двухэтажная, она состоит из многих комнат с каминами, винтовой деревянной лестницей, с собственным лифтом. В соответствии со вкусами обитателей разбираются и ставятся новые стены, возводятся каменные колонны, заменяется оборудование кухонь и ванных комнат. Размеры жилых комнат в таком доме (особенно гостиной) по меньшей мере в пять-шесть раз больше стандартных. Подобный особняк, скрытый за обычным плоским фасадом из стекла и бетона, представляет его обитателям максимум удобств. В то же время он внешне не отличается от типовых строений — каменных мешков советского города.

Чтобы уберечь тайну роскоши, принимаются строжайшие меры предосторожности: посыльные, доставляющие почту, должны предъявлять специальные удостоверения; посетители — через несколько охраняемых входов — пропускаются в дом только с ведома и разрешения жильцов. С социальной точки зрения было бы неудобно, если бы важный государственный сановник усаживался за обильно накрытый стол, а его сосед — рабочий, инженер или врач — принимался за свой скромный обед. Квартирная политика, следовательно, вытекает и из соображений идеологии: если ответственный сотрудник огражден от рабочего высокими стенами (а еще лучше — колючей проволокой) и между ними пролегает ухоженный частный сад, это вызывает почтение, и есть надежда, что трудящиеся не узнают, как живут, чем питаются, с кем встречаются его руководители. Тем самым будет сохранена иллюзия общества равных возможностей.

ПРИМЕРЫ:

”Несмотря на огромное жилищное строительство, размер общей жилплощади, приходящейся на одного городского жителя, растет относительно медленно”. (“Агитатор”, 1978, № 10, с. 48.)

”В 1957 г. в городах и рабочих поселках заселены дома общей площадью 48,4 млн. кв. м... Это значительно больше, чем построено за первую или вторую пятилетку и намного превышает всю жилплощадь таких городов, как Киев, Баку, Харьков, Горький, Свердловск и Челябинск вместе взятых”. (“СССР как он есть”. Популярный иллюстрированный справочник. Государственное изд. политической литературы. М. 1959, с. 275.)

”За одну минуту в нашей стране производится 268 тонн стали, 1,9 миллиона киловатт-часов электроэнергии, 232 т. цемента, строится 205 квадратных метров жилой площади”. (“Коммунист”. Календарь-справочник 1977. М., Изд. политической литературы, 1976, с. 56.)

”З”

ЗАКРЫТЫЕ МАГАЗИНЫ — система магазинов различных категорий, предназначенных для советской элиты и недоступных рядовому покупателю.

Сеть закрытых магазинов разбросана по всей стране — они есть в любой республике, области, в каждом городе. Их назначение — защитить привилегированные сословия от хронического дефицита, в изобилии поставлять им все необходимые товары и продукты.

З. м. имеют в Советском Союзе свой определенный протокол и иерархию. Самые изысканные — распределяющие (отсюда и название ”распределители”) продовольствие только среди обладателей кремлевских пайков. Это — магазины для самых избранных: членов ЦК, министров, главных редакторов центральных газет и журналов. Продукты и горячие обеды, изготовленные лучшими поварами, доставляются им непосредственно на дом. Расположены З. м. вдали от проезжих дорог — на территории Кремля (в Москве),

В помещениях республиканских и областных комитетов партии, — чтобы не привлекать внимания, не дразнить, не ожесточать советских граждан.

Престижными являются и спецмагазины (специальные магазины), торгующие по пониженным ценам. Они предназначены для достаточно ответственных советских деятелей. Хотя по номенклатурному протоколу этим людям и не положен кремлевский паек, но в силу их высокого статуса им не к лицу стоять в очередях, "отовариваться" в обычных магазинах. В спецмагазинах ассортимент тоже достаточно широк. Возможно, он и не столь великолепен, как в магазинах для получателей кремлевских пайков, но посетителям неизменно предлагаются товары, которых никогда не видит советский потребитель.

Каждому руководящему советскому чиновнику выдается талон "специального распределения", в котором, в точном соответствии с его рангом, указана сумма, которую он вправе потратить в закрытом магазине — продовольственном и промтоварном.

В советском обществе всегда есть прослойка, которая, не входя в элиту, занимает промежуточное положение между правящим и средним классами — категория населения с окончательно не определившимся статусом. Часть ее, поднимаясь, проникает со временем в пласты господствующего класса; часть, более многочисленная, после некоторого пробывания в переходном состоянии, выплеснется вниз — в среднее сословие. Это — депутаты многочисленных советов, члены активов — партийных, профсоюзных, комсомольских, которые были введены туда не по занимаемой престижной должности, а в соответствии с декорумом советской демократии, требующей известного представительства в выборных органах рабочих, крестьян, интеллигенции. Неустойчивость их статуса определяет нестабильный характер их привилегий: у них нет права пользоваться закрытыми правительственными магазинами постоянно, но только — в период пленарных заседаний тех организаций, в которых они представляют. В период работы

сессии Верховного Совета или пленума обкома, горкома, райкома партии они получают вместе с мандатом одноразовые талоны, позволяющие им "отовариваться" в правительственных распределителях. Эти талоны — и приманка, намек на те права, которые они смогут получить в будущем при соответствующем верноподданничестве, и угроза потерять их при малейшем непослушании. Обычно срабатывает страх: привилегия пользоваться закрытым магазином в СССР дороже денег, она — дивиденд социального положения, свидетельство признания партократией.

Для тех, кто верой и правдой служит привилегированному классу, но не всегда входит в него, существует разветвленная система магазинов "Березка". Торговля в них импортными и лучшими советскими товарами ведется не на обесцененные советские рубли, а на сертификаты, выдаваемые вместо рублей (как часть зарплаты) советским гражданам, работающим за границей или связанным с иностранцами по характеру своего труда.

Все категории "закрытых магазинов", свидетельствуя об особых правах и привилегиях господствующего в СССР класса, институционализируют двойной стандарт советской жизни: один — для масс, другой — для власть имущих.

ПРИМЕРЫ:

"Некоторые из этих закрытых магазинов обеспечивают советскую верхушку заграничными товарами, которых простой народ и в глаза не видит". (Смит Х. "Русские". Кн. 1, 1978, с. 55.)

"Она покупала ценности по сниженным ценам в спецмагазинах, а он продавал их по спекулятивным". ("Посев", 1983, № 2, с. 8.)

"Все необходимое для жизни они получают из специальных распределителей по символическим ценам". ("Посев", 1975, № 7, с. 48.)

ЗАКРЫТЫЕ ПИСЬМА — секретные документы, составляемые ЦК КПСС для разъяснения партийным активистам актуальных проблем советской внутренней и внешней политики.

Помечаются грифами "совершенно секретно", "публикации не подлежит", "для служебного пользования". Внешне З. п. — тетради большого формата различного цвета, содержащие от 50 до 200 страниц типографского текста. Над З. п. работают сотрудники отделов ЦК КПСС, высококвалифицированные специалисты и крупные ученые. Будучи соответствующим образом проинструктированы, они "научно" объясняют явления и события, которые Политбюро считает целесообразным прокомментировать.

Есть несколько типов З. п. З. п. в красной обложке, с красным шрифтом и с грифом "совершенно секретно" получают руководители республиканских и областных партийных организаций. В них содержатся рекомендации, рассматриваемые как директивные указания партии, они не подлежат обсуждению. Об их содержании можно иногда судить по передовым статьям газеты "Правда", хотя истинная их суть тщательно камуфлируется декларативными фразами и общими суждениями.

З. п. в синей обложке с красным шрифтом и с грифом "для служебного пользования" рассылаются ответственным республиканским и областным партийным и советским сотрудникам. Их цель — ориентировать узкие партийные круги в вопросах политической линии Центрального комитета партии. На основе З. п. республиканские и областные партийные бюро составляют тщательно отфильтрованные тексты сообщений для руководителей предприятий, учреждений, учебных заведений, лекторов и пропагандистов.

В З. п., адресованных партийным активам, — они печатаются в белых обложках красным шрифтом с грифом "публикации не подлежит" — содержится полуправда о социальных и политических проблемах советского общества. С этими "пиямами" на закрытых партийных собраниях предприятий и учреждений порою знакомятся все коммунисты. Их назначение — не столько разъяснить политические события, сколько успокоить массы. "Письма" этого сорта восхваляют партию, ее "мудрость и гениальность", ее способность преодолевать возникшие трудности; они содержат

широкую программу действий партийного аппарата. З. п., адресованные всем членам партии, чрезвычайно редки и вызваны, как правило, смертью или низвержением очередного вождя (Сталина, Маленкова, Берии, Хрущева и т. д.)

Появление З. п. обусловлено тем, что правящая элита вынуждена время от времени объяснять партийным руководителям различного ранга причины очередных провалов в политике и экономике: повышения цен, "перебоев" с продуктами, неурожаев и т. п. Ответственность за катастрофическое положение в сельском хозяйстве и развал промышленности при этом всегда возлагается на "отдельных" руководителей. Никогда не ставится под сомнение малоэффективная система партийного хозяйствования и управления.

Информативная ценность З. п. довольно ограничена, поскольку причины социальных кризисов и провалов трактуются в них необъективно и демагогически. Так, восстание рабочих промышленных городов Темир-Тау и Нижнего Тагила объяснялись в З. п. "неудовлетворительной" организацией снабжения. В то же время отмечалось, что антисоветские выступления были спровоцированы умышленно — это оправдывало репрессии и аресты. Столь же фарисейский характер носят З. п. по вопросам внешней политики: в "письмах", посвященных политике компартии Китая и Албании, доказывалось, что руководители этих государств отступили от принципов марксизма-ленинизма.

Форма и характер З. п. в различные периоды развития советского режима имели свою специфику. Во времена Ленина они носили призывный, мобилизующий характер; в них содержалась относительно правдивая информация о военных и экономических проблемах советского государства. При Сталине З. п. имели директивный вид: исполненные лицемерия и ханжества, они посвящались главным образом разоблачению "врагов народа" и борьбе с различными "уклонами" в партии. В прессу попадала лишь незначительная и несущественная часть материалов З. п.

С приходом к власти Хрущева З. п. приобрели и разоблачительный характер: в них раскрывалось бедственное положение в промышленности и сельском хозяйстве, объяснялись противоречия в международных коммунистических движениях. По мотивам З. п. в газетах время от времени появлялись статьи политических обозревателей.

С приходом к власти Брежнева и особенно при Андропове обращения к членам партии З. п. стали практиковаться чаще, а сами "письма" сделались гораздо пространнее. В них включалась разнообразная негативная информация о многих областях социальной жизни. Это, однако, было обусловлено не развитием демократии в советском обществе, а необходимостью как-то объяснить и оправдать несостоятельность и недалекость партийного руководства, провалы в экономике и политике. В прессе тоже появлялись обширные материалы, навеянные З. п. и критикующие негативные явления в жизни страны, которые, однако, как и в прошлом, объявлялись "отдельными" и "нетипичными". З. п. стали более объективными еще и потому, что невозможно было игнорировать иностранную печать и радио, неподцензурные советские издания (Самиздат), получившие широкое распространение в СССР.

Обращение лидеров партийного аппарата к З. п. есть, таким образом, свидетельство страха и неуверенности коммунистических руководителей, побуждающих их сообщать (хотя бы ограниченному кругу людей) тщательно отмеренную дозу информации, снабженную необходимыми комментариями. Так вырабатывается стереотип советского сознания и коммунистического единомыслия.

ПРИМЕРЫ:

"Источник Д. Боффа – это закрытое письмо ЦК КПСС на имя местных парторганизаций с отчетом о том, как и что происходило во время обсуждения спорных вопросов в Президиуме ЦК КПСС и как проходило само осуждение группы Молотова на пленуме ЦК КПСС" (Авторханов А. Технология власти. "Посев", 1976, с. 694.)

"Секретные партийные инструкции, не подлежащие оглашению, закрытые письма и постановления распространяются высшей партий-

ной властью с помощью целой сети спецсекторов, имеющих в каждом райкоме, горкоме и обкоме". ("Посев", 1982, № 7, с. 39.)

"Последняя волна внутрипартийного террора, направленного против сторонников и помощников Сталина, была хорошо обозначена в закрытом письме "О недостатках партийно-политической работы в РККА и мерах к их устранению..." (Роберт Конквест. Большой террор. 1974, с. 833.)

ЗАСТРЕЛЬЩИК — работник, представляемый пропагандой человеком активным, инициативным, деятельным.

Использование этого слова основано на его устаревшем значении "тот, кто первым открывает стрельбу", вполне отвечающем, впрочем, марксистско-ленинскому восприятию действительности как постоянной и непрерывной социальной борьбы. В этом идеологическом ракурсе любая новая инициатива или достижение осмысливаются как "выстрел" по врагу, а их зачинатель — как "застрельщик".

Сквозь призму такого восприятия жизни многие действия и поступки, нежелательные советским властям, также оцениваются как выстрел, удар, но удар по социализму, а их вдохновители — как З. идеологической, психологической или классовой войны. Отсюда по отношению к Советскому Союзу и странам коммунистического лагеря — смысл одобрительный ("З. соревнования", "З. передового опыта" и т. д.), по отношению к Западу — осуждающий: "З. гонки вооружения", "З. идеологических диверсий" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Коммунисты выступили ... застрельщиками борьбы за наведение строгого порядка, организованности и дисциплины" ("Партийная жизнь", 1979, № 19, с. 52.)

"Народ привык видеть в нас, депутатах, застрельщиков внедрения на производстве передовых методов труда, вожаков социалистического соревнования" ("Агитатор", 1979, № 2, с. 38.)

"Странам Юго-Восточной Азии суждено было стать застрельщиками послевоенного подъема национально-освободительного движе-

ния". (Синицын Б. Юго-Восточная Азия: пути национального возрождения". "Знание", М., 1978, с. 3.)

ЗНАК КАЧЕСТВА — свидетельство, выдаваемое в СССР товарам, которые признаны соответствующими мировым стандартам.

Впервые З. к. был присвоен в 1967 г. электродвигателю Московского завода имени Владимира Ильича. К 1984 г. этот "Знак" получили десятки тысяч различных видов продукции, выпускаемой в Советском Союзе.

Эмблема З. к. — вымпел, запущенный советским спутником на Луну. Срок действия З. к. для потребительских товаров — два года, для промышленной продукции — до трех лет. По истечению этого срока продукция, удостоенная З. к., подлежит переаттестации. При ухудшении качества изделий министерство или комитет стандартов вправе лишить их З. к.

З. к. введен в Советском Союзе с целью создать дополнительные стимулы для развития и совершенствования промышленности, улучшения качества товаров, большинство из которых не отвечает требованиям Запада и не находят зарубежного покупателя. Это ограничивает экспертные возможности советского государства, испытывающего острую нужду в свободно конвертируемой валюте.

Выпуску продукции высокого качества, однако, препятствуют система и организация советской экономики, централизованное планирование, лишенное гибкости и маневренности, отсутствие высококачественного сырья и современного оборудования, а главное — материальная незаинтересованность трудящихся в результатах своего труда. Неэффективным оказалось и повышение цен на продукцию, удостоенную З. к. Доля изделий З. к. в общем объеме производства СССР невелика: в 1979 г. она составляла 13%, в первой половине 1983-го — 14%.

Многие предприятия, особенно тяжелой промышленности, представляют на аттестацию З. к. не основную, а побоч-

ную продукцию, изготовляемую из отходов (машиностроительные заводы — бытовые холодильники, кастрюли или проволоку; заводы сельскохозяйственных машин — грабли и лопаты). Целый ряд изделий при повторной аттестации теряет З. к.

К тому же в условиях советского общества научно обоснованная оценка качества продукции вообще невозможна, ибо она подчинена главной пропагандистской цели — продемонстрировать в каждом плановом году и пятилетке увеличение удельного веса продукции с З. к.

ПРИМЕРЫ:

"Мал еще процент деталей с заводским Знаком качества". ("Агитатор", 1979, № 18, с. 56.)

"...обычно за год теряют Знак качества несколько сот изделий, причем печальное первенство в этом отношении занимает легкая промышленность". ("Агитатор", 1979, № 21, с. 34.)

"Со Знаком качества сверх задания произведено продукции на три миллиона рублей". ("Правда", 13 декабря 1983, с. 2.)

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ — советские праздники, торжества и исторические юбилеи.

З. д. занесены в советские календари. К этой категории отнесены события, рассматриваемые как важные "вехи" революции и коммунизма. Сюда входят годовщины рождения и смерти видных советских руководителей, победы в гражданской и второй мировой войне, а также успехи русского оружия в прошлом.

З. д. начали отмечаться по указанию Ленина в 1918 г., в первую годовщину Октябрьского переворота. Они вводились взамен прежних царских и религиозных праздников и имели целью установление новых советских традиций.

Наиболее торжественные З. д. стали называться "светлыми праздниками" — словосочетание, почерпнутое из церковной лексики и связанное в русском национальном сознании

с праздником Воскресения Христова. "Светлые праздники", вызывая ассоциации с фразеологизмами типа "светлая неделя", "светлая заутреня", призваны одухотворить и возвысить советские З. д. К "светлым праздникам" относятся только официальные советские праздники: годовщина Октябрьской революции, "День победы", "День Советской армии" и т. д. Для прочих торжеств используется выражение З. д.

З. д. стали прочной традицией советской жизни. Они отмечаются в соответствии с решениями правительства, и их проведение рассматривается как важная политическая кампания, направленная на коммунистическое воспитание общества. З. д. празднуются пышно, с большой затратой средств и сил: украшаются улицы, проводятся торжественные собрания и т. д. Предприятия, учреждения, учебные заведения готовятся к ним долго и тщательно.

З. д. и формы их проведения не остаются, однако, неизменными: их ритуал во многом зависит от политической конъюнктуры и социальных обстоятельств. С разоблачением "культы личности" Сталина были отменены торжества, связанные с его именем: перестали отмечать день его рождения и годовщину "сталинской конституции".

В 60-е годы интенсивно насаждается множество новых З. д.: "День космонавтики", "День шахтера", "День геолога", "День рыболова" и т. п. В эти "дни" средства массовой коммуникации интенсивно пропагандируют "достижения" и "успехи" трудящихся соответствующей отрасли, а "ударники" и руководители предприятий, партийные активисты награждаются орденами, почетными грамотами и премиями. Официальные организации создают видимость праздничности, трудового подъема; коллективы предприятий берут на себя повышенные производственные обязательства, становятся на "трудовые вахты". А трудящиеся пользуются случаем, чтобы отдохнуть, погулять или в пьяных ссорах и драках забыться, уйти от серых и безрадостных будней.

В З. д. у людей создается иллюзия, что стираются — за

стаканом водки, под торжественные речи — социальные барьеры и идеологические противоречия. А власти с помощью мелких поблажек проводят коммунистическую обработку умов и душ советских людей.

ПРИМЕРЫ:

"В соответствии с календарем знаменательных дат мы планируем проведение праздников лиц ежегодно, определяем ответственные партийные организации". ("Агитатор", 1981, № 22, с. 50.)

"В прошлом году наша страна и весь прогрессивный мир торжественно отмечали знаменательную дату в истории русской литературы — 100-летие со дня рождения Александра Блока". ("Литературная газета", 5 августа 1981, с. 6.)

"К знаменательной дате в Туле открылась республиканская экспозиция "Памятники отечества в произведениях художников России". ("Литературная газета", 10 сентября 1980, с. 1.)

ЗНАТНЫЙ — определение, используемое для прославления людей (преимущественно физического труда), отобранных с пропагандистской целью.

Семантический сдвиг в традиционном значении слова З. ("принадлежащий к знати") отражает стремление властей идеализировать физический труд в Советском Союзе, создать видимость исключительного почета, которым пользуются советские трудящиеся: "З. токарь", "З. шахтер", "З. ткачиха", "З. свинарка", "З. бригадир" и т. д. Однако отнюдь не все советские люди, работающие усердно, удостоиваются этого звания. Среди массы трудящихся искусственно выделяется ограниченная прослойка рабочих — "победителей социалистического соревнования", "ударников коммунистического труда", "новаторов" и т. д. — за ними закрепляется понятие З. Это обеспечивает им некоторые материальные блага и престиж (а иногда и награды), но не дает ни реальных политических прав, ни влияния в обществе.

Термин **З.** не применяется по отношению к действительной знати советского общества — к партийно-государственной элите; советский язык, в полном соответствии с господствующей идеологией, стремится скрыть и закамуфлировать существующее в СССР глубокое социальное неравенство.

ПРИМЕРЫ:

”Знатный горняк умело руководит работой коллектива: производительность труда нашего рабочего возросла на 778 тонн в месяц...” (“Социалистическая индустрия”, 6 августа 1978, с. 2.)

”Знатная прядильщица Каменского завода искусственного волокна агитатор Н. М. Сисюкина делится опытом работы”. (“Агитатор”, 1978, № 12, с. 11.)

”От имени коллектива строителей заверяю, что мы не подведем, — сказал знатный бригадир — строитель В. Демиденко”. (“Известия”, 26 октября 1983, с. 1.)

ЗРИМЫЙ — оценка политических, идеологических, социальных явлений советской действительности, которые представляются значительными, очевидными и бесспорными.

З. в переносном значении употребляется в таких словосочетаниях, как “**З.** черты”, “**З.** вехи”, “**З.** приметы”, “**З.** вклад”, “**З.** свидетельство”. Связь переносного смысла с прямым (“доступный зрению”, “видимый”), передающим непосредственное физическое восприятие, придает слову выразительность, делает его в тусклом советском языке почти красочным. Оно дается, как правило, в контексте, восхваляющем или пропагандирующем факты, события, явления советского общества и коммунистическое руководство.

З., наряду со словами, близкими ему по значению “осязаемый”, “весомый”, используются для создания мифа об успехах СССР и неизбежном приходе коммунизма. Но, поскольку наступление коммунистической эпохи постоянно откладывается, выражение “**З.** черты коммунизма” оказа-

лось дискредитированным. Подправляя легенду о грядущем коммунизме, советская идеология ввела в социальное обращение еще одну фазу между "развитым социализмом" и коммунизмом, не предусмотренную классическим ленинизмом, — "зрелый социализм". В связи с этим коммунистическая пропаганда стала пользоваться выражением "3. черты коммунизма" более осторожно, отдавая предпочтение обтекаемой и неопределенной формулировке "3. черты нового".

В советских текстах широко используется и слово "зримо": например, "зримо возросшая политическая активность". В близком значении употребляется и более нейтральное "наглядно" или, наоборот, более возвышенное — "воочию".

Все эти слова "зримый", "зримо", "воочию", "наглядно" используются в советской лексике для придания безапелляционности оценкам различных общественных явлений, которые никто не вправе оспаривать, но в которые в Советском Союзе давно никто не верит.

ПРИМЕРЫ:

"Никогда не забудется, весно будет жить в памяти народной славная целинная эпопея, уже вошедшая в будущее, как зримая вежа второй половины XX века". ("Красная звезда", 6 марта 1979, с. 1.)

"Зримые приметы оставила десятая пятилетка на земле Советской Эстонии". ("Правда", 1 февраля 1981, с. 2.)

"Зримым свидетельством этого являются более двухсот тысяч дизельных автомобилей "КАМАЗ", работающих на транспортных магистралях, стройках..." ("Правда", 17 февраля 1981, с. 1).

”И”

ИДЕЙНОСТЬ — духовное и нравственное качество, представляемое важнейшей стороной самосознания и жизнедеятельности личности.

Объективно И. должна выражаться в целенаправленности действий советского человека, субъективно — в его убежденности в правоте коммунистических идеалов. Высшей исторической формой И. провозглашается коммунистическая И. Она считается движущей силой развития советского общества, с ней связываются оптимистическая вера в совершенное будущее, возвышенные моральные устремления — гуманизм, героизм, способность к самопожертвованию. Формирование И. рассматривается как важнейшая сторона коммунистического воспитания. Отсутствие И. идентифицируется с беспринципностью, лицемерием, цинизмом. Считается, что на почве безыдейности произрастают пошлость и мещанство, косность, бюрократизм и политическая ограниченность. Высшая же форма И. — коммунистическая — на-

Против, позволяет человеку быть творцом, новатором, преобразователем жизни и, конечно же, — борцом за осуществление "светлых" целей коммунизма.

В действительности И. отнюдь не отличаются ни партийное руководство, ни угодливый партийный аппарат, проводящий его политику, ни многомиллионная молчаливая партийная масса, служащая основой и фундаментом коммунистической власти, ни рядовые граждане. Путь к успеху в советском обществе — высоким правительственным постам, почетным наградам и благополучию — определяется не верой в коммунистические идеалы, а безоговорочным послушанием, готовностью покорно во всем и всегда следовать "линии" партии. Советская И. — это, в сущности, не только сознательное подчинение тоталитарному режиму, но и лицемерное оправдание конформизма и карьеризма.

ПРИМЕРЫ:

"Идейность ... это борьба за интересы всего человечества, за создание лучшего общественного строя, который мы называем коммунизмом". (Калинин М. И. О молодежи. Избранные статьи и речи. М., 1969, с. 246.)

"Критериями ценности нашего искусства были и остаются партийная идейность и мастерство, правда в отображении жизни народа, устремленность в будущее, сила воздействия на массы". ("Советская культура", 1979, № 9, с. 2.)

"Идеологические кадры должны являть собой образец коммунистической идейности и нравственности, высокой требовательности к своему труду, ответственности за порученное дело". ("Агитатор", 1983, № 22, с. 2.)

ИДЕОЛОГИЯ — система идей, представляемая в Советском Союзе слепком классовых интересов.

Считается, что в любом обществе существуют две основные И.: "господствующего класса" и "эксплуатируемых". При этом отмечается, что "истиной" является И. класса, осуществляющего исторический прогресс. В современную

эпоху — это И. пролетариата (и солидаризирующихся с ним социальных классов и групп), который, уничтожая капитализм, осуществляет строительство коммунистического общества. Все остальные И. — национальные, религиозные, политические — рассматриваются как реакционные и служащие интересам капитализма.

Коммунисты не объясняют многообразия мировоззрений в современном обществе. Деление идейных течений на "прогрессивные" и "реакционные", на "антикапиталистические" и "буржуазные" осуществляется с учетом политической конъюнктуры. В качестве "передовой И." может быть представлено любое духовное течение, представители которого ищут поддержки Советского Союза или подпадают под его влияние.

Коммунистическая И. в ее советском варианте провозглашается научной только на том основании, что она опирается на "единственно верное" социально-политическое учение марксизма, основу которого составляют теории об общественно-экономических формациях и классовой борьбе. Любые изменения в канонизированном марксизме допускаются только с разрешения и одобрения ЦК КПСС.

Надпартийная И. объявляется ревизией коммунистического "наследия" и сурово клеймится как проявление антисоветизма.

ПРИМЕРЫ:

"Сейчас происходит схватка двух миров, двух главных идеологий, олицетворяющих две противоположные социальные системы". ("Международная жизнь", 1983, № 7, с. 12.)

"Общественный строй, идеология, коренные интересы классов, стоящих у власти социалистических и капиталистических стран, противостоят друг другу". ("Агитатор", 1983, № 19, с. 38.)

"Рабочий класс уже в условиях буржуазного общества создает свою идеологию, свои взгляды на политику, экономику, литературу и искусство, воспринимая все лучшее, что накоплено мировой культурой". ("Антисоветизм на службе империализма", М., "Мысль", 1976, с. 101.)

ИМПЕРИАЛИЗМ – высшая стадия развития капитализма, представляемая в виде неограниченного господства монополий, максимальной централизации промышленного и банковского производства и концентрации капитала.

И. характеризуется в то же время как процесс социального застоя и загнивания общества, стремления к аннексии и насилию. И. – это, наконец, "умирающий капитализм", завершивший территориальный раздел мира и приступивший к борьбе за его передел.

Таким образом, в советской интерпретации И. выражаются определенные черты социальной структуры, присущие эпохе начала XX столетия. Коммунистическое толкование И. канонизировано и слепо повторяется во всех определениях современного западного общества. Этим понятием широко пользуются также для представления любого режима, негодного Советскому Союзу.

Слово И. входит в многочисленные словосочетания, каждое из которых призвано показать негативные стороны политической системы, которая угрожает (как представляет пропаганда) "миру и демократии".

"Лагерем И." или "международным И." именуются все индустриально развитые страны, проводящие политику, негодную СССР. Владельцы и руководители крупных предприятий и концернов этих государств называются "акулами И.", а политические деятели – "приспешниками, ставленниками, наймитами, трубадурами И.". Их деятельность, противоречащая планам Москвы, клеймится как "происки И.".

Механически повторять сегодня марксистские идеи о загнивании и застое капитализма нелепо. Действительность показала жизнеспособность "империалистического" строя и шаткость, несостоятельность "реального, зрелого социализма." И советским идеологам приходится изыскивать устрашающие подпорки – определения к И.: "фашистский И.", "И., жаждущий наживы и власти", "И. – оплот кровавых режимов".

Нередко И. отождествляется с понятием "милитаризм", поскольку наращивание военной мощи, стремление к вооруженным конфликтам, подготовка к мировой войне преподносятся в Советском Союзе как неотъемлемое свойство И.

И. в советском языке идентифицируется и с понятием "колониализм". Коммунистическая пропаганда постоянно утверждает, что национальный гнет и расовая дискриминация являются характерными чертами И., порабащивающего народы и являющегося врагом независимости государств.

Такое манипулирование понятием И. призвано закамуфлировать сущность самого коммунистического режима, империалистический характер проводимой им политики.

ПРИМЕРЫ:

"Хотя империализм утратил доминирующую роль в международных отношениях, опасность возникновения разрушительных войн еще не миновала" ("Правда", 1 февраля 1981, с. 4.)

"В глобальных масштабах империализм вызвал самое серьезное осложнение обстановки за последние десятилетия" ("Известия", 17 октября 1983, с. 3.)

"Империализм все сильнее запутывается в клубке неразрешимых внутренних и межгосударственных антагонизмов, потрясений, конфликтов" ("Агитатор", 1983, № 20, с. 40.)

ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ — люди, чьи политические воззрения социальные взгляды или нравственные убеждения не соответствуют стереотипам советского мировоззрения.

Марксизм продуцирует отражение и восприятие действительности без мысли — в готовых и неизменных понятиях, так что И. могут быть определены как просто мыслящие люди, стремящиеся выйти за рамки идеологизированного сознания. Советский режим постулирует инакомыслие и создает "врагов режима" — по международной потребности и внутривластной необходимости.

В Советском Союзе постоянно проводится гонение на ве-

рующих: арестовываются и высылаются баптисты, насильственно помещаются в психиатрические лечебницы распространители религиозной литературы, активисты всех религиозных и церковных убеждений. В 70–80-е годы поднялась волна репрессий и против тайных сторонников либерального социализма, создателей и членов свободных профессиональных объединений, феминисток, йогов и просто порядочных, независимых граждан, поведение и поступки которых не укладываются в коммунистические стандарты. Наказывают за демонстрации в честь международного Дня прав человека, за выражение солидарности с политзаключенными, встречи с иностранцами. Призваны к ответу "младшие братья": за проявление вышедшего из "социалистических берегов" национализма, на Украине, в Латвии, Грузии, Армении и других республиках фабрикуются обвинения в шовинизме, пропаганде сепаратизма и участии в правозащитном движении. Подвергаются жестоким гонениям и преследованиям и русские националисты, отвергающие официальную идеологию. Не забыты, наконец, и исконные, вечные противники советской власти, пригодные для использования при любых изгибах "генеральной линии" партии и на всех поворотах коммунистической истории — сионисты. В борьбе с ними традиционно проявляет и утверждает себя "социалистический патриотизм".

Создается впечатление, что к началу 80-х гг. с политикой "приоткрытых границ" было покончено и что прежний курс на "выброс" из страны "бродильных" и "неблагонадежных" элементов признан несостоятельным.

Однако эмиграция — как еврейская, так и немецкая — явление сложное, порождающее разнообразные последствия. С ней связан международный престиж коммунистического государства, она питает надежду на возрождение советской политики "мирного сосуществования", помогает удовлетворять нужды советской экономики в западной технологии и, наконец, переплетается с противоречивыми аспектами советской внутренней жизни, определяется ими и определяет их.

Если в СССР будет принято решение наглухо закрыть гра-

ницы, то государству невольно придется предоставить евреям некоторые права и создать видимость еврейской культурной жизни, что может поставить его перед трудными вопросами. Другие меньшинства (греки, курды, китайцы, корейцы) также потребуют предоставления им национальной автономии и равенства. Возникнут осложнения со всеми "братскими" народами: украинцами, белорусами, литовцами, эстонцами, грузинами и другими — на фоне совершеннейшего бесправия евреев их нынешнее неравенство представляется не столь унижительным и безрадостным. Таким образом, выпадение "еврейского блока" из дискриминационной конструкции "лоскутного государства" таит опасность потрясения всей конструкции. Произойдет цепная националистическая реакция, последствия которой могут оказаться губительными для режима.

Так что власти, по-видимому, предпочтут и в будущем не будить попранное национальное самосознание, покупая спокойствие (и наживая попутно политический капитал) сравнительно недорогой ценой эмиграции. Правда в СССР по-прежнему раздаются голоса, что исход евреев из "социалистического отечества наносит непоправимый ущерб делу построения коммунизма". В этом суждении есть известная доля истины. Массовый отъезд действительно пробил "бреешь" в устоях советской системы, но в эту образовавшуюся пробоину широким и мощным потоком пошла в СССР современная западная технология, новейшее оборудование, миллионы тонн хлеба. Так что, потеряв в тоталитарной цельности и идейной гармонии, коммунистическая власть выиграла в стабильности и силе.

Советское государство всегда охотно расплачивалось коммунистическими принципами за богатство и благополучие. Вопрос лишь в том, что (или кто) в ближайшее десятилетие будет выброшено на советский прилавок международного аукциона.

Не удастся коммунистическому режиму и полностью парализовать возникшее во времена Хрущева движение духовного и нравственного сопротивления в стране. Для

того, чтобы покончить с брожением, существующим в советском обществе, ему необходимо преодолеть собственный страх и переродиться в то, чем он уже однажды был при Сталине — в режим перманентного и тотального террора. Возродить его полностью советскому руководству не позволит партийная номенклатура. Неограниченный произвол поставил бы под угрозу не только обретенное номенклатурой благоденствие, но и само ее физическое существование, как уже случилось в 30-х годах, когда с молчаливого согласия партийной верхушки пролетарская революция, одолев и сокрушив своих реальных и мнимых противников, поглотила и уничтожила собственных руководителей.

В современном советском обществе, таким образом, сложилась сюрреалистическая ситуация: борьба противоположностей (партократии и оппозиции) сочетается с их единством. Они необходимы друг другу как противоположные полюсы одной социальной субстанции. Это противоречивое единство, однако, не бесконечно — оно должно быть преодолено или ценой уничтожения оппозиции, или ценой гибели партократии. При этом падение партократии не обязательно приведет к исчезновению оппозиции, которая при определенных условиях может даже окрепнуть, в то время как полная ликвидация оппозиции неизбежно потребует насильственного устранения существующей партийной номенклатуры и ее замены — в качестве "направляющей и определяющей силы общества" — другой автократией.

Последняя, как и партократия, будет вынуждена предстать в обществе в марксистском облачении "авангарда прогресса", осуществляющего "последнюю социальную революцию в истории". Естественно, для идеологического обоснования вновь потребуются понятие "инакомыслие". Вместе с понятием возродится и само явление — движение духовного и нравственного сопротивления системе.

ПРИМЕРЫ:

"В последнее время ряд буржуазных государств развернул политическую кампанию в "защиту прав человека", связав ее, в частно-

сти, с вопросом о выезде из СССР и с так называемыми "инакомыслящими"...

Можно ли вести речь о правах и свободах в условиях массовой безработицы, дискриминации по расовым, национальным, социальным и другим признакам, приведшим к системе широкой слежки за инакомыслящими, официального подслушивания телефонных разговоров, организованному сбору сведений, компрометирующих людей и т. д.?" ("Белая книга", М., "Юридическая литература", 1979, с.9.)

"В СССР уже много лет практикуются государственные расправы с так называемыми "инакомыслящими". ("Посев", 1977, № 10, с. 19.)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ — важнейший принцип идеологии и политики коммунизма, утверждающий единство и общность коренных интересов трудящихся.

И. получил теоретическое обоснование в работах Маркса и Энгельса, воплотивших свое политическое кредо в призыве: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Во второй половине XIX века марксисты основывают Первый Интернационал, распространявший и насаждавший идеи И. — классовое самосознание, равенство и солидарность рабочих. Ему на смену пришел Второй Интернационал, лидеры которого, пересматривая марксистские идеи И., встали на защиту националистических позиций своих государств. И тогда большевики после окончания первой мировой войны организовали свой Третий Интернационал — "Коминтерн", номинально объявленный штабом международного пролетарского движения, а по существу использованный Москвой для реализации ее глобальных экспансионистских устремлений.

В соответствии с идеями мирового коммунизма стало по-новому толковаться и понятие И. — "пролетарского" и "социалистического".

Пролетарский И. трактуется в Советском Союзе как общность классовых интересов мирового пролетариата, а социалистический И. понимается как использование принципов пролетарского И. в отношениях между различными класса-

ми и коммунистическими партиями социалистических стран.

Гносеологически идея И. вытекает из марксистской теории о несовместимости и непримиримости классовых интересов буржуазии и пролетариата. Утверждается, что рабочие всех капиталистических стран, в одинаковой мере подавленные в производственной и общественной жизни, ставят перед собой общие политические цели: свержение капитализма, осуществление диктатуры пролетариата и построение бесклассового общества.

Политические и нравственные аспекты И., сформулированные Марксом и развитые Лениным в начале XX века, скоро полностью утратили революционное содержание и превратились в идеологическое орудие захвата власти большевиками и насаждения советского социального опыта. Пропаганда принципов единства "угнетенных всех стран" успешно использовалась коммунистами для формирования во время гражданской войны на территории России интернациональных соединений Красной армии, а лозунг интернационального равенства и солидарности — для образования федеративного союза республик, созданного, чтобы насильственно удержать народы в рамках советского государства.

Во имя И. была силой ликвидирована независимость украинского, закавказских, среднеазиатских народов. Позже под лозунгом интернационализма были присоединены к советскому государству Эстония, Латвия и Литва.

Сталинский тезис о возможности "построения социализма в одной отдельно взятой стране" усилил идеологическое и политическое вырождение И. Советский путь к социализму был объявлен воплощением "реального" марксизма. Так коммунистическое руководство получило неограниченные возможности для вмешательства во внутренние дела различных компартий: в интересах СССР они распускались и реорганизовывались, их лидеры, проявившие несогласие с Москвой, физически уничтожались. В 40-х годах КГБ инспирировало громкие судебные процессы в коммунистических странах. Вышедший из под контроля Кремля Тито был объявлен предателем и фашистом, Китай — зачислен в пособ-

ники международного империализма, Албания — исключена из социалистического лагеря.

В результате углубился и усилился раскол международного коммунистического движения, стремящегося выйти из-под советского влияния, а интернациональное сотрудничество между рабочими партиями и профсоюзами Запада сопровождалось их полным отмежеванием от советской политики.

ПРИМЕРЫ:

“Интернационализм — важнейший, проверенный жизнью принцип деятельности коммунистов, их могучее, испытанное оружие...”

Живое воплощение социалистического интернационализма — искреннее, добросовестное стремление к взаимопониманию и доверию, уважительное отношение к опыту друг друга, строгое соблюдение принципов самостоятельности и равноправия”. (“Коммунист”, 1979, № 10, с. 7.)

“Интернационализм и последовательный демократизм К. Маркса проявлялись с наибольшей силой именно тогда, когда речь шла об угнетаемых и эксплуатируемых народах Востока”. (“Международная жизнь”, 1983, с. 7.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ — постановления советского руководства, объявляемые актуальными и важными для развития коммунистического общества; используется для характеристики решений партийных съездов и реже — пленумов Центрального комитета.

Выражение И. р. не применяется для характеристики решений государственного и партийного аппарата союзных и автономных республик.

В годы “культы личности” к этому словосочетанию обращались для представления указов и декретов Сталина. После его смерти выражение И. р. было закреплено за постановлениями коллективного руководства Советского Союза, которые преподносятся как решения всей партии. Насажение И. р. подчеркивает привилегированное положение партокра-

тии в структуре советского общества, канонизирует ее статус и социальную деятельность.

При каждом повороте советской политики одни И. р. сменяются другими, объявляемыми столь же значительными и непреходящими, как предыдущие. Решения съезда КПСС обычно именуется историческими лишь до следующего партийного съезда, после которого, как правило, появляются новые И. р., а старые перестают быть "историческими". Смена партийного руководства также приводит к девальвации предыдущих И. р.: И. р. Сталина были отвергнуты Хрущевым, И. р. самого Хрущева, после его отстранения от власти, были сурово раскритикованы его наследниками.

ПРИМЕРЫ:

"Всю свою энергию рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция концентрируют на претворении в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС". ("Литературная газета", 5 ноября 1970, с. 1.)

"Осуществляя исторические решения XXV съезда КПСС, коллектив домостроительного комбината № 3, "Главмосстроя", включившись во всесоюзное социалистическое соревнование за повышение эффективности производства и качество выпускаемой продукции, успешно справился со своими обязательствами". ("Известия", 6 января 1979, с. 1.)

"Дальнейшее укрепление связей науки с производством – надежная гарантия выполнения заданий одиннадцатой пятилетки, исторических решений XXVI съезда партии". ("Известия", 23 августа 1981, с. 3.)

”К”

КАДРЫ — партийные, профсоюзные и государственные работники, осуществляющие политику советского правительства.

Подготовка и расстановка К. в Советском Союзе находится под постоянным надзором властей и осуществляется в зависимости от текущих задач режима. Условие выдвижения — беспрекословное подчинение (на словах — ”беззаветная преданность”) режиму.

В годы становления советской системы К. вербовались из рабочих и деклассированных слоев общества, непосредственно участвовавших в коммунистическом перевороте и гражданской войне. Выдвиженцы партии становились ”красными директорами” — руководителями советских предприятий и учреждений. Они в избытке обладали революционным энтузиазмом, но у них не было ни знаний, ни профессионального опыта управления и организации. И партийный

аппарат, выдвинув лозунг "кадры решают все", был вынужден посылать своих активистов учиться на краткосрочные курсы (рабфаки) университетов.

В деревню для насильственного изъятия у крестьян продовольственного налога направлялись десятки тысяч коммунистов; в промышленности К. инспирировали субботники и движения "ударников" производства. В действительности "все" в советском государстве решали не К., а Политбюро. Оно выступило в 30-е годы с обращением: "кадры обязаны овладеть марксистско-ленинской теорией". На смену этому призыву пришел другой — правильного подбора кадров. К советским руководителям предъявлялись жесткие требования: рабоче-крестьянское происхождение, отсутствие родственников за границей, неучастие в оппозиции. После второй мировой войны требования к К. еще более ужесточились: помимо социального происхождения, дорогу к престижной работе закрывали пребывание в плену и проживание на оккупированных территориях. Устанавливались также негласные ограничения при приеме на работу "нацменов" и процентные нормы для евреев.

Сталинские слова о необходимости беречь кадры как золотой фонд партии носили сугубо пропагандистский характер: в многочисленных "чистках" были уничтожены наиболее способные и квалифицированные К. коммунистической партии.

Общая координация кадровой политики в Советском Союзе осуществляется Организационным отделом ЦК КПСС, а реализация ее возлагается на специальные органы КГБ — первый и общий отделы предприятий и учреждений. Лишь номинально при подборе руководящих К. уделяется внимание компетентности сотрудников; по существу учитываются только их политическая благонадежность и готовность к беспрекословному подчинению.

ПРИМЕРЫ:

"Наша партия постоянно проявляет подлинно ленинскую заботу о подборе, расстановке и воспитании кадров". ("Партийная жизнь", 1980, № 19, с. 11.)

”Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что ключевое звено идеологической работы – кадры”. (“Агитатор”, 1982, № 20, с. 2.)

”Неважно здесь обстоят дела на заводе железобетонных конструкций и в стройуправлении: много брака, велика текучесть кадров, слаба дисциплина”. (“Правда”, 29 ноября 1983, с. 2.)

КЛЕЙМИТЬ ПОЗОРОМ – словосочетание, используемое для осуждения и обличения противников коммунизма.

В Советском Союзе принято К. п. прежде всего внешних врагов: капитализм, международный империализм, сионизм и т. д. Тем самым создается видимость опасности враждебного ”буржуазного окружения”. Разоблачаются также общественные силы, противостоящие советскому руководству внутри страны. ”Клеймятся позором” любое отклонение от политической линии партийного аппарата, взгляды и настроения, не соответствующие официальной идеологии и морали.

К. п. – своеобразное мистическое действо, осуществляемое в ходе различных пропагандистских кампаний, в которых участвует ”советская общественность” – подобранные представители интеллигенции и рабочих, средства массовой информации. Механизм публичного унижения преследует несколько целей: запугать жертву, изолировать ее, лишить поддержки, превратить общество из свидетеля расправы в ее соучастника. И в результате – создать атмосферу всеобщего страха, неуверенности и подозрительности.

На всех этапах советской истории партийный аппарат жестоко расправлялся с общественными группами и отдельными личностями, чьи взгляды, убеждения, идеи не укладывались в требования режима. В период сталинских ”чисток” раздувался массовый психоз разоблачения ”врагов народа”, ”вредителей”, ”диверсантов”, ”изменников”. Их осуждение происходило под знаком демонстрации ”единства партии и народа” и под соответствующим ”клеящим позором” политическим ярлыком: ”троцкизма”, ”правого уклона”, ”меньшевистского идеализма”, ”безродного космополитиз-

ма”, ”вейсманизма-морганизма”. Это наиболее известные, но отнюдь не исчерпывающие список политические ярлыки, за которыми — мартиролог жертв коммунистического террора. В послесталинскую эпоху отслужившие и скомпрометировавшие себя идеологические клейма сменились новыми: ”антисоветчик”, ”идеологический диверсант”, ”отщепенец”, ”тунеядец”. В 70—80-е годы принято К. п. ”пособников международного империализма” — внутренних врагов-диссидентов.

Публичные расправы-оргии призваны создать впечатление, что карательные действия режима выражают волю народа, ”клепящего позором” врагов советской власти.

ПРИМЕРЫ:

”Народы мира клеймят позором злодеяния клики Бегина, международного сионизма” (”Агитатор”, 1983, № 12, с. 61.)

”Заклеймите позором тех, кто подталкивает сегодня человечество к бездне!” (”Литературная газета”, 8 июля 1981, с. 1.)

”Выступившие на заседании представители Специального комитета ООН против апартеида, Комитета освобождения ОАЕ заклеямили позором необъявленную войну ЮАР против молодых независимых африканских государств” (”Правда”, 1 февраля 1981, с. 1.)

КЛИКА — группа людей, занимающихся антисоветской или антисоциальной деятельностью.

Это емкое и гибкое слово обладает экспрессивно-иронической окраской, позволяющей использовать его для представления самых разных политических противников советского режима в виде банды преступников, предающей интересы народа и попирающей законы: ”К. троцкистов”, ”К. поджигателей войны”, ”маоистская К.” и т. п. Употребляется в зависимости от идеологической конъюнктуры. В 50-е годы, в период обострения советско-югославских отношений, руководство Белграда именовалось в советской печати ”К. Тито” или ”К. Тито-Ранковича”. После примирения с

Югославией Тито и его коллеги стали именоваться "верными сынами Югославии".

К. может быть названо любое демократическое правительство, негодное Москве. При этом советская пропаганда спокойно признает законным и правомочным правителя, насильственно захватившего власть при поддержке СССР. В случае падения такого правительства оно, если это выгодно, объявляется К.; его "неблаговидная политика" и "антидемократические" формы правления осуждаются: советским людям внушается несостоятельность его "антинародных" целей. Например, коммунистическое правительство Амина, свергнутое в Афганистане в ходе советской интервенции, стало затем именоваться К.

ПРИМЕРЫ:

"Довольно любопытную компанию являют собой те страны, которые решили бойкотировать Олимпиаду. В их числе фашистская Чили, диктаторские режимы Гаити, Гондураса и Парагвая, Южная Корея, охваченная грандиозными выступлениями против реакционной клики, Китай, Израиль, Пакистан". ("Комсомольская правда", 25 мая 1980, с. 4.)

"Лобовой национализм и слепая вражда к Вьетнаму оказали Пол Поту и его клике плохую услугу". ("За рубежом", 1980, № 13, с. 16.)

"Человечество не забудет трагедии кампучийского народа, пережитой во время правления клики Пол Пота". ("Агитатор", 1983, № 5, с. 52.)

КЛУБ — культурно-просветительное учреждение для встреч и совместного отдыха советских людей.

К. организованы по профессиональному принципу: К. моряков, офицеров, медицинских работников, работников печати, КГБ, МВД, железнодорожников и др. Часто они именуются "домами" — дом журналиста, литератора, работников искусств и т. д. Однако элитарные К. вообще не имеют официального названия, ибо советским людям не следует знать о их существовании и назначении.

Они, как правило, располагаются по соседству с глухими правительственными дачами, за тяжелыми дверями и матовыми стеклами и спрятаны под скромными и вполне благопристройными названиями: например, "профилакторий" (в Москве, Киеве, Ереване). В других городах они скрыты под видом гостиничных дач (Баку, Душанбе, Тбилиси) и финских бань (Рига, Таллин, Петрозаводск). В каждом городе и даже районном центре есть по крайней мере один такой дом-клуб.

Элитарные К. без названий, связывающие советский правящий класс в единую кастовую пирамиду, играют в жизни страны существенную роль. Если окончательные решения принимаются на заседаниях Политбюро, коллегий министерств, бюро обкомов, горкомов и райкомов, то предварительную обкатку они проходят здесь — в элитарных К. В замкнутой и спокойной обстановке, располагающей к отдыху и покою, завязываются необходимые знакомства, сближаются партократы и технократы, дипломаты и прокуроры, президенты академий и руководители творческих союзов — господа и исполнители. Здесь не спрашивают удостоверений — пропуском служит машина с правительственным номером и вышколенный шофер. Портье услужливо бежит навстречу, распахивает тяжелую дверь, подхватывает шляпу. С этого мгновения вступает в свои права ритуал. Кухня — изысканная, вина — выдержанные. Отдыхают здесь легко и непринужденно: бильярдные столы, сверкающие политурой рояли, золотые канделябры, цветные телевизоры, стереофонические радиоприемники, уютные библиотеки с зарубежными газетами и журналами — из тех, что не поступают в свободную продажу.

Крикливые лозунги, кичливые обязательства передовиков неременный реквизит рабочего К. и фабричного красного уголка — не смущают изоощренных вкусов солидных завсегдатаев этих "домов". Оригинальные полотна известных художников, старинные литографии, нигде более не выставляемые, позволяют приобщаться к изысканному миру искусства, ощущать свою значительность. И, конечно,

сама атмосфера — высокомерная непринужденность, создаваемая годами тесного знакомства, обращение на "ты" — говорит о том, что здесь начинается особый мир — мир власти.

Дома-клубы ЦК КПСС — самые фешенебельные и доступны лишь небольшому кругу. В них есть залы для самых избранных — членов Политбюро. Здесь встречаются представители особо высокопоставленной интеллигенции, влиятельных военных кругов, знатные администраторы промышленности, видные боссы госбезопасности.

Творческие К. — "дома" работников искусств, литераторов, журналистов, художников, композиторов — служат связующим звеном и местом встречи представителей самой высокой элиты и элиты просто высокой. Сюда, "на огонек", на эксцентричные представления, на просмотры запрещенных цензурой фильмов и просто пообщаться с богемой заявляются почтенные и степенные секретари ЦК. Здесь все свои. Все, кто принадлежит к этому кругу, являются его горячими приверженцами и защитниками. Некоторые иной раз позволяют себе выразить робкое сомнение, но никто не отвергает этот мир, на котором покоится благополучие элиты. Да и сами партократы время от времени позволяют себе позлословить — самую малость, и не по поводу, конечно, основного. Уставшие от пресной атмосферы собраний, они любят иронию, являются поклонниками злых эпиграмм и острых анекдотов.

Каждый приобщенный к такому "дому" привык к определенному образу мышления и стандартам поведения, хотя у каждого своя вотчина: один управляет областью, другой хозяйничает в Союзе писателей. К. соблюдают иерархию: в тех, что поскромнее — горкомовских или райкомовских, — обстановка более демократичная. Разговоры здесь заземлены доступной информацией — о размерах взятки, о семейных делах, о видах на повышение.

Клубы ЦК, Совета Министров иные: в них все самое изысканное — мебель, сервировка, яства. Здесь принято обсуждать направление партийной политики или исследовать

последствия правительственных реорганизаций. В этих домах на ужинах при свечах завершает свой оборот спираль разделения труда и управления в советской России. Здесь синтезируется то, что впоследствии расходится по каналам власти. Постановления, резолюции ЦК КПСС обговариваются, осмысливаются, анализируются в К. и лишь затем направляются в массы, принимая форму политического курса. Разумеется, механизм действует не столь упрощенно — схемы общественной жизни сложны. Не каждый посетитель такого дома — политический лидер. Но все вместе они составляют центр тяжести власти. Этот в высшей степени влиятельный крут людей, конечно, не всегда собирается вместе. Внутри каждого К. действует сложная и замысловатая иерархия. Посетители разбиты на небольшие группы. В них могут быть и политические деятели, вышедшие в тираж, но они создают лишь фон для влиятельных и сильных плутократов.

Правительственные К. выполняют строго определенные социальные функции. Принадлежность к ним указывает, в чьих руках сосредоточена власть в стране и на какой ступеньке власти кто находится. В К. выявляются и выверяются определенные позиции: кого поддержать, к кому прикнуть, набрасываются сценарии очередной интриги.

Достаточно выписать имена постоянных посетителей этих "домов", чтобы узнать, кто в современной России приводит в движение рычаги управления, понять механизм принятия государственных решений.

Случается, что сюда заглядывают необычные посетители, которым по формальному статусу это не положено: директора не очень крупных предприятий, руководители не вполне известных объединений, заведующие большими универсальными магазинами. Они немногословны, держатся неуверенно. Их присутствие — верный признак того, что предполагается какая-то очень выгодная сделка, и растроганный, щедрый партократ пригласил в К. подпольного миллионера.

Правительственные К. являются не только вершиной об-

шественной пирамиды, но и ареной черного бизнеса. И еще: часто встречаются в них делающие карьеру честолюбивые служители искусства — балерины, мечтающие о большой сцене, певицы, стремящиеся получить солидные партии в оперных театрах, просто женщины, единственный козырь которых — молодость и красота. Их путь к успеху лежит через эти К. Партократы же стремятся получить в К. максимум удовольствий, поскольку обеспеченная жизнь еще не гарантирует им радость.

ПРИМЕРЫ:

“Хорошей формой организации разумного досуга трудящихся по месту жительства стали различные клубы и объединения по интересам”. (“Агитатор”, 1980, № 23, с. 39.)

“Действенной формой систематической воспитательной работы зарекомендовали себя общественно-политические клубы”. (“Агитатор”, 1980, № 23, с. 38.)

“...на территории СССР английскими шпионами и диверсантами были брошены бомбы в партийный клуб в Ленинграде”. (История ВКП (б). Краткий курс. Госполитиздат, 1950, с. 270.)

КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО — постоянно декларируемый принцип советской партийной жизни.

Если, однако, не поддаваться влиянию пропаганды и судить о советском обществе не по заявлениям его идеологов, а по реальной расстановке сил, то легко заметить, что идея “коллективного руководства” как системы и организации власти глубочайшим образом противоречит не только практике, но и основам коммунистического режима, его философии “демократического централизма” и всему его социально-политическому укладу.

К. р. в Советском Союзе всегда существовало лишь как переходная форма правления и лишь для того, чтобы выделить из своей среды диктатора с той или иной мерой единовластия. Периоды “коллективного руководства” никогда не были длительными. Они продолжались несколько лет и на

различных этапах советской истории имели свои особенности. В первые годы правления советских генсеков власть делили: при Сталине — Рыков (правительство), Дзержинский (государственная безопасность), Бухарин (идеология); при Хрущеве — Булганин (правительство), Жуков (армия), Сабуров и Первухин (экономика); при Брежневе — Косыгин (правительство и экономика), Сулов (идеология), Кириленко (партийный аппарат), Шелепин (госбезопасность) Подгорный (местные и верховные советы).

Современная советская политическая жизнь "разыгрывается" секстетом: Черненко — Устинов — Громыко — Алиев — Горбачев — Тихонов. Черненко-дирижер, но не маэстро: он ограничен в своей "творческой" свободе. Партии в секстете распределяются следующим образом: Устинов — армия, Громыко — внешняя политика, Алиев — политическая и уголовная полиция, Горбачев — партийный аппарат, Тихонов — экономика.

"Коллективное руководство" Андропова—Черненко утверждало себя стремлением обеспечить "преемственность правления" и гарантировать "единство общества": на Пленумах ЦК именно эти "мелодии" звучали отчетливо и звонко (куда приглушеннее — "мотив" предотвращения разброда и паники). И объявляло себя, как это делалось в СССР всякий раз, когда ставился эксперимент коллективного руководства, наиболее эффективной и плодотворной формой "народовластия".

Это руководство имело, впрочем, одну отличительную особенность — оно должно было все время громко и публично напоминать о своей "коллективной работе". С конца 1982 года в центральных, республиканских и областных газетах начали появляться еженедельные сообщения: "В Политбюро ЦК КПСС". Впервые после смерти Ленина в СССР снова стали печататься отчеты о заседаниях Политбюро — так советским гражданам навязываются желательные идеологические ассоциации. Раньше деятельность Политбюро считалась важной (может быть, даже важнейшей) государственной тайной. Публикуемые теперь сообщения призваны

свидетельствовать о том, что нет более (пока, в Москве самодержца, но существует и правит "мудрое К. р."

Краткие сообщения в советской прессе о работе Политбюро действительно свидетельствует о временном упразднении — на вершине партократической пирамиды — института единоначалия, но, конечно, не означают какой-либо демократизации системы и к ней не ведут. Советские вожди "советуются" с народом только тогда, когда им не достаёт стабильности и уверенности, и лишь для того, чтобы укрепить и усилить свою власть, — как правило, за счёт других вождей.

Человеческая память, однако, коротка, а душа советского человека чрезвычайно чувствительна и отзывчива к малейшим проявлениям ослабления и смягчения диктатуры, пусть даже внешним и призрачным. Сообщения "В Политбюро ЦК КПСС" как раз и создают иллюзию сопричастности советских людей к принятию важных государственных решений. И одновременно предоставляют им некоторую — пусть незначительную, но все же реальную — информацию для самостоятельного, а не продиктованного директивно анализа и робкого, осторожного прогнозирования хода политических и экономических процессов.

ПРИМЕРЫ:

"Всю свою деятельность партия строит на основе неукоснительного соблюдения ленинских норм партийной жизни, принципа коллективного руководства, всестороннего развития внутрипартийной демократии". ("Коммунист". Календарь-справочник за 1977 год. М., Изд. политической литературы, 1978, с. 37.)

"Не только Совет в целом как орган коллективного руководства, но и каждый депутат, а тем более депутат-коммунист, должен зорко стоять на страже общегосударственных интересов". ("Коммунист", 1981, № 13, с. 12.)

"Деловитость, энергия, самоотверженность членов выборных партийных органов, верность принципам коллективного руководства, их стремление задавать тон и показывать личный пример в работе — ключ к успешному решению больших и сложных задач на любом участке коммунистического строительства". ("Правда", 27 февраля 1984, с. 1.)

КОЛХОЗ — производственный сельскохозяйственный кооператив, основанный на насильственном отчуждении индивидуальных крестьянских хозяйств и принудительном труде.

Коммунистическое переустройство деревни — объединение единоличных хозяйств в коллективные — осуществлялось в Советском Союзе главным образом в период с 1917 года до середины 30-х гг. Коллективизированные хозяйства назывались сельскохозяйственными коммунами, артелями, товариществами по обработке земли, пока, наконец, с конца 20-х гг. за ними окончательно не закрепилось название колхоз ("коллективное хозяйство").

К., таким образом, — новое слово, за которым стоит понятие, созданное советской властью. Активное употребление его началось со времени массового объединения крестьян в колхозы и провозглашения Сталиным плана ликвидации кулачества (зажиточной части крестьян) как класса. Коллективизация означала переход земли, орудий и результатов труда в общественную собственность и полное подчинение крестьян государству.

Коллективная форма ведения сельского хозяйства в Советском Союзе осуществляется на основе приоритета государственных интересов (выполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, уплата налогов на приусадебные участки и т. д.) над кооперативными (создание колхозных натуральных и денежных фондов и т. д.). Личные нужды крестьян удовлетворяются в последнюю очередь — путем распределения по трудодням остатков сельхозпродукции, которой после выполнения государственных заготовительных планов остается крайне мало. Поэтому советские крестьяне живут чрезвычайно бедно, и в основном за счет своих приусадебных участков, облагаемых большими налогами.

Колхозная система организации сельскохозяйственного производства уже у своих истоков, в 20-ые годы оказалась малоэффективной — крестьянство нищенствовало и всеми

способами сопротивлялось ей. К тому же реальные возможности советского государства финансировать хозяйства, снабжать их техникой и химическими удобрениями в ту пору были более чем ограничены. Партийное руководство, однако, полностью игнорировало добровольный принцип организации К., вековую привязанность крестьян к индивидуальным хозяйствам. Обобществлялись не только земли, товарно-продуктовый скот, но и мелкий инвентарь, домашняя птица, "урезались" приусадебные участки, вводились высокие налоги. Это не способствовало популярности К. Созданные путем "декретирования", они не были прочными и легко разваливались.

В начале 1930 г. Центральный комитет партии был вынужден выпустить специальную директиву об отказе от спешки в коллективизации, и несколько миллионов крестьянских хозяйств вышли из К. Для единоличников, оказавшихся вне К., был введен высокий налог, а обязательные поставки продуктов государству были установлены на 50% выше, чем для колхозников. Невыполнявшие нормы сдачи сельхозпродуктов крестьяне объявлялись "кулаками", имущество и земли конфисковывались, а их ссылали в Сибирь. Советское крестьянство было поставлено перед выбором: ссылка или К.

Бесперспективность единоличного хозяйствования привела к росту К., но стабилизации в колхозной жизни не наступало: у крестьян по-прежнему изымались хлеб, овощи, семена. К. стояли на "мануфактурной" стадии развития и не в состоянии были обеспечить существенный подъем производства. Ощущался острый недостаток квалифицированных специалистов: размеры К. постоянно менялись (после организации колхозов-гигантов создавались небольшие К., которые затем вновь укрупнялись). Неоднократно предпринимались попытки ликвидации личных хозяйств — власти рассматривали их как пережиток капитализма. К., не выполнявшие заданий по сдаче государству продуктов, подвергались репрессиям: распускались партийные органи-

зации, происходили массовые исключения из партии и выселение крестьян.

К 1940 г. было коллективизировано 96% крестьянских хозяйств. Жертвы коллективизации исчислялись в 10 млн. человек. И сельскохозяйственное производство оказалось окончательно парализованным.

Централизация планирования и руководства в сельском хозяйстве сковывала инициативу крестьян; высокие налоги и низкие заготовительные цены, не покрывавшие даже производственных затрат, ограничивали возможности воспроизводства. Серьезным препятствием для развития сельского хозяйства явились также порочные теории, насаждавшиеся в биологии и агрономии Сталиным.

Хрущев попытался усовершенствовать сельскохозяйственное производство: в К. были направлены техника и химические удобрения, уменьшены налоги, колхозникам стали выплачивать зарплату и даже изредка выдавать паспорта, без которых они были насильственно прикреплены к деревне. В некоторой степени изменился и социально-психологический облик крестьянина. Прежде колхозник выполнял любую работу, постепенно труд его становился специализированным. В деревне появились специальности: дояр, свинар, комбайнер, тракторист и т. д. Это создало почву для перерождения крестьянской психики: из крестьянина, труд которого был универсальным, он превратился в наемного работника. Но хозяином земли он не стал и продолжал нищенствовать. Поэтому работать в К. люди, как правило, не желают. При первой возможности колхозники бегут в город — на любую работу.

К., однако, по-прежнему существуют. Власти установили жесткий контроль над их жизнью, которая четко регламентирована. Периодически проводятся различные пропагандистские кампании: посевная, прополочная, уборочная, сдача хлеба "в закрома родины" и т. д. Партийное руководство своими постановлениями устанавливает повсеместно правила ведения колхозного хозяйства. Очень часто в приказном порядке проводятся взаимоисключающие мето-

ды сева: травополье и посадка яровых, яблевый и квадратно-гнездовой. Неизменная обязанность К. при любом урожае — досрочная сдача продуктов (за символическую цену) государству. Чтобы покрыть нехватку средств, колхозники вынуждены продавать продукты своих личных хозяйств. На крохотных приусадебных участках, без удобрений и тракторов колхозники выращивают и поставляют в города 40—50% всего производимого в стране картофеля, мяса, молока и яиц. 3—4% посевной площади, находящейся в частных руках ("индивидуальные участки"), дают почти столько же продукции, сколько вся остальная земля, "принадлежащая" К.

Уже одно это говорит о полном банкротстве советского колхозного строя. Принудительное участие горожан в уборке урожая (к работе привлекаются все рабочие, инженеры, ученые, студенты, школьники) также свидетельствует о степени "эффективности" К.

Советские руководители тем не менее продолжают утверждать, что "колхозная форма сельского хозяйства полностью отвечает уровню и потребностям развития современных производительных сил в деревне", что "колхоз — это школа коммунизма для крестьянства". И при этом закупают на Западе миллионы тонн зерна, чтобы спасти страну от явного голода, а себя — от народного бунта. И всеми средствами пытаются сохранить К., на которых держится их власть в деревне.

Дискредитация явления и понятия К. проявилась в снижении частоты употребления слова "колхозники" в пропагандистском языке. Вместо него все чаще используются синонимичные ему "земледельцы", "труженики полей", "советское крестьянство", "труженики села". В разговорном языке "колхоз" и "колхозник" приобрели пренебрежительный оттенок отсталости и забитости.

ПРИМЕРЫ:

"Если до массового вступления крестьянства в колхозы советская власть опиралась, главным образом, на социалистическую промышленность, то отныне она стала опираться также и на быстро рас-

туший социалистический сектор сельского хозяйства, на колхозы и совхозы". (История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, 1950, с. 298.)

"Между тем и в Пермской области и в Марийской АССР есть прекрасные колхозы и совхозы". ("Комсомольская правда", 22 декабря 1983, с. 2.)

"В колхозе "Россия" Комратского района благодаря специализации и широкому применению индустриальных технологий возделывания культур производительность общественного труда поднялась за 10 лет в 1,6 раза". ("Агитатор", 1983, № 14, с. 22.)

КОММУНИЗМ — социально-экономическая доктрина ортодоксального марксизма, а также тоталитарный общественно-политический строй.

Основоположниками теории, называемой научным коммунизмом, являются Маркс и Энгельс. Согласно их учению, бесклассовое коммунистическое общество будет построено в результате классовой борьбы, возглавляемой "самым революционным классом" — пролетариатом, который в интересах абсолютного большинства населения совершит мировую революцию и установит равенство и социальную справедливость. При К. предполагается создание единой общенародной собственности на средства производства, планомерное и пропорциональное развитие хозяйства, максимальное удовлетворение постоянно растущих потребностей общества и исчезновение классовых противоречий. Согласно советской идеологии, при К. сотрутся противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, между умственным и физическим трудом. Каждый гражданин будет трудиться по способности и получать по потребностям. Отпадет необходимость в государстве как аппарате насилия, установится общество всеобщего благоденствия и процветания.

Со времен Сталина прерогативой творческого развития марксизма пользуются в Советском Союзе лишь генеральные секретари ЦК КПСС. Они разрабатывали, устанавливали, уточняли, особенности первой (низшей, переходной) фазы коммунистического общества — социализма, намечали

”очередные задачи коммунистического строительства”, определяли особенности коммунистического воспитания, пути преодоления ”пережитков капитализма” в сознании людей и т. д.

При этом руководящая роль в построении К. неизменно отводилась партии, которая, несмотря на попытки ”врагов народа” помешать мирному развитию СССР, ”твердо” вела народы к К. Этот путь, связанный с миллионами человеческих жертв, с бесконечными трудностями и лишениями, советская пропаганда называет ”борьбой за светлое будущее”. Уничтожение социальных групп и классов (дворянства, буржуазии, зажиточных крестьян-кулаков), геноцид, подавление свободомыслия — все это объяснялось интересами строительства К.

Естественно, что вера советского народа в К. постепенно разрушалась. В значительной мере этому способствовала дискредитация Сталина на XX съезде КПСС. Чтобы гальванизировать коммунистический энтузиазм, Хрущев объявил, что К. будет построен в СССР уже в 1980 г.

В последующие годы выяснилось, однако, что руководство не только не смогло приблизиться к К., но привело страну и систему на грань развала. При Андропове и Черненко время прихода К. уже не называется, хотя официально задача партии остается прежней — привести народ к К.

Не сбылось ни одно из предсказаний марксистских идеологов: ни сроки прихода К., ни надежды, связанные с его первой стадией. Социализм не принес как социального равенства и свободы, так и изобилия. Социалистическое общество оказалось, в сущности, отсталым и консервативным, основанным на глубоком неравенстве, а его борьба с капитализмом — борьбой тоталитаризма с демократией, закрытой социальной структуры — с открытой. ”Призрак К.”, о котором говорили в XIX веке Маркс и Энгельс, и сейчас, 100 лет спустя, остался призраком. Но если на заре марксизма им пугали буржуазию, то теперь его боятся трудящиеся. За призраком стоят вполне материальные притязания партии.

К. составляет существенную часть советского идеологического декорума, создает видимость благополучия и продвижения.

Производное от К. — "коммунист" имеет, во-первых, конкретное значение "член партии", во-вторых, обозначает передового, динамичного, активного человека. "Коммунистический" стало употребляться вместо "сознательный", "нравственный", "честный", "достойный", "справедливый", "благородный". Оно превратилось также в универсальное определение, воссоздающее идеологическую атмосферу советской жизни и ее оценочные категории: "коммунистическая бригада" — всегда передовая; "коммунистические идеалы" — неизменно светлые; "коммунистическая нравственность" — непременно высокая; "коммунистическое будущее" — самое прекрасное; "коммунистическая инициатива" — наиболее прогрессивная; "коммунистический труд" — сознательный, упорный, созидательный, героический, облагораживающий...

Выражения, включающие слово "коммунистический", характерны для газетного языка, ими пестрят речи советских руководителей, резолюции съездов партии, комсомола, профсоюзов, общих собраний. В политической речи они — добровольно-принудительный ассортимент, который насаждается идеологией для создания видимости энтузиазма советских людей, имитации их признательности партии и правительству.

ПРИМЕРЫ:

"Коммунизму нужно учиться, и не только по учебникам — на деле". ("Комсомольская правда", 27 октября 1983, с. 2.)

"Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР — в этом нет сомнения — будет ознаменована новыми успехами в борьбе за претворение в жизнь планов партии, великих идеалов коммунизма". ("Известия", 19 декабря 1983, с. 1.)

"Доклад тов. Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС — Это крупный вклад в теорию и практику научного коммунизма". ("Партийная жизнь", 1981, № 18, с. 8.)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ — партократия, новый правящий класс, сформировавшийся и поднявшийся к власти в процессе радикального переустройства советского общества.

Истоки коммунистической бюрократии — в особом человеческом материале, который складывался, теряя классовые черты, на стыке различных слоев общества, вступающих в социалистическую революцию: пролетариата, крестьянства и интеллигенции. В зависимости от исторических и национальных особенностей коммунистической страны пролетариат может входить в социальную базу правящего класса или выпадать из нее. Отношение к нему коммунистической бюрократии проходит различные стадии — по мере ее продвижения к власти.

В период борьбы за власть коммунисты России, выступая под знаменем антикапитализма, вынуждены были опираться на пролетариат. В условиях политического междувластия (1917—1918 гг.), когда буржуазия и дворянство России власть выронили, а К. б. еще не подобрала, создавалась социальная иллюзия, будто ее интересы и интересы пролетариата совпадают. Но стоило коммунистической партократии прийти к власти, как обнаружилось, что ей нет надобности выступать от имени рабочих. И от диктатуры пролетариата остались только декорации, прикрывающие новые, коммунистические формы эксплуатации. Закладка основ экономического могущества нового правящего класса — принудительная индустриализация и насильственная коллективизация — довели противоречия между трудящимися и коммунистической властью до антагонистических.

Реализация политических целей нового коммунистического класса — установление монопольного господства над обществом (в экономике, политике, идеологии и культуре) — приводят его в столкновение с пролетарской интеллигенцией, поднятой к жизни на гребне переворота. А несколько позднее — во второй половине 20-х и начале 30-х годов — к противоборству с коммунистической партией, бла-

гословившей возникновение партократии и идеологически предопределившей ее жизнь.

Ленинскую гвардию большевиков ждала незавидная участь: ее уничтожили в сталинских лагерях, едва ее идеалы пришли в противоречие с целями коммунистической бюрократии. На развалинах партии возникла новая организация из представителей правящей элиты, сила которой росла по мере все возрастающего социального расслоения коммунистического общества.

Правящие классы прошлого приходили к власти после того, как в социальной структуре общества вызревали и складывались соответствующие экономические отношения. Партократия разорвала привычную цепь событий: вначале она захватила политическую власть, а уже потом заложила фундамент своего экономического могущества. Но если оформление экономического базиса нового класса стало возможно только в ходе победоносной коммунистической революции, то идеологически К. б. складывалась и формировалась задолго до того. И опять-таки, вопреки историческому правилу, она не имела ни корней, ни истоков в социальной жизни. Психология и политическое сознание будущего правящего класса были выработаны аппаратом коммунистической партии и уже в готовом виде насаждались и распространялись в различных слоях общества.

Появление коммунистического правящего класса К. б. (партократии) было, таким образом, спродуцировано идеологически. Его возникновение — результат развития тех социальных условий, которые сперва подвели Россию к коммунистической революции, а затем сделали ее тоталитарной страной. Партократия складывалась и утверждалась в лоне общественной и хозяйственной жизни советского общества, а коммунистическая партия явилась тем центром, вокруг которого осуществлялась ее кристаллизация — определились ее социальный состав, мироощущение и нравственность.

Новый правящий класс возник в результате превращения группы профессиональных революционеров в группу соб-

ственников и эксплуататоров. Жизненные цели этого класса всегда определялись не партийным уставом, а вытекали из его общественного статуса, стремления сохранить и упрочить свое привилегированное положение в обществе. Назначение коммунистических идеалов — чисто декоративное: они служат целям пропаганды и одурачивания масс. Партократы быстро превратились из революционеров в реакционеров, как и надлежит правителям, дорвавшимся до власти.

Коммунистический правящий класс, элитарный по содержанию, по форме остается партийным. Только члены партии могут заниматься ответственной общественной и политической деятельностью. Тем самым создается иллюзия, будто членство в партии само по себе создает привилегированное положение, дает власть и влияние в государстве. Такой взгляд обедняет и упрощает механизм жизнедеятельности советского общества, подменяет суть социальных процессов их внешними проявлениями и по существу находится на уровне понимания, которое советская пропаганда как раз и стремится создать у обывателя: партийная ячейка до такой степени разрослась, что стала исполнять все главные функции государства.

Коммунизм действительно не признает различий между работой правительственных организаций и партийных учреждений. Но не в том смысле, что функции партии и государства переплелись, а в том, что и в партии, и в правительственных учреждениях, и в полиции, и даже в науке господствует новый правящий класс, который только номинально (в силу традиций и в целях пропаганды) связывает себя с партией, с ее уставом и программой. К. б. лишь формально выступает от имени партии, отождествляя себя с нею, или еще точнее — партию с собой.

К коммунистическому правящему классу относятся различные социальные пласты, занимающие руководящее положение в советском обществе. Именно это дает им исключительное право распоряжаться всей собственностью, экспроприированной государством. К. б. сосредоточила в своих руках всю полноту власти, и не делит ее ни с одним другим

классом. Естественно поэтому, что в советском обществе у нее нет союзников. К. б. произвольно, в соответствии со своими интересами, распределяет национальный доход страны, устанавливает заработную плату, определяет и направляет ход экономического развития.

Коммунистический правящий класс представляет собой пирамиду с четко очерченной социально-политической иерархией. На верхних этажах этой пирамиды расположена партийная элита. На ступеньку ниже — правительственная. Далее располагаются (в зависимости от степени своего влияния на партаппарат): научная и профсоюзная элиты, элита от искусства и литературы, очень небольшая группа профессиональных "общественных деятелей".

Подобная градация по вертикали отражает характер и функции элит, их значение в советском обществе, степень участия в определении государственной политики. Но деление К. б. идет не только по вертикали, но и по горизонтали: многообразные группы накладываются друг на друга, смыкаются между собой. Реальная власть и престиж приводят к тому, что в наиболее могущественный слой господствующего класса попадают не только секретари ЦК КПСС и первые секретари республиканских партийных комитетов. В него втягиваются и представители других элит: руководители важнейших министерств, прокуратуры и верховного суда, главные редакторы центральных газет, президенты академий наук, высший генералитет, председатели творческих союзов и объединений.

На ближайшей за ними ступени социальной лестницы стоят их заместители — те, кто реализует советскую политику — коммунисты новой формации, начавшие политическую деятельность после второй мировой войны: заведующие отделами ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров, руководители комсомола, шефы профсоюзов, первые заместители министров, высшее партийно-советское чиновничество. Эта прослойка плавно переходит в третью группу коммунистической бюрократии, которую составляют люди действия, возглавляющие всякого рода государственные

учреждения (хозяйственные, промышленные, просветительские, учебные, медицинские, воспитательные), ответственные сотрудники Советов Министров республик, прокуратуры, верховного суда, КГБ республиканских и областных масштабов; видные советские ученые, писатели, артисты, удостоенные государственных премий и почетных званий.

На низшей — четвертой — ступени партократической пирамиды пребывают ничем не выдающиеся, но достигшие некоторой известности чиновники престижных организаций и учреждений, представительство в которых уже само по себе определяет привилегированный статус: инструкторы, инспекторы, ответственные организаторы комитетов партии, члены творческих союзов, руководящие хозяйственные работники, профессора, журналисты партийных газет, рабоче-крестьянская аристократия, делегируемая в верховные советы и партийные комитеты.

Все сословия правящего класса в той или иной мере принимают участие в политической жизни страны. К самой власти, однако, представители четвертого и даже невлиятельного третьего уровня не допускаются. Государственное руководство исходит только от элиты первого уровня, опирающейся на второй. Что же касается политического курса страны, то в его определении участвует даже не вся элита первого уровня, но только та ее часть, которая представлена в секретарском корпусе ЦК КПСС и в Политбюро, то есть фактически не более 30 человек. Партократия второго уровня намечает конкретные пути реализации политической линии, функционеры третьего и четвертого уровня эти решения осуществляют, доводят до масс.

Два последних сословия являют собой некое подобие тренировочных школ, где власть имущие пробуют свои силы в управлении страной. При этом система должностных назначений сосредоточена в руках высшей партийной элиты, которая заполняет наиболее ответственные государственные посты. За множеством социальных масок советского общества — маской премьера или президента академии наук, председателя всемогущего КГБ или скромного творческого

союза — просматриваются лица партийных функционеров. Все эти всеильные, всемогущие, авторитетные руководители рекрутируются из среды партийной элиты или затем вводятся в ее круг, получая соответствующее место в партийной иерархии и становясь носителями и проводниками целей партийного аппарата. Так что при любой раскладке сил власть в СССР неизменно находится в одних и тех же руках — в руках ЦК КПСС.

Раньше, при Ленине, диктат К. б. осуществлялся через советские органы; позже, при Сталине — при ывался полицейским декорумом; при их наследниках — от Хрущева до Черненко — он заявляет о себе в полный голос, откровенно подминая и попирая прерогативы государственных организаций — как исполнительных, так и законодательных.

Однако особенность К. б. как класса в том, что он (пока что) не передает юридически свою власть и привилегии потомству — таково ограничение, налагаемое на него идеологией, плата за стремление закамуфлировать в ней и через нее свои эгоистические устремления и корыстную политику. Выход из этой ситуации — насаждение партократии в науке: ее потомству обеспечены научные степени и звания, гарантирующие высокие доходы и престижное социальное положение. Тем самым привилегии как бы отрываются от исполняемых партократией функций и становятся неотъемлемой частью личности. В соответствии с уставом советской академии наук, член-корреспондент АН получает пожизненно, кроме зарплаты, 350 рублей в месяц, действительный член — 500 рублей. В распоряжении академиков — дачи, закрытые магазины, машина по вызову... Коренное отличие академика от партократа: его благополучие не столь блистательно, но вполне надежно. А надежность — самый желанный идеал советского руководителя, измотанного интригами и зависимостью от начальства.

Следующий шаг в динамике увековечения привилегий — превращение пожизненных прав в наследственные. Власть К. б. не является наследственной в партийной иерархии. Нельзя завещать потомству и пожизненное звание ака-

демика, но имущество безлично и передается от отца через детей к внукам. Отсюда, с накопления капитала, и начинается в Советском Союзе обратное движение человека к власти: деньги обеспечивают поступление в институт, на них покупаются престижные должности. Статус же в свою очередь несет в себе возможность накопления денег.

Так советский правящий класс вырывается из ограничений, налагаемых на него идеологией, и находит в капитале универсальное средство увековечивания привилегий, влияния и — в конечном итоге — путь к власти. Это значит, что он в полном смысле становится господствующим классом, объединившим в себе монополию собственности и увековечения власти. Его социальное движение становится движением по кругу: общественный статус — академический статус — капитал — общественный статус...

Проблема аристократизации партократии и сохранения ею однородности достигается также через межэлитарные браки. Спирали власти превращаются в брачные биржи, создающие живой барьер на пути проникновения в правящую элиту чужеродных элементов. Тем самым замыкаются границы советского правящего класса; от закрытых доходов до закрытых вилл, от закрытых спецшкол к закрытым институтам, от закрытого образа жизни к закрытым свадьбам... Партократия живет вольготно и пресыщенно. Мысль, что, достигнув социальных вершин, она найдет там печальную пустоту, что, накопив капитал, не будет знать, куда его тратить, что успех и преуспевание преходящи, и за них возможна расплата — все эти мысли о грустном уделе человеческого тщеславия ей недоступны.

Счастлива ли она? Сказать, нет — значит рассуждать не по-советски. Она выиграла в игре, в которой проиграл весь народ. Надо считать, что ей повезло. Иначе будет поколеблена вера в советскую власть, которая дала ей из всех своих благ самое главное — власть над запуганным, затравленным, униженным и оскорбленным человеком.

ПРИМЕРЫ:

''Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, это комму-

нист, который сидит на ответственном... советском посту". (В. И. Ленин. "О международном и внутреннем положении Советской республики", Собр. соч., 4-е издание, т. 33, с. 199.)

"Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении". (В. И. Ленин. "Доклад о деятельности Совета народных комиссаров 11 (24) января 1918 г.", Собр. соч., 4-е изд., т. 26, с. 425.)

"Разве мало-мальски объективные исследователи советской системы не согласны с тем, что именно это общество является "классовым"... прежде всего потому, что в нем выделяется партийная бюрократия, тот самый "новый класс", о котором писал в свое время Троцкий, а совсем недавно Джилас". ("Время и мы", 1983, № 75, с. 125.)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СМЕНА — пропагандистское представление советской молодежи.

Понятие К. с., стягивая в единый идеологический узел проблемы преемственности поколений, наделяет советских молодых людей мистической верой в исторический прогресс: ведь именно им принадлежит будущее, которое, разумеется, будет коммунистическим. В ожидании этого "светлого будущего" советская власть принимает особые меры, чтобы задержать, замедлить, затормозить вступление молодежи в реальную "взрослую" жизнь.

Молодой человек в СССР долгое время пребывает в положении ученика партии и комсомола. Он уже не ребенок и еще не взрослый, не мальчик, но и не мужчина, прямо уже не зависит от взрослых, но обязан полностью им подчиняться. Его убеждают не торопиться, повременить, подучиться, присмотреться, подрасти. Когда, наконец, молодой человек вступает в активную социальную жизнь, он с удивлением обнаруживает, что все престижные места заняты, а имеющиеся у него знания и опыт либо устарели, либо вообще неприемлемы. Продвижение по служебной лестнице осложнено — нет вакансий, связей и привычки к идеологической адаптации, которая приходит только со временем. Эта про-

тиворечивая ситуация объясняет трения между представителями разных поколений, но не вскрывает их истоки. Социальный конфликт в Советском Союзе отнюдь не сводится к конфликтам возрастным. Различие в возрасте — скорее предпосылка, чем причина.

Интенсификация производства приводит к постоянному удлинению сроков обучения. Как следствие, связи советских молодых людей, многие годы обучающихся вместе, растут и крепнут. Одновременно слабеет и сужается влияние мира взрослых. Мост между обоими мирами — комсомол — все более теряет свою эффективность и действенность. Советский молодой человек охотно входит в группу сверстников, где социальное общение не опошлено лицемерием и ханжеством. Эти группы молодежной субкультуры, часто стоящие вне рамок закона, дают молодому человеку хотя бы суррогат того, что не может предоставить ему коммунистическое общество.

Но опыт советской жизни учит подозрительности, неверию в истинные мотивы деятельности людей. И советская молодежь постепенно приходит к заключению: как ни приятно верить друзьям, это не окупается.

“Не окупается” — вот главный нравственный критерий социалистического общества, в котором быть — значит иметь, а не иметь означает — не быть. Советские юноши и девушки, привыкшие относиться недоверчиво ко всем нормативам общества, быстро утрачивают интерес к абстрактным коммунистическим идеалам, предпочитая им антисоциальный поиск: оптимизм сменяется скептицизмом и пессимизмом.

Отчуждение советской молодежи проявляется не только в недоверии к социальным нормативам, но и в чувстве потерянности, характерном, впрочем, для всего советского общества.

Кризис молодежи в СССР выступает как отказ от принципов и норм, лежащих в основе социальной структуры тоталитарного мира. При этом коммунистические ценности отрицают не только дети трудящихся, но и выходцы из

привилегированного, правящего класса — молодежь, которая не испытывает ни бедности, ни трудностей в реализации жизненных возможностей. Составлявшая когда-то социальную опору режима элитарная молодежь постепенно становится ненадежной, непригодной для воспроизводства существующего коммунистического правопорядка.

Правда, советская педагогика упорно исходит из представления, что эти пороки вытекают не из характера советского общества, "самого передового и гуманного в мире", а обусловлены недостатками воспитания, плохо поставленной комсомольской работой. Истина, однако, в другом. Сведенный социалистическим обществом до уровня робота, молодой человек в Советском Союзе стремится хотя бы в неформальной среде обрести статус, достойный уважения. Изверившись в казенных авторитетах, услужливо подбираемых ему пропагандой, подросток ищет (и находит) друзей среди тех, кто готов признать его притязания быть личностью — независимой, думающей, творящей. Лучшие уходят к диссидентам, сломленные — в воровские шайки.

При отсутствии позитивной программы стихийный протест молодежи против норм и стандартов поведения, господствующих в обществе, часто принимает форму социального нигилизма, который, в сущности, есть обратная сторона конформизма. Эту закономерность использует коммунистическая пропаганда, стремящаяся даже протест молодежи против устоев социализма превратить в фактор, укрепляющий устои. Через разветвленную систему массовой коммуникации пропаганда умело манипулирует субкультурой молодежи, эксплуатируя вкусы и настроения молодых людей. В результате место отвергаемых молодежью стереотипов господствующей культуры занимают стандарты комсомольской "культуры". Через них — лишь в слегка завуалированной форме, создающей иллюзию независимости, — в сознание молодых людей вбиваются нормы и ценности того же коммунистического общества.

Социализм постоянно изобретает новые механизмы отбора тех, кто сумеет ему служить преданно и покорно. От "из-

бренных”, прошедших такого рода селекцию, требуется лишь та часть их личности, те возможности и способности, которые нужны властям. Вся оставшаяся часть человеческого ”я” безжалостно отсекается: гражданские порывы, самолюбие, гордость, достоинство...

Коммунистам нужен не человек, а функции, которые он может выполнять; навыки, благодаря которым он с ними справится. Поэтому социализм организует процесс воспитания и социализации так, чтобы утверждать и культивировать те элементы личности, от которых можно ожидать ”отдачи” — рабское трудолюбие, беспрекословное послушание. Молодого человека отчуждают от присущих ему интересов, потребностей, возможностей. Критерием ценности становятся не способности, заложенные в человеке, а лишь то, насколько хорошо он выполняет порученное ему дело и какого рода дело ему можно поручить.

Происходит превращение молодежи в часть машины тоталитарного общества. Неудивительно, что государство ”развитого” и ”зрелого” социализма, которое коммунистические ”отцы” учили чтить и которым призывали восхищаться, воспринимается молодежью как общество, чуждое ему и враждебное. Протестуя против господствующих стандартов, молодежь далеко не всегда находит верные пути борьбы. Часто ”отрицание” сводится к увлечению водкой, наркотиками и азартными играми. Движение сопротивления носит характер эмоциональной импровизации, политической инфантильности или стихийного бунтарства. Бунт советской молодежи часто утопичен: ее цели и устремления — законность, свобода и равенство. И одновременно — культ изобилия. Она ратует за порядок и отвергает бюрократию, мечтает о совершенстве и не желает быть интегральной частью коммунистической системы. Критикует существующие социальные институты, но не выходит за рамки этих институтов. Даже наиболее радикальные молодые люди в своих требованиях реформ обычно не выступают за ликвидацию социалистической системы как таковой.

Видя, как ветшают и рушатся коммунистические куми-

ры, власть все меньше апеллирует к авторитетам и все больше пытается убеждать и доказывать. Определенные надежды она связывает со средствами информации, унифицирующими жизненную программу молодежи. Расчет несложен: коль скоро различные социальные группы смотрят одни и те же передачи телевидения, читают те же газеты — культура усредняется, а само общество стандартизируется. Стало быть, делается вывод: различия между поколениями постепенно сглаживаются.

Это заключение, однако, не выдерживает проверки жизнью: слишком велик в СССР разрыв между пропагандной моделью и реальностью. Пропаганда внушает ребенку представления о свободе и равенстве. Но первые же жизненные шаги убеждают его, что в обществе социализма нет ни свободы, ни равных возможностей. Человек обречен выполнять чуждые и враждебные ему социальные роли. Естественно, это порождает разочарование, сомнения, а затем и протест. К политическому действию приходит молодежь не просто бунтующая, а добивающаяся изменения общества. В результате, понятие К. с. приобретает неожиданный (для властей) смысл С. к. — "смены коммунизма".

ПРИМЕРЫ:

Партийные организации района уделяют постоянное внимание воспитанию коммунистической смены..." ("Человек будущего рождается сегодня". "Московский рабочий", М., 1984, с. 146.)

"В сыне беспокоит меня неприятное мне умение жить ... умение устроиться у него в большом и малом. Но не такой представлялась мне в мечтах коммунистическая смена..." ("Эскиз к портрету". "Молодая гвардия", М., 1969, с. 112.)

"Ветераны заверили партию, ее Центральный комитет, Политбюро ЦК КПСС, что все свои силы, знания, опыт направят на... воспитание молодого поколения советских людей — нашей боевой смены". ("Партийная жизнь", 1983, № 17, с. 3.)

КОМСОМОЛ (аббревиатура от "коммунистический союз молодежи") — массовая молодежная организация коммуни-

стической партии Советского Союза, созданная в 1918 г. и насчитывавшая к началу 80-х годов 39 миллионов человек.

Структура К. полностью дублирует организационную структуру партии. Как и партия, К. строится по территориально-производственному принципу: на предприятиях и в учреждениях, в военных частях и учебных заведениях действуют первичные комсомольские ячейки, подчиняющиеся последовательно районным, городским и областным комитетам К. Высший орган К. — ЦК (номинально съезд), избирающий секретариат и бюро.

Субординация комсомола четко определена: каждое звено в его закрытой иерархической системе абсолютно зависимо от партийного аппарата. Так что лозунг "К. — детище партии" вполне оправдан. Все руководящие принципы К. скопированы с партийных уставов, отличаясь, подобно им, законченным лицемерием и ханжеством. Например, принцип демократического централизма реализуется с той же односторонностью: демократизм приносится в жертву гипертрофированному централизму. Выборность носит номинальный характер: комсомольские работники по существу не избираются, а назначаются по указанию партийных комитетов; отчетность подменяется бюрократическими протоколами; гласность осуществляется партийной печатью в рамках и пределах, ею же установленных.

Процедура приема в К. до предела формализована: в К. вступают целыми школьными классами и молодежными трудовыми коллективами. Советская молодежь отнюдь не рвется в К., но боится остаться вне его. Это закрывает доступ в университет и мешает продвижению по службе. К. же позволяет сделать карьеру, прежде всего — общественную и тем более партийную. Вышедшие в тираж активисты К. заполняют коридоры власти партийного аппарата, становятся министрами и председателями государственных комитетов.

Правда, во времена сталинских чисток комсомольские лидеры, как и партийные, репрессировались или физически уничтожались, едва успев сделать первые шаги по номен-

клатурной лестнице. Такая участь постигла шестерых первых вожаков К. Их преемники, однако, оказались более удачливыми и постепенно перешли на руководящие посты в ЦК КПСС и КГБ.

В последние годы власти Брежнева сформировался новый тип комсомольского аппаратчика – угодливого и смиренного. Это связано с тем, что партия еще более усилила контроль над К.: его первыми секретарями становятся деятели, давно вышедшие из комсомольского возраста, которым поздно делать большую партийную карьеру. Впрочем, одному из вожаков К. Андропову все-таки удалось стать руководителем государства.

ПРИМЕРЫ:

”В повседневном партийном руководстве – сила нашего комсомола, источник его энергии и вдохновения, залог новых ратных успехов”. (“Коммунист вооруженных сил”, 1984, № 6, с. 26.)

”Ежегодно тысячи молодых патриотов по призыву партии, ленинского комсомола вливаются в ряды тех, кто преобразует обширные районы Сибири и Дальнего Востока, Нечерноземье, становятся ядром трудовых комсомольско-молодежных коллективов”. (“Комсомольская правда”, 15 апреля 1980, с. 1.)

”...комсомол, по-моему, не должен считать ни одну сферу жизни молодежи не своим полем деятельности”. (“Комсомольская правда”, 27 октября 1983, с. 2.)

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ – противодействие коммунистическому режиму или советской политике.

В историческом плане понятие К. связано с октябрьским переворотом 1917 года. События внутри страны и за ее пределами, любые общественно-политические движения всегда оценивались как революционные, если они отвечали интересам укрепления коммунистической власти, и как контрреволюционные, если создавали угрозу ее внутренним и внешним позициям.

В 20-е годы миллионы крестьян, противившихся насиль-

ственной коллективизации, были обвинены в К. и уничтожены или отправлены в концентрационные лагеря. Под видом борьбы с К. государственная безопасность в 30-е, 40-е и 50-е годы организовала целый ряд судебных процессов над партийными и государственными деятелями, обвинив их в связях с международной реакцией и в попытках реставрировать в стране капитализм.

Стремясь сохранить коммунистический режим, советские правящие круги постоянно запугивали народ К. — внешней и внутренней, открытой и замаскированной, охотно прибегая к оружию: в сентябре 1953 г. — в Берлине, в октябре 1956 г. — в Венгрии, в августе 1968 г. — в Чехословакии, с декабря 1979 г. — в Афганистане.

В зависимости от политической конъюнктуры оценка понятий "революция" и К. в СССР меняются. Пока китайское правительство действовало в соответствии с советскими интересами, коммунистическая пропаганда восхваляла китайскую революцию. Но стоило руководству КНР проявить самостоятельность, как Мао Цзэдуна и его соратников стали именовать в советской печати "контрреволюционерами".

Жонглирование словом К. проявилось и при оценке событий в Никарагуа и Гватемале. Просоветский курс никарагуанских властей представляется "революционным". Отказ от него в Гватемале — К.

В советском языке широко распространено производное от К. — "контрреволюционный", которое часто употребляется в сочетании со словами "путч", "хунта", "банда" и т. п. ("контрреволюционный путч", "контрреволюционная хунта").

Иногда это слово заменяется близким по смыслу "антинародный", "реакционный" ("антинародные силы", "реакционные круги"), но наибольшая степень осуждения достигается с помощью определений подставляемых к К.: "тихая К.", "ползучая К.". Так советским людям навязывают сугубо одиозное отношение к новым политическим явлениям и событиям, неугодным властям.

ПРИМЕРЫ:

“Черной пропаганде контрреволюции наши воины противопоставляют правду о советской стране, о советском солдате”. (“Красная звезда”, 17 декабря 1983, с. 3.)

“Нарастает угроза со стороны контрреволюции существованию социалистического строя в Польше”. (“Правда”, 13 июня 1981, с. 4.)

“Обманутые контрреволюцией, эти люди бежали из Афганистана”. (“Комсомольская правда”, 12 декабря 1982, с. 3.)

КОСМОПОЛИТИЗМ – приобщенность к мировой культуре, представляемая коммунистами как забвение национальных традиций, отказ от государственной независимости и суверенитета; приравнивается к измене родине.

Осуждение К. (идейное и политическое) используется в Советском Союзе для обоснования национальной исключительности России, проповеди недоверия и вражды к другим народам. В этом смысле К. представляет собой как бы антитезу “пролетарскому интернационализму”, оправдывающему и прикрывающему империалистические устремления советского экспансионизма.

Активная борьба против К. (и космополитов) развернулась в Советском Союзе во второй половине 40-х годов. Она началась с идеологического наступления на искусство и литературу испытанным методом “большого террора”. В 1946 г. – двумя постановлениями ЦК ВКП (б) “О журналах “Звезда” и “Ленинград” и “О репертуарах драматических театров” – была начата кампания по разоблачению и осуждению “бездородных космополитов”, низкопоклонников перед Западом и перерожденцев. Борьба с космополитами проходила в стране, перенесшей тяжелейшую войну, в стране с отсталой промышленностью и подорванным сельским хозяйством. Советское руководство стремилось отвлечь народные массы, задавленные лишениями и нищетой, от тягот повседневной жизни, побудить их к интенсивному труду. С этой целью решено было подогреть затухающее чувство

патриотизма, усилить русское национальное самосознание, сыгравшее важную роль в победе над Германией.

Поход против К. был задуман, однако, не только во имя утверждения "русской исключительности". Пропаганда особой роли русского народа в развитии мировой науки, литературы и искусства должна была послужить (и послужила) идеологическим запалом, который привел бы в действие лавину нового террора. Политические рамки чистки стремительно расширились: с литературы (травля писателей Ахматовой и Зощенко) волна преследований распространилась на языкознание (поход против покойного академика Марра), захватила физиологию, историю, политэкономию, биологию... Наконец, она докатывается туда, куда была направлена с самого начала — в сферу государственной жизни: начались увольнения, аресты и расстрелы руководящих партийных работников и видных государственных деятелей.

Репетиция борьбы с К. прошла еще раньше и была подготовлена антиеврейскими акциями: убийством известного еврейского актера Михозлса, роспуском Еврейского Антифашистского Комитета, закрытием еврейских театров, газет, издательств и школ. Конечно, евреи не были единственными жертвами космополитической кампании, но ее антиеврейская направленность очень скоро стала явной: на страницах советской печати злобно критиковались общественные деятели, ученые и работники искусства, прикрывавшие свое еврейское происхождение русскими псевдонимами.

Внушалось, что в советском обществе нет социальной базы, питающей идеологию К., что он является наследием дореволюционного капитализма, пресмыкавшегося перед Европой и ненавидевшего русский народ. Общественность призывали клеймить космополитов, слово К. приобрело оскорбительное значение. В разговорной речи оно ассоциировалось с евреем — "человеком без роду и племени", "иудой", продавшимся за тридцать сребренников, "иваном, не помнящим родства". Антиеврейский спектакль должен был достичь кульминации весной 1953 г.: планиро-

вались расстрел "убийц в белых халатах" ("дело врачей") и депортация евреев в Сибирь.

Космополитическая драма, правда, не состоялась — умер Сталин. Однако в СССР и сейчас существуют (а во многом и определяют его политическую жизнь) условия, породившие кампанию борьбы с К. — идеология нетерпимости и стремление использовать еврейский вопрос. И если в борьбе за власть в Кремле снова возникнет определенная ситуация, трагедия "борьбы с К." может повториться.

ПРИМЕРЫ:

"В современных условиях космополитизм является идеологическим оружием империалистической реакции, идеологическим прикрытием агрессивной политики монополистических кругов США и Англии". (БСЭ, т. 23, 2-е изд., с. 114.)

"...От политической наивности до космополитизма недалеко". ("Агитатор", 1984, № 3, с. 47.)

"Этот фальсификатор и лжеученый говорит о евреях как о некой "космополитической торгово-промышленной группе..." ("Новое русское слово", 13 января 1984, с. 3.)

КРЕМЛЕВСКИЙ ПАЕК — набор продуктов, выдаваемых ежемесячно руководящим советским работникам.

Обычай распределять кремлевские пайки среди партийной элиты зародился в 20-х годах, когда выявилась несостоятельность введенной Лениным политики "уровнировки", в соответствии с которой зарплата партийного работника не должна была превышать оклад квалифицированного рабочего. В первые годы после революции коммунисты не решались отказаться от этого принципа равного вознаграждения, декларированного еще Парижской коммуной. Под него было подведено даже "высокое" идеологическое основание: в государстве диктатуры пролетариата никто не может зарабатывать больше, чем рабочие (исключо-

чения допускались только для иностранцев и так называемых "спецов").

Однако на практике придерживаться этого правила было трудно. Чтобы компенсировать низкую зарплату, партийные работники стали воровать и брать взятки; из системы правительственно-партийного аппарата и хозяйственного управления в частное производство уходили квалифицированные специалисты. И тогда был найден компромисс: принцип уравниловки сохранился, но номенклатурным работникам в дополнение к жалованию стали выдавать "кремлевские пайки".

В период экономической депрессии и голода К. п. выдавался натурой, а позднее, начиная с 30-х годов, деньгами: 32 рубля для работников общесоюзной номенклатуры, 18 рублей — руководителям областного и городского масштаба. Надо учитывать, однако, что это были не обычные советские рубли, на которые трудно было приобрести что-то стоящее, а рубли, прикрепленные к официальной стоимости золота (1 г. золота — 1 руб.).

Шли годы. Постепенно советские власти отказались от ограничений; идеи уравниловки были осуждены. Зарплата руководящего партийного работника, ответственного государственного чиновника, ученого, высшего офицера стала в пять-шесть раз превышать среднее жалование рабочего. Но "традиция" сохранилась: в дополнение к зарплате советская элита получает кремлевские пайки, которые по-прежнему — такова сила традиции! — прикреплены к курсу рубля 20-х годов (1 руб. — 1 г. золота).

Таким образом, в СССР ответственный работник получает в дополнение к своей основной зарплате сумму, реальная покупательная способность которой (в зависимости от его категории) соответствует 200-400 советским рублям. Но, пожалуй, еще важнее, что он реализует ее не в обычных "продмагах" с их убогим ассортиментом, а в распределителях (закрытых магазинах), где продаются по гарантированным ценам товары отменного качества и в почти неограниченном выборе.

ПРИМЕРЫ:

”Эти бесплатно получают так называемый кремлевский паек — месячный запас продуктов, достаточный для обеспечения роскошного питания их семей. ”...кремлевские пайки” выдаются в трехэтажном здании в Комсомольском переулке”. (Х. Смит. Русские, кн. 1, 1978, с. 56.)

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ — слепое преклонение перед коммунистическими руководителями, их возвеличивание и обоготворение.

Теоретически К. л. естественным образом вытекает из абсолютизации возможностей и значения коммунистических партий в историческом развитии; социально он возник и сложился в процессе перерастания диктатуры партии в диктатуру ее вождей.

Советская идеология в легенде о К. л. Сталина объясняет преступления коммунистического режима особенностями его характера — грубостью, нелояльностью, капризностью и забвением (”попранием”) ”ленинских норм партийной жизни”.

Со смертью Ленина в истории советского общества действительно обозначились определенные перемены: от одной своей фазы — диктаторской — коммунизм перешел к другой — тиранической. Но сталинские черты были заложены в ленинском режиме: в произволе политической полиции, в отступлениях от демократии, в дегенерации общественной жизни. Сталин — в эмбрионе — существовал в Ленине. Ленин утверждал: ”Одна уже постановка вопроса — диктатура партии или диктатура масс — свидетельствует о невероятной путанице мыслей... Договориться до противоположения диктатуры массы диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость”. (В. И. Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XXV, с. 188). В полном согласии с идеями своего предшественника Сталин и установил единоличную диктатуру.

Ленин провел резолюцию ”О единстве партии”, запрещающую фракционную деятельность и поставившую партийный аппарат над партией. Сталин, развивая идеи учителя, исполь-

зовал в борьбе с оппозицией концепцию "врагов народа", которая лишала его идеологических противников возможности полемизировать и отстаивать собственное мнение. Поэтому в принципе неправомерно противопоставлять Ленина Сталину. Без Ленина и его учения был бы невозможен Сталин. Ленин, проживи он дольше, неизбежно превратился бы в своего рода Сталина. Схема личности Ленина — человек великий, но скромный — полностью несостоятельна. При Ленине (и Лениным) насаждался и поощрялся его К. л. — культ гениального ученого, величайшего революционного мыслителя, друга всех угнетенных и т. д.

Сталин, приказав набальзамировать труп Ленина и выставить его как святыню на главной площади советской столицы, заложил фундамент собственной неограниченной власти. Смерть Ленина стала прелюдией к созданию К. л. Сталина, успешно продвигавшегося к власти и сметавшего на своем пути всех других претендентов на вакантное место вождя. Оформление К. л. Сталина произошло в 1929 г. в связи с празднованием его пятидесятилетия; кульминацией стал 1949 г. — год его 70-летия.

Партийно-пропагандистский аппарат методически создавал культ вождя. Появившийся в 1938 г. "Краткий курс истории ВКП(б)", беззастенчиво фальсифицируя историю, представлял Сталина основателем партии, организатором всех ее достижений. В "Краткой биографии" (1948 г.) Сталин был провозглашен великим гением, творцом всех побед советского народа. Выход СССР на международную арену, связанный с победой во второй мировой войне, позволил провозгласить Сталина вождем всего человечества.

К. л. Сталина был строго разработанным ритуалом, за соблюдением которого власти тщательно следили. Общественные здания, парки, шоссе, площади городов украшались портретами "отца народов". Партийные конференции, пленумы начинались и заканчивались приветствием Сталину, выражением любви к нему, преданности и почтения. Под бурные — непременно "долго не смолкающие" — аплоди-

сменты Сталина символически избирали в президиум всех совещаний, собраний и митингов.

После смерти Сталина борьба за власть в Кремле приняла форму отрицания К. л., восстановления коллективных норм партийной и государственной жизни. Атака Хрущева на Сталина началась с призыва "назад к Ленину" и завершилась лозунгом соблюдения норм социалистической демократии. Социальные причины, породившие К. л., однако, не были ликвидированы: полицейский режим насилия и всевластия партийного аппарата остался нетронутым.

Если не поддаваться влиянию пропаганды и судить о советском обществе не по его декларациям, а по реальной расстановке сил в Кремле, станет очевидным, что идея коллективного руководства как системы и организации власти глубочайшим образом противоречит сущности коммунистического режима и его философии К. л.

Коллективное руководство в СССР существует лишь как переходная форма правления и лишь для того, чтобы выделить из среды "равных" диктатора с той или иной мерой единовластия. Периоды "коллективного руководства" в Советском Союзе никогда не были длительными; они продолжались несколько лет и сменялись периодами возвеличивания Хрущева, Брежнева и краткого вознесения Андропова. Низводить поэтому критику К. л. до уровня критики личности Сталина — значит подменить сущность советской системы ее видимостью.

Сталинщина — не производное от Сталина, но естественное следствие коммунистической системы. К. л. — одна из разновидностей (и кульминация) безличного идеологического культа коммунизма. Коммунистический вождь является средоточием, но никак не источником культового напряжения, он не может существовать без культа. Однако культ коммунизма может проявлять себя и без вождя — в виде вечно живущей идеи "изменяющей и преобразующей" мир. Ее метаморфозы в условиях коммунистического общества безграничны: сталинская персонификация — одна из возможных, но никак не единственная. Существовал мао-

истский К. л., успешно утвердил себя К. л. Ким Ир Сена в Корее, Чаушеску — в Румынии, оказалась возможной интермедия — в его отсутствие — К. л. Андропова, не исключены и даже вероятны драматические повторения культа и после него.

К. л. падает на благоприятную почву советской действительности — ее традиций и нравов, приучивших советского человека к постоянному послушанию и обоготворению власти. Находясь под постоянным давлением коммунистических идей, советский человек руководствуется не разумом, а идеологическими инстинктами. Весь мир, явления действительные и кажущиеся (в том числе и язык) пропитываются нервным напряжением. Независимо от личных качеств вождя, в устной и письменной речи используется почти одинаковый набор окостеневших шаблонов и штампов. Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко — "великие и выдающиеся", "стойкие", "непоколебимые", "принципиальные", "мужественные", "пламенные борцы за счастье народов", "испытанные руководители партии и государства". Они наделены "революционным опытом", "гениальным предвидением", "мудростью", их имена будут "вечно жить" в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества" (из некролога Брежневу).

Эти выражения, однажды вошедшие в советскую политическую лексику, живут долго. Очередной правитель, поначалу избегающий напыщенного славословия, укрепившись в Политбюро, молчаливо дает согласие на восхваление. Пропандистская машина тщеславия и лицемерия, вначале (пока генсек утверждает свою власть) работающая на малых оборотах, запускается затем на полную мощность: растет количество цитат "вождя", увеличивается продолжительность оваций, число наград, размер портретов.

К. л. в Советском Союзе непреодолим, т. к. был и остается единственным мистическим обоснованием права коммунистов на власть.

ПРИМЕРЫ:

"Критикуя культ личности, партия преследовала цель устранить

его вредные последствия, укрепить позиции социализма". ("Краткая история СССР", ч. II, изд. 3-е, М., 1978, "Наука", с. 478.)

"Сталина уже нет в живых, но мы считаем нужным развенчать позорные методы руководства, которые процветали в обстановке культа его личности". (Н. Хрущев. Заключительное слово на XXII съезде КПСС. Госполитиздат, 1961, с. 24.)

"Вопреки измышлениям врагов социализма культ личности не смог нарушить действие объективных закономерностей социалистического общественного строя, не изменил глубоко демократический, подлинно народный характер этого строя, руководящей роли в нем рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии". ("Коммунист", 1978, № 18, с. 91.)

”Л”

ЛЕНИНСКИЙ — определение социальных и идеологических явлений советской действительности, которые пропаганда представляет важными и достойными почитания.

Л., как и другие, образованные от имени Ленина слова (“ленинец”, “лениниана” и пр.), возникло и получило распространение в процессе насаждения в Советском Союзе культа коммунистических вождей. В период становления советской власти функционирование понятия Л. было ограничено определением речей, работ, идей самого руководителя русской революции (“Л. произведения”, “Л. план”, “Л. идеи”).

Со смертью Ленина советская партократия стала все чаще прикрывать свою деятельность, направленную на достижение корыстных классовых целей, авторитетом Ленина. Значение Л. расширилось и стало продуцироваться на любое явление советской действительности, представляющееся существенным и ценным с точки зрения властей.

Типичный пример эволюции определения — словосочетание "Л. методы". Первоначально этим термином определялись методы, которые использовал Ленин; после его смерти — это методы, с помощью которых он действовал бы, будь он жив, т. е. соответствующие его духу и являющиеся развитием его идей; позднее в эту категорию было зачислено все, что может считаться достойным его имени; наконец — любые, даже явно чуждые Ленину методы, если они необходимы для осуществления текущих партийных задач. Имя вождя тут явно поминается всуе, чтобы прикрыть собственную непопулярность его авторитетом.

"Л. курс", "Л. политика", "Л. принципы" — на коммунистическом новонаречии означает единственно приемлемые, бесспорные, присущие исключительно социалистическому государству. Границы использования этого слова в советском языке беспредельны, ибо оно несет важную идеологическую нагрузку: спекуляция именем Ленина, пропаганда пытается внушить советским людям доверие и уважение и к окостеневшим догмам марксизма, и к деятельности партийного аппарата.

Манипулирование словом Л. — весьма эффективная политическая находка. Все акции, осуществляемые от имени партии, подкрепляются этим универсальным определением, самое слово "партия" постоянно употребляется в сочетании с Л. История СССР полна примеров, когда под вывеской Л. подавались действия, никак не совместимые между собой и просто взаимоисключающие.

Лозунгом верности Ленину прикрывался Сталин, провозглашавший себя его верным "учеником и соратником"; критикуя Сталина и перекраивая структуру советского общества, Хрущев тоже называл свою программу Л. Отказавшись от реформ Хрущева, Брежнев с неменьшим пылом отстаивал право называть Л. проводимые им реорганизации. В борьбе за власть обращал свои взоры к Ленину и Андропов, насаждавший в советском обществе сталинские порядки и нравы.

Л. — советский неологизм — превратился в универсаль-

ный знак для обозначения и представления любых партийных действий на различных социальных уровнях: в каждой области, городе, районе есть учреждения, заводы, колхозы, школы, больницы, носящие имя Ленина. Определение Л. прилагается и к многообразному набору фикций: "Л. идеи", "Л. отношение", "Л. стиль", "Л. нормы", "Л. понимание", "Л. принципиальность", "Л. дружба", "Л. знания".

Многообразие словосочетаний с участием Л. дает коммунистической пропаганде почти неограниченные возможности создания и распространения самых различных фикций и мифов, характер которых зависит от воли очередных правителей Москвы и их тактики на текущем этапе "строительства коммунизма".

ПРИМЕРЫ:

"История блестяще подтвердила правоту ленинской мысли". ("Агитатор", 1982, № 23, с. 20.)

"В трудные для страны дни родился ленинский лозунг: "Работать по-коммунистически". ("Литературная газета", 22 апреля 1981, с. 1)

"ЦК ВЛКСМ, комитеты комсомола должны настойчиво претворять в жизнь бессмертный ленинский завет "учиться коммунизму". ("Агитатор", 1979, № 10, с. 7.)

ЛИЧНЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА — обязательства советских трудящихся по повышению производительности и эффективности труда.

Советские предприятия работают по планам, утвержденным министерствами и имеющим силу закона. При этом партийное руководство, компенсируя порочную организацию производства, стремится побудить советских людей брать на себя внеплановые дополнительные задания — Л. с. о. Инспирируемые администрацией, они преподносятся как "добровольный почин" передовых, сознательных рабочих и стимулируются морально: почетными грамотами, занесе-

нием на "доску почета", присвоением званий "лучший сталевар", "лучшая доярка", "отличник производства" и т. д.

Идеологическое назначение Л. с. о. — заставить советских людей отдавать максимум психической, умственной и физической энергии трудовой деятельности. Л. с. о. служат одним из средств интенсификации эксплуатации, их используют для повышения норм выработки и снижения расценок: считается, что Л. с. о. выполняются за счет более рациональной организации труда и использования прогрессивных приемов работы.

Параллельно с Л. с. о. вводятся "обязательства коллективов", связывающих группу рабочих системой взаимной и круговой ответственности. Каждому члену производственной бригады предлагается взять на себя индивидуальное задание, которое становится интегральной частью обязательств коллектива. При этом каждый обязуется гарантировать образцовую работу остальных.

В действительности Л. с. о. носят формальный характер и, как правило, не выполняются. Навязанные в пропагандистских целях по случаю годовщин, юбилеев, знаменательных дат, они мало влияют на развитие советского производства.

ПРИМЕРЫ:

"Личные социалистические обязательства имеют 1860 рабочих". ("Агитатор", 1978, № 11, с. 8.)

"Этот передовой коллектив с честью реализовал свои социалистические обязательства. Личный пятилетний план выполнил за три с половиной года". ("Заря Востока", 18 июня 1979, с. 2.)

"Из 250 тысяч московских рабочих, обязавшихся выполнить личные пятилетки к 22 апреля 1980 года, свыше 30 тысяч уже сдержали свое слово". ("Агитатор", 1979, № 23, с. 17.)

”М”

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ — политический лозунг отказа от войны как средства внешней политики, используемый Советским Союзом для наращивания военного потенциала и реализации стремления к глобальному господству.

В идее М. с., выдвинутой Лениным в качестве альтернативы мировой коммунистической революции, проявилась непоследовательность и двойственность советской идеологии. С одной стороны, М. с. признает за народами право самостоятельно решать свою судьбу, свидетельствует об уважении к суверенитету и территориальной целостности государств; с другой — считается одной из важнейших форм классовой борьбы с капитализмом. Противоречие, заключенное в этом лозунге, преодолевается большевиками диалектически: расширением понятия М. с. за счет принципов ”интернационализма”, оправдывающих вмешательство Советского Союза во внутренние дела любого государства, инспирированием ”освободительных” (коммунистических)

войн и одновременно — ограничением содержания М. с., которое не должно распространяться на идеологию — сферу, в которой Москва "вправе" вести постоянную войну против свободного мира.

Лицемерный характер политики М. с четко раскрыт в известной формуле "ленинской веревки"; формуле, которую вождь русской революции завещал своим наследникам: лавировать и маневрировать так, чтобы заставить капиталистов продать веревку, на которой коммунисты их повесят или на которой они сами повесятся.

"Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка, закроют глаза на указанную выше действительность и превратятся, таким образом, в глухонемых слепцов. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техникой, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против наших поставщиков. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства", — писал Ленин.

Действительно, политика детанта (как на Западе называют М. с.) — установление и расширение экономических связей СССР с Европой и США, развитие торговли, получение щедрых кредитов — позволит Советскому Союзу в недалеком будущем "сплести" для Запада ракетно-термоядерную "веревку".

ПРИМЕРЫ:

"Депутаты высшего органа власти во время личных контактов с парламентариями других стран, делегации Верховного Совета на международной арене последовательно защищали идею мирного сосуществования государств, разоблачали устремления агрессивных кругов США и их союзников". ("Известия", 19 декабря 1983, с. 1.)

"Центральное место в усилиях советской дипломатии занимала борьба за широкое международное признание и внедрение в международную практику ленинской идеи мирного сосуществования". ("Международная жизнь", 1979, № 9, с. 19.)

”...существуют объективные возможности и общественно-политические силы, способные не допустить сползания к новой холодной войне, обеспечить нормальное, мирное сосуществование государств с различным социальным строем”. (“Правда”, 1 февраля 1982, с. 4.)

МНЕНИЯ — тайные инструкции, негласные распоряжения партийных руководителей, не апеллирующие к закону и не опирающиеся на идеологию.

СССР — вероисповедное государство; любое общественное явление или социальное решение обязательно должно сверяться с вероучением Ленина. И если действительность не вмещается в ленинские императивы, они произвольно расширяются и дополняются. Сложнее манипулировать идеями, когда действия властей вступают в прямое противоречие с теоретическим наследием Ленина. Тогда на помощь приходят намеки и недомолвки, именуемые ”мнением”. Они позволяют толковать и объяснять (а если необходимо — оправдывать) любые политические действия, подсказанные потребностями момента без того, чтобы вступить в открытое противоречие с принципами ”научного” коммунизма.

Важнейший из таких принципов — ”интернационализм”, давно вычеркнутый из реальной советской политики и сохранившийся лишь в виде реквизита торжественных заседаний. Все это знают, но законодательно утвердить, юридически обосновать воинствующий национализм партократия не решает и осуществляет его явочным порядком — с помощью М. Например, официальных инструкций о процентных нормах в Советском Союзе нет — они опять-таки заменяются М. (глубокомысленно закамуфлированными сентенциями об опасности сионизма, об усилении бдительности и т. п.), устанавливающими ограничения для евреев. Эти ограничения дифференцированы для каждого конкретного учреждения и случая. Для центрального аппарата КГБ, МИД, прокуратуры, министерства внешней торговли предлагается универсальное правило — евреев не брать. Для всех прочих национальностей (кроме славянских) действует М.,

рекомендующее соблюдать "пропорциональное представительство".

М. спускаются вышестоящими инстанциями (секретариатом ЦК, Политбюро) в нижестоящие в форме устных замечаний и намеков. Их специфика — в недоговоренности, что предполагает и даже допускает возможность гибких, альтернативных решений — на это, видимо, и рассчитаны М.

Единственный критерий реализации М. — "классовое чутье", "партийная совесть" (суды не принимают к производству дела по обжалованию М.). Случается, что М. противоречат друг другу. Например, одна партийная установка приветствует и поощряет приглашение на работу в Москву какого-то количества специалистов с периферии (нужно подчеркнуть общесоюзный характер столицы); другая, стремясь сохранить русский облик города, всячески противится разбавлению столицы жителями национальных республик. Не находя возможным решить вопрос о "национальной квоте" Москвы на основе разумного компромисса, его решают за счет евреев — здесь предложение всегда превышает спрос. М. сводится к тому, что евреи — так утверждается в негласных партийных распоряжениях — представляют основную опасность для исконно русской самобытности. Кроме того, всегда существует опасность обвинения — еще одно М.! — в забвении ленинских принципов.

М. регулируют все стороны советской жизни — в том числе и те, куда не дотягиваются советские законы: поведение за границей, семейные отношения, нравы, вкусы (считается, что вредно общаться с иностранцами, предосудительно носить узкие брюки, неразумно отращивать бороду и т. д.).

О М. в Советском Союзе говорят вполголоса, многозначительно, подобострастно и с оттенком загадочности, надеясь их (часто не без амбиции) мистическим смыслом.

ПРИМЕРЫ:

"Высказываемые в письмах мнения, предложения и положения находят отражение в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров

СССР, в выступлениях руководителей партии и правительства". ("Коммунист", 1980, № 17, с. 23.)

"Дураки те, кто полагает, будто ... выражение: есть мнение подразумевает: "руководство решило так". Нет, мнение существует до руководства и помимо него, оно неуловимо, оно рождается как бы само собой, оно рассыпано в воздухе, оно есть!". (В. Кормер. Крот истории. 1979, с. 13.)

"...Корытов намекнул, что Там есть мнение..." (А. Зиновьев. Светлое будущее. 1978, с. 224.)

МОБИЛИЗАЦИЯ — приведение в активное состояние людских резервов, возможностей и средств для выполнения задач, поставленных перед советским народом коммунистическим руководством.

Слово М. пришло в политический язык из военного и, став привычным в будничной жизни, вошло в различные словосочетания: "М. масс", "М. населения", "М. промышленности", "М. транспорта", "М. кадров", "М. молодежи", "М. резервов", "М. всех тружеников", "М. прогрессивных сил" и т. д. Эти фразы представляют советское общество военным лагерем, организованным для решения "оперативных задач" партийным "штабом", живущим по законам военного времени.

Идеология в СССР требует от народа постоянных проявлений героизма и самопожертвования для преодоления бесконечных трудностей "строительства коммунизма". Советские люди мобилизуются для "борьбы" с неурожаем, для "наступления" на тайгу, для завершения посевной кампании и т. д.

Понятие М. настолько укоренилось и укрепилось в советском сознании, что перестало восприниматься как тревожный призыв к немедленным действиям, а превратилось в стандартный сигнал, характеризующий очередную политическую потребность.

ПРИМЕРЫ:

”Первоочередная задача – мобилизовать трудящихся на успешное завершение планов этого года и обеспечение ритмичной работы с первых дней января”. (“Правда”, 21 декабря 1983, с. 1.)

”Главное здесь – опора на массы, умелая мобилизация актива, всех средств и возможностей населения”. (“Известия”, 2 октября 1981, с. 2.)

”Само обсуждение столь злободневных вопросов... безусловно способствовало лучшей работе всех звеньев сельскохозяйственного цикла, мобилизации тружеников полей и ферм на выполнение заданий последнего года десятой пятилетки”. (“Известия”, 13 сентября 1980, с. 1.)

МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО – идеологизированное представление отношений между различными классами и социальными группами советского общества в экономической, политической, идейной и духовной сферах жизни народа.

Основа М-п. е. в области экономики – государственная собственность на средства производства; в политике – социальная структура и ”пролетарская” демократия; в идеологии – учение марксизма-ленинизма.

Пропаганда утверждает, что с построением социализма и уничтожением враждебных классов советское общество становится полностью однородным. В нем нет внутренних противоречий, столкновений, борьбы частных интересов. Более того, в нем складывается М-п.е., которое и становится движущей силой развития государства.

Идея М-п. е. опирается на общесоциологическую концепцию марксизма, усматривающую в частной собственности основную причину социальных катаклизмов: раскола общества на враждующие классы, непримиримой политической и экономической борьбы, национальной розни, обнищания народных масс и т. д. Отсюда следует, что ликвидация частной собственности – экспроприация предприятий

и обобществление капитала — должна разрешить все классовые противоречия.

Глубокие антиномии советского государства действительно не носят четко выраженного классового характера, ибо все основные классы коммунистического общества — рабочие, крестьяне, интеллигенция — в равной мере эксплуатируются правящей партийной олигархией, старательно скрывающей классовую природу своей власти.

Основным источником противоречий советского общества являются отношения между народом и государством, антигуманная сущность которого затрагивает весь спектр социальной и духовной жизни — производство, национальные связи, нравственность. Лозунг же М-п. е., камуфлирующий глубокие и неразрешимые противоречия коммунизма, призван представить все оппозиционные настроения и движения как нечто, глубоко чуждое советскому строю, как "пережитки прошлого" в сознании людей или следствие проникающей в СССР буржуазной пропаганды.

ПРИМЕРЫ:

"На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм". (И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 2-е изд., 1952, с. 629.)

"Сегодня мы достигли такого уровня развития экономики и социальных отношений, такой степени морально-политического единства советского общества, когда создана прочная основа для нового мощного подъема материальных и духовных сил страны". ("Коммунист", 1979, № 15, с. 24.)

"Блок коммунистов и беспартийных определяет основу морально-политического единства советского общества". ("Комсомольская правда", 4 марта 1984, с. 1.)

МУДРЫЙ — постоянное определение коммунистических руководителей и их политики.

Первоначально слово укрепилось в советском обращении

в качестве характеристики Сталина: "М. Сталин", "М. вождь", "М. учитель" и т. д. Эти словосочетания дополнялись и расширялись семантически близкими выражениями: "сталинская мудрость", "Сталин — друг и учитель народов" и др.

Постепенно употребление М. в сочетании с именем Сталина должно было создать ассоциации, опирающиеся на это понятие: Сталин — воплощение высшей мудрости; соединение истины и добра; умственного и нравственного совершенства; непогрешимости и богатейшего жизненного опыта...

После смерти Сталина все качества, охватываемые определением М., стали приписываться партии, ее "свершениям" и ее лидерам: "М. тактика партии", "М. слово партии", "М. руководство партии". Особенно распространенным стало превратившееся в штамп словосочетание "М. политика партии". Оно призвано подчеркивать безошибочность решений партии, ее непогрешимость, способность ориентироваться в самых сложных социальных процессах, заранее предвидеть развитие исторических событий.

Ретроспективно характеристика М. переносится на Ленина и его политику: "М. ленинская национальная программа", "М. ленинское слово" и т. п. Тем самым подчеркивается преимущество советского партийного курса, его органическая связь с революционной традицией. В 70—80-е гг. М. использовалась для характеристики Брежнева и Андропова. Они — М. государственные деятели, умные и многоопытные.

Такая оценка личности новых советских руководителей вызвана не только возрождением культа личности, но и необходимостью напомнить о духовной общности современных правителей с Лениным, авторитет которого в народе все еще высок.

Этой цели в пропагандистских текстах служат и слова "мудрость" и "мудро": "партийная мудрость", "мудро решать проблемы" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Эти гигантские успехи достигнуты рабочим классом, колхозни-

ками и всеми трудящимися нашей страны благодаря смелой, революционной и мудрой политике партии и правительства". (История ВКП (б). Краткий курс. Госполитиздат, 1950, с. 314.)

"Трудящиеся Азербайджана знают, что всеми своими достижениями они обязаны мудрому руководству родной коммунистической партии..." ("Вышка", 19 февраля 1984, с. 2.)

"О полной поддержке мудрой внутренней и внешней политики КПСС и Советского правительства... заявили рабочие и служащие машиностроительного завода им. Ю. Касимова..." ("Вышка", 7 февраля 1984, с. 1.)

”Н”

НАВЯЗАТЬ — заставить народные массы подчиняться решениям, мнениям, воззрениям, не отвечающим их интересам (о деятельности деловых или военных кругов, чьи действия противоречат планам и целям советского руководства).

Употребляется для осуждения методов, присущих, по утверждению советской пропаганды, реакционным капиталистическим государствам и режимам: ”Н. опасные решения”, ”Н. гонку вооружений”, ”Н. планы размещения ядерного оружия” и т. д.

Значению слова Н. присущ оценочно-неодобрительный оттенок: ”подсовывать что-то негодное”, ”действовать насильственно или с помощью обмана”. Придание Н. политической окраски призвано подчеркнуть будто бы характерное для западного общества насилие и высветить ”открытую” политику советского руководства, которое всегда ”советуется” с массами и пользуется ”единодушной” поддержкой народа.

В пропагандистских рисунках советской пропаганды Н. используется для очернения свободного мира с тем, чтобы скрыть от советских людей подлинную природу социальных и политических событий, происходящих в свободном мире.

ПРИМЕРЫ:

"...военно-промышленные корпорации, направляющие через своих ставленников в правительствах политику крупнейших капиталистических держав, навязывают населению все более чудовищные военные бюджеты..." ("За рубежом", 1979, № 18, с. 2.)

"Би-Би-Си" навязывает радиослушателям нужную ей направленность в оценке событий". ("За рубежом", 1979, № 28, с. 15.)

"...Пентагон продолжает навязывать своим западноевропейским партнерам по НАТО планы развертывания на их территориях различных видов ракетно-ядерного оружия". ("Советская культура", 18 июля 1979, с. 1.)

НАРОДНЫЕ ИЗБРАННИКИ — представители партократии, охраняющие ее интересы в верховных и местных советах — выборных органах власти СССР.

В отличие от семантически близкого ему "депутаты", словосочетание Н. и. носит оценочный характер, что проявляется в обеих его частях. Первое слово призвано подчеркнуть народовластие в советском государстве, общенациональную направленность деятельности депутатов. Второе — создает видимость существования в СССР демократического режима, равенства людей перед законом, свободы выбора.

В действительности Н. и. не выбираются и не обладают ни реальной властью, ни правом контроля за деятельностью государственных организаций. Со времени принятия первой советской конституции депутаты в СССР допускаются к обсуждению лишь второстепенных вопросов и непременно — с разрешения партии. Не было ни одного случая, когда Верховный Совет отклонил бы законопроект или хотя бы вернул его на доработку. Это, разумеется, отнюдь не свидетельствует о совершенстве издаваемых законов; многие

из них позднее признавались ошибочными и отменялись, но не по предложению Н. и., а в соответствии с волей партийного аппарата.

Ленин считал советы наилучшей формой народной власти. Тут он расходился с Марксом, видевшим прообраз будущего государства в парламентской республике. Не случайно Ленин определял социализм, как диктатуру пролетариата плюс советская власть. Позднее это определение видоизменилось: "социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны".

Так или иначе, но формула "власти советов" оставалась практически неизменной, и в 20-х годах была включена в программы других коммунистических партий.

С тех пор советы как исполнительные органы власти прошли в СССР сложную эволюцию. Исчезла, например, такая важная их особенность, как представительство по производственному принципу, ликвидирована связь между местными и верховными советами, многоступенчатые выборы заменены прямыми. В результате советы превратились в формальный придаток партийной машины.

Когда Н. и. избирались только в местные советы, а уже те в свою очередь избирали депутатов в верховные советы, выборы проводились на предприятиях и в учреждениях, и существовала какая-то возможность обсуждения и оценки кандидатур. При прямых выборах население больше не выбирает: партийные комитеты предлагают лишь одного кандидата. Исчезла и ответственность Н. и. перед избирателями — они отчитываются перед партийными комитетами, которые их выдвигают.

Утратив свою первоначальную специфику, советы не приобрели взамен тех качеств, которые присущи парламентским формам управления. В результате популярность советов в качестве представительных органов упала не только в СССР, но и за рубежом: рабочие партии стали избегать лозунга "власть — советам" в своих политических программах.

Выдвижение (вернее, подбор) кандидатов в советы осу-

ществляется в СССР в полном соответствии с социальной иерархией общества. Каждая более или менее значительная должность имеет свое эквивалентное депутатское выражение: ответственные сотрудники районного масштаба избираются в районные советы, городского — в городские. В верховные советы посылается элита — заведующие отделами и секретари ЦК, министры, крупные военачальники, руководители государственных комитетов, президенты академий и руководители творческих союзов. И конечно же, на всех уровнях пирамиды советов в них представлены статисты — советские трудящиеся, призванные демонстрировать рабоче-крестьянскую природу советской власти. Их единственная реальная роль — единодушно штамповать директивы партии и решения правительства. А для того, чтобы у депутатов не возникло ощущения общественной неполноценности, недостатка власти (точнее, полного ее отсутствия), им полагаются щедрые привилегии.

Депутаты верховных советов — в дополнение к зарплате по месту работы — получают солидное (конечно, по советским понятиям) денежное вознаграждение; в период сессий они бесплатно пользуются транспортом; к их услугам недоступные народу правительственные магазины; им гарантированы льготы при пользовании санаториями и домами отдыха; их обслуживают врачи кремлевских и иных привилегированных больниц. Конечно, объем и качество привилегий Н. и. снижаются с падением уровня совета. Но какое-то количество благ перепадает даже депутатам районных советов, что в условиях советского общества, где постоянно чего-то не хватает, чрезвычайно важно.

Наконец, депутатство дает право на существенный в советской системе символ социального отличия и престижа — депутатский значок. На нем изображен государственный флаг (существует целая градация значков — в зависимости от того, какой совет данный Н. и. представляет). Суть общественной значимости значка — флага под красной эмалью — станет понятна, если учесть, что он конкретно и зримо обозначает место человека на социальной лестнице

и обеспечивает его обладателю определенные возможности. Одному он дает право на получение квартиры, другому — позволяет без очереди пробыться в ресторан или приобрести билет в театр.

Социальное неравенство в советском обществе настолько глубоко, что человек, лишенный внешних атрибутов своего положения (значков, служебных удостоверений и пр.), лишен и индивидуальности — его не спасают ни ум, ни знания, ни образование. Одаривая депутатов значками, партийный аппарат программирует необходимый ему стереотип поведения Н. и.

Что касается советского избирателя, то он получает бюллетень, где напечатано: "Оставьте одного депутата, за которого вы голосуете, остальных — вычеркните". Поскольку в бюллетене указано одно имя, ясно, что функции избирателя сводятся к опусканию этой бумажки в ящик... Даже если первоначально выдвинута "вторая" кандидатура, то это непременно член или кандидат в члены Политбюро, баллотирующийся в десятках избирательных округов. Делается это с единственной целью — подчеркнуть его "огромные заслуги" перед обществом, всенародную любовь к нему. К моменту выборов, однако, советские руководители благодарят народ "за доверие" и великодушно отказываются баллотироваться во всех округах, кроме одного. Таким образом, в бюллетене фигурирует одна кандидатура. Поэтому избиратель, направляющийся в кабину для голосования под настороженно-подозрительными взглядами членов избирательной комиссии, понимает, что вывод они могут сделать только один: он собирается вычеркнуть из списка этого единственного кандидата. Опасаясь последствий, советский человек спешит продемонстрировать свою благонадежность и бросает бюллетень в ближайшую урну, не заглядывая в него и часто не зная даже имени кандидата.

Не проявляют особого интереса ко всей этой процедуре и сами кандидаты. Зная, что их кандидатура выдвинута и поддержана партийным комитетом, они не сомневаются, что будут избраны. Таким образом, выборы одинаково бес-

смысленны и для тех, кто их организует, и для будущих Н. и., и для избирателей. Тем не менее на проведение избирательных кампаний затрачиваются огромные средства.

Советский Союз — государство, где не действительность определяет идеологию, а идеология — действительность. В частности, данью идеологии является и механизм выборов — давно изживший себя в советском государстве реквизит демократии.

Главный порок идеи и системы советов — в однопартийном характере советского режима. Только политический плюрализм (в частности, наличие оппозиции) дает обществу социальную альтернативу — в том числе альтернативных депутатов и возможность заставить правящую партию (при известных условиях и коммунистическую) проводить политику, учитывающую запросы и потребности народа.

Естественно, в этом гипотетическом случае речь идет не о восстановлении форм советской власти, существовавших при Ленине, а о принципиальном изменении большевистской системы. В этом случае советы необходимо было бы превратить в постоянно действующие органы власти, лишь на короткое время прекращающие свою работу для встречи депутатов с избирателями. Коренным образом следовало бы изменить и порядок выдвижения депутатов — он должен быть гласным, публичным и демократичным. Только тогда советы стали бы действительно представительным органом, и советских депутатов можно было бы рассматривать как народных избранников. Ясно, что все это возможно лишь вне рамок коммунистического режима. В существующих же советах (и прежде всего в верховных) значительное число депутатов — руководящие партийные и государственные чиновники, чья власть основана не на их депутатских правах и полномочиях, а исключительно на их положении.

В первые десятилетия коммунистической власти еще делались попытки привлечь население к выборам красочно оформленными избирательными участками, бесплатными закусками и т. п.; позднее с инертностью населения боролись,

рассылая агитаторов с избирательными урнами по домам. Наконец, мудро рассудили: пусть голосует, кто хочет, в отчете все равно будут указаны заранее известные цифры: 99,9% голосующих и одобряющих. Так Н. и стали выбирать не только не из народа, но и без народа.

ПРИМЕРЫ:

"Алексей Стаханов и Мария Демченко, Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, Иван Папанин и Юрий Гагарин, а также многие другие замечательные люди страны Советов были удостоены высокой чести народных избранников". ("Агитатор", 1983, № 20, с. 26.)

"О том, как выполнялись наказания, о работе народного избранника рассказывает депутат Верховного Совета СССР Наталья Анатольевна Стенина". ("Комсомольская правда", 14 февраля 1984, с. 4.)

НАСКОК — политический выпад против СССР или других коммунистических государств, представляемый властями как грубый и необоснованный.

Употребляется (обычно во множественном числе) для характеристики позиции различных общественных и политических кругов, организаций, а порой и стран, если она по тем или иным причинам не устраивает советское руководство и не соответствует его интересам. Широко распространены фразы типа "Н. на международную разрядку", "Н. на права трудящихся", "Н. военщины" и т. д. В советском политическом языке за словом Н. закреплено исключительно пренебрежительное значение, хотя в разговорной речи оно может иметь и нейтральный смысл — "неожиданное и стремительное нападение", "налет".

Н. часто употребляется с постоянными определениями: "грубый Н.", "враждебный Н". и пр. Негативный смысл этого понятия избавляет советскую пропаганду от необходимости аргументированно возражать на критические замечания. Н. апеллирует не к разуму, а к эмоциям читателя, предлагая вместо доказательств идеологизированный знак — символ осуждения западной политики и демократического образа жизни.

ПРИМЕРЫ:

”Наскокам на права и интересы советского государства мы будем противостоять решительно, но на провокации не поддадимся”.
”(Коммунист”, 1978, № 14, с. 8.)

”В течение многих месяцев этого года продолжались грубые наскоки на страны социализма”. (“Правда”, 31 декабря 1978, с. 1.)

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК — должность в научно-исследовательских институтах Советского Союза.

Ранги научных сотрудников строго упорядочены: младший и старший. За десять лет — с 1950 по 1960 гг. — число научных сотрудников в СССР удвоилось, в 1983 г. их было уже свыше 1 млн.

Н. с. считается работником ”идеологического фронта”: его отбирает и утверждает в должности (после тщательного изучения) партийная организация института. Затем, в соответствии с научным званием и должностью, его относят к той или иной категории партийной номенклатуры: районной, городской, союзной. Младший Н. с. — номенклатура райкома партии; старший Н. с. (кандидат или доктор наук) — городского комитета партии; заведующий отделом, заместитель директора, ученый секретарь института — номенклатура обкома партии; директор — ЦК.

Научному сотруднику со степенью предоставляется известная свобода в выборе направлений научного исследования и, что не менее важно, он вырывается из состояния материальной нужды. После защиты кандидатской диссертации зарплата Н. с. увеличивается вдвое, докторской — в четыре раза. Столь же стремительно растут и его полуофициальные привилегии, что чрезвычайно важно в стране, где дефицитно все — уважение, продукты питания, товары.

”Остепененный” Н. с. попадает в избранную касту ученых. Здесь не очень утруждают себя работой: в поте лица трудятся преимущественно сотрудники, еще не получившие научного звания. Обычно ему предоставляется сносная квартира, дается возможность приобрести импортную мебель, а со вре-

менем и автомашину — символ респектабельности и благополучия в советском обществе. Ученая степень в СССР — примерно то же, что в старой России дворянский титул.

Зарплата младшего научного сотрудника без ученой степени в академическом институте — 110—120 рублей в месяц; с кандидатской степенью — 210—220 рублей; старшего научного сотрудника с кандидатской степенью — 250, с докторской — 420—450 рублей.

Научные сотрудники — доктора наук — берутся на специальный медицинский учет (в частности, они ежегодно проходят диспансеризацию, поскольку их здоровье — государственное достояние) в особых академических центрах — поликлиниках и больницах. А во многих республиках их обслуживают учреждения Четвертого (Кремлевского) управления Минздрава СССР, им ежемесячно по особой разрядке выделяют путевки в дома отдыха и санатории.

Работа кипит — пекутся научные сотрудники. И молодежь, и уже остепененные мужи трудятся над диссертацией (кандидатской или докторской). Главное — получить научное звание. Принцип: "Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан". На первом году учебы в аспирантуре выбирается тема диссертации. На втором — сдается кандидатский минимум. Далее — публикация статей и защита. И кандидат наук — готов. Это общее правило. Еврей, почему-либо устремившийся в науку, имеет мало шансов "остепениться". Существует секретный циркуляр, в котором установлен процент ученых-евреев, коим дозволяется работать в научных учреждениях разного плана.

Основное требование к диссертанту — владение техникой исследования. Что касается оригинальных идей, они не обязательны. Более того, их лучше не демонстрировать или умело маскировать марксистской терминологией и ссылками на признанные авторитеты советской науки. Обнаженная оригинальная мысль опасна, она не защищена от зависти, косности, бесталанности. Спрос, естественно, диктует предложение: обычно диссертация свидетельствует о чем угод-

но — об эрудиции, усидчивости, дотошности, но только не о самобытности автора.

Уходят в прошлое времена, когда советские ученые писали диссертации в одиночку. Отдел, сектор, лаборатория, за которыми закреплен диссертант, активно работают на него. Эксперименты, наблюдения, измерения — результат коллективного труда многих людей — ложатся в основу диссертации. Такова идентификация научного коллективизма по-советски: поначалу коллектив в поте лица работает на соискателя, который, остепенившись, тянет за собой остальных.

Успех или неудача защиты далеко не всегда зависят от качества диссертации. Здесь куда важнее такие факторы, как связи диссертанта или научный престиж его официального руководителя.

Направления научных исследований в Советском Союзе часто выбирают произвольно, исходя не из реальных потребностей науки и ее возможностей, а путем экстраполяции очередных директивных указаний, подсказанных конъюнктурной политической кампанией.

Над учеными институтами довлеют формализм и общая система очковтирательства. В план работы включается как можно больше утилитарных и прагматических тем — на них легко получить крупные ассигнования (определенный и весьма значительный процент этих денег оседает в бюджете института, даже если работа не даст экономического эффекта). В планах ожидаемые результаты излагаются популярно и доходчиво, дабы отдел науки ЦК КПСС не усомнился в их ценности, и формулируются таким образом, чтобы при любом исходе работа считалась успешной.

В реквизите научных институтов широко используется искусство советского лицемерия: социалистическое соревнование, комсомольский прожектор, доска почета — полный набор атрибутов, свидетельствующих, что институт — учреждение вполне советское.

Естественно, что при такой организации труда даже честные и талантливые научные сотрудники становятся форма-

листами, чему в немалой степени способствует и изначальная бессмысленность многих исследований.

В соответствии с уставом Академии Наук замещение вакантной должности научного сотрудника происходит в форме выборов на ученом совете института. Результаты конкурса, однако, заранее predeterminedены дирекцией и партбюро, которые отдают предпочтение членам партии, особенно бывшим партийным функционерам. Партийные работники, вышедшие в тираж, стремятся "пересидеть" какое-то время в тиши. Должность научного сотрудника — идеальное место для этой цели. Она обеспечивает респектабельное занятие, не умаляет достоинства, гарантирует приличную зарплату. А когда о таком работнике вспомнят, и он снова поднимется, обретет власть и влияние, он не забудет о своих благодетелях. Поэтому опытный руководитель научного института стремится завязать "узелки" на государственных верхах: одному поможет написать диссертацию, другому — книгу, третьему окажет услугу, пристроив дочку (сына, зятя) в аспирантуру. В результате по уровню "вооруженности" степенями советский партийно-государственный аппарат — самый передовой в мире.

"Остепененность" партийной элиты выгодна и удобна и для партийного руководства: на научную работу попадают "свои" люди, которые определяют ее "идейность", с их помощью легче и надежнее управлять наукой.

Этим обеспечивается и массовость советской науки, ее "запас прочности": любого строптивного или не вполне управляемого научного сотрудника можно легко и быстро заменить другим — нужным и покорным.

ПРИМЕРЫ:

"...научным сотрудникам надо действовать с большей ориентацией на будущее, своевременно "улавливать" назревающие тенденции". ("Вопросы философии", 1983, № 7, с. 22.)

"В течение нескольких десятилетий, до войны и особенно после ее окончания, число научных работников росло в СССР бурными темпами". ("Литературная газета", 7 марта 1984, с. 10.)

“Москва является крупнейшим научным центром, в котором трудится почти четвертая часть всех научных работников страны”. (“Коммунист”, 1984, № 2, с. 18.)

НЕБЫВАЛЫЙ — широко распространенное определение, подчеркивающее “исключительность” всего, что происходит в советской действительности.

Четкие временные рамки, в которые укладывается слово **Н.** (оно употребляется в определенном смысле только с 1917 г.), обусловлены мифологизацией коммунистической революции — представление ее в качестве невиданного (и неслыханного) в истории события. Поэтому все, что связано с этой революцией — общественная деятельность, национальная политика, экономические проекты, государственные планы, школьные реформы, художественное творчество, — объявляется “небывалым”, т. е. выходящим за рамки человеческого опыта.

Это понятие в советском сознании должно вызвать ассоциации с народным эпосом: между **Н.** деятельностью партии и образами былинных богатырей с их необыкновенной силой, неистощимой находчивостью, неповторимой смелостью и т. д. Эта связь еще более подчеркивается семантической близостью слова **Н.** словам, характерным для фольклора — “удивительный”, “чудесный”, “сказочный”, которые в советском языке часто подменяют и вытесняют **Н.**: “**Н.** подъем”, — чудесный подъем, “**Н.** успехи” — удивительные успехи, “**Н.** мощь” — сказочная мощь.

ПРИМЕРЫ:

“Коммунистическая партия и советское государство создали небывалые в истории благоприятные социальные условия для развития образования и культуры народов союзных и автономных республик”. (“Агитатор”, 1978, № 11, с. 42.)

“Съезд проходит в условиях небывалого обострения международной обстановки, подчеркивали ораторы”. (“Известия”, 9 декабря 1983, с. 4.)

”Уже в 1956 году благодаря освоению целины область продала государству небывалое по тем временам количество зерна...” (“Известия”, 16 марта 1979, с. 2.)

НЕПРИМИРИМОСТЬ — нетерпимое отношение ко всему, что объявляется враждебным или чуждым советскому строю.

Н. как система мировосприятия настойчиво культивируется в советском обществе. Объектами Н. — неприязни, осуждения — объявлены буржуазная идеология и ее влияние на советскую жизнь, ”пережитки прошлого” в сознании и поведении людей, религия, западное искусство. Советских людей призывают проявлять Н. к пьянству, хулиганству, коррупции, тунеядству...

Синдром Н. формирует в советском сознании психологию осадного положения, воспитывает страх перед ”вражеским окружением”, недоверие, нетерпимость и презрение к людям. Создается особый тип советского мышления: отсутствие толерантности, гибкости, неприятие иного мнения, конформизм.

Призывы к Н., как правило, усиливаются во время пропагандистских кампаний — борьбы с ”врагами народа”, ”космополитами” и, сообразуясь с политикой, сворачиваются и ослабевают в условиях детанта или борьбы за власть в Кремле.

ПРИМЕРЫ:

”В материалах съездов и Пленумов ЦК определены конкретные направления воспитания советских людей в духе коммунистической идейности, высоких нравственных принципов, непримиримости к враждебной идеологии, буржуазной морали”. (“Коммунист”, 1979, № 8, с. 27.)

”Активная жизненная позиция — это непримиримое отношение к врагам социализма”. (“Коммунист”, 1979, № 8, с. 28.)

”Социальная активность героя проявляется в его непримиримости к проявлениям мещанской потребительной психологии, в активной борьбе с ней”. (“Литературная газета”, 1 июля 1981, с. 2.)

НЕУКЛОННО — оценка мнимой или действительной политической активности (в СССР), реального или воображаемого социального упадка (по отношению к Западу).

Семантический объем Н. призван определять многочисленные аспекты социального "творчества": постоянное движение к коммунизму, целеустремленность и настойчивость, стойкость и твердость в достижении цели. С помощью того же слова пропаганда стремится изобразить свободный мир "загнивающим", "деградирующим" ("Н. падает", "Н. ухудшается").

Коррелирующее с Н. определение "неуклонный" призвано показать поступательный характер и непрерывность советского прогресса: "Н. подъем народного благосостояния, материального и культурного уровня", "Н. повышение заработной платы", "Н. борьба за высокую производительность" и т. д.

Манипуляции с Н. вместе с тем прикрывают жестокость советской политики, проводимой любыми средствами. Курс на удержание тоталитарной власти, настойчивое подавление инакомыслия и духовного сопротивления действительно проводится Н. Таким образом, термин Н. призван убедить советских людей в реальности несуществующего и скрыть реальную политику руководства.

ПРИМЕРЫ:

"Коммунистическая партия неуклонно проводит линию на всемерное углубление партийной демократии". ("Коммунист", 1978, № 14, с. 16.)

"Неуклонно растет экономическое могущество нашей социалистической Родины..." ("Агитатор", 1979, № 1, с. 22.)

"В странах СЭВ последовательно осуществляется политика неуклонного повышения заработной платы..." ("Агитатор", 1979, № 5, с. 44.)

НОВАТОР — работник, осуществляющий в своей деятельности принципы, идеи и приемы, одобряемые властями.

За годы развития в Советском Союзе коммунистического режима для представления советских Н. использовался целый ряд слов: ударник, сгахановец, рационализатор, гвардеец труда и т. д. Каждое из них характерно для определенного периода советской истории, но все они имели общее назначение — внушить советским людям уважение к труду и почтение к партии, проявляющей "заботу" о творчестве рабочих.

Советское руководство и в самом деле постоянно требует от предприятий отчетов о новаторском движении; на производстве проводятся многочисленные собрания и слеты, посвященные достижениям ударников и рационализаторов; создаются клубы и советы новаторов. Новаторство поощряется и насаждается, но в сущности оно выполняет лишь декоративную идеологическую функцию. Разрекламированные предложения Н. не оказывают заметного влияния на рост производительности труда, на уровень и характер организации производства.

Образ идеального Н. тем не менее настойчиво культивируется пропагандой, которая представляет его человеком, постоянно перевыполняющим планы и нормы, выдающим высококачественную продукцию, использующим резервы, дисциплинированным и преданным партии.

В СССР действительно есть огромное число опытных, квалифицированных, творчески мыслящих рабочих, способных развивать и совершенствовать производственный процесс. Эти качества, однако, нежелательны советским руководителям — они угрожают тоталитарной системе, стремящейся к подавлению индивидуальности, самобытности и независимости. Поэтому всякая инициатива вводится начальством в управляемое русло массовости, где благополучно гаснет. На ее развалинах вырастает официальное новаторство, увеличивающее зависимость работника от производства. Творческий порыв заглушается демагогическим

шумом, человеческая личность обесценивается. Однако тот, кто удостоивается звания Н., получает от государства материальные подачки и дозированный почет.

Понятие новаторства в Советском Союзе постоянно расширяется, захватывая все новые сферы жизнедеятельности. Н. объявляется и некоторые верноподданные ученые, хотя словосочетание "ученый-новатор" лишено смысла, ибо ученый по самому характеру своей деятельности не может не быть Н. Провозглашаются Н. и писатели, деятели искусств, но только в том случае, если их творчество не выходит за официально признанные каноны "социалистического" реализма. Отклонение от них оценивается как формализм, "оступившихся" обвиняют в аполитичности и безыдейности. И в производственной, и в научной, и в культурной сферах советской жизни понятие Н. теряет свое значение, полностью девальвируется.

ПРИМЕРЫ:

"Девиз новаторов "Вклад личный, успех — общий!" должен стать нравственной нормой работы каждого". ("Агитатор", 1983, № 14, с. 38.)

"Широкое внедрение достижений новаторов чаще всего не требует особых затрат и в то же время обещает заметную интенсификацию производства". ("Правда", 25 декабря 1983, с. 2.)

"Успехи наших новаторов являются результатом тщательно продуманной организационно-массовой работы". ("Бакинский рабочий", 16 декабря 1983, с. 3.)

НОМЕНКЛАТУРА — табель о рангах, в соответствии с которым определяется место человека в советском обществе.

Многочисленные исследователи неоднократно пытались постичь сущность этого понятия, осмыслить структуру и динамику Н. Закрытость советского общества, негласность происходящих в нем социальных процессов привели к тому,

что это явление порождает бесчисленные домыслы: "нервная система советского режима", "секретная сеть тех, кто удерживает наиболее влиятельные позиции и определяет стиль советской жизни" — определения такого рода дают лишь эмоционально-описательную характеристику явления, выхватывая отдельные его черты, не вскрывая ни сути Н., ни ее механизмов.

Между тем в Н. нет ничего таинственного. В сущности, это всего лишь сеть должностей и постов, назначение на которые производится исключительно по решению партийных организаций. В зависимости от характера должности, ее социального веса и общественного значения (иными словами, от объема власти) различают Н. ЦК КПСС, ЦК партии республик, краевых, областных, городских и районных комитетов партии.

Внутри каждой категории Н. существует дополнительная градация. Н. ЦК КПСС распадается на Н. Политбюро, Секретариата, отделов ЦК. Аналогичное членение и в Н. республиканских, областных, городских и районных комитетов партии.

Все сколько-нибудь значительные должности — политические, общественные, государственные, хозяйственные, научные — подпадают под категорию Н., что позволяет партийным организациям (а точнее, господствующему бюрократическому классу, выступающему от имени партии) контролировать все области социальной жизни страны. Н. стала важнейшим средством материализации властолюбивых устремлений партократии, замаскированных под "волю партии": "партия — движущая сила советского общества".

Понятие Н. возникло в процессе уничтожения Сталиным "ленинской" партии и формирования новой коммунистической элиты. Строгий отбор партийных работников, предназначенных для осуществления его воли и политических целей, требовал создания четкой системы рангов. На важные государственные и партийные посты выдвигались люди, тщательно проверенные ЦК и МГБ. От них требовалась,

кроме соответствующих анкетных данных (рабоче-крестьянское происхождение, неучастие в оппозиции и т. п.), личная преданность Сталину.

В основу создания нового коммунистического класса партократов и была положена строгая классификация, названная номенклатурой. Н. определяет роль и место каждой должности в системе управления государством и в системе партийной иерархии союзного, республиканского, краевого, областного, городского и районного значения.

Система Н. не предусмотрена конституцией СССР, ее существование регулируется и определяется секретными инструкциями ЦК КПСС "О порядке подбора руководящих кадров". Систематически обновляемые, эти инструкции жестко определяют порядок назначения на важные посты в системе управления государством. В свою очередь Н. приводит в движение весь механизм советской власти, предусматривающий прямую и обратную связь между Политбюро, Центральным комитетом, военным командованием и КГБ.

При всем различии степеней Н. общая иерархия, определяющая положение каждой из Н. и их привилегии, строго соблюдается на всех уровнях. Входящие в высшую номенклатурную группу члены Политбюро, наряду с высокой заработной платой и особыми материальными благами (средства на приемы, одежду и т. д.), обеспечиваются медицинским обслуживанием на "высшем уровне" и получают дополнительную сумму денег в золотом исчислении.

Представители нижестоящих номенклатурных групп имеют меньше привилегий. Тем не менее и их статус и обеспечение много выше, чем у любого специалиста. Все номенклатурные группы поставлены над обществом и в своей совокупности образуют привилегированный класс, внутри которого есть свои сословия и элиты: партийная и правительственная, комсомольская и профсоюзная, военная, производственная, литературы и искусства.

Партийная Н. не только держит в своих руках всю систему должностных назначений, но и заполняет собой наиболее

престижные и высокооплачиваемые посты. За эти посты на иерархических ступенях лестницы власти постоянно идет скрытая, но ожесточенная борьба.

Номенклатурные кадры формируются в особых привилегированных учебных заведениях: в Высшей партийной школе, в Академии народного хозяйства, в академиях МИД и МВД, в военных академиях, в высших школах КГБ, в институтах международных отношений и внешней торговли. Номенклатурный работник всегда находит поддержку и понимание Н., и пока он находится в ее системе, он стоит над законом и правом. Он может растрачивать и пропивать общественные средства, быть соучастником преступлений или их организатором. Самое большее, что ему грозит, — перевод из особо высокооплачиваемой и престижной Н. в другую, с низшим статусом и меньшими благами. Плавая в номенклатурном "море", он при соответствующей политической конъюнктуре вновь может вынырнуть к берегам власти, ибо перед номенклатурным работником открыты неограниченные возможности самоутверждения; от него требуются лишь исполнительность, угодливость, изворотливость.

Сложившийся порядок назначений и перемещений работников Н. дает возможность партийному аппарату полностью контролировать общество, камуфлируя мафиозный характер государственного режима.

Падение партий и правительств свободных стран, вызванное просчетами и провалами в политике, при номенклатурной структуре коммунистических государств практически исключено.

ПРИМЕРЫ:

"У партийных органов имеется номенклатура кадров, то есть круг должностей, относительно утверждения на которые и освобождения с которых комитет непременно высказывает свое мнение". ("Партийная жизнь", 1980, № 23, с. 25.)

"В номенклатуру горкома включено 769 должностей. За прошлый год из нее сменилось 74 человека, 9,5 процента. Причем более

трети работников из этого числа пошло на повышение". ("Партийная жизнь", 1980, № 19, с. 33.)

"Перечень номенклатурных должностей партийного комитета существует. Но существует формально, так как на заседаниях партийного комитета назначение и освобождение от этих должностей не обсуждаются". ("Социалистическая индустрия", 1 августа 1982, с. 2.)

”О”

ОБСТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКОГО И ТРУДОВОГО ПОДЪЕМА – пропагандистское клише, призванное создать видимость энтузиазма народных масс и поддержки ими любых действий советского правительства.

Это длинное словосочетание неопределенно, расплывчато, лишено конкретного содержания. Оно употребляется в многочисленных вариантах, легко видоизменяется и распадается на части: ”В обстановке большого (”огромного”, ”высокого”) политического (”нравственного”, ”трудового”) подъема (активности) и т. д. Изменение языковых компонентов О. п. и т. п. практически не влияет на его смысл (или бессмысленность) и назначение. Та его часть, где говорится о ”политическом подъеме”, предназначена для имитации энтузиазма советских людей по поводу любых действий партии, слова же ”трудоовой подъем” – набор знаков для обозначения прилива энергии у советских граждан, вызванного очередным политическим событием.

В действительности партия и ее деятельность не вызывают в народе ни подъема, ни воодушевления. Советские люди, давно убедившиеся в том, что не могут влиять на политику правительства, глубоко равнодушны к событиям социальной и политической жизни страны.

ПРИМЕРЫ:

”В обстановке огромного политического и трудового подъема готовятся советские люди к выборам...” (“Агитатор”, 1979, № 1, с. 20.)

”Избирательная кампания проходит в обстановке большого политического и трудового подъема...” (“Агитатор”, 1979, № 4, с. 3.)

”В обстановке высокого политического подъема и энтузиазма отметил кубинский народ национальный праздник...” (“Известия”, 3 января 1982, с. 4.)

ОБЩЕЖИТИЕ — помещение для совместного проживания людей, работающих на одном предприятии или обучающихся в одном учебном заведении.

Хроническая нехватка жилья в СССР привела к тому, что в 70 тысячах общежитий, разбросанных по всей территории страны, живет в настоящее время около 10 миллионов людей. При этом до 60% тех, кто ютится в общежитии, имеют так называемую лимитную прописку. Такая прописка дает право на временное проживание в городе до тех пор, пока человек работает на данном предприятии или обучается в учебном заведении, которому принадлежит О. Уход с работы или окончание учебы лишают рабочего или студента права на О., а стало быть, и на проживание в городе.

О. неблагоустроены, переполнены — на человека приходится от силы 3—4 кв. м. жилой площади. В комнатах, лишенных нормальной мебели и элементарных бытовых удобств, живет от 4 до 12 человек. Власти, однако, не спешат разгрузить О. и рассредоточить их обитателей. Концентрация массы людей в одном месте облегчает идеологиче-

ское манипулирование и промывку мозгов, организацию "коммунистического досуга", проведение пропагандистских лекций, контроль за благонадежностью и поведением, вмешательство в личную жизнь.

ПРИМЕРЫ:

"Сегодня в нашей стране 37 тысяч рабочих общежитий, в которых проживает пять с половиной миллионов человек. Средний возраст жильца — 24 года, поэтому рабочее общежитие мы по праву называем молодежным". ("Комсомольская правда", 17 сентября 1980, с. 1.)

"В последнее время на фабрики приезжают работать молодые люди из села, а мест в общежитиях не хватает". ("Комсомольская правда", 18 октября 1980, с. 1.)

"Во многих общежитиях вообще нет буфетов, столовых или, если они есть, проживающих не удовлетворяет график их работы, ассортимент и качество блюд". ("Комсомольская правда", 17 сентября 1980, с. 2.)

ОБЩЕНАРОДНОЕ ГОСУДАРСТВО — политическая организация общества, представляемая советской пропагандой как результат естественного развития диктатуры пролетариата.

О. г. определяется как система власти, выражающая волю всех сословий советского общества — в отличие от диктатуры пролетариата, будто бы отражающей преимущественно интересы рабочего класса.

Определение советского государства как "общенародного" было введено Н. Хрущевым под давлением еврокоммунистов, для которых "диктатура пролетариата" звучала устрашающе. К тому времени средства, с помощью которых осуществлялась пролетарская диктатура в ее сталинской интерпретации, были хорошо известны и дискредитировали принципы коммунистической революции. Советская идеология, которой поручили срочно обосновать возможность мирного парламентского прихода к власти (без пролетарской

революции), была вынуждена выдвинуть идею О. г., чтобы отмежеваться от насилия как универсальной формы социальной деятельности.

Выступить с публичным осуждением идеологии террора, включенной в формулу диктатуры пролетариата, побудила советское правительство и общая политическая обстановка 60-х годов — возникновение и развитие детанта. Определенную роль сыграли внутривластные соображения Хрущева: ему не терпелось объявить советскому обществу о переходе к новой, демократической форме правления.

Концепция О. г. заимствована советскими руководителями из западной социологии и, не раз подвергаемая в прошлом критике, теперь была спешно пересажена на почву марксистской философии. Не желая и не осмеливаясь, однако, полностью порывать свои связи со сталинским режимом, они настойчиво твердили, что О. г. является естественным развитием государства диктатуры пролетариата и имеет общие с ним конечные цели и задачи. Советская идеология постоянно подчеркивает, что О. г. выражает интересы всего народа именно потому, что все классы коммунистического общества утверждают себя через интересы и цели "революционного" пролетариата.

В полном соответствии с хрущевским лозунгом, обещавшим "нынешнему" поколению советских людей жизнь при коммунизме, было объявлено, что О. г. и есть форма движения к бесклассовому обществу. В пропагандистских целях были предприняты и некоторые конкретные шаги: кое-какие второстепенные функции государства попытались (без особого успеха) передать общественным организациям: наблюдение за воспитанием, борьбу с мелкими правонарушениями и т. д.

Расширение функций официальных общественных организаций — профсоюзов, советов — привело, однако, к еще большему подчинению их государственному аппарату. Организации, имевшие действительно общественный характер — независимые профсоюзы, свободное движение сторонников мира, фонд помощи политзаключенным, творческие объ-

единения неконформистских писателей и др., — были разгромлены КГБ. Государство, объявленное общенародным, по-прежнему (если не в большей степени) проявляет свою антинародную сущность. Преимущество О. г. и государства диктатуры пролетариата реально проявляется в насаждении и распространении террора, в утверждении и развитии диктатуры партийной элиты.

При Сталине власть концентрировалась в руках тиранической олигархии, использовавшей политическую полицию в качестве инструмента власти и опирающейся на КГБ и армию. При О. г. эта социальная функция коммунистического режима не изменилась, но внутри его структуры произошли передвижения: из верховной субстанции власти партократия превратилась в ее движущую силу, КГБ вместе с армией стали орудием удержания этой власти. Политическая полиция утратила свое всеислие, но само О. г. отнюдь не изменило своей полицейской сущности.

ПРИМЕРЫ:

“В СССР сложилась и стала реальностью новая историческая общность людей — советский народ, представляющий собой социалистический союз трудящихся разных национальностей — работников индустрии, сельского хозяйства, культуры, физического и умственного труда. Этот союз отражает коренное расширение социальной базы советского государства, отражает то, что в условиях развитого социализма оно становится государством общенародным”. (“Советский Союз”. Политико-экономический справочник. М., Изд. политической литературы, 1975, с. 44.)

“Развивающееся общенародное государство есть вместе с тем важный шаг от государственного управления к общественному самоуправлению”. (В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. М., Политиздат, 1968, с. 335.)

“Государство диктатуры пролетариата перерастает в общенародное социалистическое государство, олицетворяющее волю и интересы всего общества, пролетарская демократия — во всенародную социалистическую демократию”. (“Коммунист”, 1979, № 8, с. 125.)

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА — всякая неоплачиваемая деятельность, в которую партийный аппарат принудительно вовлекает советских людей для их духовного закабаления и усиления своего контроля.

Наиболее престижной считается О. р. в партийных, комсомольских и профсоюзных организациях. Важный вид О. р. — пропагандистская и агитаторская деятельность. Широко распространены в Советском Союзе и такие ее формы, как участие в народных дружинах при милиции, курирование предприятий, школ, колхозов ("шефство"), помощь опытных работников начинающим ("наставничество"). Различают О. р. постоянную (с закреплением на длительный период) и временную, выполняемую эпизодически или в течение ограниченного срока.

О. р. ведется как за счет свободного времени, так и в рабочие часы. В обоих случаях она не оплачивается, а поощряется морально: грамотами, благодарностями и т. д. Время от времени особо "отличившимся" общественникам вручают недорогие подарки: книги, альбомы, наборы открыток; иногда им предоставляют путевки в дома отдыха и санатории.

Наличие О. р. служит в СССР свидетельством гражданственности, сознательности и политической активности. Напротив, отказ от участия в ней вызывает подозрение и квалифицируется как утрата политической лояльности. Поэтому огромная масса советских людей от школьников до пенсионеров вынуждена заниматься О. р. Некоторые же категории советских служащих — специалисты гуманитарных наук, писатели, деятели искусства — отдают ей большую часть своего свободного времени. Их знания и профессиональный опыт партийный аппарат использует для идеологической обработки населения: они выступают с лекциями и докладами, проводят семинары, руководят народными университетами.

О. р. не вызывает у советских людей энтузиазма. Однако постоянное участие в ней открывает определенные возмож-

ности продвижения по службе. А для тех, кто желает сделать партийную карьеру, О. р. становится основным видом деятельности. Из числа активных общественников нередко рекрутируются работники милиции и профсоюзные деятели.

По существу О. р. призвана имитировать социально-политическую активность населения. Она создает видимость существования в стране полноценной социальной жизни и вовлекает советского человека в мир политизированной реальности, не оставляя места для неидеологизированного мышления и независимой деятельности.

В разговорной речи О. р. обычно именуется "общественной нагрузкой" или просто "нагрузкой". Это дает представление о подлинном отношении к ней советского человека, воспринимающего ее как нечто чуждое, навязанное ему извне.

ПРИМЕРЫ:

"Не жалеет свободного времени бригадир на общественную работу. Он член партбюро, участвует в рейдах комиссии по экономии металла". ("Агитатор", 1979, № 9, с. 58.)

"Меня часто спрашивают, трудно ли совмещать основную и общественную работу?.. Но я считаю, что настоящий бригадир не только может, а должен, обязан быть хорошим агитатором". ("Агитатор", 1978, № 15, с. 23.)

"У этого коммуниста общественных нагрузок на двоих хватает. Он и заместитель секретаря организации, и председатель суда чести прапорщиков, и член комсомольского бюро подразделения... и председатель поста народного контроля". ("Советский воин", 1979, № 11, с. 24.)

ОБЩЕСТВЕННО—ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД — труд на социалистическом производстве, номинально направленный на благо всего общества.

Используется для подчеркивания принципиального различия между нравственно ценным трудом в интересах государства (О-п. т.) и любым другим — вне системы государ-

ственного регулирования и планирования (на приусадебном участке, в индивидуальном хозяйстве и т. д.), который представляется лишенным социальной ценности.

О-п. т. объявлен источником экономического прогресса, основой духовного становления и развития советской личности. Напротив, труд вне государственного производства рассматривается как своекорыстный, используемый для личного обогащения, а следовательно — во вред общественным интересам. При этом подчеркивается, что в Советском Союзе — в процессе коммунистической перестройки общества — преодолено отчуждение в сфере трудовой деятельности: производитель непосредственно участвует и в руководстве производством, и в распределении результатов труда.

На деле трудящиеся в СССР полностью отстранены от управления трудовой деятельностью. Социалистическое производство (как процесс, организуемый государством) полностью изъято из-под контроля народных масс. Хозяином производства является правящая партийная бюрократия, использующая экономические ресурсы для собственного обогащения и для развития военно-промышленного комплекса — за счет и в ущерб народному благосостоянию. В Советском Союзе общественный по своей организации труд не становится общественно-полезным по своим результатам.

В СССР не признается О-п. т. домашняя работа, которую выполняют, в основном, женщины: стояние в очередях, приготовление еды, уборка квартиры, наконец, воспитание детей. Такое признание требовало бы денежных дотаций государства многодетным семьям и главное — освобождение женщин от О-п. т.

Малопроизводительное советское производство нуждается в женском труде и постоянно вовлекает в себя женщин, которые к 1980 году составляли более половины всей рабочей силы страны. Женщин используют и на самых тяжелых и вредных работах (горные, строительно-монтажные, дорожные, бурильные и т. д.). Это потребительское отношение к женщине-матери никого не смущает. Нередко женщины

вынуждены соглашаться на любые условия, ибо заработная плата мужа меньше прожиточного минимума семьи, и идут на работу, несовместимую с природными особенностями организма.

Примитивная организация О.п. т., отсутствие материальной заинтересованности трудящихся в его результатах приводят к тому, что значительная часть уже созданных материальных ценностей теряется для общества — пропадает в результате бесхозяйственности, халатности и хищений. Неудивительно, что труд, построенный на несоциалистических основах, оказывается производительнее и эффективнее общественного. С приусадебных участков, составляющих менее 3% всех пахотных земель СССР, где практически не используются техника и удобрения, крестьяне собирают более трети всей производимой в стране сельскохозяйственной продукции. Изделия же национальных кустарных промыслов, в которых занято менее 0,25% населения, дают стране 10% иностранной валюты. Так труд, официально не считающийся полезным, оказывается не только общественно ценным, но и общественно необходимым.

ПРИМЕРЫ:

”Даже в конституционном положении о том, что уклонение от общественно-полезного труда не совместимо с принципами социалистического общества, некоторые органы правой буржуазной печати усмотрели ”ограничение демократии и свобод”. (”Человек и закон”, 1978, № 6, с. 24.)

”Опыт Советского Союза и других стран социализма неопровержимо доказал, что раскрепощение женщин и их деятельное участие в общественно-полезном труде и в управлении государством не только возможны и осуществимы, но и являются неизменной предпосылкой экономического и социального прогресса вообще”. (”Женщины мира”. Органы МДФЖ, 1976, № 1, с. 14.)

ОГОЛТЕЛЫЙ — характеристика политики свободных стран и их государственных деятелей, неугодных советскому руководству.

В советском толковании коммунистический режим представляется единственным воплощением справедливости и совершенства, а любое противодействие ему рассматривается как О., т. е. возмутительное, граничащее с преступлением. Для усиления экспрессивности понятия О. в сочетании с ним используются слова, подчеркивающие его презрительно-саркастический смысл: "О. и остервенелый", "О. и бешеный" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"В основе этой (американской) политики, что уже здесь отмечалось, — слепой оголтелый антисоветизм и антикоммунизм". ("Международная жизнь", 1983, № 12, с. 88.)

"Явно претендуя на мировое господство, эти силы стремятся навязать зависимым от США странам политику оголтелого милитаризма". ("За рубежом", 1984, № 11, с. 1.)

"Кому это выгодно... За что Союз писателей ФРГ подвергся оголтелым нападкам западно-германской реакции?" ("Литературная газета", 7 марта 1984, с. 15.)

ОППОРТУНИЗМ — идеологическая концепция, пересматривающая догмы коммунизма, а также политическая деятельность, признанная противоречащей советским интересам.

О. представляется течением, враждебным марксизму, дезориентирующим трудящихся и противоречащим их классовым целям.

Советская идеология различает две формы О.: правый и левый. Правый О. определяется как система политических взглядов и установок, основанных на идеях естественной трансформации капитализма в социализм и фетишизации стихийности рабочего движения. Теоретические истоки правого О. усматриваются в возможности сотрудничества классов, в отходе от принципа диктатуры пролетариата и отказе от классовой борьбы.

Левый О. характеризуется как авантюристическая доктрина, отстаивающая террор в качестве определяющего революционного фактора. Его идейные основы сводятся к стремлению перескочить через непройденные этапы исторического развития с помощью насилия.

Появление и распространение О. связывается с классовой структурой капиталистического общества. Считается, что пролетариат и его партия постоянно испытывают давление буржуазии и влияние ее идей. Эти идеи вносит в рабочее движение мелкобуржуазная среда: привилегированная прослойка рабочих, партийные функционеры, профсоюзные боссы и чиновники тред-юнионов.

В советском понимании, правый и левый О. выражают идеологию различных социальных групп буржуазного общества. Правый О. соответствует умонастроениям среднего класса, опасющегося утраты своих привилегий в революции. Левый — отражает психологию разорившихся собственников, не способных к участию в организованной (коммунистами) классовой борьбе. Массы этих людей ищут, утверждают теоретики марксизма, спасения от постоянного угнетения в "крайней" революционности, которая не укладывается в рамки марксистской идеологии.

Борьба с О. в рабочем движении красной нитью проходит через всю историю коммунизма. Ее отголоски звучат уже в трудах Маркса и Энгельса, но особенно отчетливо эта борьба прослеживается на фоне первой мировой войны и последовавшего за ней большевистского переворота в России. С этого времени коммунисты ведут непрерывную и изнурительную борьбу с бесчисленными оппортунистическими течениями.

С образованием Коминтерна (1919 г.) главным врагом рабочего движения объявляется правый О. — идеология социал-демократии. В полном противоречии с учениями Ленина социал-демократы осмелились объявить, что пролетарская революция и обобществление собственности не обязательны, основное значение имеют нравственное совершенствование и свобода личности. В процессе большевиза-

ции партий, входивших в Коминтерн, из них изгонялись (и в большинстве репрессировались в СССР) реформисты, выступавшие с критикой догматов марксизма.

В ходе "построения социализма" в СССР велась ожесточенная, никогда не затухавшая борьба и с левым О. Проводилась она теми же, в общем, средствами и методами, что и борьба с правым О.: от изгнания из партии до публичных политических процессов. Травля левых оппортунистов была организована и в международном масштабе: в аппарате Коминтерна и в коммунистических партиях других стран.

Ленинско-сталинская трактовка О., экспортированная в остальные коммунистические партии, создала питательную среду для кровавых чисток. Малейшее отклонение от "генерального курса" Москвы, выступавшей от имени "мирового коммунистического движения", осуждалось и сурово каралось.

После смерти Сталина оценка О. подверглась пересмотру. В частности, было снято определение правого О. как врага более опасного, чем империализм и фашизм. А на XX съезде КПСС (1956 г.) была выдвинута даже идея о целесообразности сближения коммунистов с правыми социалистическими партиями и профсоюзами. Тем не менее принципиальное отношение советского руководства к демократическим партиям и свободным профсоюзам не изменялось, а их характеристика как оппортунистов сохраняется и поныне.

В 60-е годы основной опасностью для коммунистического движения был провозглашен левый О., сторонники которого в руководстве ряда "социалистических" стран (Китай, Албании, Северной Кореи) отказались слепо следовать в фарватере советской политики. Им, а не правым О., вменяются теперь в вину расшатывание коммунистического движения и стремление к политическому размежеванию с Советским Союзом. Именно левых оппортунистов упрекали в том, что они отошли от международного коммунизма и провозгласили курс, в котором "мелкий авантюризм" сочетался с "великодержавным шовинизмом".

Понятия "правый" и "левый" О. в советском политическом обиходе 70-х годов отличаются идеологической неопределенностью. Разновидностями О. объявляются взгляды, в недавнем прошлом считавшиеся вполне марксистско-ленинскими, отличавшиеся не существом, а лишь терминологией от тех, которые проповедует кремлевское руководство. Левооппортунистические идеи о революционном перевороте как универсальном средстве захвата власти были, хотя и с некоторыми оговорками, официально одобрены XX съездом КПСС. В то же время теории, допускающие возможность перехода к социализму через традиционные буржуазно-демократические институты, объявляются правооппортунистическими, хотя в несколько измененном виде они входят в программу советской компартии.

В соответствии с учением "классиков", советская идеология на уровне массовой пропаганды продолжает утверждать, что дальнейшее развитие международного коммунистического движения, мировой социалистической системы предполагает борьбу против всяких проявлений О.

Однако важнейшая особенность развития ленинизма в современных условиях — его "обогащение" за счет буржуазных и правооппортунистических идей. Советская идеология все чаще использует и канонизирует теоретические установки, которые еще в недавнем прошлом определялись как правооппортунистические или буржуазные. Скажем, слегка перекроенная теория государственно-монополистического капитализма Каутского применяется советской социологией. Доктрина использования парламента для захвата пролетариатом власти (заимствования у социал-демократических партий) и "буржуазная" идея общенародного государства давно переключались в коммунистическую пропаганду.

При этом пересадка демократических принципов на советскую почву сопровождается фразеологическим жонглированием заимствованными формулировками и утверждениями, что сами эти концепции — в их первоначальном идейном обрамлении — ошибочны и ущербны.

Таким образом О. в советской пропаганде подается в традиционной марксистской упаковке, но содержание этого понятия существенно иное. Практически единственным основанием для обвинения в О. служит теперь противодействие политике и деятельности советского руководства.

ПРИМЕРЫ:

”Вся борьба нашей партии (и рабочего движения в Европе вообще) должна быть направлена против оппортунизма. Это не течение, не направление, это (оппортунизм. – Автор) теперь стало организованным орудием буржуазии внутри рабочего движения”. (В. И. Ленин. Собр. соч., 4-е изд., т. 35, с. 152.

”Оппортунизм проявляется иногда в попытках уцепиться за отдельные положения марксизма, ставшие уже устаревшими, и превратить их в догмы, чтобы задержать тем самым дальнейшее развитие марксизма, следовательно, – задержать также развитие революционного движения пролетариата”. (История ВКП (б). Краткий курс. 1950, с. 342.

”Маоизм – один из ярких образцов оппортунизма в неприглядной стадии распада, когда оппортунизм и социал-шовинизм достигают своего полного расцвета и вступают в союз с империализмом”. (“Международная жизнь”, 1979, № 12, с. 24.)

ОТДЕЛЬНЫЙ – определение, имеющее целью подчеркнуть нетипичность социальных явлений советской действительности, не укладывающихся в рамки коммунистической идеологии.

Утверждается, например, что природа и сущность коммунистического общества несовместимы с антиобщественным или аморальным поведением. Поскольку, однако, такие явления существуют, их именуют О., т. е. не свойственными советскому укладу жизни, и объясняют ”пережитками прошлого”, недостатками воспитания, влиянием западной идеологии и пр. О. объявляются весьма широко распростра-

ненные в СССР пороки: пьянство, хулиганство, очковительство, взяточничество, воровство и т. д.

В самом определении О. заложен сложный идейно-психологический заряд. С его помощью объясняется и оправдывается существование явлений советской действительности, противоречащих марксистским догмам. Оно позволяет сводить недостатки к действиям конкретных людей, объявляемых носителями антиподов коммунистической морали.

Тут выработан своеобразный ритуал, своя знакомая система. Если, например, в отчете ЦК КПСС съезду говорится об О. недостатках планирования, это должно означать, что в общем и главном плановая работа поставлена хорошо и основательно. Когда говорится о нерасторопных руководителях, предполагается, что они в ближайшее время будут смещены. Таким образом, за О. явлением признается право на существование, а вот О. работником быть не рекомендуется — могут снять. Вся эта игра в О. полностью соответствует системе коммунистического коллективистского мироощущения.

В некоторых случаях определение О. используется и для характеристики таких социальных явлений, которые коммунистическая идеология хотела бы утвердить в советской жизни в качестве нормы: говорят, например, о высокой производительности труда О. рабочих. Но контекст, в котором О. успехи восхваляются и прославляются, обычно содержит скрытое осуждение коллектива или работников, не поднявшихся до уровня О. достижений.

Для характеристики политической жизни на Западе термин О. употребляется редко и лишь в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть прогрессивную (в советском толковании) деятельность государственного деятеля: в Европе звучат "отдельные трезвые голоса", "отдельные дальновидные политики Германии" и т. д.

В советской политической жизни О. иногда заменяется словом "некоторый", и в него вкладывается неодобрительный, осуждающий смысл: "некоторые руководители",

”некоторые партийные работники” — это служащие, чем-то неугодившие властям.

ПРИМЕРЫ:

”Встречаются факты неправильного отношения отдельных должностных лиц к критическим выступлениям в печати”. (“Человек и закон”, 1979, № 8, с. 10.)

”...с помощью отдельных враждебно настроенных лиц зарубежные националистические организации перебрасывают к нам антисоветскую литературу и порнографические издания”. (“Коммунист”, 1979, № 5, с. 47.)

”Высшая оценка дается в том случае, если каждый работал в заданном ритме, а не тогда, когда отдельные рабочие перевыполняют сменные задания”. (“Агитатор”, 1979, № 15, с. 2.)

ОТРЕБЬЕ — противники советской власти или люди, выступающие против коммунистических режимов; представляются духовно разложившимися и морально опустившимися элементами общества, его отбросами. О. именуются также различные антисоветские общественные организации и политические группы.

Слово О. часто употребляется в устойчивых сочетаниях с определениями: ”контрреволюционное О.,” ”белогвардейское О.,” ”эмигрантское О.”. После октябрьского переворота эти словосочетания были прочно закреплены за классами и кругами, которые противились установлению советской власти. Позднее область применения этого термина значительно расширилась. Так, в 70—80-е годы ”эмигрантским О.” стали называть националистические организации, созданные людьми, покинувшими коммунистические страны и выступающими в защиту человеческих прав.

”Антисоветским О.” именуются в Советском Союзе инакомыслящие, объявленные ”орудием мирового империализма” (или сионизма), агентами международной реакции.

Коммунистическая пропаганда не признает за людьми, покинувшими коммунистическую страну, права именоваться политическими эмигрантами. В сознании советских людей политическая эмиграция должна ассоциироваться исключительно с коммунистами, бежавшими от реакционных режимов. Для тех, кто покидает Советский Союз, существует иная терминология: изменник родины, уголовный преступник и т. п. Пропаганда изображает их предателями, окопавшимися за границей и ведущими подрывную деятельность — "антисоветскую", "антикоммунистическую", а также националистическую, религиозную и т. д. Цель подобных инсинуаций очевидна: уstrasшить советских граждан, вызвать у них ненависть к людям, покинувшим СССР, помешать контактам с ними.

ПРИМЕРЫ:

"Собрание с возмущением осудило попытки эмигрантского националистического отребья устраивать идеологические диверсии, засылать враждебную литературу". ("Коммунист", 1979, № 5, с. 49.)

"Под давлением Белого дома американская печать продолжает массированную кампанию за расширение помощи контрреволюционному отребью, окопавшемуся ныне на многочисленных базах в Пакистане". ("Международная жизнь", 1980, № 9, с. 11.)

"Рухнули домыслы западной пропаганды о том, что контрреволюционное отребье действует оружием, захваченным в самом Афганистане". ("Известия", 27 сентября 1981, с. 5.)

ОТЧАЯННЫЙ — определение поступков и действий, которые советская пропаганда изображает реакционными, а потому — безрассудными.

О. встречается в ряде устойчивых словосочетаний ("О. усилия", "О. попытки", "О. сопротивление" и т. д.), имеющих целью доказать полную обреченность, безнадежность любых попыток противодействия коммунизму. Иногда О.

пользуется также для характеристики социальной жизни капиталистических стран: "О. нищета", "О. безработица", "О. бесправие" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Империалистические круги в отчаянной попытке отвлечь широкие массы грядущих своих стран от реальных и насущных проблем развернули беспрецедентную по лживости и несуразности пропагандистскую кампанию, цель которой – очернение социализма..." ("Человек и закон", 1979, № 6, с. 76.)

"Положение молодежи во многих странах Запада можно назвать отчаянным". ("Агитатор", 1979, № 4, с. 27.)

"Национальная гвардия (диктатора Никарагуа Сомосы. – Авт.) несет большие потери, отчаянно пытаясь сдержать натиск патриотов и вернуть утраченные позиции". ("Новое время", 1979, № 25, с. 15.)

ОТЩЕПЕНЕЦ – человек, вступивший в борьбу с советской властью.

Первоначальный смысл слова О. ("отступник от веры и церкви") в советскую эпоху был подменен новым: человек, порвавший с марксистской идеологией и партией. Такой перенос значения обусловлен тем, что марксистско-ленинская идеология возведена в сан религии, а отказ от нее стал расцениваться как измена социалистическому строю и советской родине.

Под понятие О. подводится всякий, кто хоть в чем-то позволил себе несогласие с режимом. Так, в одну категорию попали и открытые его противники, и участники правозащитных движений, и сторонники "чистого" ленинизма. Презрительно-уничижительной кличкой О. часто клеймят ученых, писателей, художников неконформистов. Выразительность слова делает его удобным средством пропаганды, однако в разговорной речи оно не встречается, оставаясь принадлежностью официального языка.

ПРИМЕРЫ:

“Есть еще разного рода отщепенцы, которые становятся на путь злобной клеветы на советскую действительность...” (“Правда”, 23 февраля 1979, с. 1.)

“Политическая наивность, извращенные, авантюристические побуждения, иллюзорное и аморальное по своей сути стремление жить на широкую ногу за счет других, ничего не давая обществу, – вот основное, что движет отщепенцами”. (“Комсомольская правда”, 25 января 1984, с. 2.)

“В 1980 году правительство заявило всем отщепенцам: хотите уехать – скатертью дорога”. (“Новое время”, 1984, № 1, с. 10.)

ОЧЕРЕДЬ – обозначение людей, расположившихся один за другим в ожидании продуктов питания, товаров или услуг, количество которых в Советском Союзе ограничено.

О. – постоянный спутник советской жизни – возникла в эпоху “строительства” социализма, которое привело к развалу экономики и нехватке продовольствия и предметов первой необходимости. Согласно официальной версии О. объясняется действием “закона” опережающего роста спроса в сравнении с предложением.

Советские граждане тратят на стояние в О. – в магазинах, на вокзалах, в мастерских бытового обслуживания, в парикмахерских, в прачечных, на почте и т. п. – более 70 миллиардов человеко-часов в год. Этого времени достаточно, чтобы на год загрузить работой 35–40 миллионов человек.

Существуют два основных вида О.: живая и по записи. Живая О. составленная из 15–20 человек или из нескольких тысяч, может иметь длину в десятков метров, но может и тянуться через весь жилой район. При письменной О. (ее называют еще административной) человек записывается (или его записывают) в список людей, претендующих на получение чего-то существенного: квартиры, места в больнице, путевки в санаторий, автомашины, импортного холо-

дильника, ковра, книг, телефона и т. д. В этом случае ожидание занимает недели, месяцы и годы.

Советская О. обладает внутренней динамикой, скрытой подвижностью, в ней постоянно образуются подводные течения, идет борьба и действуют свои законы. Например, покупатель, если ему повезет и он доберется до прилавка, вправе получить "в одни руки" ограниченное количество товара, строго регламентированное для каждого продукта: 400 гр. масла, 1,5 кг. мяса, 2 кг. крупы или сахара, литр молока, пару перчаток, два билета на концерт или в театр, один ковер, одно пальто и т. д. При этом, чтобы приобрести покупку, надо выстоять в трех О.: сначала — для того, чтобы ее увидеть и выбрать, затем — чтобы оплатить, и, наконец, — чтобы получить.

В О. обычно появляются энтузиасты, которые составляют списки стоящих, выдают им номера или наносят их чернильным карандашом на ладони. Периодически проводится переключка, так что отойти от О. опасно. Время от времени в О. вспыхивают ссоры, даже драки. Напряжение постепенно спадает с приближением к прилавку — внимание сосредотачивается на покупке.

Социальный состав и структура О. отражают дифференцированный характер советского общества: за продуктами и товарами стоят люди, находящиеся на самой низкой ступени советской социальной лестницы: рабочие, рядовые служащие и безымянные инженеры, учителя, врачи — все, кто лишен привилегии "отовариваться" в закрытых магазинах и при распределении продуктов на предприятии (если таковое существует). Здесь же занимают места сельские жители, приехавшие в город за сотни километров — поодиночке или организованно, в служебных автобусах.

В О. все эти люди усредняются, их характеры и вкусы нивелируются, всякая индивидуальность подавляется. Если удастся приобрести желанную вещь, все в одинаковой мере радуются, если нет — кончился товар, закрыли магазин — в равной степени испытывают обиду, разочарование, раздражение. О. необходимы властям: тонко продуманный и хоро-

организованный недостаток продуктов и товаров (даже если они есть) подавляет общественное недовольство надежнее, чем полицейский надзор и административный контроль.

О. помогает создать эрзацы социального удовлетворения: гражданская и политическая ущемленность искусно компенсируется гордостью от сознания достигнутой цели — приобретения "дефицита". Покупка вещей становится подвигом, выделяющим обездоленного советского человека среди других, еще более обездоленных.

В О. вырабатывается свой специфический язык: "выбросили" значит поступило в продажу; "досталось", "не досталось" — хватило или не хватило; "выстоять очередь" — приобрести покупку; "оторвать" — купить; "занять очередь" — определить свое место в ней...

На базе слова О. возникают новообразования. Одно из последних — его еще нет в советских словарях — "очередник". Так называют человека, много лет ожидающего получения квартиры. Стать "очередником" непросто, это длительная и сложная процедура. Нужно представить множество бумаг, рекомендации дирекции предприятия, парткома и месткома, нужно пройти бесконечные комиссии жилуправления и райисполкома, подтверждающие, что проситель квартиры действительно нуждается в приобретении или расширении жилплощади и т. д. Только в том случае, если он ютится в каморке или у него много детей и больные родители, или он член творческого союза, его внесут в длинный список административной О., и он станет очередником. Еще год-два (в крайнем случае 10—20 лет), и ему выпадет счастье — он получит квартиру.

ПРИМЕРЫ:

"В общем так получается: принимают сейчас в райсобесе только четыре дня из рабочей пятидневки, да и то лишь с 9 часов до 13. Вот вам и очереди". ("Известия", 13 октября 1983, с. 2.)

"Чем крупнее магазин, тем больше в нем народа, а значит длиннее очереди". ("Известия", 12 января 1984, с. 2.)

”Я тоже живу вблизи ювелирного магазина и вижу очереди, выстраивающиеся за 2–3 часа до открытия, а наиболее рьяные из покупателей даже ночуют в расположенных рядом телефонных будках”. (“Комсомольская правда”, 16 октября 1980, с. 4.)

ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО — представление должностным лицом завышенных сведений или утаивание недостатков в работе учреждения.

Представляет собой комбинацию слов ”втирать” и ”очки” — ”обмануть, ввести в заблуждение”. О. распространено весьма широко и порождается различными причинами: бездеятельностью, перебоями в снабжении предприятий сырьем, нереальностью государственных планов. В любом из этих случаев руководителя ждет наказание. О. позволяет ему отдалить расплату, а иногда и вообще ее избежать. Поэтому, хотя О. и считается преступлением, оно распространено чрезвычайно широко.

Как социальное явление О. вошло в советскую жизнь в конце 20-х годов. Курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства и трудности в ее проведении побудили ответственных за нее работников представлять в ЦК ложные сведения, подтверждающие правильность политики партии в деревне, а заодно и заслуги того, кто этим занимался. Постепенно выработывалась традиция: ”Сверху” — принудительно навязывались решения, программы и планы; снизу — представлялись фальсифицированные отчеты об их успешном осуществлении.

Официально О. всегда осуждалось и относилось к ”пержиткам капитализма”. Неофициально — в О. заинтересованы все: от рабочего и директора предприятия до генерального секретаря ЦК КПСС, спокойно вставляющего в свои отчеты заведомо ложные сведения.

О. и в экономике, и в идеологии давно стало неотъемлемой частью жизни руководства, традицией с хорошо отлаженным механизмом действия. Каждое советское учреждение — завод, колхоз, исследовательский институт — привыч-

но манипулирует ложными цифрами: сведениями о выполнении плана и о повышении производительности труда, об экономии сырья и эффективном использовании трудовых ресурсов. Эти данные поступают из нижестоящих организаций в вышестоящие, которые, пользуясь ими, с гордостью рапортуяют о выполнении и перевыполнении. В конечном счете эти данные попадают в государственный план, включаются в партийные директивы и — в качестве узаконенного национального О. — рассылаются по стране для руководства и исполнения.

На местах начальство, конечно, пытается выполнить план. Но, как правило, это не удается, ибо план, составленный на основании фиктивных данных, нереален. И тогда, чтобы избежать наказания и получить премию, делаются новые приписки — начинается второй круг О. Партийное руководство, разумеется, знает, что представленные отчеты фальшивы, но принимает и покрывает их, ибо ему в свою очередь надо рапортовать "наверх" об успехах и достижениях...

Об О. советская пресса пишет редко, всегда представляя его в виде "одиночных случаев". Еще реже виновных наказывают: либо случай уж очень скандальный, либо пришло время показать, что партия борется с злоупотреблениями и коррупцией.

Массовое же О. неистребимо, поскольку является составной частью поступательного движения к коммунизму. Неудивительно, что оно процветает во всех областях советской политической, социальной и духовной жизни.

ПРИМЕРЫ:

"Стремление урвать у государства побольше, а дать ему поменьше, разгильдяйство и бесхозяйственность на производстве, мелкая корысть, уклонение от ответственности перед обществом несовместимы с советским образом жизни. Подобные изъяны нередко ведут к обману, очковтирательству, воровству, хищению социалистической собственности". ("Коммунист", 1979, № 5, с. 30.)

"После очередного провала плана бывшие директор Гончаренко, главный инженер Мерзон при бесконтрольности партийной организа-

ции решили вывести свое предприятие в "передовые" путем очковтирательства". ("Партийная жизнь", 1980, № 4, с. 77.)

"Журнал "Сельский механизатор" в прошлом году (номера 6 и 7) уже писал о фактах очковтирательства в Гагаринском райобъединении". ("Крокодил", 1979, № 18, с. 4.)

”П”

ПАРТИЕЦ — член коммунистической партии.

Появление в 20-х годах слова П. было связано с усилением социального расслоения в СССР. К официально признанным сословиям советского общества — преданным режиму рабочим, сочувствующим ему батракам, отчужденным и недовольным крестьянам, враждебному духовенству — добавилась привилегированная надстройка нового правящего класса — члены партии, ”партийцы”.

Выражая как будто одно и то же понятие, П. и ”член партии” не вполне адекватны по значению. П. в 20—30-е годы означало не только членство, но и нечто большее — принадлежность к ”избранным”, свидетельство благонадежности человека.

В ходе развития советского общества отношение к П. меняется: по мере того, как партия становится все более массовой, из нее выделяется правящий класс, образующий

особую, замкнутую группу. В результате рядовой П. теряет свое привилегированное положение, а слово — первоначальную окраску; оно начинает обозначать всего лишь принадлежность к коммунистической партии. Постепенно П. вытесняется из лексикона словосочетанием "член партии" и сохраняется лишь в пропагандистском обращении.

Членство в коммунистической партии само по себе еще не вводит человека в правящий круг, не дает ему ни благ, ни привилегий, хотя и служит известным свидетельством лояльности режиму. Многие члены коммунистической партии столь же бесправны, как и советские граждане вне ее.

Разные обстоятельства приводят их в эту организацию. Одни попали в нее в соответствии с планом, спускаемым партийным руководством: было предписано принять в ряды партии некоторое количество "передовых трудящихся" — и определенному числу рабочих, крестьян и интеллигентов просто предложили подать заявление о приеме. Отказаться от вступления в партию практически невозможно, тут же возникнет вопрос: почему? Если человек не сможет дать вразумительный ответ, он на многие годы потеряет доверие властей, а вместе с ним — и спокойную жизнь. И советские люди вынуждены вступать в партию, зная, что их ждет: долгие часы сидения на собраниях, обязательные для члена партии общественные нагрузки, членские взносы.

Другая категория людей рекрутируется в партию в соответствии со своим служебным положением. Каждая руководящая должность в СССР жестко привязана к определенной ступени партийной иерархии: министру надлежит быть членом (или кандидатом) ЦК партии; начальнику крупного управления или треста — членом городского или районного комитета; главному инженеру, ведущему конструктору, видному ученому — как минимум, членом партии. И не для того, чтобы сделать карьеру (хотя принадлежность к партии есть неременное ее условие), а просто чтобы удержаться на месте.

Есть, разумеется, и немало людей, которые вступают в партию, движимые честолюбием, надеждой продвинуться

и т. п. Очень скоро они убеждаются, что членство в партии вовсе не служит пропуском в советское высшее общество. Должны пройти годы, прежде чем человеку удастся зарекомендовать себя соответствующим образом. Лишь тогда шлагбаум, отделяющий массу от господствующего класса, может чуть-чуть приподняться.

Таким образом, партия оказывается своеобразным чистилищем, через которое советскому человеку надлежит пройти, чтобы получить возможность сделать карьеру. Но для этого ему придется отказаться от собственного мнения и самостоятельных суждений, усвоив беспринципность и цинизм.

ПРИМЕРЫ:

"Самокритично обсуждали партийцы вопросы организационно-партийной работы". ("Партийная жизнь", 1983, № 21, с. 43.)

"...для того, чтобы на деле быть активным идейным борцом партии, каждому партийцу нужно настойчиво повышать свой политический уровень..." ("Партийная жизнь", 1983, № 22, с. 12.)

"В ленинградском производственном объединении "Звезда" можно часто видеть рядом двух партийцев". ("Партийная жизнь", 1983, № 23, с. 6.)

ПАРТИЙНОСТЬ — принцип классовой обусловленности научных теорий и художественного творчества.

Используется для обоснования и утверждения коммунистического руководства и марксистской направленности мировоззрения, духовной и политической жизни.

Понятие П., выдвинутое Лениным в 1905 в статье "Партийная организация и партийная литература", вначале применялось только для оценки пропагандистской литературы. Требовалось, чтобы она была подконтрольна партийным организациям и сохраняла верность партийной программе (Ленин. Собр. соч., т. 16, с. 293). После октябрьского переворота концепция классовой и идейной тенденциозно-

сти (детерминированности) была перенесена на все искусство — современное и прошлое, пока не стала трактоваться (1932 г. — статья А. Луначарского "Ленин и литературоведение") как универсальный критерий оценки любых социальных явлений.

П. требует, чтобы человек воспринимал и оценивал действительность через призму коммунистических идеалов и интересов коммунистической партии. В "витрине" П. мир предстает не таким, как он есть — многообразным и противоречивым, а в том виде, как он видится коммунистам — лишенным свободы и духовного поиска. Создается система мифов: человек замыкается в мире особых реальностей, выраженных в партийных лозунгах, происходит стерилизация нравственных ценностей. Социальные явления, лежащие вне этих рамок, ему неизвестны и непонятны — они не укладываются в систему.

Объективно — вне коммунистического мировосприятия — П. не существует. Однако в Советском Союзе она действительнее реальности и действует в самых различных сферах жизни советского общества через отработанные идеологические рефлексy.

В науке, например, П. привела к тому, что о ценности исследовательской работы стали судить не по умению поставить опыты и осмыслить их результаты, не по смелости выдвинутых в ней гипотез и обоснованности прогнозов, а исключительно по соответствию ее выводов канонам марксистского учения.

П. широко вошла в общественное обращение для объяснения и оправдания репрессий. Борьба за П. в биологической науке, развернувшаяся в Советском Союзе после второй мировой войны, привела к разгрому многих исследовательских учреждений и изгнанию из них крупнейших ученых. Опустошения во имя П. затронули все области знания: политэкономия, психологию, историю, социологию. Менее заметны они были в физике, где военные соображения вынудили власти предоставить ученым-естествоиспытателям некоторую свободу эксперимента. Но и здесь

П. вела войну, обвиняя в идеализме теорию относительности, квантовую физику и кибернетику, объявленную вообще буржуазной наукой.

Экстраполяция П. на художественное творчество привела к появлению сложной системы идеологических запретов. Правда в искусстве была отчуждена и противопоставлена истине. Было объявлено, что истина отражает единичные, случайные факты жизни, тогда как правда — дает их целостное и полное ("типическое") изображение. Иначе говоря, правдой становится истина, возведенная в ранг коммунистической идеи. На деле правдой провозглашается только то, что признано таковой в передовых статьях газеты "Правда"; все, чего в них нет, не более чем мелкие истины.

В результате такого сугубо утилитарного подхода к искусству, механического перенесения в эстетику категорий догматического материализма художественное творчество стало рассматриваться как участок партийной работы. Сообразно со спецификой для него были выработаны определенные правила — "законы" социалистического реализма. Вне этих правил, а стало быть, за пределами официального искусства, оказались структурный анализ, интимная лирика, сатира, абстрактная живопись и конкретная музыка...

Произведения многих блестящих советских художников, пытавшихся мыслить вне категории П., были осуждены, преданы забвению и растоптаны. Среди жертв П., принужденных к изгнанию или молчанию — Ахматова, Цветаева, Зощенко, Пастернак, Солженицын и сотни других, известных всему миру живописцев, поэтов, писателей, режиссеров, музыкантов.

Требование П. лишает художника в Советском Союзе права на индивидуальность, оставляя ему единственный выбор: служить (вернее — прислуживать) партии или отказаться от творчества. И советские писатели, спасаясь от "партизации" их творчества, уходят в жанры, где воздействие партийно-правительственных директив как будто менее ощущается — в переводы, национальный эпос, фольк-

лор. Но тщетно: история в советском искусстве имеет право на существование только как повернутое в прошлое коммунистическое настоящее. За этим "бдительно" следят сотни советских организаций и, прежде всего, — отделы идеологии и науки ЦК. Без их одобрения и рекомендации ни одно произведение в Советском Союзе не будет напечатано, ни один спектакль (симфония, опера, фильм) не выйдет в свет.

Основная идея П. — утверждение права партии руководить общественной деятельностью в любых ее формах: политической, производственной, интеллектуально-художественной. В международной жизни этот принцип выразился в универсализации опыта Октябрьской революции. Догматизация этого опыта, насильственное насаждение его в государствах Восточной Европы (в странах с другой, чем Россия, социальной структурой и с иным историческим опытом) привели к массовым судебным процессам (Костова — в Болгарии, Гомулки — в Польше, Райка — в Венгрии, Патраскяну — в Румынии, Сланского — в Чехословакии) и к чудовищному экономическому развалу.

П. в политике выразилась в отлучении от коммунизма Югославии — ее руководители были объявлены фашистами. Во имя сохранения и святости постулатов П. Брежнев в 1968 г. танками давил чехословацких коммунистов, искавших для своей страны собственную "модель социализма", а спустя десять лет вторгся в Афганистан, принуждая государство, находившееся вне социалистического лагеря, принять нормы советской политической жизни.

П., таким образом, есть диктатура коммунистической партии в действии. Диктатура, охватывающая все сферы жизни и проводимая любыми средствами.

ПРИМЕРЫ:

"Эта победа — результат утверждения и развития демократических принципов партийной и государственной жизни; значительной перестройки идеологической работы на основе принципов партийности, классовости, научности, гласности...". ("Агитатор", 1983, № 14, с. 12.)

”Партия талант ценит. Но ни в коей мере этот талант не должен поступаться ленинскими принципами партийности и народности литературы”. (“Партийная жизнь”, 1983, № 17, с. 64.)

”Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы”. (В. И. Ленин. Собр. соч. 4-е изд., т. 1, сс. 380–381.)

ПАРТИЙНЫЙ РАБОТНИК — сотрудник одного из многочисленных руководящих учреждений коммунистической партии (от районного комитета до центрального).

В Советском Союзе действует широкая и разветвленная система учебных заведений, готовящих специалистов по партийной работе. Для партийных работников союзного масштаба — высшая партийная школа и Академия общественных наук в Москве, для партийных работников местного значения — партийные школы в республиках. На партийную работу рекрутируются также выпускники университетов и школ КГБ и МВД, Дипломатической академии и Института внешней торговли.

Партийная работа — самый надежный способ сделать в Советском Союзе карьеру. Перед партийным работником раскрываются чрезвычайно широкие перспективы. Ему обеспечены высокая зарплата, многие права и привилегии. И при этом гарантирована возможность перейти со временем в любую другую сферу — дипломатическую, экономическую и т. д. Конвертируемый курс партийного работника очень высок: инструктор райкома котируется на уровне управляющего крупным главком, горкома — имеет хорошие шансы стать заместителем министра.

Подобная передислокация имеет ряд достоинств, но связана с определенными издержками. Скажем, приближение к сфере производства (а стало быть, к материальным благам и источникам перераспределения подпольного капитала) дает бывшему П. р. возможность очень быстро разбогатеть. Однако — оборотная сторона медали — человек оказывается

вне привилегированной партийной касты. Это значит, что он вынужден заниматься конкретным делом и за что-то отвечать.

Правда, если он сумел сохранить старые связи, у него всегда будет шанс, что при очередной раскладке номенклатуры его вспомнят и вернут в партаппарат. Перейдя на следующий виток спирали (например, став инструктором ЦК), он может вновь проситься на "самостоятельную" партийную работу. И тогда его ждет уже секретарство в обкоме партии. Секретарь же обкома — партийная элита. А это предполагает и членство в ЦК, и депутатство в Верховном совете. Сумеет секретарь обкома (горкома) представить работу вверенного ему участка в нужном свете, проявит исполнительность, научится предугадывать "высокие" желания — его ждет большая карьера. Из удельного князька, генерал-губернатора области, он всплывет в подмонархи — заведующего отделом или даже секретаря ЦК. А там уж, если не увязнет в рискованных интригах, дорастет когда-нибудь и до члена Политбюро. А это в некотором смысле прижизненное бессмертие: титул вождя, портреты на демонстрациях, почетный президиум, долго не смолкающие, переходящие в овацию аплодисменты...

Конечно, это всего лишь схема движения, абстрагированная от частных случаев. Нередко именно частности — неумение или неспособность сработаться с начальством, определенная политическая конъюнктура — сбрасывают партийного работника с партийных подмостков в неизвестность.

И те из инструкторов ЦК, кто поумнее, не хотят искушать судьбу. Наученные ошибками коллег, они решают сойти с партийной карусели. К этому шагу обычно готовятся долго и тщательно. Используя бесконтрольную власть и неограниченные права, инструктор обзаводится кандидатской, а затем и докторской степенью. И выждав, пока откроется добротная вакансия, он становится директором крупного научно-исследовательского института.

Через некоторое время срабатывает очередь (и старые партийные связи), и новоиспеченный деятель науки стано-

вится членом Академии наук СССР. Это уже само по себе достаточно хорошо, но не исключено, что академика, выросшего на партийной работе, вновь призовут в ЦК. В этом случае самое меньшее, что его ждет, — заведование отделом или секретарство... Таковы некоторые комбинации па-сьянса, выводящего партработника на вершины власти.

Партийная карьера обычно привлекает людей, не умеющих и не любящих работать систематически. Кадры партийных работников всех уровней рекрутируются из дилетантов — дипломы чаще всего прикрывают невежество. В эту среду устремляются неудавшиеся инженеры, бесталантные журналисты, несостоявшиеся ученые. И дело тут не только в исходных качествах человеческого материала, как бы специально скроенного для партийной работы, но в особенностях самого процесса вхождения в партократию. Она открывает свои двери только тем, кто готов отказаться от профессиональных навыков во имя партийных.

Разумеется, может случиться, что секретарем местной комсомольской или партийной организации станет неплохой специалист. Но специфика партийной работы в том и состоит, что она отчуждает человека от функций специалиста. С того момента, как человека назначают П. р., все его внимание и активность начинают вращаться вокруг одного стержня — лозунгов и призывов. Он всегда должен пребывать в состоянии нездоровой активности; постоянно к чему-то призывать, за что-то неизменно бороться, кого-то убеждать и разоблачать, выступать как можно чаще, пережевывая передовицы газет, правительственные постановления, партийные инструкции.

У партийного работника невысокого ранга, загнанного в теучку, постоянно мчащегося с одного совещания на другое, просто нет времени углублять образование. Даже неплохой специалист постепенно дисквалифицируется и через несколько лет уже держится за партийную работу как за единственную возможность утвердить себя в обществе. Если он сорвется тут, путь назад — в производство, в науку и т. д. — будет мучительным и трудным. То, чему он учился,

забылось, пока он переползал с одной партийной ступеньки на другую; его место давно занято. Таким образом, он готов на все, чтобы не выпасть из системы, из круга партократии. Очень скоро он убеждается, как важно для этого не высказывать сколько-нибудь самостоятельных мыслей, жертвовать принципами во имя директив, убеждениями — ради циркуляров.

В результате все, что составляет суть и ценность человеческой личности, теряется — и должно быть потеряно — на пути к власти. Но человеческая личность, как и природа, не терпит пустоты. П. р. тешит свое тщеславие тем, что ему еще доступно — партийной карьерой. В жертву ей приносятся остатки чести и совести. И когда П. р. наконец вырастает до уровня, на котором принимаются решения, уровня, определяющего жизнь других людей, он уже закаменел в эгоцентризме. Теперь он просто не в состоянии здраво воспринимать и верно оценивать все, что находится за пределами его честолюбивых устремлений. Ум его полностью поглощен интригами, попытками сохранить иллюзорное равновесие в системе ниже- и вышестоящих. Он вынужден постоянно балансировать, чтобы что-то не упустить, не сделать ложного шага. Все его мысли и чувства заняты карьерой. Что касается желудка, то к его услугам особые магазины. Так что об обычной жизни он судит лишь по обрывкам воспоминаний да по фальшивым статьям в газетах. Если вдруг к нему проникает истинная информация, он торопится избавиться от нее как можно скорее и решительнее, ибо она может привести к пробуждению совести. В системе социальных переменных, в которых вращается П. р., это чревато опасностями.

Вот почему надо крайне осторожно относиться к возможности пробуждения личности П. р. Апелляции к добру, справедливости, ссылки на нищету и страдания народа, даже национальные мотивы — все это обычно не действует. В понимании П. р. эти категории бессмысленны и опасны, потому что его логика — это логика человека, руководствующегося совсем иными соображениями, опирающе-

гося не на разум и даже не на здравый смысл, а на иррациональные критерии марксистско-ленинской философии.

От малости знаний и узости кругозора П. р. до предела самонадеян. Единственный авторитет для него (кроме, разумеется, "мнения" начальства) его собственное "Я". Он вовсе неподотчетен общественному мнению, поскольку такой категории в СССР не существует. Его характер и его мотивы — единственное, от чего зависят человеческие судьбы. В Советском Союзе только П. р. решает, все остальные сидят в зале или стоят за кулисами, как в театре одного актера. Он — ведущий, прочие — масса. Неудивительно, что в этих условиях политика часто превращается в психологию, а общественные процессы — в нечто иррациональное, определяемое непредсказуемыми побуждениями одной личности или нескольких личностей сходного облика.

Рядовому П. р. надлежит походить на бакланов, которых используют при ловле рыбы. Вокруг шеи птицы завязывается веревка, позволяющая ей дышать, но мешающая заглатывать рыбу. Понятно, что птица послушно приносит добычу в лодку хозяина. Время от времени, в часы кормления, веревку на шее ослабляют, и тогда баклан может захватить рыбку-другую для себя.

Вышестоящие инстанции с пониманием относятся к тому, что партфункционер иногда отхватывает кусок социального пирога, который по положению для него велик — солидную взятку, например. Строго говоря, это даже похвально: П. р., не берущий взятку, подозрителен. В принципе это ему простят, но при условии, что он будет соблюдать священное и незыблемое правило: питаясь и кормясь из двух рук — коммунистической олигархии и черного бизнеса, — он должен быть предан лишь одному господину — коммунистической олигархии. Ее он должен боготворить, ей подчиняться безоговорочно. Вопреки расхожим представлениям, принадлежность человека к партократии не означает, что он обязан неукоснительно исполнять каждое указание. Главное, чтобы при решении любого вопроса он исходил из интересов сохранения власти элиты.

Одна из важнейших особенностей партийной работы — постоянное накопление привилегий, которые уже сами по себе способствуют усилению власти. Иначе говоря, власть обладает кумулятивным действием: чем большей властью располагает человек, тем больше у него возможностей ее расширить.

Власть и тяга к власти составляют сущность партийной деятельности. Принципы, убеждения, идеи — всем этим П. р. может легко поступиться — и поступается, когда возникает надобность. Отрекаясь же от власти, он отрекается от самого себя, теряет все и низводится на самое дно социальной жизни. В этом смысле коммунисты — не хозяева собственных решений, задача сохранения власти диктует им мотивы и поведение.

Легко заметить, что такая система социальной иерархии очень напоминает монархию, но монархию непросвещенную, абсолютную, ведь независимостью в СССР не обладает никто. Лишены ее и представители правящего класса: они скованы друг с другом прочной цепью круговой поруки и вместе противостоят враждебному окружению народа.

ПРИМЕРЫ:

“Было послано в деревню на помощь колхозам 17 тысяч партийных работников для работы в политотделах”. (История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, 1950, с. 303.)

“Общение с трудящимися, отмечал Л. И. Брежнев, обогащает партийного работника, укрепляет его связь с жизнью, помогает, как говорят, из первых рук узнавать замыслы, интересы, нужды людей”. (“Коммунист”, 1980, № 17, с. 24.)

“Женщина — министр, женщина — космонавт, женщина — депутат, директор, руководитель, партийный работник”. (“Бакинский рабочий”, 28 февраля 1984, с. 3.)

ПАРТИЯ — коммунистическая партия Советского Союза.

В этом значении слово стало использоваться с тех пор, как были ликвидированы все другие партии, существовав-

шие в России в первые годы прихода большевиков к власти. Естественно, что с установлением в СССР однопартийной системы отпала надобность называть советскую компартию "коммунистическая партия", "большевицкая партия" или "партия нового типа".

В процессе формирования советского языка из него постепенно вытеснялись все другие значения слова П. ("группа людей, собранных вместе", "определенное количество товара", "игра в шахматы", "отдельно выписанная роль в оркестровом или оперном произведении", "женитьба" и т. д.) Теперь они выявляются только в контексте: шахматная партия, оркестровая партия, партия товаров и пр. Отдельно или вне контекста П. обрела только один смысл — КПСС. Это не случайно: советская пропаганда стремится элиминировать из сознания народа самую мысль о том, что в Советском Союзе могут существовать (или когда-то существовали) другие партии, что КПСС — лишь одна из возможных политических альтернатив.

В Советском Союзе П., затем ее аппарат и, наконец, руководители присвоили себе право решать все социальные проблемы без трудящихся и против трудящихся.

КПСС — действительно правящая партия нового типа. Она функционирует в СССР по законам подполья, сохраняя организационные формы, выработанные еще Лениным для нелегальной политической организации слаборазвитой страны, только начавшей освобождаться от оков самодержавия. П. и сейчас напоминает масонскую ложу, действующую на основе тайных инструкций — "закрытых писем", постановлений и распоряжений, "не подлежащих оглашению" и имеющих куда большее значение, чем законодательство.

Совершенно необычно и пропагандистское оформление П. В сознание советских людей ежечасно вбивается идея о единстве П. и народа, их неразрывной связи; средства массовой информации без конца повторяют, что П. бесконечно близка духовным устремлениям населения. При такой интенсивной обработке действительно нет необходимости объяснять, что речь идет о компартии.

Полное наименование — "Коммунистическая партия Советского Союза" — встречается главным образом в официальных документах. Напротив, замена полного титула нарочито простым П. придает слову некоторую интимность, которая призвана стимулировать у советских людей любовь и преданность своей "родной" П. Это отнюдь не мешает постоянно подчеркивать особое место П. в жизни государства и общества, ее руководящую роль и неограниченную власть.

Чтобы обосновать противоречащее конституции полномочию КПСС, пропаганда насаждает культ П. Ей приписывается особое значение в жизни России и всего человечества. Октябрьский переворот представляется событием космических масштабов, результатом огромного опыта, большого и сложного боевого пути, пройденного П. Смена режима в России объявляется следствием мудрой и дальновидной политики П.; разгром оппозиции — историческим достижением П. Победа в войне с фашизмом приписывается почти исключительно П., ее могучей организующей и мобилизующей деятельности; превращение отсталого государства, каким изображается царская Россия, в великую державу, тоже, конечно, связывается с великой и мудрой П., бесконечно преданной интересам народа.

О П. говорится исключительно в превосходной степени. Это она обеспечивает мир во всем мире, владеет тайной глубокого понимания объективных законов развития природы и общества. П. отождествляется со всем положительным, что сделано, делается или может быть сделано в будущем. Характерно, что при этом подчеркиваются такие необычные для П. качества, как всезнание, всевидение, всемогущество. П. наделяется "животворной" силой, особыми нравственными свойствами. Она передовая, ведущая, правдивая, требовательная, самоотверженная, железная, закаленная в боях. ореол сверхъестественности предполагает, что граждане государства должны не просто уважать или любить, а именно боготворить П. Отсюда такие эпитеты, как "любимая", "родная", "дорогая".

В советском понимании П. — нечто, далеко выходящее за рамки политической организации. Она — сила, стоящая над обществом. Только она обладает монополией абсолютного знания истины.

П. не идентифицируется с ее членами и даже лидерами. Люди, составляющие партию, в том числе и вожди, приходят и уходят, они могут допускать просчеты и ошибки, а иногда преступления, но П. вечна, она не ошибается, ибо П. — феномен высшего, божественного порядка, абсолютный разум — "ум, честь и совесть нашей эпохи".

Поскольку П. есть высшее выражение мудрости, добра и справедливости, то и на ее руководителей падает отблеск ее божественных добродетелей. Им гарантирована правота, историческая прозорливость; им, как и П., известны пути развития человечества.

С возникновением советского режима религия была объявлена опиумом народа. Бог был свергнут и повергнут, а с ним уничтожена и вера в сверхъестественные силы. Кажется, наступила эра материализма и управления обществом на основе объективных законов, без всякого участия чудес.

Ничего подобного. Коммунистическая система очень скоро убедилась в своей полной неспособности управлять человеком без "опиума". Потребовался новый абсолют, который освящал бы власть и методы ее правления. Новой теократии, враждебной всему человеческому в человеке, был необходим культ, обосновывающий ее претензии на руководство. Центральной фигурой этого культа, его верховным божеством и стала П. Когда культ П. оказался недостаточным, он был заменен культом ее вождя — Сталина.

Но при всем старании советской пропаганды вскоре обнаружилось, что без П., без выступающего от ее имени колоссального аппарата (партийного, чекистского, военного — в зависимости от политических зигзагов коммунистической истории) управлять тоталитарным государством никакая личность не в состоянии. За Сталиным всегда стояла мистическая тень П., и Сталин мог стать Сталиным лишь потому, что партийная идеология создавала в совет-

ском обществе людей — целый класс — со сталинскими социальными инстинктами. Культ личности Сталина оказался, в сущности, формой безличного культа П. И необходимость освящения власти тех, кто пришел на смену ему, заставила вновь возродить культ П.

Правда, новые советские правители стали осторожнее. Допуская, что отдельные руководители (они говорили: "личности") могут ошибаться. Поэтому решено было направить народную веру на нечто безличное, но всесильное — П., воплощением которой и являются они, руководители.

Так в Советском Союзе был заложен фундамент новой религии, заменившей веру в потусторонний мир верой в П., которая творит сверхъестественное в мире реального ("мы рождены, чтобы сказку сделать былью", — как поется в советской песне). В этой религии появилась и своя "непорочная" троица — Маркс, Энгельс, Ленин, книги которых были признаны библией П.

Освященные величием этой "троицы" и ее учением, приходили к власти "апостолы" — Хрущев, Брежнев, Андропов и совсем недавно Черненко: служащих им "ангелов" представлял разветвленный и развращенный партаппарат. Незаполненным местом в коммунистической религии остается пока только преисподняя. Коммунистические руководители никак не могут решить, отдать ли ее "грешному" Сталину, вообще ли изъять из вероучения, как несоответствующую марксистским представлениям, или сохранить в утрашение будущим вождям.

В отличие от христианских апостолов, новым, коммунистическим, ничто человеческое не чуждо. Им дозволено совершать ошибки и преступления, П. всегда выступит в роли их спасителя и укрывателя. Нетрудно видеть, что в новой "религии" марксизм уподоблен старому завету, ленинизм — новому, а оба вместе объявлены "великим достижением человеческого духа". П. — наследница "троицы" — наделена высшей мудростью и выступает как выразитель интересов и чаяний трудящихся, т. е. той части человечества, которая якобы стремится вырваться из дья-

вольской власти капитала и вступить в божественное царство коммунизма.

С первых же дней прихода П. к власти у нее появились своя инквизиция и свои инквизиторы: КГБ и гебисты (раньше — ЧК и чекисты) и свои миссионеры — идеологи, которым доверено решать, что правильно, а что нет в мыслях и действиях советских людей. За ними, как когда-то за отцами церкви, закреплено право осуждения, отлучения и расправы.

Согласно уставу П., из ее рядов можно выйти. Однако добровольное членство в П. — фикция. Уход из партии — преступление, влекущее за собой гражданскую казнь, а затем и изгнание из общества. Тем самым страшный грех становится смертным грехом.

Право решать кому быть (и не быть) в государстве у власти принадлежит П. Это право реализуется с помощью "чисток": за неполные 70 лет пребывания КПСС в Кремле из нее были изгнаны миллионы членов — в десятки раз больше, чем она насчитывала в канун октябрьского переворота.

П. создала и свои "храмы". Богатейшие и наиболее заметные здания в СССР — партийные комитеты. Самый почитаемый ее алтарь — ленинский мавзолей в самом центре советской столицы. На поклонение сюда ежедневно стекаются десятки тысяч обманутых (а чаще просто любопытных и скучающих) советских людей.

Любовь к П., преданность ей и преклонение перед нею — излюбленная тема советской пропаганды, ловко сочетающей восторги перед П. с угрозами всем, кто отступит от ее "заветов".

Слово П. породило множество советских неологизмов: "партийный", "партийность", "партиец" и т. п.

ПРИМЕРЫ:

"В период зрелого социализма национальная политика партии, интернациональное воспитание масс приобретают ряд новых черт и особенностей". ("Проблемы мира и социализма", 1980, № 1, с. 6.)

”Под руководством коммунистической партии трудящиеся нашей страны успешно претворяют в жизнь величественные задачи, поставленные XXV съездом КПСС”. (“Агитатор”, 1979, № 1, с. 21.)

”Коммунистическая партия Советского Союза на добровольных началах объединяет передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР”. (“Коммунист”. Календарь-справочник 1977 г. М., Изд. политической литературы, 1976, с. 36.)

ПАТРИОТИЗМ — нравственный принцип, призванный характеризовать отношение советских людей к коммунистической системе.

Как общественное явление пропаганда относит П. к сфере социальной психологии. Его оценка в категориях морали определяется в зависимости от конкретных общественно-экономических условий. При этом подчеркивается, что в эксплуататорском обществе (а так характеризуется любое некоммунистическое общество) П. ущербен и внутренне противоречив: любовь к отечеству сочетается в нем с ненавистью к господствующим порядкам.

Согласно советской версии, патриотические чувства народа отличаются известной цельностью только в периоды исторических катаклизмов. Но и тогда, во имя уничтожения ненавистной им системы, трудящиеся массы вправе (и более того — обязаны) выступать против национальных и государственных интересов. Иными словами, в дилемме ”родина — классовая выгода” коммунисты отдадут безусловное подпочтение последней. Отсюда политический лозунг: ”У пролетариата нет своего отечества”.

Правда, эта идеологическая формула имела хождение только до тех пор, пока у коммунистов не появилось их собственное тоталитарное отечество. С той поры П. превратился в принцип общенародный и однозначно положительный, свое высшее выражение он находит в служении коммунизму. Но самое поразительное: с этого момента интересы отечества стали поразительным образом совпадать с устрем-

лениями международного рабочего движения, а заявление "у пролетариата нет своего отечества" приобрело совсем иной вид: "отечество мирового пролетариата — Советский Союз".

В результате П. стал идентифицироваться с коммунистическим интернационализмом, которому раньше противопоставлялся. Эта подмена совершилась в начале второй мировой войны, когда советскому руководству пришлось срочно призвать на помощь П. (предварительно реабилитировав его и освободив от старых связей) для защиты коммунистического государства.

П. сразу же приобрел в СССР характер великодержавного шовинизма. Советским людям внушали идею превосходства над другими народами. Прошлое России срочно реабилитировалось, исторические параллели использовались для обоснования коммунистического экспансионизма. Вдруг обнаружилось, что не только борьба русских людей против монгольского ига, но и колониальное покорение Ермаком Сибири и завоевательские войны Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II были явлением прогрессивным, заложившим основы советского П. Русский П. как продолжение и развитие коммунистического интернационализма получил международный статус.

Понятно, что патриотическим считается лишь поведение, общественное или индивидуальное, соответствующее интересам Советского Союза. Например, одобрение другими коммунистическими лидерами советского вторжения в Чехословакию. Соответственно, антипатриотической именуется любая деятельность, направленная на защиту национального суверенитета от русских притязаний — скажем, движение сопротивления в Афганистане.

В пропагандной лексике П. часто употребляется с определениями типа "советский" (или "социалистический" — в значении "советский"). "Советский П." представляется как безоговорочная лояльность по отношению к партии и советскому государству. При этом национальные и человеческие чувства — любовь к родине, ее природе и культуре — под-

меняются политической преданностью коммунистическому строю, партии, правительству. Отождествляя понятие родины с советским режимом, коммунистическая идеология стремится вызвать у советских людей ненависть к любым проявлениям недовольства режимом.

Понятие "советский П." используется широко и произвольно. Оно включает и воинскую повинность, и участие в выборах, и выполнение производственных планов, и работу на колхозных полях, и выход на субботник. Соответственно антипатриотичным актом объявляется уклонение от воинской службы, отказ работать на износ, инакомыслие и даже браки с иностранцами.

Жонглирование термином "советский П." призвано замаскировать глубоко антипатриотическую сущность коммунистического строя и политики его руководства, которые привели страну к экономическому развалу и духовному обнищанию.

Затемняя национальную подоплеку явлений, коммунистические политики и советская пропаганда ввели в обращение словосочетание "массовый П.", связывая его с освоением целинных земель, строительством крупных промышленных объектов и т. д.

Весьма распространены созданные на основе П. пропагандистские клише "патриотическое начинание", "патриотический почин", "патриотическая инициатива", которыми обозначается очередное инспирированное властями "мероприятие" (сдача крови в медицинское учреждение, работа в выходные дни без вознаграждения и т. п.).

Таким образом, при всем многообразии оттенков слова П. (и выражений, производных от него) его идеологический смысл и социальное назначение однозначны: подменить общечеловеческое чувство любви к родине партийным эрзацем.

ПРИМЕРЫ:

"У советского человека патриотизм, преданность Отчизне неразделимы с любовью к социалистическому строю". ("Агитатор", 1983, № 22, с. 10.)

”С той же глубиной и серьезностью исследует автор и характеры советских людей, показывает, как в труднейший для Родины час проявился могучий дух высочайшего народного патриотизма”. (“Известия”, 14 октября 1983, с. 5.)

”Людей с ярко выраженным чувством патриотизма, интернациональной жилкой объединяет фонд мира...” (“Известия”, 26 сентября 1981, с. 3.)

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ — отдел госбезопасности на советских предприятиях и в учреждениях.

Тот же отдел в партийных комитетах называется ”общим отделом”, в системе армии и полиции — ”спецотделом”. На крупных военных заводах и в больших научно-исследовательских институтах, работающих на Министерство обороны, есть, как правило, оба отдела — и первый, и спецотдел.

У П. о. широкий круг обязанностей и большие права. Его сотрудники контролируют благонадежность работников предприятия, в частности — составляют анкеты, в которых отмечаются их политические взгляды, география зарубежных поездок, поведение за рубежом. Эти документы никогда не выдают и не показывают советским гражданам, а пересылают по требованию государственных органов через КГБ. Инспекторы П. о. хранят в сейфах — в особых журналах с пронумерованными страницами — характеристики служащих, имеющих ”допуск”, оформляют секретность и следят за ее соблюдением.

ПРИМЕРЫ:

”В 1917 г. в московском научно-исследовательском институте ”Гипроцветметобработка” один из членов партии выступил против переизбрания в партбюро начальника Первого отдела, человека с внешностью и повадками провокатора, явного ставленника КГБ”. (“Посев”, 1975, № 7, с. 47.)

”В каждом институте (не только в целиком засекреченных) есть так называемый Первый отдел. Сотрудники Первого отдела — сплошь агенты тайной полиции (иногда даже офицеры КГБ в высо-

ких чинах”). (Л. Владимиров. “Россия без прикрас и умолчаний”. “Посев”, 1969, с. 135.)

ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО — взгляды, нравы, традиции, распространенные в советском обществе, но противоречащие (в пропагандистском представлении) его социальному укладу и нравственным нормам коммунизма.

П. п., унаследованными от прежних социальных структур (феодальной или капиталистической — в зависимости от нужд пропаганды) объявляется широкий спектр человеческих поступков, мотивов, ориентаций: антисоциальных (жестокость, насилие, цинизм, хулиганство и т. д.) или антисоветских (безыдейность, аполитичность, карьеризм и пр.). При этом к категории П. п. относятся не явления, изжившие или исчерпавшие себя социально, а противоречащие идеологии режима.

Такое понимание П. п. вытекает из парадоксальности советского теоретического сознания. В его построениях демократический, индустриально развитый и социально высокоорганизованный Запад рассматривается как “прошлое”, “отжившее”, и его передовые идеи и принципы становятся “пережитками”, а неповоротливая, полуфеодальная советская общественная система и ее идеология, базирующаяся на архаичной, созданной более ста лет назад философии, объявляются “будущим”, вершиной прогресса.

Такое перевернутое мироощущение позволило советскому поэту сказать об Америке — родине научно-технической революции XX века: “стремился я на семь тысяч верст вперед, а уехал на семь лет назад”. Это же мировоззрение дает возможность оценить давно изжившее себя марксистско-ленинское наследие как доктрину, способную “определить направление социально-экономического и политического развития на долгие годы вперед...” (Материалы XXV съезда КПСС, с. 72).

Манипуляции с понятием П. п. нужны пропаганде для объяснения распространенных в советском обществе фе-

номенов поведения, не укладывающихся в типовые идеологические построения и противоречащие идеальным моделям: коррупции, ханжества, лицемерия, беспринципности, аморальности и т. п.

П. п. связываются обычно с существованием "капиталистического окружения" и влиянием, которое оно оказывает на сознание и поведение "отдельных" (следует читать: недостаточно советизированных) людей. Многие годы семантическим эквивалентом П. п. служило выражение "родимые пятна капитализма", объясняющее пороки советского общества его происхождением — тем, что оно вышло из "мира капитала".

В действительности П. п. имеет мало отношения к прошлому. Они порождены либо человеческой природой (например, стремление к материальному достатку), либо советской системой: пренебрежением к человеку, попранием норм демократии и гуманизма, неравенством, отсутствием элементарных свобод.

В последние годы коммунистическая пропаганда стала реже ссылаться на "родимые пятна", от которых советское "прошлое" отделено уже несколькими поколениями, и даже на "окружение", поскольку советские люди ограждены от него жесткой цензурой и наглухо закрытыми государственными границами.

Пришедшее им на смену объяснение П. п. отставанием индивидуального сознания от стремительно мчащегося вперед общественного бытия тоже все меньше удовлетворяет и тех, кто манипулирует в Советском Союзе пропагандой (партийный аппарат), и тех, кому это объяснение предназначено (народные массы). Первых оно не устраивает, поскольку не дает рецептов искоренения П. п., вторых — потому что не убеждает.

И коммунистическая пропаганда вынуждена обращаться к путанным и дуалистическим аргументам, в которых нет ни всей правды, ни полной неправды. П. п. связываются с противоречивыми тенденциями в развитии советского общества (что несомненно справедливо), но они будто бы не

имеют ничего общего с его природой и сущностью (что, разумеется, неверно). Социальные причины П. п. усматриваются сейчас в экономических трудностях ("временных"), в недостатках идейно-политической работы (которые призывают устранять), в нарушениях (непрерывно "отдельных") социалистической законности, отступлениях от партийной линии (виновные сурово наказываются).

Столь же непоследовательны и предлагаемые средства преодоления П. п.: тут обязательно фигурируют лозунги, призывающие к борьбе с буржуазными пережитками в сознании советских людей, борьбе с отсталым мировоззрением, к росту сознательности и убежденности, к усилению контроля над воспитанием личности и самоконтроля личности над собой (обязательно под руководством КПСС). Наконец, там же содержится и робкое требование устранять "объективные" (заложенные в самой коммунистической системе) условия возникновения П. п.: недостатки коммунистического производства, несовершенство управления и организации труда, недостаток бдительности. Внимание акцентируется на частностях, которые в принципе поддаются улучшению.

Правда, из этого объяснения не ясно, причем тут "прошлое" и о каких "пережитках" идет речь, но пропаганду это не смущает. Для нее главное — доказать, что П. п. никак не вытекают из природы и социальных основ системы. Это тем более важно, что именно система, как любил говорить Ленин, воспроизводит П. п. "ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе".

ПРИМЕРЫ:

"Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого. Известно, что у нас еще нередко дают себя чувствовать такие унаследованные от прошлого, чуждые социализму по своей сути социальные болячки, как недобросовестное отношение к труду, расхлябанность, недисциплинированность, стяжательство, различные нарушения норм социалистического общежития". ("Агитатор", 1978, № 17, с. 7.)

”Систематически, целеустремленно и непримиримо следует вести борьбу всеми средствами пропаганды и воспитания... за искоренение нередко бытующих еще в нашей жизни враждебных социализму уродливых пережитков прошлого...” (“Агитатор”, 1979, № 10, с. 4.)

ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ — человек, утративший в представлении властей марксистское мировоззрение и советские социальные черты под воздействием буржуазной идеологии.

Перерождение, как объясняет коммунистическая пропаганда, — результат непреодолимого противоречия между сознанием и бытием, отставания индивидуального сознания от общественного. В известной мере оно вытекает из марксистского представления об извечной порочности природы человека, которого только государственный контроль и общественное регламентирование удерживают в рамках необходимого коммунистам поведения: бездумной покорности, слепой исполнительности, рабского трудолюбия.

Что касается социального окружения, то оно, по утверждению советской пропаганды, вполне благополучное — социалистическое. Беда в том, что психология советской личности не поспевает за действительностью, отстает от нее, часто находится в плену ”пережитков прошлого” (мелкобуржуазных, частнособственнических и пр.), испытывает опасное, а порою и разрушительное влияние капиталистической психологии, страдает от буржуазных идеологических диверсий. Стоит партийному воспитанию утратить наступательный дух, а коммунистической агитации — ослабнуть, как сразу возникает опасность ”перерождения” советского человека, выпадания его из жестких рамок советского общества.

В действительности П. в социалистическом обществе — всего лишь беглец от жизни и системы принудительного труда, а само явление вызывается беззастенчивой эксплуатацией. ”Перерождение” выражается в нежелании следовать нормам коммунистической нравственности с ее лицемерием и ханжеством, в отказе от советской идеологии с ее антина-

родной сущностью. Так что "перерождение" советского человека есть в сущности процесс его человеческого возрождения.

ПРИМЕРЫ:

"Нам понятны злоба и беспринципность этих на все готовых буржуазных перерожденцев, ненавидящих нашу партию и всех честных строителей социализма с яростью, достойной ренегатов". (Молотов. Речь на Чрезвычайном VIII съезде Советов. Ушаков, Толковый словарь русского языка, М., Госуд. издательство иностранных и национальных словарей, т. III, 1939, с. 189.)

"Криками о перерождении партии Троцкий пытался прикрыть свое собственное перерождение и свои антипартийные замыслы". (Краткий курс истории ВКП (б). Госполитиздат, 1950, с. 254.)

"Но самым ярким показателем оппортунистического перерождения оппозиции, самым ярким признаком банкротства и падения оппозиции является ее голосование против Манифеста ЦИК Союза ССР". (И. Сталин. Собр. соч., т. 10. М. Госуд. изд. политической литературы, 1950, с. 195.)

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО – рассмотрение партийной организацией поведения коммуниста, нарушившего партийные требования или государственные законы.

Природа П. д. не раскрывается в советских словарях и справочниках. Между тем речь идет о явлении чрезвычайно интересном и важном.

Член коммунистической партии обладает определенным социальным иммунитетом: в отношении него не может быть возбуждено уголовное преследование без ведома или согласия партийной организации, в которой он состоит на учете. Только если районный (или вышестоящий) комитет партии придет к выводу, что для привлечения коммуниста к уголовной ответственности есть достаточные основания, он может быть арестован. Однако предварительно он должен быть исключен из партии. В статье 12 Устава КПСС сказано: "Если член партии совершил проступок, наказуемый в уго-

ловном порядке, он исключается из партии и привлекается к ответственности в соответствии с законом”.

Понятно, что при таком подходе не следственные органы и не суд решают, совершил ли коммунист уголовно наказуемое действие и подлежит ли оно наказанию. В случае если партийный комитет сочтет, что уголовное разбирательство почему-то нецелесообразно, он объявит его действия ”проступком” и заведет на него, в соответствии с уставом КПСС, П. д.

Таким образом, преступления (а также всякого рода партийные проступки), совершенные членами КПСС, рассматриваются партийной организацией. На первом этапе — первичной, а затем, если это будет сочтено необходимым, и специальными партийно-следственными организациями — партийными комиссиями при районных, городских, областных, краевых, республиканских комитетах партии и, наконец, комитетом партийного контроля при ЦК КПСС.

Партийная процедура секретна: она регламентируется не законами, а секретными указаниями и инструкциями, не подлежащими огласке. Известно, что в партийных комиссиях есть штат партийных следователей, наделенных неограниченными правами и не подконтрольных государственной прокуратуре. Более того, стоящих над ней и диктующих ей свою (вернее — партийную) волю.

Порядок, при котором члены политической организации обладают иммунитетом, выводящий их из общей системы судопроизводства, ставит партию над законом. Это дает партии неограниченную власть над коммунистами, позволяет ей казнить и миловать по своему усмотрению. Такая практика дает советскому руководству возможность скрывать от широкой общественности должностные и прочие преступления членов партии, ограждая от разоблачений как самих коммунистов, продолжающих оставаться на ответственных постах, так и общественный престиж партии.

Как правило, открытию и рассмотрению П. д. предшествуют либо обращение следственных органов, либо ”сигнал” (донос, заявление, письмо — обычно анонимное),

поступивший в партийную организацию. Когда их невозможно (или почему-то нецелесообразно) оставлять без последствий, секретарь парторганизации дает указание открыть П. д.

Разбор П. д. на бюро первичной партийной организации советская пропаганда называет "действенным средством товарищеского контроля за добросовестным исполнением коммунистом своих обязанностей", в разговорной же речи его именуют "покаянием". Если такой разбор не помогает или если проступок партийца носит серьезный характер, назначается — по согласованию с вышестоящей партийной организацией (райкомом, горкомом) — рассмотрение П. д. на закрытом партийном собрании (заседании парткома). Иногда вышестоящий партийный орган берет рассмотрение П. д. на себя, и его решение просто доводится до сведения парторганизации, на учете в которой состоит провинившийся.

Проступки, по которым возбуждается П. д., можно разделить на две категории. К первой относятся систематическое непосещение партийных собраний или занятий в политических кружках, неуплата членских взносов, нарушения партийной дисциплины, а также пьянство, хулиганство, супружеские измены и т. п. П. д. такого рода не влекут за собой исключения из партии, их роль воспитательная: усилить борьбу с производственными недостатками, улучшить партийную дисциплину, повысить общественную активность коммунистов, а главное — создать впечатление, что поведение коммуниста — не его частное дело, а вопрос, касающийся всего коллектива. При этом забота о члене партии (понимай: контроль и наблюдение за ним) представляется обязанностью партийной организации. Во имя этой "заботы" поощряются повальные доносы членов партии друг на друга, оправдывается вмешательство в их личную жизнь.

Ко второй категории П. д. относятся всякого рода злоупотребления служебным положением: взяточничество, приписки, незаконные сделки, воровство и т. д. Эти действия совершают, как правило, не рядовые члены партии, а руководящие административно-хозяйственные работники. Такие

П. д. возникают очень редко и лишь при определенных ситуациях — например, когда член партии нарушил правила игры (скажем, не делился взятками с начальством) или преступление получило слишком широкую огласку. В последнем случае партии выгодно отмежеваться от своего неудачливого члена, чтобы показать массам, что коррупция — исключение из правила, а никак не типичное социальное явление. Тут делу стремятся придать сугубо "персональный" смысл, подчеркивая, что ответственность за преступление несет провинившийся человек, а вовсе не партия. Так создается впечатление, будто многочисленные преступления руководителей разного ранга обусловлены их личными качествами. Между тем анализ подобных дел свидетельствует, что они спродуцированы советской системой назначений по политическим признакам, всесилием номенклатуры, предоставлением коммунистам особого общественного статуса и привилегий.

Советская пресса последних лет иногда приводит данные, свидетельствующие о росте преступлений, совершаемых коммунистами: участились случаи нарушения трудовой дисциплины, усилилось пьянство; казнокрадство и взяточничество приняли характер стихийного бедствия. После обмена партийных билетов в 1976 г. из КПСС было исключено 347 тысяч человек; в райкомах партии для секретарей первичных партийных организаций были срочно организованы семинары по методике рассмотрения П. д. и борьбе с подобными явлениями.

От характера П. д. зависит и шкала наказаний. П. д. первой категории (нарушение требований устава партии) обсуждаются обычно в благодушной обстановке и караются мягко — порицанием, предупреждением, выговором. П. д. уголовного характера кончаются хуже: понижением в должности, исключением из партии, а иногда и передачей дела следственным органам. Правда, наказание зависит не столько от степени вины, сколько от положения члена партии и его связей в партийном аппарате. Учитываются и конъюнктурные соображения: в период проведения очеред-

ной политической кампании такого рода преступления караются более сурово — в назидание другим.

Однако в прокуратуру, как правило, попадают лишь дела рядовых коммунистов, реже — руководителей районного, городского, в крайнем случае республиканского масштаба. Высшее же партийное руководство никогда не предстает перед судом, ибо за ним стоит партия, а партия неподсудна.

Партийные собрания, рассматривающие П. д., готовятся и проводятся по типовой схеме. Заранее определяется, кто откроет собрание и кто на нем выступит, заранее составляется и согласовывается решение. И все-таки на такие собрания люди идут охотно: в обычную мертвящую скуку партийной рутины врывается что-то живое, струя не бумажно-казенной, а реальной жизни.

Критика и самокритика, которые некогда были задуманы как средство очищения партии, давно превратились в ритуальное действие. При обсуждении П. д. "критика" сводится к поношению и шельмованию, призванному подчеркнуть бездну нравственного падения обвиняемого. Порой и сам виновный ругает себя с энтузиазмом: срабатывает почти рефлекторная способность к саморазоблачению, готовность каяться в чем-угодно, предавать друзей и клясться в преданности партии. Попытки оправдаться бессмысленны: они рассматриваются как "вызов" партии, как сомнение в ее абсолютной правоте. Провинившийся вправе ссылаться лишь на смягчающие вину обстоятельства: отсутствие злого умысла, незнание, непонимание, душевную слабость.

Такая модель поведения — роль кающегося грешника определяется спецификой советского общества, в котором действуют две морали: коммунистическая — показная, внешняя, и неформальная — сохраняющая представление об общечеловеческих ценностях. Соответственно советский человек и ведет себя двойственно: внешне — почти механически следует официальной марксистской этике, внутренне — отчужден от нее, ненавидит карающий его "коллектив", ощущая себя ничтожным и жалким "винтиком" огромной и жестокой партийно-государственной машины. Движущим

мотивом поведения человека при рассмотрении его П. д. оказывается страх: говорит он не то, что думает, ведет себя не так, как хотелось бы, и главное — подбострасно клянется искупить вину перед партией (или точнее откупиться от нее).

Вместе с наказанием партийная организация предписывает своим членам средства "лечения". Одно из них — выполнение нового партийного задания. Все понимают, что послушание, как и самоунижение, неискренно, и кающийся не "исправится", а лишь станет осторожнее, изворотливее. Но правила партийной этики требуют лицемерия, которое скоро становится привычкой, а потом и второй натурой.

Разбор П. д., считающийся важным средством политического воспитания, становится школой обучения ханжеству. Хотя всем все известно, партийная пропаганда упорно представляет П. д. как "средство повышения сознательности членов партии". Действительно П. д. — важная деталь партийного механизма, инструмент поддержания ее монолитности. Система партийных взысканий более важна и действенна, чем закон. После тюрьмы отбывшего наказание ждут унижения и издевательства. Но, пройдя через них, человек формально не теряет возможности вернуться в общество. Исключение же из партии — пожизненное позорное клеймо, превращающее человека в социального инвалида. Он лишается работы (в лучшем случае — понижается в должности), утрачивает общественный статус.

Неудивительно, что человек, отлученный от партии, готов на все, чтобы в ней восстановиться. Путь к этому — бесконечные круги унижения. Исключенному предстоит пройти через многочисленные комиссии, бесчисленные покаяния, клятвы в любви и преданности партии. Ему нужно найти поручителей, вновь выдержать испытательный ("кандидатский") срок. Только после всего этого партийная организация, может быть, сообразовит снова принять его в свои ряды. Изошренная система партийной реабилитации — одно из условий становления ленинской партии "нового типа" с ее казарменной дисциплиной и воинской монолитностью.

ПРИМЕРЫ:

“Раздумываешь над этими персональными делами и видишь: партийное взыскание, объявленное коммунисту, – почти всегда сигнал о том, что в партийной организации что-то недосмотрели, к чему-то отнеслись непринципиально, упустили из виду человека”. (“Коммунист вооруженных сил”, 1979, № 22, с. 43.)

“Рассмотрение персонального дела – это обсуждение на заседании бюро, парткома, партийном собрании недостойного поведения коммуниста”. (“Партийная жизнь”, 1979, № 17, с. 74.)

“Я предложил отложить рассмотрение персонального дела коммуниста Токарева до возвращения на работу”. (“Партийная жизнь”, 1979, № 21, с. 70.)

ПЛАНИРОВАНИЕ (план) – система директивного управления и руководства советской экономикой.

П. включает разработку общих показателей развития производства и отдельных предприятий и жесткий контроль за выполнением этих показателей.

П., объявленное важнейшим научно-социальным открытием XX века, возникло в России в 1921 г. Первой попыткой такого рода был план электрификации страны – ГОЭЛРО. С 1928 г. стали практиковаться государственные пятилетние планы, превратившие экономику страны в единую тоталитарную хозяйственную систему.

Составлению планов придается национальное значение, на их разработку тратятся колоссальные средства, усилия и время. Предварительно Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров устанавливают главные направления и задачи хозяйства в данный период развития и – на их основе – основные показатели по производству, труду, финансам, капитальному строительству, внедрению новой техники, материально-техническому снабжению. Руководствуясь этими указаниями и проектами планов республик и министерств, Государственный плановый комитет (Госплан СССР) составляет общий проект плана развития всего народного хозяйства

страны, который затем представляется в высшие партийные инстанции. После утверждения в ЦК КПСС и Совете Министров СССР народнохозяйственный план поступает в Верховный Совет СССР, который штампует его, принимая Закон о государственном плане. С этого момента план становится обязательным для всех министерств и ведомств Советского Союза. В частности, на его основе уточняются технико-производственный и финансовый планы каждого предприятия.

Государственный план конкретизируется через систему различных показателей: количественных (объем производства), качественных (рост производительности труда, рентабельность), натуральных (виды продукции, услуги и пр.), стоимостных (товарная продукция, валовой доход, себестоимость и др.).

Одна из важнейших задач государственного плана — баланс между производством товаров и их потреблением, т. е. между совокупным трудом и совокупной зарплатой, выраженной в потребительских товарах. Иначе говоря, государственный план направлен на то, чтобы сбалансировать производство и потребление. В связи с этим вырабатываются планы "по валу", использующие такие показатели, как рубли, тонны, километры, кубические метры, литры и т. п. Существуют и планы по "ассортименту" — наименованиям товаров. Однако выполнение производственных заданий оценивается преимущественно по валу.

От выполнения плана зависит многое: оборотные средства завода или фабрики, отчисления на культурные и бытовые нужды работников, премии, наконец, репутация. Поэтому руководитель и работники любого советского предприятия озабочены не качеством выпускаемой продукции и не ее реализацией. Вся их энергия направлена на достижение количественных показателей: план необходимо выполнить (а еще лучше — слегка перевыполнить) любой ценой. Это достигается, как правило, за счет производства "выгодной" продукции — дорогих и нерентабельных изделий.

Помимо пятилетнего, в СССР существуют и другие виды

государственных планов: текущие, годовые, перспективные, долгосрочные (на 15 и более лет).

Руководители различных сфер хозяйства обязаны составлять свои — ежегодные, ежеквартальные, ежемесячные — планы, утверждаемые партийной организацией, обычно завышенные и нереальные. Но опытный советский руководитель выходит из положения, умело манипулируя отчетными данными. Иначе предприятие попадает в число невыполняющих план, а это связано с многими неприятностями, включая лишение премий.

Стремление спланировать все и вся — в Советском Союзе планируется не только экономика, но решительно вся жизнь страны (научные проекты, культурная жизнь, воспитательные работы и т. д.) — приводят к тому, что разработка планов затягивается на месяцы, а иногда и годы. За это время даже разумные задания стареют и теряют смысл. Однако менять и корректировать план запрещается, т. к. любое изменение, не предусмотренное заранее и не попавшее в Закон о пятилетнем плане, подрывает основы централизованного и директивного управления страной. В результате П. превращается в абстрактную игру, оторванную от действительных потребностей государства.

Слово "план" обычно употребляется с определениями, которые призваны подчеркнуть его важность и достоверность: "единый", "созидательный", "перспективный", "творческий", "величественный", "генеральный" и т. п.

ПРИМЕРЫ:

"Планирование народного хозяйства возможно только при социалистическом способе производства, при общественной собственности на основные средства производства". (Краткий экономический словарь. М., Политиздат, с. 237.)

Практическое осуществление мер по улучшению планирования будет означать важные изменения во всей системе управления народным хозяйством". ("Коммунист", 1980, № 17, с. 28.)

"Государственный план 1984 года должен явиться важным этапом

выполнения решений XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС". ("Правда", 17 декабря 1983, с. 1.)

ПОДВИЗАТЬСЯ — заниматься недостойной, неблаговидной (с точки зрения коммунистической логики) деятельностью.

Употребляется для характеристики поведения лиц, неугодных советскому руководству.

Семантическое развитие этого слова пошло по пути усиления его иронически-пренебрежительного смысла. Так квалифицируются самые различные действия на международной арене и в СССР, если они почему-либо нежелательны для коммунистов.

Например, П. могут инакомыслящие советские писатели, ученые, художники-нонконформисты. Все еще могут П. (хотя и несколько меньше, чем в прошлом) западные политики (чаще всего американские), не желающие мириться с позицией Москвы.

Слово П. имеет целью скомпрометировать как само действие, так и связанные с ним понятия: "П. на арене", П. на поприще", "П. в роли" и т. д. "Арена", "поприще", "роль" в данном контексте также характеризуются пренебрежительно, с явной иронией.

ПРИМЕРЫ:

"Не в последнюю очередь поэтому оказываются возможными такие случаи, когда под видом социологов подвизаются неучи и халтурщики..." ("Коммунист", 13 сентября 1980, с. 82.)

"Сегодня, как и в период разгула кровавого пропекинского режима, на ролях лидеров, правда, теперь уже не существующей "демократической Кампучии", подвизаются все те же палачи". ("Правда", 29 октября 1980, с. 5.)

"Карумидзе, бывший в царское время банкиром, подвизался теперь в роли германского шпиона". ("Человек и закон", 1979, № 3, с. 94.)

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ — государственные и политические деятели, противодействующие советской экспансии.

Выражение появилось в советском языке после "ультиматума Керзона", предъявленного правительству Советской России Великобританией в 1923 г. Часто повторялось накануне (и в период) разрыва англо-советских отношений (1927—1929 гг.) и во время конференции глав четырех государств (Чемберлена, Даладье, Муссолини и Гитлера) в Мюнхене в 1938 г. Наконец получило широкое распространение после второй мировой войны — в годы "холодной войны" — для характеристики руководителей стран Запада. В настоящее время используется широко: П. в. именуются лидеры США и НАТО, "китайские гегемонисты" и сионисты. П. в. объявлен, в частности, А. Сахаров.

По сути П. в. — все правительства и партии, которые не приемлют коммунизм, осуждают советскую внешнюю политику и пытаются защитить свободный мир от коммунистической агрессии.

Широкое употребление П. в. связано со стремлением советской пропаганды использовать яркие и экспрессивные лексические средства. Первый элемент этого словосочетания — метафора: война уподобляется пожару, способному уничтожить планету и человечество. Выразительность П. в. еще более подчеркивается использованием его в эмоционально-риторических конструкциях: "агрессивные происки П. в.", "коварные замыслы П. в." и т. п.

Это словосочетание (в переводе) часто фигурирует и в коммунистической прессе западных стран для антиамериканской пропаганды и устрашения народов угрозой мировой термоядерной катастрофы.

При объяснении мотивов действий П. в. советская идеология оперирует марсистской теорией происхождения и характера войн в эпоху империализма. Согласно этой доктрине, война — результат социальных и межгосударственных противоречий, усилившихся в процессе борьбы за раздел,

а позднее — передел мира. Таким образом, война представляется естественным продолжением политики эксплуататорских классов другими средствами — средствами вооруженного насилия. Подобная трактовка означает, что действия П. в. обусловлены не столько субъективными качествами отдельных социальных групп, желающих развязать войну, сколько природой империализма.

При этом особое внимание уделяется ленинскому учению о типах войн "справедливых", которые следует всячески поддерживать и поощрять, и "несправедливых", с которыми надо вести решительную борьбу. Легко понять, что справедливыми объявляются все войны, поддерживаемые Советским Союзом, несправедливыми — те, что невыгодны Советскому Союзу или служат помехой его собственным агрессивным замыслам.

В действительности (и это доказано всей историей СССР) истинными П. в. являются советские руководители. Пропандистские клише, построенные по принципу "держи вора!", призваны замаскировать милитаристскую политику Советского Союза. Это своего рода политический громоотвод, имеющий целью скрыть агрессивные намерения кремлевских руководителей.

ПРИМЕРЫ:

"Важнейшее политическое значение борьбы за мир заключается в том, что, разоблачая планы поджигателей войны, она тем самым препятствует их претворению в жизнь". ("За рубежом", 1980, № 46, с. 8.)

"И пусть знают империалисты США и их пособники, что советские люди сделают все, чтобы сорвать замыслы поджигателей войны". ("Агитатор", 1983, № 20, с. 44.)

"Всестороннее политическое сотрудничество государств социалистического содружества, их тесное взаимодействие в экономической, научно-технической, культурной и военной области — залог дальнейшего укрепления могущества и влияния социализма, надежный щит против любых происков поджигателей войны". ("Бакинский рабочий", 7 ноября 1980, с. 1.)

ПОДПЕВАЛА — советское представление пособника империализма.

Империализм в СССР рассматривается как обобщенный образ вселенского зла, что позволяет отнести к числу П. не только политических деятелей Запада, но и советских людей, чем-либо не угодивших властям.

На каждом этапе развития советского государства были свои П.: в период борьбы с оппозицией говорили о "троцкистских П.", в эпоху коллективизации — о "кулацких П.", в послевоенные годы — о "П. холодной войны", "сионистских П." и т. д. П. изображается человеком, лишенным собственных взглядов и убеждений, а потому легко поддающимся влиянию; беспринципной личностью, способной из корыстных побуждений на любую подлость и предательство.

Презрительная характеристика П. часто усиливается с помощью определений "продажный", "наемный", "беспринципный" и т. п. Так П. превращается в устойчивый пропагандистский стереотип, призванный вызвать у советских людей автоматическое осуждение явлений действительности, с которыми это понятие соотносится.

ПРИМЕРЫ:

"Как и следовало ожидать, сторонникам блока удалось вывести на улицу лишь жалкую кучку своих немногочисленных подпевал". (История ВКП (б). Краткий курс. Госполитиздат, 1950, с. 272.)

"Пекинские лидеры и их западно-европейские подпевалы трубят теперь, как это было в Зальцбурге, о "прогрессивности прогнившей клики". ("Комсомольская правда", 15 марта 1979, с. 3.)

"С ликвидацией "евсекции" господами над еврейской литературой стали уже не еврейские большевики, как это было до сих пор, а комиссары — не евреи, председатели и секретари правлений союзов писателей и еврейские подпевалы из их "окружения". ("Книга о русском еврействе (1917—1967)", Нью-Йорк, 1968, с. 216.)

ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ — средство распространения коммунистических идей, сообщений и оценок.

П. — одно из важнейших средств партийной пропаганды, приобщения советского человека к общественной и государственной жизни, отлаженный инструмент манипулирования массами. С помощью П. советские власти насаждают в общественном сознании нужные им идеи, взгляды, формируют мнения, навязывают массам свои оценки событий внутренней и международной жизни.

В Советском Союзе создан специальный институт политинформаторов, охватывающий все учреждения, предприятия и организации. На эту работу партийные организации подбирают людей, считающихся преданными коммунистическим идеалам и прошедших специальную теоретическую подготовку. В СССР насчитывается более 5 миллионов политинформаторов. Обычно они специализируются по одному из четырех направлений: политика, экономика, культура, международная жизнь.

Подборку политинформаторов и их обучению, обобщению и распространению их опыта, систематическому контролю над их деятельностью уделяется значительное внимание. В распоряжение политинформатора представляются разработанные ЦК планы занятий, тезисы докладов и бесед. В каждой теме прилагается список рекомендованной литературы. Политические журналы "Коммунист", "Партийная жизнь", "Агитатор", "Международная жизнь" публикуют специальные статьи для политинформаторов. Содержание, формы и методы П. постоянно корректируются в соответствии с требованиями и целями политического руководства.

Самый распространенный вид П. — беседа продолжительностью от 10 до 30 минут, проводимая, как правило, непосредственно на рабочих местах и в рабочее время. В ходе П. слушателю не сообщают ничего нового по сравнению с тем, что написано в советских газетах или было сообщено по радио и телевидению. П. обычно сводится к нескольким элементарным положениям, которые оформлены в виде

тезисов и лозунгов, рассчитанных на эмоции и инстинкты и — лишь частично — на интеллект. Многократно повторяемые, эти лозунги имеют целью создать у советского человека устойчивые стереотипы мышления.

П. в СССР продолжает сталинские традиции замалчивания и искажения правды, продиктованные свойственным тоталитаризму страхом перед объективным анализом событий и явлений действительности. Однако в современном обществе, даже в столь идеологизированном, как советское, трудно ограничить политическое и культурное образование системой заданных идей.

Известно, что миллионы советских людей черпают интересные их сведения вне П., из зарубежных источников. Но воспитанные на двоемыслии, они никак не обнаруживают своего отношения к официальным сообщениям. Более того, как и сами информаторы, они спокойно участвуют в социальной игре, включаясь в систему П. в роли слушателя, а когда прикажут, и информатора. При этом можно не сомневаться, что они проведут ее и в нужном партийном ключе и на требуемом идеологическом уровне, с точным отбором дозволенных фактов и положенной интерпретацией.

Вместе с тем в советском обществе существует определенная (и довольно значительная) категория людей — партийные и персональные пенсионеры, военные на службе и в отставке, — которые воспринимают типичное для П. замалчивание или искажение фактов, как мудрый тактический ход советских властей, тонкий политический маневр, вызываемый сложными проблемами "коммунистического строительства" или международных отношений. При определенном скептицизме одних и равнодушии других П. воспринимается в общем вяло — она такая, какой ей и положено быть согласно пропагандистским стереотипам, усвоенным с детства.

В конце 70-х годов (после XXV съезда КПСС) власти попытались улучшить П., сделать ее более конкретной и аргументированной. Эта попытка оказалась безуспешной, ибо главная беда П. не в оформлении, а в содержании. Чтобы

сделать П. эффективной и действенной, пришлось бы, как минимум, снять цензурные ограничения, на что советский режим, не меняя собственных социальных основ и политической сущности, естественно, пойти не может. Поэтому призывы партийного руководства сделать П. высококачественной, систематической, своевременной так и остались призывами. Ее сущность и методы все те же: проблемы современности рассматриваются сквозь старую марксистскую призму. Единственный эффективный способ усиления действенности П. — разработка новых средств глушения зарубежных радиопередач.

ПРИМЕРЫ:

”На следующий день после открытия съезда Александр Васильевич провел политинформацию в цехе”. (“Партийная жизнь”, 1981, № 8, с. 6.)

”Отдельные партийные бюро упорно ”забывают” вывешивать объявления, которые бы заблаговременно оповещали коллективы о предстоящем докладе, лекции или политинформации”. (“Партийная жизнь”, 1983, № 17, с. 69.)

”В трудовых коллективах колхозов и совхозов проводились политические информации и беседы, в которых подробно раскрывался опыт передового мастера машинного доения”. (“Агитатор”, 1978, № 11, с. 14.)

ПОМОЩЬ СЕЛУ — принудительное участие городских жителей в сельскохозяйственных работах.

Представляется советской пропагандой, как свидетельство коммунистической сознательности, побуждающей советских людей добровольно и бескорыстно помогать колхозам и совхозам.

Для П. с. партийные организации ежегодно направляют сотни тысяч (если не миллионы) рабочих и служащих, студентов и школьников. Мобилизация на сельскохозяйственные работы проводится преимущественно в период уборки (в конце лета и в начале осени) и выливается в широкую и

шумную политическую кампанию. Смысл этой кампании сводится к доказательству того, что П. с. — свидетельство "нерушимого союза" рабочего класса и крестьянства, стирающая грани между городом и деревней, противоречий между физическим и умственным трудом. При этом, естественно, умалчивается, что привлечение городских жителей к сельскохозяйственным работам вызвано — исключительно — экономической неэффективностью колхозного хозяйства и насильственно обобщественного труда. А поскольку одних лозунгов уже недостаточно, за уклонение от работы в деревне строго наказывают.

Труд по уборке урожая отдельно не оплачивается: за горожанами сохраняется зарплата по месту работы; иначе говоря, П. с. финансируется промышленными предприятиями и учреждениями.

Словосочетание П. с. — сугубо книжное, оно используется только в официальных документах и в печати. В разговорной речи оно заменяется выражением "сельская повинность", гораздо более точно передающим социальную суть явления.

ПРИМЕРЫ:

"Помощь труженикам села продолжается и сейчас, когда пик уборки позади. В понедельник посланцы промышленных предприятий города собирали яблоки". ("Советская Молдавия", 25 октября 1979, с. 2.)

"Решения июльского Пленума ЦК КПСС вызвали новый прилив энергии у советских людей. Для себя мы сделали вывод: помощь селу должна быть конкретной и эффективной". ("Социалистическая индустрия", 6 августа 1978, с. 1.)

"Бюро Харьковского обкома партии одобрило социалистические обязательства группы передовых коллективов, направленные на усиление помощи селу". ("Социалистическая индустрия", 6 августа 1978, с. 1.)

ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ — собрания рабочих и служащих, призванные

создать видимость трудовой активности советских трудящихся и их участия в управлении предприятием.

Производственные совещания стали практиковаться в СССР в 20-е годы. Сначала они действовали под эгидой профсоюзов, позднее — дирекции предприятий. Им вменялось в обязанность обсуждение путей выполнения государственных планов, вопросов организации труда, возможностей интенсификации производства, укрепления дисциплины, улучшения качества продукции, подведение итогов соцсоревнования.

В 50-х годах производственным совещаниям был придан характер постоянно действующих институтов, что должно было создать впечатление, будто в Советском Союзе существует рабочее самоуправление. На деле прерогативы П. д. п. с. предельно ограничены, а методы их деятельности полностью исключают возможность свободных дискуссий, высказывания собственного мнения, объективного анализа недостатков, деловой критики.

П. д. п. с. никогда не собираются спонтанно. Они заранее планируются партийной организацией и проводятся по определенному сценарию, где роли точно расписаны, а решения заготовлены.

ПРИМЕРЫ:

“Решения постоянно действующего производственного совещания помогают найти выход из сложных положений, сказываются на результатах труда”. (“Экономическая газета”, 1983, № 6, с. 13.)

“Сообразил: конец месяца, день ПДПС — постоянно действующего производственного совещания”. (“Новый мир”, 1984, № 1, с. 117.)

ПОЧИН — инспирированная властями инициатива или деятельность, свидетельствующие, по утверждению пропаганды, о коммунистическом отношении к труду.

Слово вошло в политический язык в 20-х годах в связи с ленинским определением коммунистического субботника

как "великого почина". П. может относиться к социалистическому соревнованию, производственным обязательствам, внедрению новой техники и т. д. На самом деле П. в большинстве своем — фикции и представляют собой чисто идеологическое понятие, которое власти безуспешно пытаются популяризировать.

Слово П., широко используемое в официальных текстах и печати, так и не вошло в живой язык, став наглядным свидетельством пропасти между реальной жизнью народа и словесными построениями советских руководителей.

ПРИМЕРЫ:

"На заре советской власти партия заметила, поддержала и бережно вырастила ростки Великого почина". ("Агитатор", 1979, № 5, с. 29.)

"Заботой об интересах общества проникнуты ценные починны и начинания передовиков". (Известия", 8 декабря 1983, с. 1.)

"Великий почин. Мы давно привыкли к этой емкой ленинской формуле". ("Литературная газета, 22 апреля 1981, с. 1.)

ПРЕДНАЧЕРТАНИЯ — планы и предписания партии, подлежащие неукоснительному выполнению.

Слово принадлежит к слою высокой книжной лексики и в современном русском языке является архаизмом. Пропаганда охотно к нему прибегает для придания особой торжественности всему, что относится к политике и деятельности партии.

Традиционно П. связывали с образом высшей силы, стоящей над человеком и управляющей его судьбой. В соответствии с новой советской "религией", понятие "внешней силы" перенесено на партию, а значит и на директивы, исходящие от партийных властей. Слово призвано одухотворить бездушный советский режим и его руководство, подчеркнуть его способность (чуть ли не сверхъестественную) предвидеть будущее и управлять им. Партийный аппарат (а только от него и исходят П.) должен при этом казаться непре-

рекаемым авторитетом, указывающим народу его истинные цели.

П. партии не определяются иначе, как "исторические", "великие", "эпохальные" и, разумеется, они "научно обоснованы".

Такого рода мифологизация нужна потому, что все эти П. обычно нереальны, а порой и просто абсурдны. Понятно, что, несмотря на усилия советской пропаганды, общественное сознание не воспринимает ни слово П., ни стоящее за ним содержание.

ПРИМЕРЫ:

"...советские люди, выполняя предначертания партии, поднимают советскую страну к новым и новым высотам прогресса". ("Агитатор", 1979, № 3, с. 3.)

"Сегодня особенно хорошо видно, как во всех областях государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства становятся реальностью предначертания партии". ("Агитатор", 1979, № 1, с. 3.)

"...все трудящиеся Латвийской ССР делают все возможное для безусловного выполнения всех положений и выводов Отчетного доклада ЦК КПСС и успешного претворения в жизнь предначертаний нашей родной ленинской партии". ("Известия", 27 февраля 1981, с. 3.)

ПРЕСЛОВУТЫЙ — ироническое определение известных социальных явлений, политических событий, общественных и государственных деятелей, которые почему-либо неуютны советскому руководству.

Определение П. превращено в сигнал-оценку, который должен продуцировать единственно возможную реакцию советских людей на определенные события и действия и создать по отношению к ним устойчивый идеологический стереотип.

П. широко используется для дискредитации важнейших

общечеловеческих ценностей — таких, как демократия, свобода, равенство, порядочность, дружба. Чтобы усилить негативное отношение к ним, эти слова обычно берут в кавычки: "пресловутая демократия", "пресловутое процветание", "пресловутая свобода". Таким образом, явления, именуемые П., как бы компрометируются дважды.

П. чаще относится к явлениям свободного мира, но используется и во внутреннем обиходе. В обоих случаях все зависит от политической и социальной конъюнктуры. Так, до 60-х годов Андрей Сахаров именовался в СССР не иначе, как выдающимся ученым. Но стоило ему проявить инакомыслие — и он превратился в "пресловутого деятеля". Демонстрации на Западе, инспирируемые Москвой, объявляются всенародными и прогрессивными. Манифестации, направленные против политики СССР, называются П.

От частого употребления слово П. утратило первоначальное значение, стало стандартным пропагандистским штампом, вызывающим у советских людей усмешку.

ПРИМЕРЫ:

"Спрашивается, почему бы авторам пресловутой пропагандистской шумихи по поводу "нарушения прав человека" в социалистических странах не посмотреть прежде всего на внутреннее положение советского общества". (И. Рожко. Социалистический образ жизни и право. "Знание", М., 1979, с. 45.)

"Пресловутый плюрализм", которым так похваляются сторонники буржуазных форм демократии... вовсе не какая-то благодать". ("Новое время", 1977, № 26, с. 18.)

"Пресловутый народный капитализм" ... рухнул под мощным натиском забастовок и народных выступлений 50-х годов". (Сборник "Сражающееся искусство". "Знание", М., 1977, с. 3.)

ПРЕТВОРЯТЬ В ЖИЗНЬ — осуществлять планы, решения и директивы советского руководства.

В живом русском языке слово П. встречается лишь в былинах, сказках, поверьях и используется для описания

действий высших сил, стоящих над людьми и определяющих их судьбу. Оно относится к высокому стилю и придает повествованию оттенок торжественности.

Это архаичное слово было "выужено" советской пропагандой из исторического архива с обычной для нее целью — придать партийным решениям характер чудотворности. При чтении советских газет создается впечатление, что граждане СССР только тем и озабочены, чтобы П. в ж. очередное постановление партийного съезда, решение пленума, государственный план, ленинский завет и т. д.

В результате неумеренного и чисто формального использования словосочетание заметно девальвировалось. Теперь оно определяет не только "исторические" события, но и будничную партийную работу, реализацию директив городского и даже районного начальства.

Предполагается, однако, что выражение придает значимость работе самых прозаических организаций и убеждает людей в том, что их изнурительный и низкооплачиваемый труд полон высокого смысла.

В сущности П. в ж. обозначает нечто совершенно неосуществимое, неопределенное и расплывчатое. Надобность в такого рода "возвышенных" определениях объясняется все возрастающей индифферентностью советских людей и неспособностью партийного руководства организовать их труд и быт.

ПРИМЕРЫ:

"Нынешние выборы состоятся на ответственном этапе борьбы за претворение в жизнь решений XXVI съезда КПСС, одиннадцатой пятилетки". ("Известия", 19 декабря 1983, с. 1.)

"Претворение в жизнь предначертаний партии в значительной степени зависит от экономного, бережливого отношения ко всему, что создано трудом советского народа". ("Коммунист вооруженных сил", 1979, № 16, с. 28.)

"Минувшие три года были периодом действительно активного претворения в жизнь всего намеченного XXVI съездом КПСС и XXX

съездом Компартии Азербайджана, последующими Пленумами ЦК партии". ("Вышка", 16 декабря 1983, с. 2.)

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ — слово, изображающее преданность советской власти, идеям и целям коммунизма.

П., как нравственное качество, связывается исключительно с идеалами марксизма. Ясно, что в западном обществе этому качеству нет места, его заменяют корыстные соображения, эгоизм, индивидуализм.

Для усиления выразительности и эмоционального воздействия П. обычно подкрепляется определениями: "беззаветная П.", "непоколебимая П.", "органическая П.". В пропагандистской лексике все эти "чувства" адресованы коммунистической партии и советскому правительству.

ПРИМЕРЫ:

"...закрепляя в государственно-правовой форме приверженность Советского Союза делу мира, дружбы и сотрудничества между народами, наша Конституция служит образцом самого гуманного... законодательства во всей мировой истории". ("Советская культура", 6 октября 1978, с. 1.)

"Твердая приверженность братских социалистических государств политике мира пользуется признанием и поддержкой всех прогрессивных и миролюбивых сил планеты". ("За рубежом", 1979, № 36, с. 3.)

"Для коммунистов Советских Вооруженных Сил беззаветная приверженность великим идеалам приобретает особое значение". ("Коммунист вооруженных сил", 1979, № 15, с. 4.)

ПРИПИСКИ — искаженные, заведомо ложные сведения о выполнении плана, скрывающие истинное положение дел.

Практика П. возникла и утвердилась при советской власти: с первых ее дней стало практиковаться завышение данных о выполнении планов, росте благосостояния и т. д., чтобы продемонстрировать успехи в строительстве социа-

лизма, правильность "генеральной линии" партии, энтузиазм масс.

В отчетах, составляемых на любом уровне советской иерархии, сведения, как правило, завышаются в 2—3 раза — касается ли это количества собраний и лекций, объема выпускаемой продукции или собранного колхозом урожая. В результате — за счет П. — официальные статистические материалы почти всегда свидетельствуют о досрочном выполнении производственных заданий, множестве добровольцев на субботниках, сэкономленном сырье, высоких темпах строительства и т. д. При хронической нехватке бумаги миллионными тиражами выпускаются плакаты, повествующие о всеобщем изобилии, беспредельном трудовом энтузиазме, исторических успехах и пр.

В жизни советского общества П. играют огромную роль. С их помощью удастся избежать ответственности за невыполнение планов и низкую производительность труда, скрыть хищения, обеспечить благоволение начальства и получение премий. Конечно, главная причина П. — не природные пороки советских руководителей (и в самом деле, изрядно испорченных советской действительностью), а система государственного планирования.

План в любой области советской жизни — на производстве, в науке, общественной работе, искусстве — возведен в ранг закона и изначально огражден от каких бы то ни было коррективов "снизу". За его невыполнение руководителя могут снять с работы и даже отдать под суд. Между тем от людей, ответственных за его выполнение, мало что зависит. Все их усилия разбиваются об инертность, социальное равнодушие, неодолимые трудности в снабжении сырьем и оборудованием, примитивную организацию и низкую оплату труда. Все это буквально вынуждает их встать на путь П.

На П. держится и "массовое советское изобретательство". Инженеры записывают на рабочих усовершенствования, сделанные ими в порядке исполнения служебных обязанностей. Тем самым "выполняется" план по развитию новаторского движения.

П. возведены на уровень национальной политики. В 60-х годах советское правительство, чтобы утвердить свой приоритет в освоении космоса, втиснуло в кабину ракеты, рассчитанную на одного человека, трех космонавтов. На землю они вернулись полузадушенными, но цель была достигнута — мир рукоплескал успехам советской науки. В государственную витрину П. превращена Москва: удовлетворительное снабжение столицы продуктами и товарами, жилищное строительство в крупных масштабах осуществляются за счет остальных районов страны — голодающих, испытывающих острую нехватку жилья.

В систему П. вовлечены все, включая рядовых работников. Рабочие рапортуют об изготовлении несуществующих изделий, колхозники — о необработанных гектарах, невыращенном или несобранном урожае. Они охотно идут на П., понимая, что это необходимо начальству и выгодно им — они получают большую зарплату и премию за "перевыполнение".

В П. обычно участвует целый ряд предприятий. Одно (потребитель) подтверждает поставку произведенных товаров, другое (производитель) — получение неперечисленных денег. В этом случае П. включаются в бухгалтерские документы — отчеты, накладные, платежные ведомости.

Способствуют П. и система партийно-государственного контроля за экономикой страны. Эта система основана не на реальной оценке результатов деятельности предприятия, а на фетишизации количественных показателей. Почему-то считается, что сегодня необходимо произвести больше, чем вчера, а завтра потребуется сделать (или доложить, что сделано) больше, чем сегодня. При этом не важно, если склады будут затоварены и изделия не найдут спроса. Механизм сработает: "герои" получают премии и благодарности.

В начале 60-х годов П. приняли в СССР настолько массовый характер, что о них уже нельзя было молчать. И советское правительство было вынуждено принять специальное постановление "О мерах по предотвращению фактов обмана государства". Проведенная вслед за тем кампания борьбы

с П. привела к снятию с работы, привлечению к партийной и судебной ответственности нескольких сот хозяйственников. Однако эта кампания носила эпизодический характер и кончилась так же внезапно, как началась. Практика же П. продолжалась, ибо система, их породившая, не изменилась.

Парадоксальность П. в том, что они являются одновременно и должностным преступлением, и государственной необходимостью. Они нужны и выгодны всем — от директора маленькой мастерской до генерального секретаря ЦК КПСС, ибо, поднимаясь снизу вверх, создают иллюзию благополучия на всех уровнях.

ПРИМЕРЫ:

“Только копнул народный контроль Батецкое объединение, и пошло-полезло: 22 тысячи рублей приписок, 49 якобы отремонтированных тракторов, документы на фиктивный ремонт, которые подписывались в обмен на дефицитные детали”. (“Литературная газета”, 22 октября 1980, с. 11.)

“Большой вред как экономике, так воспитанию тружеников несут приписки. Такие приписки, и весьма крупные, были выявлены в г. Комсомольске на заводе металлоконструкций”. (“Партийная жизнь”, 1980, № 4, с. 77.)

“Работники завода “Коммунар” сообщили, что здесь стали правилом приписки в отчетах о выполнении плана по объему реализации продукции”. (“Социалистическая индустрия”, 30 августа 1982, с. 3.)

ПРИСПЕШНИК — лицо или организация, позицию которых советская пропаганда объясняет давлением антисоветских сил.

Презрительный оттенок слова П. (“соучастник, готовый на любые действия”) используется для дискредитации противников советского режима (“П. империализма”, “милитаристские круги и их П.” и т. д.).

Характеристика политических оппонентов режима в качестве П. каких-то темных сил соответствует советской тра-

дидии идентифицировать политического противника с злоумышленником, а поддерживающих его (или просто сочувствующих ему) — обвинять в безнравственности.

Вместе с тем идеологическая окраска понятия такова, что ясно: речь идет не о самом враге, а всего лишь о его попутчике. Этот оттенок важен, поскольку сохраняется надежда, что П. удастся переманить и использовать в интересах Советского Союза.

По смыслу П. близко таким словам как "пособник", "сообщник", призванным создать стереотипный образ беспринципного подручного преступников, представителей реакционных и мрачных сил.

ПРИМЕРЫ:

"Советские люди столь единодушны в поддержке Заявления Ю. В. Андропова, потому что в нем раскрыты замыслы рейгановской администрации и ее приспешников". ("Агитатор", 1983, № 24, с. 6.)

"Четыре года назад увенчалась победой вековая борьба народа Кампучии против французских колонизаторов, американских империалистов и их реакционных приспешников". ("Советская культура", 17 апреля 1979, с. 1.)

"Продолжение борьбы против политики и идеологии пекинского руководства, против агрессивных происков со стороны не только империалистов, но и их маоистских приспешников — актуальная задача всех подлинно марксистско-ленинских партий, всех сторонников мира и прогресса". ("Коммунист", 1980, № 11, с. 109.)

ПРОГРЕССИВНЫЙ — отвечающий советским интересам или коммунистическому мировоззрению.

В соответствии с марксистской схемой исторического развития Советский Союз представляется вершиной прогресса. Поэтому П. объявляется все советское: экономическая база и политическая структура, организация образования и здравоохранения, наука, литература, искусство и т. д.

Ярлык "П." вовсе не служит свидетельством действитель-

ных достижений и успехов. Напротив, очень часто он служит прикрытием разного рода провалов и неудач, вызванных некомпетентным вмешательством КПСС в экономическую и духовную жизнь общества.

Определение П. лишено объективного содержания и зависит от зигзагов советской идеологии: в 50-х годах кибернетика и генетика были объявлены лженауками, а через 30 лет — неожиданно для советского народа — оказались в авангарде научного прогресса.

Фарисейские ярлыки навешиваются и на явления международной жизни. Безусловно П. признаются страны с коммунистическими режимами; просто П. — просоветские государства; идущими по пути прогресса — находящиеся в орбите влияния Москвы.

В случае отлучения того или иного П. государства от коммунизма оно сразу же лишается привилегии именоваться таковым — это было, например, с Югославией, Албанией, Китаем.

В число П. включаются партии, национальные и политические движения, деятельность которых ведет к подрыву и разрушению демократических устоев (Организация Освобождения Палестины, Ирландская республиканская армия, японская Красная армия и т. д.).

ПРИМЕРЫ:

”Солидарность КПСС с прогрессивными силами в развивающемся мире выражается в различных формах”. (“Мировая экономика и международные отношения”, 1980, № 2, с. 17.)

”Советские люди, народы стран социалистического содружества и все прогрессивное человечество 22 апреля нынешнего года торжественно отмечают 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина”. (“Партийная жизнь”, 1980, № 4, с. 3.)

”...Силу слова, несущего светлые идеалы, прогрессивные писатели связывают со своими профессиональными задачами”. (“Правда”, 14 октября 1983, с. 3.)

ПРОГУЛ — неявка на работу без уважительных причин.

Квалифицируется как нарушение трудовой дисциплины, влекущее за собой административное взыскание (выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу, лишение премии и "тринадцатой" зарплаты, летнего отпуска, надбавки за выслугу лет и т. д.).

Лица, совершившие П. неоднократно, именуется прогульщиками и подлежат увольнению. Однако на практике в эту категорию обычно попадают работники низкой квалификации, в которых предприятие не очень заинтересовано. Высококвалифицированных рабочих и служащих, даже если они не являются на производство неделями (например, "запой"), начальство старается не трогать, ибо найти им замену трудно.

Различают "злостный П." — умышленную неявку на работу и "вынужденный П." — невыход на работу по уважительной причине (плохое самочувствие, семейные проблемы и т. д.).

П. — серьезная социальная проблема советского общества, порожденная низкой трудовой моралью, отсутствием материальных стимулов, тяжелыми условиями труда. Время от времени в Советском Союзе объявляется кампания по борьбе с П.: Брежнев призывал положить конец П., Андропов — прогульщикам. Но ни осуждение П., ни преследование прогульщиков (высылка из города, заключение в тюрьму за тунеядство) не в состоянии положить конец этому социальному явлению. Тут потребовалась бы коренная ломка действующей в СССР системы организации и оплаты труда, а в конечном счете — всей социалистической системы хозяйства. Пойти на это руководство не может, поскольку это создало бы угрозу самим основам его власти.

ПРИМЕРЫ:

"Рабочим и служащим, совершившим прогул без уважительных причин (включая появление на работу в нетрезвом состоянии), дополнительный отпуск за непрерывный стаж работы в соответствующем году может не предоставляться полностью или частично".

(“О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве”. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. “Известия”, 12 января 1980, с. 1.)

“Особенно тяжело работается коллективу, если в нем попустительствуют пьяницам. Именно из-за них чаще всего растут прогулы, нарушается общественный порядок”. (“Агитатор”, 1980, № 17, с. 25.)

ПРОПАГАНДА — распространение и насаждение в общественном сознании коммунистических идей, формирование у масс представлений, необходимых советскому руководству.

Основная цель П. — унификация мышления людей и стандартизация их поведения. Основное содержание — ленинская философия, современная политическая ситуация, рассматриваемая сквозь призму марксистского мировоззрения, интерпретация решений съездов КПСС, пленумов ЦК и других партийных документов.

П. в СССР располагает огромным арсеналом средств, форм и методов (печать, радио, кино, телевидение, политинформация, партийная учеба и т. д.), позволяющих осуществлять постоянную обработку народа в нужном направлении.

П. — наиболее эффективное создание советского режима. Она монопольна и всесильна, ей не противостоит никакая неидеологизированная информация, у нее нет серьезных противников. Это позволяет ей с успехом утверждать себя в закрытом обществе.

Декламируемые принципы советской П. могут ввести в заблуждение неискушенного человека. Это — заманчивые идеалы разумного (“светлого”) будущего: верность свободе, равенству и братству, необходимость мира во всем мире, право человека на труд, на бесплатное образование и материальное обеспечение в старости. П. проповедует защиту интересов семьи и детей, осуждает (“клеймит позором”) взяточничество, стяжательство, пьянство, хулиганство...

Не так-то просто понять, что все эти высокие слова — всего лишь внешняя оболочка, упаковка. Истинное назначение П. — массированное насаждение единых взглядов и представлений, жестко пригнанных к очередной "генеральной линии" партии. Для этой цели создана многообразная и изощренная система мифов.

Один из них — восхваление советского строя как самого современного и прогрессивного в мире, строя, за которым будущее. Широко распространена легенда о партии, выражающей "кровные" интересы народа, о ее вождях (Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко) — выдающихся личностях, бескорыстно преданных делу мира и прогресса. Все они — подлинники марксисты и продолжатели "дела" Ленина (Сталина), люди в быту простые и скромные, а в своей деятельности — гениальные и бескомпромиссные. Советский человек всегда может найти у них защиту, если "случайно" или по воле злого рока будут нарушены его права. Среди постоянно внушаемых "истин" — иллюзии непрерывного прогресса, дальнейшего совершенствования, успехов, роста и процветания советской экономики, науки, культуры. Эта мистификация, подкрепляемая водопадом надуманных сравнений, ложных цифр, победных реляций и рапортов, призвана ежечасно убеждать человека в том, что советская страна победно шествует к коммунизму. Правда, в последнее время стали выражаться скромнее — "укрепляет развитой социализм", но эта "скромность" имеет свои причины.

Мифам сопутствуют призывы, которые вбиваются в сознание в форме коротких императивов: "Партия и народ — едины!", "Партия — наш рулевой!"

При всем том советский пропагандистский аппарат достаточно гибок, чтобы учитывать конъюнктуру в стране и мире. Актуальный в 20-е годы лозунг "Даешь мировую революцию!" давно заменен призывами к мирному сосуществованию и братству между народами. Призывы мириться с лишениями во имя коммунизма и мировой революции сменились обещаниями наступления эры материального

благополучия: сначала — в 80-е годы ("Программа КПСС"), затем — в 90-е ("Продовольственная программа"). Установка на полную ликвидацию всякой личной собственности сменилась осторожным поощрением частной инициативы в деревне — нужно было срочно спасать от полного развала разоренное сельское хозяйство...

Важнейшая особенность советской П. — лицемерие, которое позволяет ей игнорировать пропасть между идеологическими миражами и реальностью. Это лицемерие, подкрепляемое страхом, проникает в сознание советского человека, становится его сущностью, его вторым "я". Он привыкает верить (и одновременно — не верить) самым нелепыми и абсурдными утверждениям П. Тому, например, что террор и борьба с "врагами народа" нужны для спасения революции, что советская оккупация Чехословакии в 1968 г. имела целью предотвратить вторжение туда иностранных армий, что вторжение в Афганистан в 1979 году совершилось по просьбе народов этой страны, а угроза подавить силой выступления рабочих в Польше продиктована верностью Советского Союза взятым на себя обязательствам...

Бесконечное лицемерие коммунистической П. порождает раздвоенность и двоемыслие: на собраниях и митингах человек уверенно пользуется набором типовых пропагандистских клише; в частном кругу, при общении "с себе подобными", — он их высмеивает, оставаясь равнодушным к фальшивым лозунгам. Человек и сам не понимает, чему он верит. Но стереотипы, повторяемые ежедневно, оседают в сознании и, сам того не желая, он постепенно сживается с ними и, не веря, следует им.

Конечно, не всегда удастся полностью приглушить сомнения и недовольство. На этот случай в резерве П. есть испытанное средство снятия напряжения: время от времени в печати, по радио и телевидению дается осторожная, строго дозированная критика действительности. Это создает видимость грядущих перемен и позволяет отвести недовольство в контролируемое русло. Советскому человеку внушают, что партия стоит на страже законности, что недостатки

будут со временем устранены, а виновные в них наказаны. Весьма действенное средство успокоения — периодическое выявление и разоблачение конкретных "виновников" трудностей. В разное время в этом качестве фигурировали интервенты, оппозиционеры, фракционеры, троцкисты, враги народа, вредители, шпионы, диверсанты, немецкие фашисты, империалисты ("бряцающие оружием"), агенты иностранных разведок, космополиты, диссиденты, сионисты, а также разгильдяи, лодыри, расхитители государственного добра, прогульщики, тунеядцы и т. д.

Эти манипуляции в полной мере выявляют "воспитательные" фикции советской П. Ее умение воздействовать на сознание людей привело к появлению феномена века — "гомо советикус". Легко управляемый, привыкший подчиняться партийным директивам, он готов принимать на веру все, что ему скажут. Воспитание этого нового человека — важнейшее достижение советской П., сумевшей, несмотря на серость и штампованность ее доводов (а может быть, именно благодаря этому), заставить себе верить. И не только в СССР: П. давно перешагнула государственные границы и приобрела международное влияние на людей разных стран и разных поколений.

ПРИМЕРЫ:

"С большой отдачей, по-деловому, проходят открытые собрания коммунистов школ района по пропаганде советского образа жизни среди старшеклассников". ("Агитатор", 1984, № 4, с. 48.)

"Империалистическая пропаганда разглагольствует о "советской угрозе". ("Известия", 12 марта 1983, с. 1.)

"Существенная слабость атеистической пропаганды в том, что в верующей семье атеистическое воздействие пока еще слабо". ("Агитатор", 1984, №4, с. 57.)

ПРОПИСКА — обязательная милицейская регистрация факта проживания человека в данном городе и доме, огра-

ничающая право свободного выбора места жительства и работы.

Система П. была введена в СССР в 1932 г. в связи с массовой миграцией крестьян в города, вызванной голодом и преследованиями. Официальная цель П. — упорядочить и улучшить учет населения; неофициальная — оградить город (в особенности — столицу) от притока сельских жителей, усилить контроль над населением и облегчить выявление лиц, скрывающихся от властей.

Система П. регулируется в СССР специальным положением о паспортах. Жителям городов и рабочих поселков, достигшим 16 лет, выдается паспорт, в котором обязательно должен быть штамп прописки. Когда советский гражданин покидает место постоянного жительства более чем на три дня или переселяется даже на соседнюю улицу, он обязан получить в районном отделении милиции разрешение на новую П. Проживание без П. — преступление, мера наказания за которое — крупный штраф или лишение свободы на срок до двух лет. Если милиция не дает разрешения на П., человек обязан выехать из города в течение 24 часов. За задержку — новый штраф или тюрьма. Проживание без П. и паспорта квалифицируется как серьезное уголовное преступление.

Жителям сельских местностей (формально до 1974 г., а по существу — и сейчас) паспорта не выдаются (исключение — Московская и Калининградская области, Прибалтика). Без паспорта крестьяне не вправе покинуть колхоз, не могут селиться в городе, лишены возможности получить работу вне колхоза. Аналогия с дореформенной Россией очевидна. В СССР порядок тот же, что существовал в царской империи до 1861 г. Тогда крепостные целиком зависели от помещиков; сейчас крестьяне зависят от правления колхоза и сельского совета; беглых крепостных полиция по этапу препровождала в деревни; беспаспортных колхозников возвращает милиция.

И тогда, и теперь нужда учила людей обходить законы.

В прошлом крестьяне выкупали у помещика вольную и уходили в город на оброк; в настоящем они откупаются от сельскохозяйственной повинности бутылкой водки и уезжают на большие индустриальные стройки, где легче получить П.

Паспортизация наложила тягостную печать на всю жизнь советского человека. Люди живут и работают не там, где им хотелось бы и где они могли бы лучше использовать свои способности, а там, где удастся получить П. Жители больших городов, боясь потерять П., а с ней и квартиру, избегают переезжать в другой город.

П. превратилась в право на жизнь: без нее нельзя поступить в институт, устроить ребенка в детский сад и школу, получить квартиру, обратиться в поликлинику, попасть в больницу и многое другое. П. позволяет властям контролировать проживание в том или ином районе или городе не только отдельных людей, но и целых народов. В течение десятилетий (при наличии гарантированной работы в колхозах и совхозах) в Крымской области не прописывают крымских татар, депортированных оттуда в 1944 г. Личные соображения или желания при П. не учитываются. Даже детей не всегда прописывают к родителям, а родителей — к детям.

На протяжении многих лет действует закон о запрещении П. в Москве, Ленинграде, в столицах союзных республик и крупных городах без специального вызова на работу. Но вызов — дело тоже не простое. Тут действует положение о лимитной П., право на которую предоставляется далеко не всем учреждениям и предприятиям. Обычно "лимит" распространяется на чернорабочих (которых всегда не хватает) и партийно-государственную элиту. Увольнение с работы автоматически лишает человека лимитной П.

Советские люди ограничены и в передвижении: без разрешения властей они не вправе селиться в пограничных областях, "закрытых" или "режимных" городах — Калининграде, Севастополе, Владивостоке и т. д., а также в поселках, где ведутся "закрытые" работы по расщеплению ядерных

веществ, производству стратегического оружия, добыче драгоценных металлов и пр.

Дополнительные ограничения права на жительство введены для лиц, отбывших срок наказания: в течение нескольких лет им запрещено селиться в крупных центрах. Ограничительный барьер для их П. — 101 км от Москвы и 50–70 км — от столиц союзных республик.

Система П., носящая откровенно дискриминационный характер (на элиту она практически не распространяется), открывает широкий простор произволу и надругательству над человеческой личностью. Характерно, что она сохранена и новым советским положением о паспортной системе (1975 г.), Министерству внутренних дел представлено право бесконтрольно распоряжаться судьбами людей. Нынешние паспорта усовершенствованы. Их нумерация содержит закодированную информацию о категории, к которой отнесен данный гражданин (откуда он прибыл, был ли осужден и по какой статье), что существенно облегчает властям персональный учет, постоянный и упорядоченный контроль за людьми.

ПРИМЕРЫ:

”Для прописки или регистрации в населенных пунктах, расположенных в пограничной зоне, нужно получить особое разрешение в органе внутренних дел”. (“Собрание постановлений правительства СССР”, 1974, № 19.)

”В отделении милиции ему заявили, что он должен немедленно покинуть Москву, так как у него ленинградская прописка”. (“Посев”, 1976 № 7, с. 12.)

”Купить себе площадь можете только через кооператив, а в кооператив принимаются лишь люди с постоянной пропиской”. (“Посев”, 1980, № 8, с. 37.)

ПРОФСОЮЗЫ — массовая профессиональная организация, включенная в систему государственного управления и полностью контролируемая коммунистической партией.

Сразу после Октябрьского переворота, уже в период "военного коммунизма"* было сделано все, чтобы превратить П. в послушные "приводные ремни" политики партии. П., которые по своей программе должны быть органами управления через трудящихся, сначала стали органами управления без трудящихся, а затем органами управления трудящимися.

"Военный коммунизм" закончился, как и начался, в обстановке общенационального кризиса. Предприятия не работали, измученное голодом население городов бежало, недовольство в деревне перерастало в крестьянские восстания. И зимой 1920—1921 гг., под угрозой полной катастрофы, некоторые профсоюзные лидеры предприняли попытку — первую и единственную в истории СССР — вернуть П. некоторые функции хозяйственного управления. В ходе развернувшейся вслед за этим дискуссии о П. ясно проявилось недовольство профсоюзных работников авторитарными и бюрократическими методами управления промышленностью. Было выдвинуто, в частности, требование "профсоюзной демократии": независимости профсоюзных организаций от партийного диктата и государственного контроля.

Профсоюзные руководители предложили неподходящую (для большевиков) программу в неподходящее время (в СССР начал осуществляться переход к НЭПу, новой экономической политике). И Ленин, поддержанный Троцким, потребовал решительного осуждения непокорного профсоюзного руководства. Оторванный от реальной ситуации в стране, мыслящий марксистскими понятиями, он был уверен, что экономический кризис можно преодолеть совершенствованием существующей структуры управления. "Если профсоюзы, т. е. на 0,9 беспартийные рабочие будут назначать управляющих промышленностью, тогда к чему партия?" — заявил он. Правда, Ленин признал, что рабочих надо как-то защитить от государства, чтобы они были способны защищать государство...

* Система тотализации экономики СССР в 1918—1920 гг.

Драма русской революции (и трагедия советского пролетариата) состояла в том, что революция произошла в стране, где преобладало крестьянское население. Поэтому и диктатура пролетариата с самого начала осуществлялась без пролетариата. Стремясь удержать под своим контролем оба конца социальной цепи — централизацию сверху и стихийный энтузиазм масс снизу, X съезд (1921) высказался за превращение П. в административный аппарат, призванный помогать властям в надзоре за трудящимися. По определению Ленина, П. должны были стать "приводным ремнем от партии к массам".

"Огосударствление" профсоюзов (термин Троцкого) превратило их в еще одну обычную советскую организацию, освободившую партийный аппарат от второстепенных административных функций управления хозяйством. П. в СССР стали механизмом, посредством которого КПСС манипулирует трудящимися и осуществляет дополнительный контроль над производством.

В настоящее время П. в Советском Союзе насчитывают 127,5 миллиона человек (76 млн. — рабочие, 39,5 млн. — инженерно-технические работники и служащие, 12 млн. — крестьяне). Они построены по производственному принципу и действуют на основе жестокого централизма. Высший орган П. — ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов) формально избирается на съезде. В его состав входит около 30 отраслевых союзов, объединяющих местные профсоюзные организации, которые имеются на всех советских предприятиях, в учреждениях и организациях.

Права и обязанности П. закреплены в специальном "Положении о профсоюзах". Согласно Положению, их основная задача — "организация и руководство социалистическим соревнованием и контроль за выполнением народно-хозяйственного плана". Члены П. обязаны добросовестно трудиться, соблюдать государственную и трудовую дисциплину, повышать политическую сознательность, посещать общие собрания и т. д.

Внешне П. построены с учетом определенных демократических принципов: предусмотрены собрания, выборы руководящих органов, обжалование решений нижестоящих профсоюзных организаций вышестоящими и т. д. Но в силу общего бесправия П., их полного подчинения партийному диктату все эти положения носят чисто формальный характер и лишены какого бы то ни было реального содержания. Например, советские П. не вправе проводить забастовки. Советский гражданин практически не может выйти из П., т. к. не члену профсоюза трудно получить работу, а работающий не получит нормального пособия по временной нетрудоспособности, путевки в дом отдыха, квартиры и т. д. Без рекомендации П. работающий не может рассчитывать на повышение, его не переведут с одной работы на другую (согласие профсоюза формально необходимо и для увольнения с работы).

П. наделены определенными карательными функциями: в их ведении находятся производственные ("товарищеские") суды; они (вместе с администрацией) могут лишить работника премии, санкционировать дисциплинарные взыскания. В соответствии с указаниями партии П. занимаются и воспитательной работой: организуют лекции, коллективные посещения театров, выставок и т. д.

Полностью подчиненные государству П. следят за соблюдением норм трудового законодательства и ставят вопрос об улучшении условий труда только в тех случаях, когда это нужно партии, и в узких рамках, отведенных им государством.

П., по Ленину, — "школа коммунизма". Это справедливо в том смысле, в каком коммунизм предполагает нравственное равнодушие, социальную пассивность, отчуждение человека от производства и результатов своего труда.

ПРИМЕРЫ:

"Масштабность задач, стоящих перед советскими профсоюзами, требует дальнейшего совершенствования их организаторской и воспитательной деятельности". ("Комсомольская правда", 4 декабря 1982, с. 1.)

”Защищая права и интересы трудящихся, советские профсоюзы постоянно опираются на поддержку закона”. (“Агитатор”, 1983, № 18, с. 31.)

”Уже на седьмой день Великой Октябрьской социалистической революции молодое государство провозгласило свободу профсоюзов”. (“Агитатор”, 1983, № 18, с. 30.)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА — подрывная деятельность Советского Союза против свободных стран, направленная на обработку людей в нужном направлении и использующая такие средства политической диверсии, как шантаж, провокации, запугивание, дезинформацию и т. п.

П. в., как и питающая ее политика, рассматривается советской идеологией в качестве одной из форм классовой борьбы в современном мире. Поскольку общество разделено на враждебные классы (имеется в виду, конечно, капиталистическое общество), то рабочий класс должен вести идеологическую борьбу против буржуазии. Но и внутри самого рабочего движения тоже идет борьба ленинизма с различными уклонами — ”правым”, ”левым”, догматизмом, ревизионизмом, оппортунизмом и т. д. Поскольку в мире сейчас существует два типа общества, то классовое противоборство происходит и на международной арене. Это противоборство и находит свое выражение в идеологической борьбе и обусловленной ею П. в.

В Советском Союзе принято различать оба эти понятия. Идеологическая борьба, по утверждению советской пропаганды, обусловлена классовой структурой буржуазного общества. Следовательно, она не может прекратиться и не противоречит политике мирного сосуществования государств с разным общественным строем. ”Разрядка не отменяет и не может отменить или заменить законов классовой борьбы; никто не может рассчитывать на то, что в условиях разрядки коммунисты примирятся с капиталистической эксплуатацией и монополисты станут сторонниками революции” (Материалы XXV съезда КПСС, с. 33). Отсюда вы-

вод: идеологическая борьба не представляет собой угрозы независимости государств.

В отличие от идеологической борьбы, П. в. коммунисты считают порождением агрессивной политики империализма, духовной диверсией, служащей прелюдией к войне, и потому усматривают в ней нарушение общепринятых международных норм, вмешательство во внутренние дела государств, посягательство на суверенитет и право народов распоряжаться собственной судьбой.

Несомненно между идеологической борьбой и П. в. есть объективные различия и по существу, и в методах ведения. Борьба идеологий предполагает стремление утвердить свою систему ценностей и определенный характер социального поведения. Такая борьба носит характер борьбы идей, концепций, мировоззрений.

П. в. гораздо конкретнее, агрессивнее. Ее назначение — создание среди населения враждебной стороны ложных стереотипов, введение его в заблуждение, запугивание, обман, распространение паники. Конечная цель психологической войны — провоцирование массового недовольства режимом.

Однако в СССР различие между двумя этими формами борьбы мыслится иначе. Любые формы пропаганды, используемые Советским Союзом против Запада средствами теоретического манипулирования или с помощью идеологических диверсий, объявляются идеологической борьбой и признаются законными. Любая же критика советской системы, ее объективное и непредвзятое исследование признаются П. в., т. е. чем-то незаконным.

П. в. вызывает настороженность мировой общественности. Это вынуждает советское руководство изыскивать обходные пути ее ведения. Твердя о миролюбии Советского Союза, оно постоянно подрывает политику разрядки; выступая на словах за разрядку, невмешательство во внутренние дела государств, оно требует для себя свободы сеять смуту и недовольство; призывая к духовной терпимости, оно подчеркивает идеологическую непримиримость. Осо-

бое внимание уделяется разработке изощренных методов П. в. Назовем некоторые из них.

Провоцирование недовольства. В общественное сознание западных стран — с помощью различных социальных каналов компартий, либеральных и пацифистских кругов — внедряется идеологизированное представление о Советском Союзе, как о государстве всеобщего благоденствия. На этом фоне жизнь в открытом обществе, с его реальными проблемами и противоречиями, начинает казаться тяжелой и безрадостной. Считается, и не без оснований, что такое распределение света и тени подготавливает население демократических стран к восприятию коммунистических идей. Апокалипсическое видение Запада, рассчитано и на внутреннее потребление. Его скрытый смысл: у нас, конечно, не очень хорошо, но там — еще хуже.

Подобная "лакировка действительности" — от обратного — призвана оправдать глубокие политические и экономические контрасты в СССР, бесправие и эксплуатацию, которые сегодня уже просто нельзя скрыть.

Информационное манипулирование. Переключение социального интереса с главного на второстепенное. Суть тут в переносе центра тяжести с явлений существенных на мелкие детали и частности. Типичный пример: бесконечные восторги по поводу бесплатного обучения и медицинского обслуживания в СССР. В действительности эти "бесплатные" услуги обходятся советским людям примерно в 40% их зарплаты, отчисляемых государством-работодателем в так называемые общественные фонды. Стоимость этих услуг на Западе составляет менее 10—12% зарплаты. Так что советские люди платят за обучение детей и медицинское обслуживание в 3—4 раза больше того, что они действительно стоят. Однако советская пропаганда полагает — и справедливо, — что рядовому западному обывателю трудно разобраться в тонкостях советской общественной системы. Так коммунистический миф о бесплатном образовании и общедоступной медицине имеет широкое хождение в мире.

Стереотипизация сознания. Создание устойчивых пред-

ставлений об определенных явлениях (стереотипов), которые, откладываясь в памяти, регулируют восприятие информации, придавая ей однозначный смысл. В качестве иллюстрации можно привести самые примитивные идеологические модели: социализм — свобода, капитализм — рабство; социализм — труд, капитализм — безработица и т. д.

Разработаны в СССР и более сложные — многоступенчатые пропагандистские схемы, запускаемые через коммунистическую прессу. Например, комбинация словесных сочетаний, каждое из которых в отдельности нейтрально, но в совокупности вызывает определенное общественное настроение. Так, в газетную полосу с новостями — в том числе рутинными заметками о вооружении Запада — вкрапливаются рассказы о жертвах атомных бомбардировок в Японии. Результат — нужные Москве ассоциации и страхи.

Другой прием — воздействие на подсознание через зрительное восприятие. Простейшее средство — совмещение на одном газетном листе фотографий и текста, не имеющего к ним отношения: скажем, описание экономической депрессии — и портреты преуспевающих бизнесменов; рассказ о нравах и быте миллионеров — и снимки отчаявшихся безработных и т. д.

Очень часто разоблачение западного общества строится на материалах его же прессы: единичные негативные факты собираются, суммируются и предподносятся как нечто типичное, вытекающее из самой сущности "капиталистического образа жизни". Цель все та же — провоцирование неуверенности, недовольства, страха, которые, по мнению советских идеологов, должны усилить идейный разброд на Западе и привести к поиску политической альтернативы.

СССР нередко провоцирует свободные страны на полемику по самым, казалось бы, невыгодным для него вопросам. Поскольку, однако, с одной стороны выступает открытое общество, а с другой — закрытое, то в ходе дискуссии демократическому строю с его реальными недостатками противопоставляется не конкретное коммунистическое государство, а его мифологизированная утопическая модель.

Дискуссии позволяют советской пропаганде расширять плацдармы П. в., вовлекая в нее десятки миллионов людей, далеких от политики. Таковы важнейшие наступательные операции советской П. в.

Есть у нее, однако, и оборонительные задачи: приостановить и задержать распространение в советском обществе либеральных, демократических и гуманистических идей, разрушительных для коммунизма. Тут используется иная тактика и особая стратегия. Главная стратегическая задача обороны — формирование мышления, не способного к самостоятельному анализу, выработка готовых стандартов. С этой целью любая информация подвергается идеологической обработке, делится на "белую" и "черную". Нам не нужна нейтральная информация, заявил на одном из совещаний Зимянин, тогдашний редактор "Правды", а позднее секретарь ЦК КПСС.

Рубежи П. в., наступательные и оборонительные, проходят через партийный и государственный аппарат, захватывают прессу, радио, телевидение, искусство, литературу, поглощая сотни миллиардов рублей — больше, чем бюджет любого советского министерства.

Мироощущение П. в. выражается и в лексике коммунистического языка. Средства массовой коммуникации определяются как "оружие воздействия на умы и души людей", активно используемое в войне идей, работники пропаганды именуются "бойцами агитационно-массового фронта", их назначение — давать "решительный отпор" проiscaм идеологического врага.

ПРИМЕРЫ:

"Важное место в ведении психологической войны отводится органам НАТО". ("Правда", 28 ноября 1983, с. 6.)

"Вашингтон все более активизирует психологическую войну против социалистических государств". ("Правда", 8 октября 1983, с. 5.)

”Р”

РАДИОДИВЕРСАНТЫ – сотрудники зарубежных радиостанций, вещающих на Советский Союз.

Понятие возникло в 50-х годах. Стремясь сохранить право монопольного использования средств массовой коммуникации, Советский Союз с самого начала стал активно глушить западные передачи на языках советских народов и одновременно пытался дискредитировать зарубежные станции и их сотрудников, пользующихся в стране популярностью. С этой целью и было введено в политический лексикон слово Р.

Сам выбор этого слова показывает насколько велик страх советских властей перед информацией. Считается (и не без оснований), что нарушение монополии способно вывести из строя всю отлаженную пропагандистскую машину, снабженную множеством приспособлений для фильтрации и селекции сведений, предназначенных для советских людей.

Советская система наглухо замурована. Поэтому инфильтрация в нее малейших неидеологизированных элементов

способствует ее разложению и распаду. В частности, она совершенно не терпит сравнений, к которым охотно прибегает западное радио. Так, советская печать охотно сообщает сведения о миллиардах долларов, расходуемых Соединенными Штатами на военную помощь дружественным государствам. И вдруг советские граждане узнают, что их государство, испытывающее постоянные затруднения, тратит никак не меньше на поддержку "революционных движений". советским людям, разумеется, известно о враждебном отношении населения к американским войскам в Ливане, но они будут неприятно поражены сообщением о необъявленной войне в Афганистане. Возмущаясь (вместе с советской пропагандой) уничтожением излишков продуктов в западных странах, они будут смущены, узнав о причинах неурожаев в собственной стране. Сопоставления и комментарии подтачивают, разъедают коммунистическую идеологию, порождают в массах сомнения и недовольство.

Объективной информации западных радиостанций, правдивому и непредубежденному изложению фактов советской пропаганде нечего противопоставить. Единственное, что она может, это кричать о грубом искажении действительности, психологической войне, да еще пытаться дискредитировать тех, кто доносит эту информацию до советских людей. Их изображают то ускользнувшими от возмездия гитлеровцами, то грязным "эмигрантским отребьем", то наглыми реваншистами или сионистами — в зависимости от политической потребности. Р. находятся в одном ряду с такими ужасными для советского сознания словами, как "поджигатели войны", "антисоветчики", "антикоммунисты".

ПРИМЕРЫ:

"Самое преступное и подлое в нынешней деятельности радиодиверсантов то, что, перешагнув все границы предательства, они по заданию "Свободы" стараются из всех сил перетянуть на свою сторону, привлечь к своим грязным махинациям кое-кого из казахов, в основном молодых, проживающих за рубежом". ("Казахстанская правда", 18 декабря 1983, с. 3.)

"Многие делегаты заявили, что их страны подвергаются анало-

гичным формам радиодиверсий". ("Социалистическая индустрия", 13 ноября 1982, с. 3.)

РАПОРТ — сообщение о выполнении планов и обязательств, представляемое предприятиями и учреждениями верховным инстанциям (Политбюро, Совету Министров, "лично" генеральному секретарю ЦК КПСС).

В СССР рапортуяют обо всем: о трудовых достижениях и вводе в действие промышленного объекта, об успешном завершении уборочной кампании и выполнении социалистических обязательств, о научных открытиях и удоях молока.

Система Р. испирирована властями. Печать, радио и телевидение представляет Р. как свидетельство преданности грядущих "любимой" партии. Р. будто бы свидетельствует о социальной активности и глубокой внутренней связи народных масс с руководством страны.

Перенос слова Р. из военной сферы в производственную призван утвердить в советском обществе нравы и традиции армейской службы — строгую дисциплину, беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим, неукоснительное исполнение приказов. В обществе последовательно насаждается психологическая атмосфера постоянной готовности к войне, всеобщей мобилизованности.

Рапортуяют только о достижениях. На фактах, касающихся производственных неудач, срывов планов и программ, внимание не акцентируется, они объясняются случайными или частичными причинами.

ПРИМЕРЫ:

"С каждым днем нарастает накал соперничества за право подписать рапорт тружеников Дона XXVI съезду КПСС". ("Партийная жизнь", 1980, № 21, с. 18.)

"Рапорты о выполнении планов и социалистических обязательств по продаже зерна государству поступили из Башкирской и Удмуртской автономных республик". ("Правда", 14 октября 1983, с. 1.)

”С каждым днем нарастает поток трудовых рапортов съезду. От всего сердца рабочие, колхозники, интеллигенция посвящают партийному форуму свои достижения”. (“Правда”, 20 февраля 1981, с. 1.)

РАЧИТЕЛЬНО — пропагандистское представление добросовестного и честного отношения к труду и государственной собственности.

Слово обычно используется в партийных документах: призывах, воззваниях, лозунгах, обращениях к хозяйственным руководителям, рабочим и крестьянам.

В словарях современного русского языка слово Р. дается с пометой ”книжн. устар.”. Оно отражает крестьянские представления о бережливости и хозяйственности.

Неожиданное возрождение слова Р. обусловлено утратой советскими людьми уважения к труду и обесцениванием стандартных призывов такого рода. Рабочий, находящийся на одной из самых низких ступеней общественной лестницы, ущемленный на производстве и при распределении социальных благ, испытывает естественное равнодушие к своему труду, потерям рабочего времени, хищениям государственной собственности.

Изменить это отношение с помощью единственно эффективного средства — коренной перестройки экономики — власти боятся, считая, что социальные реформы подорвут основы тоталитарного режима. Поэтому приходится уповать на пропаганду, апеллируя, в частности, к патриархальному народному сознанию.

Слово Р., в котором явственно ощущается традиционная для крестьян бережливость и основательность, призвано создать иллюзию, будто материальные ценности принадлежат обществу, т. е. всем и каждому. А коль скоро это так, к ним следует относиться как к собственному добру — Р., по-хозяйски.

Нет нужды объяснять, что так называемое государственное достояние не принадлежит массам. Пользоваться и распоряжаться им может лишь коммунистическая элита. Есте-

ственно, что постоянные призывы к рачительности ничего не меняют. Более того. От частого употребления слово стирается, его восприятие слабеет. Это побуждает пропаганду изыскивать все новые средства, чтобы придать ему убедительность. В частности, Р. нередко подается в сопровождении слов, близких ему по значению: "Р. и бережно", "заботливо и Р.", "добросовестно и Р." и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Свободное время – социальное достояние, которое можно и нужно рачительно и бережно использовать...". ("Коммунист", 1979, № 8, с. 35.)

"Время... Заботясь о рачительном его использовании, дорожа каждой минутой, мы вместе с тем знаем, как важно в оценке своих дел, достижений Родины не забывать о точке отсчета". ("Правда", 1 февраля 1981, с. 2.)

"Ныне экономия, рачительное отношение к народному добру – это вопрос реальности наших планов". ("Агитатор", 1983, № 9, с. 4.)

РЕАКЦИОННЫЙ – противоречащий советской политике или идеологии.

Под понятие Р. подводятся любые действия, события, теории, не укладывающиеся в метафизические рамки прогресса по-коммунистически: демократические режимы и институты, либеральные государственные деятели, передовые социальные концепции, идеалистические философские системы, модернистское и абстрактное искусство, современная литература, научные теории, религиозные ценности.

Так, Р. были объявлены крупнейшие научные открытия в генетике, кибернетике, психологии. При этом использование этого ярлыка всегда зависело от политической конъюнктуры. Особенно наглядно это ощущалось в оценке общественных деятелей, партий и государств. На протяжении последних 40 лет Югославия несколько раз объявлялась то Р., то прогрессивной. Примерно то же (правда, в иной последовательности) произошло и с Китаем: сначала он шел в "авангарде прогресса", затем оказался в "Р. лагере".

При изображении явлений советской действительности термин Р. употребляется крайне редко (ведь социализм — это прогресс). Исключение связано с проявлениями национального самосознания: "Р. украинский национализм", "Р. сущность сионизма". Так же характеризуются религиозные секты, отвергающие контроль государства ("Р. деятельность иеговистов").

Обращение советской пропаганды к Р. безошибочно свидетельствует об оценке советскими властями тех или иных социальных и политических явлений.

Для усиления воздействия Р. часто подается в сопровождении слов "крайне", "откровенно", "наиболее" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"В то же время происходит заметная активизация империалистических реакционных сил, которые хотели бы сдержать дальнейшее развитие позитивных тенденций в международных отношениях, образно говоря, подвергнуть здание разрядки испытанию на прочность". ("Коммунист", 1978, № 16, с. 17.)

"...буржуазии с помощью реакционных деятелей в профсоюзах капиталистических стран удалось противопоставить друг другу различные отряды и слои трудящихся, расколоть международное профсоюзное движение". ("Проблемы мира и социализма", 1980, № 3, с. 10.)

РЕЖИМ — политическое устройство или образ правления, которые советские власти стремятся изобразить как реакционные, антинародные.

Презрительный смысл слово Р. приобрело в первые после-революционные годы, когда коммунистическая система противопоставлялась царскому Р. Впоследствии термин стал широко использоваться для определения государственной власти в странах, неудобных Советскому Союзу: "профашистский Р.", "Р. Франко", "сионистский Р. Израиля", "проамериканский Р. Чили" и т. д. Часто встречается и в словосочетаниях типа "предательский Р.", "военно-диктаторский Р.",

"репрессивный Р.", "кровавый Р.", "расистский Р.", "преступный Р.", "Р. геноцида" и пр.

Напротив, для описания коммунистического общественного порядка употребляется "благозвучное" слово "строй": "прогрессивный", "демократический", "советский" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Глава гватемальского режима генерал О. Мехиа назначил полковника Р. Самору на пост начальника генерального штаба гватемальской армии". ("Красная Звезда", 2 ноября 1983, с. 3.)

"Правителям Претории, которые делают ставку на карателей, пытаясь спасти расистский режим, не мешало бы вспомнить о позорном финале главарей третьего рейха". ("Известия", 30 сентября 1981, с. 4.)

"Но впереди еще тяжелая борьба с расистским режимом за национальное и социальное освобождение трудящихся Южной Африки". ("Правда", 14 октября 1983, с. 5.)

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ — категорические возражения против действий или высказываний, затрагивающих советские интересы.

Р. п. может принадлежать и отдельному лицу, но чаще представляет собой коллективное заявление, инспирированное советскими властями. В таких случаях организуется специальное собрание или митинг. На нем выступают несколько отобранных лиц и зачитывают подготовленные для них тексты речей и резолюций. Все резолюции, разумеется, принимаются "единогласно". На следующий день в печати появляется сообщение, что советский народ "решительно протестует" (вариации: "гневно осуждает", "массовая волна протестов", "мощная волна протестов" и т. д.).

Гиперболизация протеста как явления и лексические приемы его выражения призваны замаскировать бесправие советского человека в тисках тоталитарного режима. Он лишен возможности высказать самое обычное недовольство,

а Р. п. ему разрешают заявлять лишь в обстоятельствах, которые не имеют к нему никакого отношения (скажем, когда речь о положении американских индейцев или аборигенов Австралии).

К заявлениям, осуждающим действия советского руководства, Р. п. обычно не применяется. Тут в ходу совсем иные клише: "злобная клевета", "грубые нападки" и пр.

Выражение Р. п. — книжное, сугубо пропагандистское, в разговорной речи практически не встречается.

ПРИМЕРЫ:

"Глубокую тревогу и решительный протест народов вызывает стремление американского империализма вести человечество к пропасти ядерной войны". ("Правда", 10 декабря 1983, с. 1.)

"По всей Польше проходят митинги, участники которых заявляют решительный протест против решения совета НАТО". ("Известия", 19 декабря 1979, с. 1.)

"Решительный протест против агрессивных планов империализма выразили участники многотысячного митинга в г. Галле". ("Комсомольская правда", 23 октября 1983, с. 1.)

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ... — экспрессивное требование о невмешательстве в дела государства, находящегося в сфере политических интересов Советского Союза.

Выражение вошло в пропагандистский обиход в период гражданской войны в России, когда английские рабочие создали организацию "Руки прочь от Советской России". Это название превратилось в лозунг коммунистических партий, демонстрировавших "пролетарскую солидарность" с Советским Союзом.

Словосочетание Р. п. о... позднее было переосмыслено и стало употребляться в советском языке как универсальное предостережение всем, кто посягает на режимы, поддерживаемые СССР. Широко используется в заголовках газет,

на демонстрациях и митингах, организованных для осуждения политики западных государств.

ПРИМЕРЫ:

"Руки прочь от Афганистана!" ("Красная звезда", 27 июня 1979, с. 2.)

"Руки прочь от Гренады!" ("Комсомольская правда", 28 октября 1983, с. 3.)

”С”

САМООТВЕРЖЕННЫЙ — идеологизированное определение коммунистической жертвенности.

Советская идеология требует готовности к самоотречению — вплоть до полного самозабвения — не только в исключительных обстоятельствах (война, голод, стихийные бедствия), но и в рутинной жизни — в труде, политической деятельности, личных отношениях. Требование самоотверженности сохраняется на всем протяжении почти 70-летней истории СССР, что само по себе свидетельствует об антигуманной природе коммунистического режима и лицемерии пресловутого лозунга: ”Все для человека, все во имя человека”.

Призывы к бесконечной самоотверженности отнюдь не случайны. При плохой организации и нищенской оплате труда, при системе, когда всегда чего-то не хватает (транспорта, сырья, инструмента), мало просто работать, надо работать самоотверженно, на износ, с бесконечными авралами и штурмовщиной.

Слово С. применительно к общественной работе призвано скрыть ее серость, пустоту и бессмысленность. Призывы к самоотверженности в быту продиктованы постоянными трудностями и лишениями повседневной жизни.

В плане идеологическом в утверждении С. усматривается лесть народу: такая оценка, по мысли властей, должна побуждать людей к все новым усилиям, вызывать бодрость и желание работать с полной отдачей сил.

Искусственное расширение социальной сферы приложения понятия С. лишает его смысла. Когда о рутинных трудовых действиях говорят С., а в людях, выполняющих норму, видят борцов, это не может не вызывать усмешки.

ПРИМЕРЫ:

“Золотыми руками самоотверженных тружеников создаются все материальные и духовные ценности”. (“Агитатор”, 1979, № 1, с. 37.)

“Самоотверженный труд, забота об общем благе, о человеке отличает всех кандидатов в депутаты”. (“Правда”, 25 февраля 1979, с. 2.)

“...самоотверженный труд сформировал гармоническую личность человека эпохи зрелого социализма”. (“Известия”, 12 марта 1984, с. 3.)

СВЕРШЕНИЯ — осуществление замыслов и проектов, призванных увековечить советскую систему.

Слово С. используется в советском языке для характеристики как действительно крупных начинаний, так и при описании явлений вполне заурядных, будничных.

С. именуются выполнение и пятилетки, и производственного задания, и обязательств в социалистическом соревновании; завершение строительства важного промышленного объекта и сдача в срок жилого дома, освоение новой продукции и т. д. При этом во всех случаях подчеркивается, что данные С. — результат мудрого руководства партии,

и состоялись они не иначе, как во имя "великой цели".

Слово используется во многих сочетаниях: "коллективные С.", "творческие С.", "С. партии и народа", "С. советского народа", "С. человеческого духа", "С. нашей героической действительности". Значительность и важность С. подчеркивается "яркими" определениями: "славные", "великие", "грандиозные", "героические", "крупные", "замечательные", "исторические", "высочайшие" и т. п.

ПРИМЕРЫ:

"О масштабах нынешних свершений Кабардино-Балкарии свидетельствуют цифры". ("Известия", 1 сентября 1981, с. 3.)

"Нынешний период жизни страны отмечен важными событиями и свершениями". ("Агитатор", 1983, № 19, с. 20.)

"Да и впоследствии ветераны стараются не оставлять ребят вне поля зрения, словом и личным примером увлекают на трудовые свершения". ("Красная Звезда", 26 октября 1983, с. 4.)

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ — синоним коммунизма.

Подобное отождествление основано на марксистско-ленинской идее социального прогресса, который должен неизбежно привести человечество к коммунизму, это и есть его С. б. При этом подчеркивается, что именно марксизм указал человечеству дорогу, по которой в наши дни бодро шагают все прогрессивные люди земли.

В разговорной речи выражение С. б. давно приобрело иронический смысл: к нему обращаются, когда стремятся подчеркнуть вздорность и несостоятельность коммунистических проектов социального переустройства мира. В результате даже в книжной лексике С. б. постепенно вытесняется менее "высокими" словосочетаниями: "бесклассовое общество", "коммунистическая формация". Лишенные экспрессии, они хотя бы не вызывают столь явной иронии.

ПРИМЕРЫ:

"Красный цвет... символизирует борьбу за светлое будущее..." ("Новое время", 1980, № 18, с. 13.)

"Советская литература находится в первых рядах строителей новой жизни, она вселяет в людей уверенность в светлое будущее, помогает им работать и мечтать". ("Литературная газета", 8 июня 1981, с. 6.)

"Каждый день приносит вести о том, что многомиллионный поход народов за светлое будущее планеты набирает силу". ("Новое время", 1980, № 15, с. 1.)

СДЕЛКА — договор, заключенный без участия СССР и не соответствующий его интересам.

Употребляется для дискредитации коммерческих соглашений и политических союзов свободных стран. В таком контексте С. близка по значению слову "сговор", но с более оскорбительным оттенком.

С. заранее предполагает неблагоприятные, предосудительные цели, тайну и взаимное лицемерие. Чтобы устранить всякие сомнения, слово обычно дается в сопровождении прилагательных: "коварная С.", "подлая С.", "низкая С." и т. д.

Оттенок своекорыстия, низости, продажности, свойственный слову С., переносится с соглашений-сделок на государства, между которыми они заключаются. Естественно, что подобные С. вызывают "волну протестов" среди трудящихся Советского Союза, которые чаще всего не имеют ни малейшего понятия о существовании этой "коварной С."

ПРИМЕРЫ:

"Палестинская проблема имеет долгую и драматическую историю. Ее возникновение — результат сделки англо-американского империализма с сионизмом". ("Международная жизнь", 1979, № 11, с. 154.)

"Не только арабская, но и вся прогрессивная мировая общественность расценила кэмп-дэвидское соглашение как неокOLONиалистическую сделку". ("Новое время", 1980, № 42, с. 28.)

"Громко разafiшированный антиарабский сговор так и не привел еще к оформлению сделки о "мире" на американо-израильских условиях". ("Правда", 31 декабря 1978, с. 7.)

СЛАВНЫЙ — характеристика, занимающая в системе советских ценностей промежуточное положение: где-то между "великий" ("исторический") и "будничныи" ("повседневный").

С. объявляются успехи экономики СССР (и других социалистических стран), личные и коллективные достижения советских граждан и т. д. В то же время явления, к которым прилагается характеристика С., строго дозируются.

К примеру, С. юбилеем именуются события, касающиеся исключительно истории КПСС, советского государства или мирового коммунизма: "С. юбилей Парижской коммуны", "С. годовщина начала целинной эпопеи". Нельзя себе представить, чтобы в разряд С. было зачислено событие (хотя бы и исторического значения), если Советский Союз и мировой коммунизм не имеют к нему отношения. Так, в истории английской революции или борьбы за независимость США будут обязательно отмечены моменты, лишаящие их почетного права называться С.

Правда, для характеристики "прогрессивных" (в советском понимании) событий иногда используется более скромное словосочетание — "С. дата". В этих случаях речь может идти и не о коммунистической истории, но непременно о чем-то сугубо положительном по советскому аксиологическому табелю. К "С. датам" причисляются победы русского оружия, присоединение других народов к России и т. п.

Весьма часто С. именуются объекты, которые в Советском Союзе отнюдь не пользуются уважением: "С. рабочий класс", "С. коллектив завода". Здесь употребление С. —

дань традиционной марксистской идеологии, провозглашающей пролетариат гегемоном коммунистической революции.

Наконец, существует устойчивое словосочетание "С. партия", которое относится только к коммунистической партии Советского Союза. Все прочие компартии могут быть передовыми, прогрессивными, даже великими, но никак не С. — это место занято.

ПРИМЕРЫ:

"Со всех концов советской земли в эти дни в Москву, в Кремль, идут рапорты о славных трудовых свершениях героического рабочего класса Страны Советов, славного колхозного крестьянства, народной интеллигенции". ("Советская культура", 3 ноября 1978, с. 1.)

"Отмечая ... славную историческую дату — 50-летие первого пятилетнего плана, советские люди испытывают волнующее чувство гордости за свою Родину". ("Агитатор", 1979, № 8, с. 8.)

"Всемирное движение сторонников мира вписало немало ярких и славных страниц в борьбу народов за прочный справедливый мир, за разрядку, прекращение гонки вооружений и разоружение". ("За рубежом", 1979, № 18, с. 14.)

СОВЕТСКИЙ НАРОД — многие народы, зачастую совершенно несхожие, но искусственно зачисленные пропагандой в некую человеческую общность, обладающую будто бы едиными интересами и устремлениями.

Исторически становление и формирование С. н. связывается с октябрьским переворотом, социально — с утверждением новых коммунистических отношений. Его географические рамки пока очерчиваются границами Советского Союза — последней из существующих империй и, кажется, единственной в истории, где народы и народности исчезают, проваливаются как в пропасть, утрачивая культуру, обычаи, нравы, государственность, и где унификация идей призвана заглушить национальное своеобразие.

Советская идеология оперирует понятием С. н. как некой

абстракцией, воплощением вселенского коммунистического духа. Краткие и не слишком вразумительные комментарии поясняют, что речь идет о "сближении" социалистических наций на основе интернационализации их политической и хозяйственной жизни

Истоки С. н. восходят к двум лозунгам: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и "Униженные народы всех государств, объединяйтесь!".

Сразу же после октябрьского переворота выяснилось, что эти лозунги несовместимы. Ленин сказал об этом предельно четко: "Никакого закрепления национализма пролетариат поддержать не может — напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок" (Ленин. Собр. соч., т. 24, с. 133). "Закрепления" национального самосознания в советской России, действительно, не произошло, и это стало очевидным уже в 1920 г. Не произошло, впрочем, и стирания национальных перегородок, хотя это обнаружилось значительно позже.

Чтобы закрепить победу, сделать революцию необратимой, большевики попытались вывести коммунистический строй за пределы своего государства. Однако мировой пролетариат за ними не пошел. После нескольких неудавшихся попыток экспортировать революцию в Европу большевики решили — у них просто не оставалось иного выбора — обратиться вглубь собственной страны, использовать для спасения шатающегося режима динамизм угнетенных народов.

И здесь коммунисты оказались перед непреодолимой антиномией двух концепций: интернациональной (солидарность пролетариата, не знающая границ) и национальной (признание самобытности народов). Эта борьба на многие годы определила (и все еще продолжает определять) феномен С. н.

Стремление расширить государство и придать ему монолитность требовало объединения в одно целое распадавшихся национальных осколков бывшей России. Но чтобы побудить их к объединению, надо было предоставить им (или,

как минимум, обещать) какую-то долю самостоятельности.

В качестве места проведения эксперимента — практического осуществления "союза нового типа" — была выбрана Российская Федерация, которой предстояло стать прообразом социалистических государств будущего. Здесь последовательно (а нередко — и параллельно) шли два процесса. С одной стороны, "интернационализация" — уничтожение самобытных обычаев и традиций, а заодно и их носителей — старой интеллигенции. С другой — "национализация": велась ускоренная подготовка местных кадров, поспешно создавались местные языки и письменность (даже если заранее было известно, что говорить и писать на них будет всего несколько тысяч человек), изобретались культуры, народы объединялись (и делились) в искусственные формирования.

Но даже эта, во многом призрачная независимость очень скоро пришла в противоречие с основными устоями власти. Те немногие права, которые республики получили в 20-е годы, к середине 30-х годов были полностью ликвидированы. Сформировалась новая колониальная империя — СССР, сцементированная категорическим императивом насильственного единства, именуемого "союзом". Средством решения национального вопроса было выбрано исчезновение наций через возникновение, оформление и становление новой исторической общности — С. н.

Практические шаги в этом направлении были сделаны раньше: подлинно национальная культура подавлялась, вместо нее в принудительном порядке внедрялись русская культура, русский язык и традиции. Русификация распространилась и на социальную жизнь. Русские были провозглашены главным народом, а нации разделены на самые достойные (русские), достойные (славянские народы), не вполне достойные (прибалтийские народы) и недостойные (преимущественно мусульманские, шесть из которых были обвинены в предательстве и репрессированы).

Советское государство постепенно приобрело очертания

старого Московского царства — антинародного по существу и общенародного по размаху насилия. Революционная Россия формировала С. н. по привычной схеме москвоцентризма (“начинается Земля, как известно, от Кремля”) — приоритете и абсолютизации России. На практике это выразилось в приоритете страданий и жертв среди русского народа.

“Семья наций”, представляемая как С. н., приобретала все более русские очертания, а национальная культура сводилась к национальной оболочке, в которую рекомендовалось упаковывать социалистическое содержание. Впрочем, уже к 60-м годам социалистическое содержание стало формой, данью традиции, а национальная форма наполнилась содержанием: социалистический балласт вытесняется, а национальная природа усиливается. Как уже неоднократно бывало в истории, национальное возрождение перерастает в ренессанс, смывая иллюзию существования некоего С. н.

С. н. оказался расколотым. Из него стали вываливаться социальные пласты и целые нации: народ без родины (евреи), народ-мятежник (и тоже без отечества — крымские татары), братья-враги (украинцы, мусульманские народы, прибалты). Всем предлагалось либо ассимилироваться и исчезнуть, либо просто перестать существовать — так понимается в Советском Союзе “единство” и “общность” народов.

ПРИМЕРЫ:

“Советский народ — народ исключительного мужества, трудолюбия, выносливости, душевной щедрости...”. (“Агитатор”, 1982, № 23, с. 14.)

“Ветераны революции, герои труда нашего Калининского района широко участвуют в пропаганде славного пути советского народа”. (“Агитатор”, 1983, № 19, с. 48.)

“Внешняя политика СССР выражает жизненные интересы советского народа, интересы всех, кому дороги идеалы мира”. (“Правда”, 10 декабря 1983, с. 1.)

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ — совокупность социальных и нравственных форм жизнедеятельности советских людей, обусловленных тоталитарным режимом государства.

С. о. ж. адекватен понятию "образ жизни в советском государстве". В первом случае речь идет об отличительных чертах общественной жизни, единых для всех советских граждан, во втором — о положении человека в системе власти и производства, от чего зависят его права, обязанности и привилегии; в этом смысле было бы, пожалуй, правильнее говорить не об одном, а о многих образах, или укладах жизни в Советском Союзе.

С. о. ж. — это прежде всего та атмосфера, которая формирует советского человека: его мироощущение и подсознание, его политическую нетерпимость, нравственный дуализм и психологическое двоемыслие. И, как естественное дополнение к этому, — преклонение перед силой и культом вождей. Типичные для советского человека черты характера вытачиваются и шлифуются на едином станке, а потом собираются вместе на поточной коллективистской машине. Программа обработки определена жестко: "кто не с нами — тот против нас", "если враг не сдается — его уничтожают", "правильно и справедливо все, что служит коммунизму", "великая цель оправдывает любые средства".

В программе КПСС, принятой при Хрущеве, было записано, что уже в 70-х годах наступит изобилие. Однако на пороге второй половины 80-х годов обнаружилось, что по жизненному уровню Советский Союз находится на 24-м месте в мире и отстает по этому показателю от царской России более чем вдвое. Если же сравнивать национальный доход на душу населения, то СССР в мировой таблице занимает еще менее почетное место — двадцать девятое.

Анализ показывает, что более трети всего государственного фонда зарплаты (а он составляет в СССР основной источник доходов) поступает в распоряжение 10% населения: 3% приходится на долю партийного и советского аппарата, 2% — на офицеров и генералов, 2% — на научных со-

трудников, 3% — на руководителей промышленности и сельского хозяйства.

Отсюда вовсе не следует, что советская элита получает очень уж много — правительство не переплачивает никому. Но эти цифры дают представление о том, сколько оно недоплачивает всем другим.

В СССР вознаграждают не за труд, а за заслуги перед властью. Чем выше положение человека в элите, тем щедрее вознаграждение. При этом важны не ум, дарование и квалификация. Важна лояльность режиму и близость к его вождям.

Напротив, чем дальше отстоит человек от рычагов государственного механизма, чем меньше он связан с главной сферой деятельности — защитой режима, тем ниже его доходы и возможности. Тут тоже не имеет особого значения социальная полезность его труда.

Доход 30% населения (главным образом, жителей села) не превышает 43 рублей в месяц на человека; доход в семьях рабочих (27% населения) — 48 рублей в месяц на человека, что меньше официального прожиточного минимума (55—56 руб.).

Нельзя сказать, что сами власти довольны столь низким уровнем дохода. Рабочие и крестьяне — это классы, от которых зависит благополучие режима, и режим заинтересован в том, чтобы они и работали, и зарабатывали больше. Но тут возникает заколдованный круг: низкая производительность труда — низкая зарплата — низкая производительность... В советском фольклоре эта мысль выражена еще четче: "Они делают вид, что платят нам зарплату, а мы делаем вид, что работаем".

Власти, конечно, знают положение вещей, но вынуждены с ним мириться. Слишком шатко экономическое равновесие, слишком велик страх перед массами, которым нечего терять. Дело тут не только в конкретных фактах неподчинения начальству, но и в коммунистической идеологии, которая провозгласила, что обездоленный пролетариат (а рабочий класс в России сейчас беднее, чем до революции) и без-

земельное крестьянство (советское колхозное крестьянство практически лишено имущества) — основная сила революции.

Коммунистический режим нашел выход: советским людям обеспечен элементарный минимум социальной защищенности. Каждому обеспечено рабочее место (гарантированное право на труд привело к созданию миллионов фиктивных рабочих мест), какая-то крыша над головой (6—7 кв. м. жилой площади на человека), квартирная плата смехотворно низка, многие услуги бесплатны. Вместе с тем скольконибудь существенного повышения жизненного уровня народным массам ждать не приходится — для этого нужны радикальные социальные и политические реформы, на что советское руководство пойти не может. В результате Советский Союз все больше отстает от темпов XX века.

В понятиях марксистской теории, страна созрела для революции: производственные отношения явно тормозят развитие производительных сил, а партократия создала себе могильщика в лице трудовых классов. Но революционной ситуации в СССР нет. И вряд ли можно предсказать, когда она наступит. Советское общество нельзя мерить обычными социальными стандартами.

В Советском Союзе сейчас нет ни массовых арестов, ни широких репрессий. Но в нем господствует постоянное напряжение. Женщины задавлены тяжелой работой и хозяйством; дети — абсурдными школьными программами; мужчины — поиском добавочного заработка. Люди не живут, а ведут изнурительную борьбу за существование. И сама власть утратила стабильность, стала нервной и беспокойной. Ее преследует страх.

Безысходность усугубляется тем, что самые необходимые предметы — продукты питания и товары широкого потребления — нельзя просто купить в магазине. Приходится выстаивать в очередях или многократно переплачивать на черном рынке.

Бесплатность и общедоступность медицинской помощи в СССР давно превратилась в миф. Советский человек вы-

нужден платить (давать взятку) за то, чтобы попасть в больницу. Но и в самой больнице он должен докупать питание, оплачивать уход, приобретать на свои деньги лекарства. Немыслимо "просто так" получить и путевку в дом отдыха: "бесплатная" путевка стоит в два раза дороже ее номинальной стоимости...

В результате — С. о. ж. приобретает все более законченный криминальный облик: государство обкрадывает граждан, граждане обворовывают государство и друг друга. Уголовные нравы распространяются с преступников универсального типа (обычных для партократической среды) на тех, кто их обслуживает, и дальше — на типы предкриминальные, для которых нормальное социальное поведение сочетается с предрасположенностью к преступлениям при благоприятной ситуации. Впрочем, это характерно уже для всех слоев советского общества...

Советские люди, ограбленные государством, не остаются в долгу. Но если "улов" трудящихся невелик — много ли можно украсть с завода или с колхозного поля? — то партийные воротилы и бизнесмены, имеющие доступ к государственным банкам, хранилищам, складам, ведут счет на миллионы.

Масштабы преступности в СССР огромны. Однако нелепо связывать их с какими-либо особенностями национального характера. Они коренятся в С. о. ж.

Преступность в СССР можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, как следствие объективных причин, т. е. порождающих ее социальных явлений. Во-вторых, как следствие тлетворного влияния на общественную нравственность узаконенной преступности правящих кругов. В обоих случаях изначальную базу всеохватывающей преступности составляет система социальной мистификации: строительства коммунизма, преодоления различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, и т. д. и т. п.

Единственным реальным благом в этом царстве фикций оказывается социальный статус и деньги: только они опреде-

ляют положение человека и его престиж. Любое вертикальное продвижение в обществе — функция социального статуса. Статус открывает возможности приобретения не только количественных благ (денег, привилегий), но и самого качества жизни (престижа, власти). Дом, в котором человек живет, магазин, где он делает покупки, машина и многое другое зависят от того, где человек работает и какую должность занимает.

Официальная мораль рекомендует типовые пути достижения этих целей: учеба, послушание, труд. Трудись, внушает она, и ты достигнешь признания, известности, уважения. Однако того, кто поверит в эти методы достижения счастья, ждет горькое разочарование. Очень скоро он обнаруживает, что успех несравненно больше зависит от связей или происхождения. Разрыв между официальной нравственностью и жесткой реальностью порождает неверие в любые идеалы, лицемерие, цинизм. Так создаются условия, при которых законные, но неэффективные средства достижения жизненных целей вытесняются куда более действенными преступными. Средства оцениваются уже не по их нравственному потенциалу или соответствию закону, а исключительно по их результативности. Мошенничество, коррупция, воровство — весь набор формально запрещенных средств — становятся нормальным образом жизни.

В погоне за деньгами и властью люди переходят границы закона, не без основания полагая, что именно в запретной зоне их ждет успех, а вероятная выгода с лихвой окупит маловероятные неприятности. Все, что окружает советского человека — квартира, мебель, одежда, продукты, автомашина, даже гроб — добыто если не в нарушение закона, то в обход его.

В системе государственно-монополистического коммунизма преступления становятся частью внутренней политики, ибо именно эта политика порождает преступность. В одних случаях власть служит предпосылкой коррупции, в других — коррупция выступает как средство приобретения власти.

Люди, вставшие на путь преступности, очень скоро убеждаются в том, что их методы не отличаются особой оригинальностью: именно эти методы приняты в коридорах власти. Повышая же преступным путем свой социальный статус, человек обеспечивает себе социальный иммунитет, который партия предоставляет "своим" преступникам.

ПРИМЕРЫ:

"Противник идет на коварство и клевету, на шантаж и подкуп, пользуясь любой возможностью, чтобы малейшие наши просчеты, заблуждения и ошибки направить против советского образа жизни". ("Литературная газета, 1 июля 1981, с. 3.)

"Наша действительность дает богатейший материал для показа советского образа жизни, расцвета духовных сил народа, повышения благосостояния". ("Правда", 21 декабря 1982, с. 1.)

"Советский образ жизни – это реальное воплощение высоких духовных ценностей и идеалов социализма". ("Агитатор", 1982, № 23, с. 35.)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ – основной (объявленный единственным) художественный метод советского искусства, выражающий его классовую и партийную сущность.

Главный принцип С. р. – отражение действительности в ее "революционном" развитии и коммунистической перспективе. Этот эстетический идеал воплощается в особом типе современного героя и формализуется в строгой системе требований: идейности, народности, партийности, исторического оптимизма, в решительном неприятии формализма, натурализма и субъективизма.

В основу формулы С. р. (старческой причуды Горького), достаточно гибкой и эластичной, чтобы вместить в себя бесчисленное количество служителей муз в Советском Союзе и за ее пределами, положена идея суперреализма: изображать настоящее (или прошлое) так, чтобы за ним было вид-

но будущее. По-существу же — таким, каким его представляет (или хотело бы видеть) партийное руководство.

Конечно, это должно быть страстное восхваление коммунизма. Прямое и откровенное — если произведение посвящено современности; опосредствованное — если оно обращено к прошлому (ведь прошлое и настоящее — лишь этапы на пути к прекрасной цели, коммунизму).

С. р. предоставляет художественному воображению неограниченную возможность рисовать жизнь в марксистских категориях борьбы, в которой, однако, всегда побеждает добродетель. Трагедия непременно оказывается оптимистической (герой гибнет, но коммунистические идеалы торжествуют), сатира сокрушает буржуазные нравы и пережитки прошлого, поэзия напоминает зарифмованные нравоучения в духе программы КПСС.

Искусство С. р. переносит атмосферу борьбы во внутренний мир человека. Самый обычный производственный процесс — строительство завода, пуск шахты, сбор урожая — наполняется "глубоким духовным смыслом". Это не просто этапы на пути создания материально-технической базы коммунизма, но и важнейшее средство формирования нового человека. Лозунг БАМа: "Мы строим дорогу, дорога строит нас".

В процессе борьбы человек из темного становится светлым, из непросвещенного — образованным, из несознательного — высоконравственным. Это восхождение завершает формирование характера положительного героя (изобретение Горького) — личности смелой, самоотверженной, с ясным умом и светлой жизненной целью. Ему, правда, полагается иметь и мелкие недостатки — но только для того, чтобы сохранить возможность дальнейшего самоусовершенствования.

С позиции С. р. типичными признаются не характеры, широко распространенные в жизни, а образы, воплощающие коммунистический идеал. Сконструированные по этим рецептам положительные герои одно время наводняли литературу. В 40–50-е годы из произведений вообще исчезли ре-

альные конфликты: драматические коллизии выражались в борьбе хорошего с лучшим, героев просто положительных с очень положительными, отличными, передовыми во всех отношениях.

На этом фундаменте С. р. возводил партийность советского искусства. Художественное творчество все более теряло свою автономность, свое собственное значение. Его целью стало выполнение текущих задач коммунистического строительства, писатели были объявлены инженерами человеческих душ. Понятие искренности было отвергнуто, все должно было быть подчинено целям коммунистического воспитания. Выбор тем, изобразительных средств, героев диктовались писателю "исторической" (т. е. политической) целесообразностью.

В период индустриализации насаждались производственные темы, в годы войны — патриотические. В послевоенные — на различных этапах "зрелого" социализма — важнейшими считались темы нравственные и воспитательные. Искусство было зажато между революционным прошлым и коммунистическим будущим — без настоящего. В соответствии с идеалом, должное надлежало трактовать как существующее, под народностью стали понимать простоту (упрощенность) и доступность для масс. Отступление от этих принципов или поиски новых форм выразительности приравнивались к антипартийной и антигосударственной деятельности. При этом всемерно утверждалось право искусства на "возвышенный обман" — извращение действительности во имя высшей цели.

Есть, однако, парадокс, который С. р. не может объяснить: зачем приукрашивать советскую жизнь, если она и без того прекрасна? В самих принципах С. р. заключено неразрешимое противоречие: социалистическое — оно теряет реализм, оставаясь реалистическим, оно перестает служить социализму. На практике получилось нечто такое — не вполне социалистическое и совсем не реалистическое, — что не удовлетворяет ни художников, ни партию.

В чем С. р. действительно себя нашел — это в создании

собственного советского языка. Точнее, они нашли друг друга: искусству С. р. так же необходим советский язык, как С. р. — орвелловскому новоречию.

ПРИМЕРЫ:

”Большой вклад в обогащение духовной жизни трудящихся, в их воспитание на коммунистических идеалах вносят литература и искусство социалистического реализма”. (“Вопросы философии”, 1983, № 7, с. 45.)

”...метод социалистического реализма требует от художника классового подхода при исследовании и отображении жизни”. (“Огонек”, 1984, № 6, с. 28.)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ — один из методов развития советской экономики, рассматриваемый как средство коммунистического воспитания и новая форма общественных отношений между людьми.

Основная идея С. с. — использование в производственной деятельности методов состязания. Легко видеть в этом попытку найти замену капиталистической конкуренции, попытку искусственную и с самого начала бесплодную.

Два источника в разное время питали С. с.: энтузиазм и страх. Энтузиазм был порождением революционных лет. Люди жили в нищете и умирали от голода, искренне веря, что строят ”рай” для потомков. Подвижничество подогрелось прессой и радио, возносившими первые ударнические подвиги.

Энтузиазм, однако, падал, и на смену ему пришел страх. Многочисленные процессы 30-х годов (“Шахтинское дело” и др.) объясняли все недостатки в работе саботажем и вредительством. С. с. насаждалось в директивном порядке. Искусственно конструировались бесчисленные ”движения”, насильственно вовлекавшие рабочих в водоворот соревнований — ”стахановских”, ”изотовских” и прочих.

В годы мировой войны был брошен лозунг ”все для фронта, все для победы”, требовавший от людей, изнемо-

гавших от непосильного труда и лишений, работы без оглядки на время (12-часовая смена стала считаться недостаточной). Рабочих, крестьян и служащих вынуждали отказываться от части и без того скудного заработка — иначе могли заподозрить в содействии врагу.

К 50-м годам трудовой энтузиазм иссяк окончательно. Остался лишь страх, но и он стал иным — экономическим (госбезопасности уже не боялись, ее ненавидели). Экономическое давление превратилось в главную двигательную силу С. с. Каждые полгода на предприятиях повышались производственные нормы и снижались расценки, поскольку "закон" коммунистической экономики, открытый Сталиным, утверждал, что производительность труда должна непрерывно расти, опережая рост заработной платы.

В 80-е годы С. с. вращается вокруг проблем эффективности производства и качества продукции. Однако без особых результатов. Призывам газет советский гражданин давно не верит. Раскрученный когда-то маховик С. с. крутится по инерции, чаще всего — на холостом ходу.

На многих заводах и фабриках С. с. существует лишь номинально — с помощью вывешенных в цехах призывов "Встретим..." (встречают что угодно — годовщину революции, день рождения вождя, партийный съезд и т. д.) Затем подбираются люди или бригады, у которых случайно не оказалось простоев и непроизводительных потерь, и в партийный комитет поступает "рапорт" о том, что коллектив "вдохновленный" тем-то (см. выше), добился победы в С. с.

И все-таки С. с. существует. В системе советской плановой лжи оно занимает почетное место. Чем больше слов о "достигнутых победах и взятых рубежах", тем выше престиж руководителей разного ранга.

Подспудная цель С. с. — натравливание одних рабочих на других, что позволяет отводить недовольство в нужное русло. Ведь в С. с. должны быть не только победители (их чествуют и награждают), но и побежденные; их, в соответствии с ролью, объявляют виновными в провалах и срывах плана.

Взаимную неприязнь подогревают плакаты (теперь уже не лозунги), выполненные в известной манере советского новоречия: "Позор сорвавшим..." ("не обеспечившим") и т. д.

С. с. имеет свой, четко разработанный сценарий. Первый этап — выработка условий С. с. ("социалистических обязательств"). Этим занимается профсоюзная организация предприятия. Устанавливаются конкретные обязательства и сроки их выполнения. Обычно это такая рутина, что рабочие даже не очень знают, за что они обязались бороться.

Столь же мистифицирован и второй этап — собственно С. с. О том, что оно идет, рабочие узнают из регулярно публикуемых сообщений о ходе борьбы, росте энтузиазма тружеников города и деревни, встречных планах и трудовых вахтах.

Третий этап — подведение итогов С. с. — имеет значение главным образом для руководства предприятия, ибо от результатов зависят премии, награды и прочие блага. Сами итоги подводятся на основе фальсифицированной отчетности, которая программируется уже на уровне первичной заводской организации (бригады или цеха) и распространяется затем на всю громоздкую иерархию советской бюрократической системы.

Словосочетание С. с., отражающее одно из центральных понятий нового советского быта, играет важную роль в общей системе идеологического манипулирования. Этот лозунг-символ, вместе с другими пропагандистскими формулами, вырабатывает у человека автоматизм мышления, способность воспринимать как реальность мистические конструкции, спускаемые "сверху". С. с. — один из драматических парадоксов советской действительности, когда пассивность объявляется активностью, а провалы выдаются за успех.

ПРИМЕРЫ:

"Движение за коммунистическое отношение к труду — высокая ступень социалистического соревнования". ("Агитатор", 1983, № 20, с. 15.)

”Сейчас в стране повсеместно ширится социалистическое соревнование за успешное завершение десятой пятилетки и достойную встречу XXVI съезда партии”. (“Литературная газета”, 22 октября 1980, с. 2.)

”Отмечалось, что созидательная активность трудящихся Москвы находит яркое проявление в широком размахе социалистического соревнования”. (“Известия”, 26 октября 1983, с. 2.)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАСПОРТ МИКРОРАЙОНА — досье на жителей городского района, используемое для усиления полицейского и политического надзора за ними.

С. п. м. включает множество сведений о каждом жителе микрорайона: год и место рождения, национальность, семейное положение, место службы и т. д. Он содержит и информацию об индивидуальных особенностях и склонностях человека, роде и характере его работы, его интересах, бытовых условиях, наличии судимостей или приводов в милицию (краткосрочных арестов).

Эти материалы составляются на основании данных, имеющих в отделениях милиции, личных дел по месту работы, выписок из домовых книг (специальных журналов регистрации жильцов), бесед с соседями, сослуживцами, представителями партийной организации. С. п. м. включает и статистические сведения о преступности в районе, особенно об улицах и жилых массивах, населенных опасными для властей (считается — для общества) людьми.

По официальной версии, С. п. м. должен содействовать ”оздоровлению морального климата” в городских микрорайонах, население которых составляет до 10 тысяч человек. Это предполагает регистрацию и взятие на учет лиц, которых власти считают ”антисоциальными элементами” — наркоманов, хулиганов, воров. Но главная цель С. п. м. — искоренение инакомыслия, преследование верующих и ”тунеядцев” (людей, не состоящих на службе).

С. п. м. позволяет вовлечь в систему тотальной слежки и всеобщего доносительства огромное число советских

граждан — прежде всего пенсионеров, которым помогают опорные пункты охраны общественного порядка и отряды "дружинников" (полувоенные гражданские подразделения при милиции).

С. п. м. обычно практикуются только в крупных городах, поскольку в небольших рабочих поселках и в сельской местности политическое недовольство пока проявляется глухо, хотя действительно антиобщественные явления — пьянство, хулиганство, драки — распространены там никак не меньше, чем в промышленных центрах.

ПРИМЕРЫ:

"Занимаясь созданием социальных паспортов микрорайона, мы ставили задачу не ограничиваться сбором статистических данных, а, используя наблюдения, беседы с людьми, создавать социально-психологические портреты микрорайонов". ("Агитатор", 1978, № 18, с. 37.)

"Чтобы дифференцировать влияние на различные группы населения, парторганизации изучают состав жителей, отражая его в паспортах микрорайонов". ("Агитатор", 1979, № 12, с. 21.).

СПЕЦШКОЛЫ (сокращение от "специальные школы") — разветвленная система школ определенного назначения, преимущественно для детей советской элиты.

Это — школы с обучением на иностранных языках, а также "школы для одаренных детей": музыкальные, математические, физические, художественные. Формально С. открыты для всех желающих, но дети элиты составляют в них заметное большинство. Знания, которые приобретаются в С., шире, чем в других школах. Классы тут меньше, обучение и воспитание ведутся на более высоком профессиональном уровне, лучше дидактическое оборудование. Обычно есть хорошие гимнастические залы, а нередко и бассейны. Ясно, что такие условия в СССР нельзя создать для всех.

Как учреждения, занимающиеся отбором и специализированным обучением детей из вышестоящих сословий совет-

ского общества, С. служат формированию единого господствующего класса, обеспечению преемственности. В отношении детей элиты они выполняют те же функции, что по отношению к их отцам реализуют в СССР разветвленная система политпросвещения и партшколы. Однако С. осуществляют эти функции гораздо основательнее и глубже. Здесь, в сущности, воспитывается и получает образование новая советская элита, в которой должны сгладиться различия между социальными пластами, образовавшими правящий класс старшего поколения.

Именно под влиянием этих школ дети разных элит вступают в жизнь членами единого господствующего класса советского общества. Опыт свидетельствует, что школы формируют общегосударственное единство высшего класса даже в большей степени, чем семьи. Захваченная нигилизмом и духом потребительства, такая семья нередко перестает служить рупором коммунистической идеологии и морали.

Учеба в специализированной школе — начало жизненного пути юного представителя советской элиты. В возрасте 7 лет ребенок высокопоставленных родителей переходит из детского сада ЦК (Совета Министров, КГБ), где он был предоставлен заботам услужливых нянек и чутких гувернанток, в мир, где ему предстоит постичь мудрость жизни. Первый, второй, следующий классы... Любое его желание находит живое понимание, предупреждается каждая его склонность, удовлетворяются все виды любознательности: хочет рисовать — на подхвате многоопытные художники, играть на сцене — его приглашают в драматические кружки, руководимые именитыми артистами. К его услугам музыкальное обучение, спортивные секции — и тут, и там его ждут известные в стране специалисты. В школе он получает горячие завтраки, а если захочет — и обеды, домой его доставляет семейный шофер. Существует великое множество вариантов и ситуаций, но биография элитарного ребенка неизменно раскручивается по принципу: везде — свои.

С самого детства ребенок постигает мораль, психологию

и шкалу ценностей элиты. Жизнь, объясняют ему в С., — это борьба за приобретение и сохранение привилегий, собственности и общественного положения. Обществом управляет небольшая группа людей, и вести достойную жизнь можно только в ее рамках. Находиться на периметре недостаточно, цель — войти в круг. В обществе много жестокости и несправедливости, бороться с ними или сострадать — напрасный труд, ибо ничего нельзя изменить. С деньгами и при наличии высокого статуса можно жить хотя бы в собственное удовольствие.

Учитель осторожно намекает: товарищей надо выбирать среди себе подобных — детей видных партийно-правительственных деятелей, сотрудников КГБ, академиков. Никакого простонародья — детей инженеров, врачей, рабочих. И ребенок быстро усваивает уроки. Знакомясь, он прежде всего спрашивает: "А кто твой отец?"

Среди прочего ребенка обучают хорошим манерам: как разговаривать, как одеваться, как есть, как себя вести. Главное — как скрывать свои мысли, не обнаруживать чувств. Эти уроки сослужат элитарному ребенку добрую службу, когда он подрастает; они явятся тем ключом, который откроет ему доступ в правящий класс.

Но пока что нужно шагнуть на следующую ступень — определиться в университет или институт. Для советских учащихся, кончающих школу, это трудноразрешимая проблема: желающих получить высшее образование куда больше, чем мест в высших учебных заведениях. Однако для питомцев специализированных школ, тесно связанных с привилегированными вузами, это не проблема. Многие выпускники вообще попадают туда вне конкурса.

Но и конкурс для них не страшен. В С. — и только в них — преподавание иностранных языков поставлено на высоком профессиональном уровне. Уже по одному этому для их выпускников легко открываются двери таких престижных заведений, как Институт внешней торговли, Институт международных отношений, Высшая дипломатическая академия.

Цель С. — воспитать человека, уверенного в своих силах

и в том, что власть, малая или большая, принадлежит ему по праву — по праву социального происхождения. Тут формируются и нужные для будущего руководителя качества: надменность, самонадеянность, беспринципность...

С. готовят именно тех людей, которые нужны власти. В будущем воспитанников этих свяжет единая выучка, мировоззрение, круговая порука. Они привыкнут считаться друг с другом, если не как люди во всем равные (полного равноправия не может быть и между ними, ибо за одной школьной партией оказываются сын обычного генерала и дочка секретаря ЦК КПСС; потомок известного писателя, много раз удостоенного премий и званий, и наследник председателя районного исполкома), то во всяком случае как люди, имеющие много общего: в биографии другого каждый из них найдет черты своего собственного жизненного пути.

Постепенно они проникнутся сознанием, что всем им придется служить одним и тем же интересам — интересам правящего класса. У этих людей, вырастающих вместе, доверяющих друг другу, личная близость будет сочетаться с уважением к потребностям товарища по кругу — человека, тоже принадлежащего к элите.

Молодой человек (или девушка) из элитарной семьи начинает свой путь, имея за спиной высокопоставленных, высокообеспеченных, высокопочитаемых мам, пап и дядей, братьев и сестер. Он (или она) слышат за семейным столом разговоры людей, делающих политику. Там он впитывает искусство вершить дела, проникается стремлением войти в круг тех, кто вершит историю. Приятно, когда общественные проблемы — такие, как распределение руководящих постов в государстве, — переплетаются с частными делами, с семейными заботами.

Закулисная форма замещения престижных мест — одно из средств негласной кооперации влиятельных семей. В каждой из сфер деятельности элитарный молодой человек непременно встретит людей, с которыми его связывает разного рода родство: через собственную семью или семью школьных товарищей. В каждой из сфер, в которой он будет

вращаться, он встретит доверие и поддержку, симпатию и желание ему помочь. К нему никто не повернется спиной, в любом уголке страны он найдет "своих".

Его внешность, привычки, обращение сразу отличают в нем человека, получившего воспитание в С. Его знакомые и друзья служат порукой, что самые влиятельные люди сочтут его своим. Он живет в особом доме, в тщательно отделанной квартире. Его одежда, даже если она нарочито небрежна и поношена, отличается от одежды других людей не его сословия своим покроем и стилем. Она сшита обычно у лучших мастеров или куплена за границей. Он — желанный гость на пышных праздниках, устраиваемых элитой, на ее скромных и элегантных похоронах. Вместе с ней он участвует в веселых пикниках — там происходит обкатка его мыслей и чувств, его принципов и социальной ориентации.

Таким образом, выпускников С. (а затем и привилегированных высших учебных заведений) связывает сознание причастности к единому социальному пласту — к касте людей, привыкших подчинять и править. Кончив школу и вуз, они пойдут работать в партийные комитеты, министерства, в органы безопасности, на дипломатическую службу. И при всех перемещениях они уже никогда не выпадут из глубоких кожаных кресел, не выйдут из общества фигур значительных и влиятельных. Их будут всюду окружать старые приятели, они будут вращаться в мире, где политику вершат их друзья или родственники. И они знают, что со временем эта нелегкая, но приятная обязанность перейдет к ним.

ПРИМЕРЫ:

"Кинофильм "Последний побег" я обсуждал в Сланцевской спецшколе, где его снимали". ("Агитатор", 1984, № 3, с. 45.)

"...нет противоречия между целями верхов и целями воспитания: их дети воспитываются в спецшколах, закрытых для народа". ("Посев", 1974, № 2, с. 46.)

СПЛОЧЕННОСТЬ – характеристика взаимоотношений партии и народа, объявленных источником силы советского государства.

Слово С. иногда используется и для определения содружества коммунистических стран. С. чаще всего сочетается с прилагательными, расширяющими и уточняющими характер С. или придающими ему дополнительные оттенки: "братская С.", "боевая С.", "партийная С.", "интернациональная С.", "классовая С." и т. д. Особенно распространено выражение "монолитная С."

С. нередко употребляется вместе со словами, близкими ему по значению и подчеркивающими идею общности и спаянности: "единство и С.", "единодушие и С." и т. д.

Широко распространены производные от С. – "сплоченный", "сплотить", "сплочение", применяемые в стандартных словосочетаниях: "сплочение прогрессивных сил", "сплоченный коллектив", "сплотить свои ряды" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Враждебным проискам империализма мы противопоставляем нашу беспредельную преданность идеалам коммунизма, монолитную сплоченность советского народа вокруг партии". ("Правда", 26 февраля 1981, с. 2.)

"Патриотизм советских людей, их сплоченность вокруг ленинской партии – верный залог того, что предначертания XXVI съезда КПСС будут успешно претворены в жизнь". ("Известия", 27 февраля 1981, с. 2.)

"Съезд призвал к сплочению всех прогрессивных демократических сил Израиля перед лицом опасности фашизма". ("Правда", 16 февраля 1981, с. 4.)

СТАХАНОВСКИЙ – определение методов организации труда людей и производственных участков, объявленных передовыми и образцовыми.

Слово появилось в 1935 г., когда администрация одной

из донецких шахт, уловив требования "момента", т. е. разгадав очередной зигзаг "генеральной линии" партии (Сталин в речи 4 мая 1935 года назвал кадры "самым ценным и решающим капиталом в производственном процессе"), инсценировала грандиозную мистификацию — "рекорд" Стаханова. Было объявлено, что в ночь с 30 на 31 августа шахтер Алексей Стаханов, вместо обычных 7 тонн угля, вырубил за смену ... 102 тонны — в 14,5 раза больше нормы. Через 19 дней он выдал "на-гора" (по сути ему выдали) 227 тонн, перекрыв норму уже в 32,5 раза.

С. "почин" был замечен руководством и немедленно использован для усиления эксплуатации рабочих. С этого момента надлежало перевыполнять "устаревшие" нормы если не в 32,5 то хотя бы в 3—4 раза. Иначе рабочих и особенно администрацию предприятия могли обвинить во вредительстве, саботаже, диверсиях, экономической контрреволюции.

Метастазы "С. движения" расползлись по всей стране. "Стахановцы" находились (а точнее создавались) всюду: Кривонос — на железнодорожном транспорте, Бусыгин — в автомобильной промышленности, Сметанин — в обувной, сестры Виноградовы — в текстильной (вместо 26 ткацких станков они стали обслуживать ... 216), Демченко — в сельском хозяйстве.

Появились и "С. дети": узбекская школьница решила собирать хлопок не одной, а двумя руками (прежде человечество до этого не додумалось). В результате она опередила... целую бригаду.

Волна "С. движения" — "штурмов", "досрочных пусков", "ударных вахт" — обрушилась на страну со страниц советской печати. 1936 год был объявлен С. Организовывались С. бригады и цеха, которые должны были стремительно повышать производительность труда и побуждать других к социалистическому соревнованию.

Организатором рекордов неизменно выступал партийный аппарат. В связи с реконструкцией советской промышленности в 30-е годы было необходимо любыми средствами

Поднять "трудовой энтузиазм". Вовлекая максимальное число рабочих в социалистическое соревнование, власти надеялись выполнить явно нереальные государственные планы. Средства информации прославляли "стахановцев", в пропагандистском изображении они выступали тружениками нового типа, жертвующими личными интересами во имя общества и государства.

С. "почин" как и все последующие "движения" был откровенным обманом. Рекорды производительности труда обычно ставились на бумаге в тиши партийного кабинета или в газетной редакции. Для немногих, действительно хороших работников, создавались уникальные условия. В подготовку "рекордов" включались и управления, расточающие столько средств и сил, что после очередного рекорда производство (а часто и целая отрасль промышленности) попадало в глубокий прорыв.

В том же 1935 г. пленум ЦК ВКП (б) специальным решением предписал предприятиям перейти от единичных рекордов стахановцев к массовой интенсификации труда, освоению новых методов работы. Были открыты "С. школы" (переименованные в 50-е годы в "школы передового опыта"), организовано шефство "передовиков" над рабочими, не выполняющими норм, на предприятиях создавались С. смены и участки (в 60—70-е годы переименованные в "коммунистические"). Все эти меры имели своей целью повысить производительность труда за счет более интенсивной эксплуатации трудящихся. Практически, конечно, это достигалось старым, хорошо известным методом: повышением норм выработки и снижением расценок.

Задачу удалось решить лишь частично: материальное положение рабочих действительно ухудшилось, но производительность труда существенно не выросла. Так, через два года после "рекордов" Стаханова план по добыче угля все еще не выполнялся. Не наблюдалось роста производительности труда и в других отраслях народного хозяйства.

Провал планов индустриализации страны партийное руководство объяснило действиями "врагов народа". С по-

мощью стахановцев нередко инсценировались "разоблачения вредителей" и процессы над ними.

Естественно, что и это не помогло. И вот в 1938 г. вводится система принудительного труда, запрещающая перемену места работы. Опоздание более чем на 20 минут или несколько небольших опозданий в течение месяца карались принудительными работами на срок до шести месяцев, при повторении — длительной ссылкой или заключением в лагерь.

Гигантская мясорубка С. движения перемалывала жизни сотен тысяч трудящихся. Многие из них, однажды попав на страницы газет, становились "знатными" людьми. Затем возникало новое "творческое начинание" — и о них забывали. Как правило, вчерашние "герои" кончали плохо — спивались, опускались. Были и такие, кто, не сумев вовремя сориентироваться в новой ситуации, не поддержав очередной партийной инициативы, платил за это свободой и жизнью.

В 1975 году в СССР торжественно отмечался юбилей "стахановского" движения. Проходил он при живом Стаханове, но без него: "основоположник" заканчивал жизненный путь в больнице, в состоянии распада психики и алкогольной депрессии.

В советском языке узаконено слово "стахановец" ("стахановка") синонимичное "ударнику" ("ударнице"), но дополняющее его конкретностью заложенной в нем социальной программы: "стахановец" — не только передовик производства, "ударник", активно участвующий в "социалистическом соревновании", он еще и зачинатель "всенародного движения" за повышение производительности труда на основе овладения новой техникой.

С. труд, однако, не стал источником подъема советской экономики. Нелепая система производственных рекордов, явно инспирированный характер движения, за которым скрывались застой и казенный энтузиазм, сама фигура стахановца-алкоголика — слепого орудия в руках администрации — все это настолько себя дискредитировало, что в 50—60-х годах "стахановец", "С. бригады", "С. движение" практически исчезают из языка и заменяются новыми: "ударник

коммунистического труда”, ”бригада коммунистического труда” и т. п.

Понятно, что и новые названия не изменили мертворожденных по своей сути явлений, потому что процессы, их породившие — эксплуатация, отчуждение тружеников от результатов труда, — остались теми же. Бесчисленные ”новые” движения, возникшие вслед за С., ничем не отличались от прежних — разве что их циничная сущность стала еще очевиднее.

В 70-х годах, например, появился ”почин” — ”За себя и за того парня”. Предлагалось включать в состав каждой бригады... имя (т. е. призрак) одного из погибших на войне солдат. Так что трудящимся предстояло работать не только за себя, но и за него, за ”того парня”. А поскольку ”он” явно не мог получать зарплату, то эту миссию брало на себя государство. Так власть пыталась эксплуатировать мертвых. Результат этой ”мудрой” идеи — множество анекдотов о ”том парне”.

Трудовое подвижничество во имя ”светлого будущего” давно утратило привлекательность, но пропаганда не отказывается от любой возможности хоть как-то подогреть трудовой энтузиазм. Отсюда — откровенная спекуляция. Чего стоит, например, последнее советское изобретение — лозунг ”Отходы — в доходы!”. Трудящихся призывают перерабатывать и использовать ... помои.

Во многих современных ”движениях” новым оказываются только цифры. К 40-летию битвы под Москвой было тридцать ”ударных вахт”. К ее 50-летию их будет, вероятно, пятьдесят.

Коммунистическому режиму все труднее создавать самобытные ”движения” и ”почины”, все труднее подбирать для них мало-мальски привлекательные названия. Идеологи коммунизма выдыхаются.

ПРИМЕРЫ:

”...примером освоения нашими людьми новой техники и дальнейшего роста производительности труда явилось стахановское движе-

ние". (История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, М., 1930, с. 323.)

"...стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, стахановское движение представляет будущее нашей индустрии..." (Там же, с. 324.)

"Разворот стахановского движения и досрочное выполнение второй пятилетки создали условия для нового подъема благосостояния и культурного развития трудящихся". (Там же, с. 325.)

СУББОТНИК — утонченная форма эксплуатации; выражается в принуждении к безвозмездной работе в выходные дни.

Первый субботник был проведен по инициативе партийной организации депо Москва-Сортировочная 12 апреля 1919 года. В ночь на субботу (отсюда название — С.) 15 рабочих отремонтировали в неслужебное время три паровоза. Ленин увидел в этом начинании "ростки" коммунизма. Так возникло словосочетание "коммунистический С.". Через год Ленин лично участвовал в одном из таких С. в Кремле.

С тех пор С. стали проводиться ежегодно, а иногда и по несколько раз в год. С 1979 г. по решению Совета Министров СССР (в таких случаях принято писать: "по инициативе трудящихся") проводятся всесоюзные С. или воскресники.

С. организуются в соответствии с указаниями партийных органов. Обычно их приурочивают к праздникам или "знаменательным датам" — годовщине первого С., дню рождения Ленина и т. д. Иногда С. проводится только на одном предприятии (когда необходимо ликвидировать "прорыв" в плане, привести в порядок рабочие места, очистить территорию и т. п.). Но в любом случае инициатором С. выступает начальство, а никак не "трудящиеся массы".

Проведению С. предшествует основательная подготовка. На различных уровнях партийной иерархии определяется назначение С., разрабатывается план его проведения, под-

считываются деньги, которые надеются выручить с его помощью, решается, куда их следует направить. Обычно средства перекачиваются в промышленность, в армию или в сельское хозяйство, хотя официально объявляется, что они пойдут на строительство больниц, школ, детских садов, озеленение и благоустройство городов.

При проведении С. партийное руководство стремится создать праздничное настроение: вывешиваются флаги, на улицах и площадях гремит радио, звучат торжественные речи и бравурные марши — это должно имитировать трудовой порыв, создать видимость подъема.

Энтузиазма, однако, трудящиеся не испытывают — их труд обязателен: неучастие в С. рассматривается как прогул, считается антиобщественным поступком, актом политической нелояльности. Поэтому на участие в С. советских граждан толкает страх, он вынуждает их, усталых и измученных, жертвовать своим выходным днем, отдыхом, любимым досугом.

От участников С. не требуется, впрочем, особой активности, он проходит по достаточно формальному сценарию. Необходимо лишь соблюдать внешнюю дисциплину. Инициатива трудящихся проявляется позднее — в организованном общем пьянстве, которое тайно поощряет начальство: в водке тонет возмущение.

После каждого очередного С. в печати появляется сообщение о миллиардных суммах, вырученных государством. Из газет люди узнают о своей "высокой политической сознательности", "коммунистическом" отношении к труду. В действительности механизм С. выдает продукцию, не имеющую отношения к реальным потребностям хозяйства. По сути экономятся только деньги (заработная плата), но и они не могут быть эффективно использованы для развития производства, ибо при централизованной системе управления рост экономики зависит не столько от денег, сколько от сырья, материалов и оборудования. А они в Советском Союзе дефицитны и строго лимитируются.

Назначение С. главным образом идеологическое — они

призваны демонстрировать черты нового коммунистического отношения к труду, способствовать воспитанию людей в духе беспрекословного выполнения указаний партии и правительства.

ПРИМЕРЫ:

“Субботником, проведенным по инициативе коллективов коммунистического труда Москвы, завершилась ударная вахта в честь 25-летия патриотического движения”. (“Правда”, 16 октября 1983, с. 1.)

“На субботниках многие трудовые коллективы достигают высокой производительности труда”. (“Агитатор”, 1983, № 5, с. 31.)

“Ударным трудом ознаменовал день коммунистического субботника рабочий класс Ленинграда”. (“Известия”, 16 октября 1983, с. 1.)

СЫНОВНЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ — социальная формула, предписывающая советским людям нормы их отношения к государству.

Выражение призвано создать представление о советском обществе как о семье (“братская семья народов”), проявляющей постоянную заботу о своих членах, которые в свою очередь испытывают к нему бесконечную (“сыновнюю”) благодарность. Советским людям предписывается проявлять “С. благодарность” к партии и правительству как можно чаще.

Система С. б. выводится не столько из коммунистической идеологии, сколько апеллирует к старинным представлениям о власти, основанным на народных или семейных ценностях, где государство (в советском случае — партия) выступает как патриарх: царь-батюшка, Сталин-отец родной. Так “партия” вставляется в архаичную модель “семейных” отношений (в действительности — отношений подчинения) народа и государства.

ПРИМЕРЫ:

“Советский народ горячо одобряет и единодушно поддерживает

мудрую внутреннюю и внешнюю политику родной коммунистической партии, выражает сыновнюю благодарность Центральному комитету КПСС и Политбюро ЦК за постоянную заботу об укреплении могущества нашей Родины, повышении благосостояния, упрочении мира на земле". ("Известия", 9 февраля 1979, с.1.)

"Пленум ЦК ВЛКСМ от имени Ленинского комсомола, всей советской молодежи целиком и полностью одобряет и безраздельно поддерживает решения XXVI съезда КПСС, ее внутреннюю и внешнюю политику, выражает безграничную сыновнюю любовь и благодарность родной партии". (В. Иванов. "В партийном руководстве – сила комсомола". М., "Политиздат", 1981, с. 55.)

”Т”

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ — ироническая формула, призванная дискредитировать события, неприятные для советского руководства, но получившие слишком широкий общественный резонанс, чтобы о них можно было умолчать.

Назначение формулы — заранее спровоцировать идеологическое недоверие. С ее помощью ставятся под сомнение самые различные явления: от существования в СССР ”еврейского вопроса” до ”советской военной угрозы”.

Т. н. — выражение широкого семантического диапазона. В частности, оно может означать ”ненастоящий”, ”самозванный”. Например, альманах группы советских писателей ”Метрополь” советская пропаганда объявила ”Т. н. сборником”. Тем самым ему было отказано в праве считаться литературным явлением.

Называя советских диссидентов ”Т. н. инакомыслящими”, советская печать стремится внушить читателю, что никаких ”иных” мыслей у них нет и быть не может и ничего, кроме самих себя, они не представляют.

Словосочетание Т. н. имеет четко выраженное назначение: освобождая автора от необходимости что-то доказывать, оно вызывает у читателя пренебрежительное отношение к тем социальным процессам, о которых идет речь.

Для усиления эффекта слова, к которым относится Т. н., обычно берутся в кавычки: Т. н. "еврейский вопрос", Т. н. "нарушения прав человека" в СССР и пр.

ПРИМЕРЫ:

"Органы буржуазной пропаганды ... усиленно раздувают вопрос о так называемых "нарушениях" прав и свобод человека в СССР и других социалистических странах". ("Коммунист", 1979, № 5, с. 45.)

"ЮСИА совместно с ЦРУ дирижирует оркестром так называемых "общественных" центров психологической войны". ("Правда", 28 ноября 1983, с. 6.)

"Откровение Гоурнета представляет собой интерес потому, что в настоящее время он подвизается в роли так называемого "советника" банд наймитов, а потому располагает достоверной информацией о характере и маршрутах таких военных поставок". ("Известия", 1 ноября 1980, с. 4.)

ТОВАРЫ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ — продукты и предметы, предназначенные для продажи населению.

Словосочетание Т. н. п. вошло в советский язык в 50-х годах, постепенно вытеснив прежнее "товары широкого потребления", сокращенно — "ширпотреб". Это сокращение сразу же приобрело иронический смысл. "Ширпотребом" стали называть примитивные изделия низкого качества, не отвечающие назначению и потому не пользующиеся спросом.

Оторвавшись от своего первоначального смысла, слово скоро зажило самостоятельной лексической жизнью, стало обозначением всякого примитивизма и безвкусицы. Ширпотребом начали называть самые различные явления общественной и социальной жизни: "поэтический ширпотреб", "нравственный ширпотреб", "идейный ширпотреб". Обу-

словленное спецификой советской жизни, слово стало использоваться для характеристики явлений западной культуры — особенно массовой. Так, в коммунистической эстетике стало модным рассматривать европейскую и американскую литературу как "буржуазный ширпотреб".

Понятно, что такая "окраска" никак не устраивала советские власти. Возникла необходимость заменить скомпрометированное выражение новым, свободным от неприятной дополнительной "нагрузки". Т. н. п. в этом смысле очень удобно: оно подчеркивает народный характер советского производства.

Однако суть явления от этого не изменилась. Именно потому, что Т. н. п. рассчитаны на массовое, народное потребление, их качество, как правило, неудовлетворительно. А главное — даже их не хватает.

В политической жизни проблема Т. н. п. вызвала множество постановлений партии и правительства, была разработана даже специальная продовольственная программа.

Пока что успехи в этой области ограничились созданием новых языковых штампов: "дефицит", "временные трудности", "оторвать" (в значении "купить") и т. п.

ПРИМЕРЫ:

"На основе изучения спроса населения и возможностей предприятий в республике принимаются меры к расширению организации производства товаров народного потребления". ("Правда", 25 декабря 1983, с. 2.)

"Еще одним изделием пополнился ассортимент товаров народного потребления, выпускаемых ленинградским производственным объединением "Ижорский завод им. А. А. Жданова". ("Известия", 19 декабря 1983, с. 1.)

"Сейчас у нас на рубль заработной платы производится товаров народного потребления на 13 рублей — лучший показатель в системе легкой промышленности страны". ("Известия", 9 декабря 1983, с. 2.)

ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ — группа работников предприя-

тия (бригады, участка, цеха), образующая, в представлении советской пропаганды, некую мистическую общность, обусловленную совместной трудовой деятельностью.

Функционирование Т. к. регламентировано в СССР особым законом, принятым в июле 1983 г. и заложившим основы самоуправления по-советски.

Уже сама по себе процедура принятия этого закона чрезвычайно показательна. В его обсуждении будто бы участвовало 110 миллионов граждан, иными словами, все взрослое население страны — более острую сатиру на коммунистическую демократию трудно себе представить. На 1230000 собраниях, проведенных в этой связи, было внесено 130 тысяч поправок и замечаний к проекту закона. Только 0,05% этих предложений были хоть в какой-то степени учтены.

Закон декларирует расширение прав Т. к. Прав по самой своей природе мнимых: выдвигать на выборах кандидатов в депутаты (известно, что предлагает их партия), участвовать в обсуждении планов (она же определяет и планы), устанавливать правила внутреннего распорядка (это делает администрация). Есть, впрочем, и права реальные — только они подозрительно напоминают обязанности: "право" содействовать претворению в жизнь решений партии, неуклонно выполнять постановления правительства, соблюдать договорные обязательства, повышать эффективность работы. И самое важное (тут расширение прав коллектива достигается за счет еще большего ограничения прав его членов) — "право" наказывать недостаточно усердных работников: увольнять или переводить их на нижеоплачиваемые должности, лишать премий, дополнительных отпусков, очереди на получение жилой площади.

Ныне Т. к. вменяется в обязанность создавать собственные подсобные хозяйства (т. е. самим кормить своих рабочих, освобождая от этой непосильной обязанности государство), направлять "передовиков производства" для обучения в высшие и средние учебные заведения (с тем, чтобы еще сильнее привязать их к производству). Далее Т. к. раз-

решается выдвигать встречные (т. е. более высокие) хозяйственные планы и даже ставить "в необходимых случаях" (каких — неизвестно) вопрос о привлечении к ответственности лиц, "не выполняющих обязательств по коллективным договорам". Правда, даже при этих туманных обстоятельствах "ставить вопрос" надлежит через те же общественные организации — партбюро, местный комитет профсоюза...

Чтобы все-таки создать какую-то видимость народовластия (и приглушить растущее общественное недовольство), в закон о Т. к. включена статья, содержащая некоторые элементы демократизма. Но опять-таки демократизма по-советски. Например, предусмотрена возможность участия рабочих "в решении вопросов назначения руководящих работников". Как, в каких формах, с какими правами — неизвестно. Зато сказано, что участие должно осуществляться "в соответствии с законодательством СССР". Поскольку советское законодательство, основанное на принципах демократического централизма, т. е. безусловного подчинения нижестоящих вышестоящим, ничего подобного не предусматривает, ясно, какова реальная ценность этого "права".

Мнение Т. к. должно учитываться и при решении вопроса о снятии руководителя. Как именно? В законе сказано, что учитывать его должны "общественные организации", т. е. пресловутый советский треугольник: партийная организация, комсомол и профсоюз... Надо думать, благоразумие и печальный опыт прошлого удержат рабочих от искушения воспользоваться этими "демократическими" преобразованиями...

Другое назначение закона — доказать, что советская экономическая модель себя до конца не исчерпала, что в ней еще заложены возможности роста. Это, действительно, надо доказывать, ибо в 80-е годы Советский Союз не развивается, его движение напоминает вращение вокруг собственной оси. Естественно, что при каждом новом обороте выявляются все те же противоречия. А если приход очередного правителя и создает какие-то иллюзии, то жизнь быстро их рассеивает.

ПРИМЕРЫ:

”Трудовой коллектив – основная ячейка нашего общества. Здесь люди сплочены единством цели, сознательной дисциплиной, высоким чувством ответственности за выполнение народнохозяйственных задач”. (“Агитатор”, 1979, № 13, с. 22.)

”Закон СССР о трудовых коллективах” значительно расширил полномочия бригад, их права включают в себя весьма широкий круг возможностей”. (“Агитатор”, 1984, № 4, с. 3.)

”у”

УБЕЖДЕННОСТЬ — по представлению пропаганды, глубокая внутренняя вера человека в коммунизм и в правоту политики советского руководства.

В коммунистической идеологии У. — основа марксистской нравственности. Тем самым постулировано широкое использование этого слова. Обычно У. дается в сочетании с ”коммунистический”, ”большевистский” или — для усиления смысла — с определениями типа ”непоколебимый”, ”незыблемый”, ”идейный” и пр.

У. должна характеризовать весь духовный облик советского человека: его отношение к обществу и труду, его взаимоотношения с окружающими на работе, в повседневной жизни, в семье. У. требует от человека беззаветной преданности партии, активного насаждения ее политики.

В советском представлении именно У. способствует выявлению таких общечеловеческих качеств, как добросовестность, желание совершенствоваться, любовь к труду,

готовность прийти на помощь другим. У. будто бы порождает ответственность человека перед обществом, причастность к его нуждам, примат государственных интересов над частными. Формирование У. рассматривается как одна из важнейших задач коммунистического воспитания.

В действительности У. свойственна советскому человеку даже в меньшей степени, чем все другие "коммунистические" качества, ибо марксистские идеи он принимает по необходимости или по расчету, а потому не верит им и не следует их социальным установкам. Если в Советском Союзе и существует У., то лишь в полной и совершенной несостоятельности коммунизма.

На уровне умозрительного советского сознания недостатков У. (имеется в виду, конечно, только коммунистическая У.) обычно объясняется недостатками идейно-политической работы, хотя ее уровень уже около 70 лет непрерывно повышается. Вместе с тем появление и все более широкое распространение в СССР антикоммунистической У. всячески замалчивается.

ПРИМЕРЫ:

"Выражая обеспокоенность осложнением международной ситуации, призывая к единству и сплоченности в борьбе за мир, авторы ряда писем заявляют о твердой убежденности в том, что силы прогресса и мира возобладают над силами реакции и войны". ("Международная жизнь", 1983, № 12, с. 153.)

"Непоколебимая идейная убежденность, классовая непримиримость ... — вот качества агитатора-борца, обеспечивающие ему успех..." ("Агитатор", 1984, № 4, с. 61.)

"Читая книги Наби Хазри, вслушиваясь в музыку стихов, проникнутых гражданской убежденностью, я признаюсь в любви к поэту". ("Известия", 12 марта 1984, с. 3.)

”Ф”

ФЛАГМАН — предприятие или хозяйство, объявленное передовым, призванным служить примером для всей отрасли.

Ф. относится к той группе слов советского языка, которые образовались путем метафоризации военных терминов. Ф. — корабль, на котором находится командующий.

Использование этого слова в политическом языке призвано романтизировать советскую действительность: создать образ государства — могучей морской эскадры и народа — ее экипажа. В таком переосмыслении становятся возможными выражения типа ”Ф. нашей страны”, ”Ф. производства”, ”Ф. машиностроения”.

При характеристике явлений свободного мира и стран, не желающих подчиняться советскому диктату, Ф. не используется. С этой целью из того же пласта (военно-морской лексики) извлекаются слова, которым придают ироническую окраску: ”курс”, ”туман”, ”мель”, ”рифь”: ”империалисти-

ческие страны взяли курс на агрессию”, идут “гибельным (или опасным) курсом”. Их корабль (но не Ф.) обязательно “блуждает в тумане”, “может напороться на рифы” или “сесть на мель”. В то же время советские корабли — особенно Ф. — идут “верным курсом”, ибо им светит “путеводная звезда коммунизма”.

ПРИМЕРЫ:

“Флагман чехословацкого машиностроения — комбинат им. Ленина “Шкода” активно участвует в осуществлении комплексной программы социалистической интеграции”. (“Известия”, 25 октября 1980, с. 5.)

“Львовское объединение “Электрон” — флагман среди предприятий, изготавливающих телевизоры цветного и черно-белого изображения”. (“Известия”, 28 октября 1983, с. 1.)

“Завод имени Лихачева. Кому не знаком этот флагман отечественного машиностроения”. (“Агитатор”, 1983, № 20, с. 55.)

”X”

ХАРАКТЕРИСТИКА — документ, содержащий оценку деятельности советского человека и используемый для его духовного и политического закабаления.

С необходимостью иметь X. советский человек сталкивается всю жизнь. X. пишутся в школе и в университете, они необходимы и при поступлении на работу. Правда, постановление Совета Министров СССР от 25 февраля 1960 г. требует в этом случае представления только паспорта, трудовой книжки и свидетельства об образовании, но у отдела кадров свои ”законы”. X. требуется при приеме в комсомол и партию, зачислении в аспирантуру, присвоении ученой степени и звания, утверждении в новой должности, представлении к правительственной награде, оформлении документов на выезд за границу — в служебную командировку или в туристическую поездку.

X. обеспечивает (или не обеспечивает) советскому человеку политическую легитимацию, подтверждая его соответ-

ствие (или несоответствие) общепринятым в СССР социальным стандартам.

Х. подписывает руководитель предприятия (учреждения, учебного заведения), секретарь партийной организации и председатель местного комитета профсоюза. Она составляется по типовому образцу: год рождения, национальность, партийная принадлежность, профессия, трудовой стаж, степень квалификации, отношение к общественной работе и т. д. Для отражения всех этих сведений в советском языке существует набор шаблонов, придающих Х. надлежащий вид: "высококвалифицированный специалист", "добросовестно относится к работе", "активно участвует в общественной жизни", "пользуется авторитетом в коллективе", "политически грамотен", "морально устойчив". Или наоборот: "недостаточно квалифицирован", "слабо участвует в общественной жизни коллектива" и т. д.

Пользуясь этими клише, можно скомбинировать самые различные оценки человека и, ничего как будто о нем не сказав, выразить все необходимое.

Х. редко выявляет действительную сущность и особенности человека. Он может быть карьеристом, взяточником, пьяницей, невеждой, лентяем и тем не менее выглядеть в Х. образцовым работником, энергичным и грамотным. Нравственные и деловые качества имеют для советского руководства значение только в ракурсе его интересов и выгод. На самого способного человека, исполнительного и трудолюбивого, если от него хотят избавиться, составляется безжалостная Х.

Х. — важная форма не только контроля, но и самоконтроля. Человек стремится "уложиться" в устанавливаемый ею стандарт — в систему норм и правил, которые позволят ему сделать карьеру.

Будучи удостоверением благонадежности, Х. создает систему постоянных взаимных связей между человеком и учреждением, она обеспечивает ему продвижение по службе, помогает стать на квартирный учет, получить путевку в санаторий. В то же время она обязывает предприятие — в

случае совершения работником преступления — прикрыть и защитить его, иначе тяжкая тень ответственности падет на дирекцию и партийную организацию.

Безличная Х., таким образом, может быть и индальгенцией, отпущением служебных грехов, и безжалостным обвинением, отлучающим человека от профессиональной и общественной жизни.

ПРИМЕРЫ:

”Если партийная характеристика потребовалась райкому, то он мог запросить ее у партбюро”. (“Партийная жизнь”, 1983, № 24, с. 65.)

”За восьмой класс у него были сплошные посредственные оценки, в том числе ”удовлетворительно” по поведению, да еще со многими оговорками в характеристике”. (“Партийная жизнь”, 1983, № 21, с. 59.)

”В редакцию пришло письмо. В нем сообщалось, что на собрании была рассмотрена партийная характеристика на коммуниста”. (“Партийная жизнь”, 1983, № 23, с. 73.)

”Ц”

ЦЕНзуРА — государственный контроль над печатными произведениями, публичными выступлениями и сценическими представлениями; его назначение — предотвратить распространение идей и сведений, не отвечающих интересам советского руководства.

Цензурой в Советском Союзе называют также важнейшее учреждение, осуществляющее этот контроль — Главное управление по охране государственных тайн в печати (сокращенно ”Главлит”).

Главлиту принадлежит монопольное право давать разрешение на выпуск в свет любого печатного издания: книги или конфетной обертки, журнала или этикетки для бутылки, почтовой марки или газеты, пригласительного билета или афиши; он санкционирует выход в эфир радио- и телепередачи, демонстрацию фильма, спектакля, выставки. Вся печатная продукция, поступающая из-за границы в СССР или

из СССР за границу, как и личная корреспонденция, также подвергаются цензуре.

Главлит — разветвленное и мощное управление. Официально оно состоит при Совете Министров СССР, фактически находится в ведении секретариата ЦК КПСС, его идеологического отдела и КГБ. Именно они назначают и снимают начальника Главлита. В распоряжении последнего — около ста человек: секретари, референты, заместители, несколько десятков старших цензоров, сотрудники отдела кадров. Это — главный штаб советской Ц.

Помимо него, есть республиканские и областные главлиты; цензорские группы работают во всех центральных, республиканских и областных газетах — не менее двух человек на редакцию. Такие группы существуют в агентствах печати ТАСС и "Новости", во всех книжных издательствах, типографиях, на радио и в телестудиях, в институтах Академии Наук и научно-технической информации, имеющих право издания рукописей и располагающих типографиями.

В зависимости от содержания материалов различается Ц. общая, военная, международная (министерства иностранных дел), по атомной энергии, КГБ и т. д.

По способу осуществления контроля Ц. делится на предварительную и административно-карательную. Первая выполняет функции общего надзора, выдает разрешения на публикацию печатных материалов и называется "разрешительной". Вторая, совместно с органами государственной безопасности, санкционирует наказание авторов и редакторов, систематически допускающих отклонения от партийных норм: от конфискации рукописей и снятия с работы до ареста и ссылки.

Ц. — одно из немногих советских учреждений, возобновивших и усиливших традиции царской Ц. В России Ц. была введена в XVIII веке и просуществовала вплоть до XX. В условиях русской монархии, однако, произвол цензоров не был безграничным — всегда оставалась возможность апеллировать к высшим правительственным инстанциям. Радикальные либеральные реформы 60-х годов, проведенные

Александром II, существенно ограничили власть цензуры. Настолько, что даже марксистская литература, призывавшая к насильственному свержению монархического режима могла публиковаться легально (К. Маркс, например, был издан уже в 1870 годах). В 1905 году в России была ликвидирована предварительная Ц., а после февральской революции 1917 года — и общая. Во время первой мировой войны действовала лишь военная Ц.

Через несколько дней после октябрьской революции (25 октября ст. ст. 1917 г.) был опубликован подписанный Лениным декрет о свободе слова и печати. Однако для пресечения выступлений, враждебных власти, Ц. была введена вновь — в качестве временной меры. При этом в декрете специально оговаривалась отмена Ц. после упрочения нового порядка и принятия закона о печати. Но закон о печати так и не был принят, и Ц. продолжала действовать.

В начале 20-х годов наблюдалось некоторое ослабление цензурных требований. В частности, были разрешены внепартийные издательства, освобождены от Ц. издания Академии Наук. Но в 30-е годы "вольные" издательства были ликвидированы, а Ц. на издания АН вновь введена и больше уже не отменялась.

Это ужесточение Ц. власти объясняли существованием враждебного окружения. После войны, когда СССР сумел окружить себя странами с просоветским режимом, Ц., однако, не была снята. Более того, политический контроль из года в год усиливался.

Советская конституция гарантирует свободу печати, которая номинально обеспечивается широкой системой типографий, газет, журналов и пр. На деле эта свобода означает право приобретения бумаги (если, конечно, она есть в магазинах), но не свободу излагать на ней мысли без одобрения цензора.

В каждом городе Советского Союза, в любом его районном центре есть уполномоченный Главлита (цензор), который контролирует выходящие здесь газеты, всю продукцию

типографий, тексты, передаваемые по местному радиовещанию.

Действия Ц. регламентируются специальным "Перечнем сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати", который издается Главлитом ежегодно и постоянно дополняется специальными циркулярами и инструкциями с грифом "секретно". В "Перечне" есть общий раздел, содержащий перечисление военных и государственных тайн, не подлежащих разглашению, а также конкретные разделы (промышленность, транспорт, сельское хозяйство, строительство, кадры, экономика, финансы, история, религия, литература, искусство и т. д.), где перечислено все, что не подлежит опубликованию. Например, в промышленности — это численность рабочих на предприятиях, абсолютные объемы выпускаемой продукции, ее себестоимость и т. д. Дается список заводов, которые вообще запрещено упоминать, и предприятий, которые разрешается называть, но без сообщения какой-либо дополнительной информации.

Запрещена публикация сведений о пожарах, ураганах, землетрясениях и прочих стихийных бедствиях на территории СССР; данных об урожайности и о размерах заработной платы номенклатурных работников. Запрещается называть фамилии сотрудников органов госбезопасности (без предварительного разрешения КГБ), приводить различного рода сопоставления, сравнивать доходы советских граждан с бюджетом жителей других стран, печатать снимки советских городов рядом с фотографиями западных индустриальных центров и даже сообщать данные о частоте тренировок футбольных команд.

Существуют положения и инструкции, регламентирующие работу цензоров. Так, цензор не вправе общаться с автором статьи или литературного произведения; свои замечания и указания он может сообщить только главному редактору журнала (издательства) или его заместителю; все указания цензора передаются автору безлично — от имени редакции или издательства. Решение цензора окончательно и обжалованию не подлежит.

Ц. регулирует весь процесс издания рукописи. Рукопись надлежит представлять в Главлит в двух экземплярах. К ней должен быть приложен весь иллюстративный материал (рисунки, таблицы, диаграммы, схемы и т. д.) и официальная справка с указанием фамилии автора, названия рукописи и сведениями об отсутствии (или наличии) в работе закрытых (секретных) данных. К справке прилагается акт экспертизы, подтверждающий эти сведения. В случае одобрения рукописи цензор ставит на ней штамп "Разрешено к печати". Только после этого она принимается типографией.

Получив сигнальный экземпляр, цензор проверяет идентичность напечатанного текста рукописи, разрешенной к печати, и ставит еще один штамп "Разрешено к выпуску в свет". Лишь при наличии этого штампа типография имеет право печатать тираж.

Рукописи, связанные с военной тематикой, подлежат контролю военной Ц. — единственного учреждения такого профиля в СССР, которое открыто называет себя Ц. В случае одобрения рукописи военной Ц. на всей ее первой странице ставится штамп "По вопросам военного характера возражений против публикации данного материала не имеется. Наши замечания см. на страницах таких-то. По остальным вопросам решение о публикации должно быть принято органами Главлита".

Работы, в которых рассматриваются или хотя бы только упоминаются проблемы атомной энергии, проходят дополнительный контроль Ц. по атомным делам Государственного комитета по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР. Рукописи, в которых затрагивается деятельность органов государственной безопасности, направляются (часто — самими цензорами Главлита) в Комитет государственной безопасности.

За неполные 70 лет существования советского государства Ц. подчинила своему контролю все области научной, общественно-политической и культурной жизни страны. Она является неотъемлемой частью социализированной советской действительности. Ее почти беспредельная власть

над духовной жизнью нанесла (и наносит) огромный ущерб развитию науки, литературы и искусства. Широкие полномочия советской Ц., ее безграничные права и произвол приводят к тому, что у людей, с нею соприкасающихся, возникает внутренний самоконтроль, запрещающий касаться всего, что предположительно не пропустит Ц.

Реакцией на Ц. стал "Самиздат" — машинописные бесцензурные издания, получившие широкое распространение в Советском Союзе. Позднее к нему добавился Тамиздат — рукописи, изданные на русском языке за границей. Оба этих вида информации пользуются огромной популярностью в Советском Союзе, хотя лица, причастные к их распространению, привлекаются к уголовной ответственности: партия и Ц. в СССР зорко охраняют свою монополию.

ПРИМЕРЫ:

"Цензура не уничтожает борьбы, она делает ее односторонней, она превращает ее из открытой борьбы в тайную, а борьбу принципов превращает в борьбу бессильного принципа с беспринципной силой. Истинная, коренящаяся в самом существе свободы печати цензура есть и критика. Она — тот суд, который свобода печати порождает изнутри себя. Цензура есть критика в качестве монополии правительства". (К. Маркс. Собр. соч., т. 1, сс. 59–60.)

"Цензура делает каждое произведение, будь оно плохое или хорошее, необычным произведением, в то время как свобода печати отнимает у произведения эту внешнюю импозантность". (К. Маркс. Соч., т. 1, с. 65.)

"Цензура есть не ужасная черта переходного времени, а нечто присущее упорядоченной, социализированной социалистической жизни..." (А. Луначарский. "Печать и революция", 1921, № 1, с. 7.)

”Ш”

ШЕФСТВО — регулярная помощь, оказываемая одним предприятием или лицом другому предприятию или лицу, организуемая по указанию властей и будто бы свидетельствующая о коммунистической сознательности.

Распространенная в Советском Союзе форма Ш. — участие городского населения в работах на селе. В первые годы советского режима городские рабочие обучали крестьян грамоте и еще больше — коммунистической политграмоте. Позже жителей городов стали мобилизовать для работы на полях и в хозяйствах — к этому вынуждала нехватка рабочих рук в деревне, а также неспособность и нежелание крестьян работать бесплатно.

Для участия в шефской деятельности нередко привлекаются как предприятия, так и отдельные работники. Государственные организации отправляют своих служащих в деревни, где они трудятся безвозмездно, чтобы обеспечить выполнение колхозами государственных планов. На самих

предприятиях опытные работники курируют молодых: обучают их приемам труда, знакомят с технологией.

В Советском Союзе Ш. обязаны заниматься и деятели науки и искусства. Им полагается выезжать на предприятия и выступать с лекциями и концертами, которые не столько развлекают, сколько идейно воспитывают и политически натаскивают советских людей. В последние годы особое значение придается системе обратных связей "подшефных" с "шефами". По указанию властей подшефные организации берут перед шефами определенные обязательства — снабжать продуктами рабочие столовые, продавать на предприятиях овощи (что немаловажно при постоянной нехватке продуктов), не нарушая, конечно, плановых поставок государству.

Подшефные часто участвуют в обсуждении произведений шефов — художников, писателей, музыкантов, помогая идеологически контролировать их деятельность (в СССР принято считать, что рабочие стихийно несут в себе "здоровое коммунистическое начало"). Это создает видимость единства "тружеников полей и заводов" и "тружеников искусства и науки". На практике же партийное руководство получает дополнительную возможность требовать "в интересах трудящихся масс" создания произведений, глубоко народных, т. е. написанных с партийных позиций. Тем самым Ш. превращается в еще один инструмент идейного и политического давления.

ПРИМЕРЫ:

"Шефство над строительством села Комсомольское взяли труженики областного центра". ("Известия", 3 декабря 1983, с. 1.)

"Заводские коллективы взяли шефство над школьниками". ("Агитатор", 1983, № 22, с. 54.)

"Нередки случаи, когда городским шефам приходится не только картошку копать или завязывать лен, но и доить коров". ("Правда", 13 декабря 1983, с. 3.)

ШОВИНИЗМ — идеология национальной исключительности и социального превосходства, представляемая советской пропагандой как специфически буржуазная.

Согласно этим утверждениям, Ш. заложен в самой природе капитализма: его исторические корни восходят к эпохе формирования наций и создания колониальных империй. Политический Ш. связывают с борьбой против национально-освободительных движений — в этом случае его именуют "великодержавным". Отмечается, что в последние десятилетия (с 60-х годов) влиянию "великодержавного Ш." подвержены и переродившиеся в буржуазном духе коммунистические элементы. Понятно, что эта оговорка понадобилась советской пропаганде прежде всего для осуждения политики коммунистического Китая.

Шовинизму, как политике и идеологии, направленным на "порабощение народов", политическую, экономическую и культурную их дискриминацию, противопоставляется пролетарский интернационализм. Отсюда следует, что в СССР элементы Ш. могут проявиться только в сознании коммунистически незрелых граждан в качестве пережитков прошлого или духовного наследия того же капитализма.

Конституция СССР от 1977 года утверждает, что Ш. и великодержавный Ш. несовместимы с социалистическим укладом советского общества, основанного на братской дружбе свободных и равноправных народов и народностей.

Действительность, однако, утвердила в советском образе жизни иные нравственные принципы и социальные отношения. В период становления советская власть действительно провозгласила добровольный союз наций, который "не допускал бы никакого насилия одной нации над другой". В ноябре 1917 года большевистское правительство приняло "Декларацию прав народов России", обещавшую свободное самоопределение каждого народа, вплоть до отделения от России и образования собственного государства, гарантирующую суверенное развитие национальных меньшинств и этнических групп.

Однако великодержавный Ш. заложен в самих принципах создания СССР (а не в историческом наследии, будто бы спродуцированном старой Россией). При обсуждении форм будущей федерации рассматривались два проекта: проект Ленина, предполагавший союз суверенных республик с сохранением всех атрибутов их независимости, и Сталина — основанный на принципах автономизации: все советские республики должны были просто войти в Российскую Федерацию (название "СССР" имело лишь терминологический смысл) и значит подчиниться верховной власти Москвы. Принят и реализован был план Сталина, хотя по сути ленинский замысел мало чем от него отличался.

Именно Ленин разработал и заложил в структуру советского общества принцип демократического централизма, запрещения фракционной деятельности, подчинения меньшинства большинству. Так что по существу различие между проектами носило пропагандистский характер. Ленин стремился найти форму более эластичную, не столь одиозную с точки зрения мирового общественного мнения. Возражая против сталинского плана организации СССР, Ленин писал: "Великодержавному шовинизму объявляю войну ... Надо ... чтобы в союзном ЦИК (ныне Президиум Верховного Совета, — Автор) председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т. д." (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45. с. 124.)

Партаппарат, однако, отдал предпочтение версии Сталина. И вся структура власти в СССР сложилась и оформилась в том виде, как она была задумана Сталиным. На вершину политической пирамиды была поставлена Москва. Определяющим фактором стал советский империализм, а духовной основой общества — великодержавный шовинизм, лишь слегка подгримированный идеями пролетарского интернационализма.

Из ведения местных и республиканских властей были изъяты государственное и партийное строительство, внешняя торговля, иностранная и оборонная политика. Вся государственная документация национальных республик ве-

лась на русском языке. Попирались национальные традиции, обычаи, нравы, ущемлялась свобода вероисповедания. В республиках закрывались церкви, мечети, синагоги, насильственно советизировалась культура и вся система образования.

Последствия не заставили себя ждать: в первые же годы советской власти на окраинах России, превратившейся в "тюрьму народов", вспыхнули отчаянные стихийные мятежи и бунты (на советском языке — "националистические выступления"). Они были жестоко подавлены.

Укрепившись в собственной стране и набрав силу, советский великодержавный Ш. стал выходить на мировую арену. В 1939—40 гг. Советский Союз использовал договор с Гитлером, чтобы отторгнуть от Польши Западную Украину и Западную Белоруссию, от Румынии — Бессарабию и Северную Буковину, от Финляндии — Карелию, захватить Прибалтику (Латвию, Литву, Эстонию).

Сотни тысяч людей, проживающих на вновь присоединенных к СССР территориях, попали в категорию нелояльных или недостаточно благонадежных. Это были прослойки и сословия, выпадавшие из социальной структуры советского общества и не подходившие под советское определение трудящихся (например, ремесленники, люди свободных профессий). Они были депортированы в заполярные районы Сибири, в болота Мордовии, в пески Туркмении, в степи Казахстана. Многие из них погибли.

Переселение миллионных масс шло не только с запада на восток, но и в обратном направлении — с востока на запад. Из глубинных областей Советского Союза было направлено "в присоединенные республики" славянское население. Все ответственные государственные и партийные посты заполнились русскими, украинцами, белорусами. В случаях, когда на ключевые должности все-таки выдвигались местные кадры (известная уступка населению), за их спиной стояли комиссары Москвы. Характерно, что во всех национальных республиках должности вторых секретарей центрального комитета партии, первых заместителей министров (по кадрам), шефов госбезопасности и сейчас занимают славяне.

В годы второй мировой войны с обжитых мест были согнаны и переселены в Сибирь и Казахстан целые народы (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары, немцы Поволжья, месхи). Депортацию народов правительство объясняло их нелояльностью к советской власти, "опасностью массового перехода на сторону фашистов". Но вторая мировая война давно кончилась, сменилось почти два поколения, а немцы Поволжья, крымские татары и месхи так и не получили разрешения вернуться в родные места.

Советский имперский III. стал неотъемлемой частью государственной политики: русский народ объявлен "старшим братом в семье народов", "первым среди равных". Новый советский гимн, заменивший в 1942 году "Интернационал", явно выдержан в традициях песни-марша старой России ("Славься, ты славься наш русский царь" — "Славься, Отечество наше свободное") и духовно близок немецкому гимну ("Германия превыше всего..." — "Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...")

В конце 40-х годов одним из выражений коммунистического III. стала борьба с "космополитизмом". Кампания разоблачения "низкопоклонства перед Западом" имела своей целью под видом возрождения славянофильства утверждение идеи исключительности всего советского (а там где это не представлялось возможным — российского), провозглашение приоритета Советского Союза во всех областях науки, техники, культуры.

Под видом борьбы за чистоту русского языка из него стали изыматься заимствованные и интернациональные слова, их заменяли искусственными образованиями на исконной основе. Появились трактаты о неповторимости советского характера, создавались опусы по анализу "советского образа жизни". Слово "родина" стало писаться с большой буквы. Мания советской исключительности захватила искусство, науку, литературу.

Жертвой шовинистического угара стали десятки и сотни тысяч граждан Советского Союза: ученых, писателей, компо-

зителей, артистов, политических и общественных деятелей. В том числе — и русских. Коммунистический режим в той же мере стремился уничтожить русскую культуру, в какой он извращал и разрушал самобытность украинцев, армян, евреев и других. Страна превратилась в гигантский судебный зал, а советский народ — в свидетеля обвинения и публику. "Безразличное отношение к Родине и национальной культуре" (формулировка секретаря ЦК КПСС Жданова) индентифицировалось с национальной (государственной) изменой.

На этом фоне апеллирования к русской исключительности, провозглашение русских ведущей силой советского государства — "старшим братом" — носило лицемерный характер и преследовало пропагандистские цели — русский народ оставался столь же бесправным и беззащитным (а возможно и еще больше) перед коммунистическим террором, что и все народы советского государства.

В 70-х годах воинствующий советский Ш. вырвался на международные просторы, утверждая силой свою великодержавную сущность в Анголе, Эфиопии, Южном Йемене, Афганистане. Это еще раз доказало, что СССР — последняя империалистическая и колониальная держава конца XX века.

Таким образом, если исторически Ш. и может быть с определенными оговорками соотнесен с идеологией некоторых больших народов, ущемлявших права малых, то ныне Ш. сохранился только в философии и политике советского государства.

Великодержавный Ш. — подлинная идеология советского тоталитаризма, для которого лозунги равенства, братства и дружбы народов — всего лишь оружие пропаганды, призванной камуфлировать реальные цели и методы коммунистической национальной политики.

ПРИМЕРЫ:

"Шовинизм — агрессивная реакционная политика империалистической буржуазии, направленная на покорение и порабощение народов". (БСЭ, т. 48, с. 181.)

"Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в

Стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта...". (И. В. Сталин, Собр. соч., т. 12, с. 362.)

"Наиболее реакционные и шовинистические круги крупной буржуазии еврейского происхождения оказывают всемерную поддержку сионистским и просионистским организациям" ("Агитатор", 1979, № 19, с. 46.)

ШТАБ – руководящая государственная или общественная организация СССР, политический вес которой пропаганда стремится подчеркнуть.

Различаются Ш. временные и постоянные. Временные организуются на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах в напряженные периоды работы. Такие Ш. призваны направлять и координировать всю их деятельность ("Ш. трудового штурма", "Ш. летней страды"). Ш. создаются и для проведения различных пропагандистских кампаний: за коммунистический досуг ("Ш. выходного дня"), за культурное обслуживание покупателей ("Ш. борьбы за вежливость") и т. д.

Под постоянными Ш. имеются в виду "Ш. социалистического соревнования" (обычно – партийные бюро заводов и фабрик), "Ш. борьбы за урожай" – районные партийные комитеты в сельской местности.

Это, так сказать, полевые или оперативные штабы главного советского командования – ЦК, который именуется "высшим Ш.", ибо он действительно монополизировал всю политическую и идеологическую власть в стране. За ним следуют "высокие штабы" – Совет Министров, Госплан, Академия Наук, направляющие деятельность подведомственных им учреждений: министерств, ведомств, предприятий, исследовательских институтов.

"Штабизация" советской социальной жизни имеет целью поддерживать в стране состояние постоянной боевой и политической готовности, идеологической мобилизованности советских граждан. Само слово Ш. вызывает четкие ассоциации: жесткая дисциплина, четкость, готовность беспрекословно выполнять приказы руководства. Эти военные уста-

новки переносятся на страну и партию, которой руководит главный Ш. Однако — в силу общей пропагандистской инерции — та же терминология часто используется и для случайных и второстепенных социальных явлений: "Ш. по озеленению района", "Ш. ремонтных работ" и т. д.

ПРИМЕРЫ:

"Партия есть руководящий отряд рабочего класса, его передовая крепость, его боевой штаб". ("История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)". Краткий курс, М. 1950, с. 344.)

"...на заводе действует штаб по предупреждению отставания". ("Агитатор", 1978, № 12, с. 11.)

"Главный инженер возглавляет созданный на комбинате штаб по экономии и бережливости. Подобные штабы действуют во всех цехах, на всех участках". ("Агитатор", 1983, № 21, с. 8.)

ШТУРМОВЩИНА — ускоренная, напряженная, не ограниченная рамками рабочего дня работа по выполнению государственного плана.

В советском языке слово Ш. имеет неодобрительный оттенок. Однако советская пропаганда отрицает лишь словесное ограничение явления, само же явление всячески насаждается. Это обусловлено тем, что власти готовы осудить некоторые социальные последствия действующей на советских предприятиях системы организации труда, но отнюдь не саму систему.

Ш. чрезвычайно типична для советских промышленных предприятий истроек. В сельском хозяйстве, в связи с естественным календарем работ, слово Ш. обычно не используется: для штурмовщины там применяется специфический (и вполне положительный) термин "страда".

Ш. — отчаянная попытка как-то выполнить план — обычно вспыхивает на предприятиях к концу "отчетного периода" (месяца, квартала, года), когда приходит время отчитываться "о проделанной работе". Директивное управление эконо-

микой, постоянные перебои в снабжении, недостаток рабочей силы и пр. приводят к тому, что советские предприятия не в состоянии работать ритмично и вынуждены регулярно обращаться к Ш., чтобы ценой перенапряжения сил и ресурсов ликвидировать очередной "прорыв". В дни Ш. предприятие уподобляется трудовому фронту, а рабочие — "штурмовым" отрядам, "приступом" берущим производственные задания.

Ш. вызывает переутомление рабочих, создает социальную напряженность, разрывает нормальный ход технологического процесса, повышает износ оборудования, снижает и без того невысокое качество продукции. Хорошо зная эту "технология", советские граждане при приобретении товаров (телевизоров, магнитофонов, холодильников и т. д.) стараются выбрать те, что изготовлены в середине месяца, когда период Ш. еще не наступил.

ПРИМЕРЫ:

"В первой декаде на заводе производится немногим больше 20, а то и 15 процентов месячной программы, зато в последних числах начинается штурмовщина, на оплату сверхурочных работ тратятся многие тысячи рублей". ("Социалистическая индустрия", 1978, 8 августа, с. 2.)

"Я уже говорил, что штурмовщина у нас система. И когда она начинается, нагрузка на оборудование возрастает в несколько раз. Качественно отремонтировать и делать профилактику некогда. К чему все это приводит? Оборудование, выработавшее срок, списывается. Приобретается новое, но и его ждет незавидная судьба". ("Социалистическая индустрия", 6 мая 1977, с. 3.)

"План любой ценой, надежда на волевое решение, на стимул "только рублем" в действительности оборачиваются штурмовщиной, текучестью кадров, отсутствием дисциплины". (Г. В. Романов. Избранные речи и статьи. Политиздат, 1980, с. 35.)

ШУМИХА — восхваление мнимых достоинств, хвастовство, показная деловитость (о советской действительности)

сти); событие — избирательная или разъяснительная кампания, движение протеста, выступление, неодобряемое советскими властями (применительно к западному обществу).

Во втором смысле Ш. используется чаще. Назначение слова — подчеркнуть искусственность тех или иных социальных процессов в свободном обществе.

Советская пропаганда именует Ш. явления, для осуждения которых у нее не хватает мыслей и аргументов: "ненужная Ш.", "парадная Ш." и т. д. Чтобы общественное явление превратилось в Ш., вовсе не обязателен его громкий характер. Единственным основанием для этого служит несоответствие его рамкам советской идеологии. Скажем, Ш. могут быть объявлены и одиночные голоса протеста, и мощные национальные движения (в Польше, в Афганистане и т. д.).

Иронический смысл Ш. часто усиливается с помощью определений: "нездоровая Ш.", "демагогическая Ш.", "пресловутая Ш." и т. д. Для дискредитации свободного мира употребляются и другие слова того же корня: "шум", "шумный", "шуметь". Это приводит к образованию нелепых выражений: "шумно вопить", "громкий шум" (будто можно вопить или шуметь тихо, вполголоса).

ПРИМЕРЫ:

"Шумихе на счет "советской военной угрозы" не уступает по децибелам другая шумиха — о "нарушении Советским Союзом прав человека". ("Новое время", 1978, № 50, с. 20.)

"Спрашивается, почему бы авторам пресловутой пропагандистской шумихи по поводу "нарушения прав человека" в социалистических странах не посмотреть прежде всего на внутреннее положение своего общества?". И. Н. Рожко. Социалистический образ жизни и право. "Знание", М., 1979, с. 45.)

"...раздувается шумиха о якобы имеющем место "отставании" США в той или иной военной или военно-технической области". ("За рубежом", 1979, № 51, с. 17.)

”Э”

ЭЛИТЫ – группы и сословия коммунистического правящего класса, социальное и политическое значение которых обусловлено их функциями в рамках советского режима.

Советские Э. представляют собой пирамиду с четкой иерархией. Самую вершину занимает партийная Э.; под ней последовательно располагаются правительственные Э.: советско-бюрократическая, военная, полицейская. Далее, в соответствии с влиянием, следуют научная, комсомольская, профсоюзная Э., Э. от искусства и литературы.

Путь наверх в советском обществе предрешен социальной программой. Для карьеры очень немного значат таланты и способности, все определяют происхождение, национальность, связи и деньги. Однако эти требования дифференцируются в зависимости от характера той или иной Э.

Самые низшие Э. – научная, писательская и искусства – носят относительно открытый характер. В силу специфики и относительно низкого ранга здесь имеют значение склон-

ности, жизненный опыт и, конечно, готовность служить господствующему классу.

Средний уровень — техническая и промышленная Э. Они тоже полузакрытые, главный критерий отбора в них — лояльность. Важное значение придается национальности, в определенной мере учитываются способности и деловые качества. Однако отбор ограничен классовым происхождением и партийной принадлежностью.

Э. высшего уровня — партийная, правительственная, военная и полицейская — носят практически закрытый характер. Проникновение в них жестко регламентировано социальным происхождением и национальностью. Тут меньше всего нужны таланты, а творческий дух, самобытность, независимость суждений прямо противопоказаны. Не служит универсальным пропуском и благонадежность. Эти Э. — союз людей исполнительных, равнодушных, беспринципных.

Между советскими Э. существуют перегородки, но сплошной стены нет. Допускается определенная проницаемость. Как правило, диффузия идет от Э. низшего уровня — через средний — к высшим. Впрочем, наблюдается, хотя значительно реже, и движение в обратном направлении. Это значит, что представитель Э. попал в немилость.

Высший элитарный уровень полностью автономен, не терпит давления извне, тогда как сам он определяет движение всех прочих элит.

Э. характеризуются сложным переплетением родственных и личных связей, которые действуют как по горизонтали — внутри Э., так и по вертикали — между Э.

Время от времени Э. раскрываются: из них выпадают или выбрасываются те, кто перестал соответствовать требованиям правящего класса. Затем они вновь смыкаются, становясь на какое-то время более однородными, а потому и более сплоченными.

Каждая Э. строится на принципах замкнутости. Но по отношению к окружающим незлитарным сословиям они всегда выступают сплоченно. Приняв или отвергнув какое-то решение, Э. противостоят всему остальному (непривилеги-

рованному) миру как единое целое, даже если внутри них не всегда наблюдается единство взглядов. Это обусловлено общностью главных целей: 1) удержать власть и привилегии; 2) усилить власть и умножить привилегии; 3) сохранить тоталитарный режим во всей многообразной его структуре.

Но единство Э. — результат не только общности их целей и интересов. Э. состоят из людей настолько близкого образа жизни, воспитания и мировоззрения, что можно говорить о психологической общности, об особом типе советского элитарного человека. Свидетельство этой близости — поразительная способность разных представителей Э. заменять друг друга на командных должностях без существенных изменений политики или стиля руководства. Меняется только ближайшее окружение "вождя" — партийная каста, суперэлита советского общества, отличается деспотичностью.

В зависимости от этапа, который переживает советское общество, происходит повышение роли одних Э. и падение социального значения других. Всех, кроме главной — партийной. Вокруг нее и под нею постоянно происходит перегруппировка. При Сталине полицейская Э. одно время соперничала с партийной по объему власти и по воздействию на процессы общественного развития. Милитаризация СССР, притязания на глобальную политику во время правления Брежнева привели к усилению могущества и социального веса военной Э. Насилие не только внутри страны, но и за ее пределами становится важной и, как представляется, последней опорой коммунистического режима.

Но управление коммунистическим обществом остается прерогативой партийной Э., которая на своих флангах и за их пределами сливается с многочисленными звеньями власти — советской, профсоюзной, военной, полицейской, промышленной, научной, подчиняя их своей воле и целям. Все эти Э. обладают престижем и широкими привилегиями, высоким и почитаемым статусом, но не политической властью.

ПРИМЕРЫ:

”Наш театр – не артистические сливки, не чудо-техника С. Образцова, и выступали мы не перед детьми столичной элиты, а перед малышами текстильного края и голодающими Поволжья”. (“Новое русское слово”, 18 января 1974, с. 5.)

”Но бизнес рос, кассеты появились в домах ”новой экономической элиты”. (“Новое русское слово”, 15 января 1984, с. 8.)

”Лишь незначительному меньшинству населения страны, ее властвующей элите и нелегальным бизнесменам обеспечен сегодня достаточно высокий жизненный уровень”. (“Посев”, 1973, № 12, с. 48.)

”Я”

ЯЗВЫ — социальные явления капиталистического общества.

Пропагандистское употребление слова основано на его переносном значении — ”неизлечимое зло”, ”непоправимый вред”.

Слово Я. (обычно во множественном числе) встречается в сравнительно небольшом наборе стандартных словосочетаний: ”социальные Я.”, ”Я. и пороки”, ”Я. безработицы” и т. д.

Идеологическим основанием такого использования Я. служит марксистско-ленинская характеристика буржуазного общества как системы неизлечимо-больной, прогнившей до основания, исторически обреченной. В число Я. включаются прежде всего такие общественные пороки, как проституция, нищета, безработица, алкоголизм, наркомания. Впрочем, к тому же разряду относят любые явления свободного

мира: "Я. капитализма", "Я., которые смердят", Я. расистских режимов".

В первые десятилетия советской власти Я. именовались и те явления в молодом советском обществе, которые, как утверждала пропаганда, были несовместимы с коммунистической идеологией, противоречили декларируемому ею укладу жизни. При этом всячески подчеркивался временный, преходящий характер этих явлений.

Пока считалось, что СССР находится в процессе построения социализма, советская идеология могла позволить себе упоминать о наличии Я. в собственном обществе, рассматривая их как наследие прошлого, черты, сохранившиеся от капитализма, как результат существования внутри страны социальных элементов, враждебных режиму.

Стоило, однако, кремлевским руководителям объявить, что социализм построен, и усилиями пропаганды понятие Я. было изъято из обихода советского общества, перенесено на социальную ткань некоммунистических государств. В соответствии с требованиями идеологии, провозгласившей окончательную победу социализма в СССР, в советском обществе сохранились только "отдельные недостатки", обусловленные "пережитками" ("родимыми пятнами") капитализма. В здоровом советском обществе, с его крепкими ("прогрессивными и самыми эффективными") экономикой, общественными отношениями, бытом, моралью нет больше места социальным Я.

Воровство, продажность и коррупция, процветающие в СССР, хулиганство и алкоголизм, разъедающие советское общество, уже не рассматриваются как Я. Это экспрессивное наименование используется лишь для характеристики социальных явлений свободного мира.

ПРИМЕРЫ:

"Западное телевидение всячески стремится скрыть или затушевать язвы и пороки, объективно присущие миру капитала". ("Комсомольская правда", 27 октября 1983, с. 2.)

”Оправдать или скрыть террор, коррупцию и многие другие язвы на теле капитализма, которые смердят с каждым годом сильнее, они не в силах”. (“Литературная газета”, 8 июля 1981, с. 6.)

”...наши идеологические противники пытаются скрыть эксплуатацию и хроническую безработицу, равнодушие к человеку и нищету – все те язвы капиталистического организма, которые неизбежно вовлекают миллионы людей в сферу преступности”. (“Вопросы философии”, 1978, № 11, с. 7.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7

А

Авангард	15
Агитация	17
Агрессия	20
Актив	24
Активная жизненная позиция	26
Анонимное письмо	29
Антикоммунизм	32
Антисемитизм	34
Антисоветизм	40
Аполитичность	44
Атеистическое воспитание	45

Б

Бдительность	49
Безработица	52

Бессмертный	54
Бизнес	55
Блок коммунистов и беспартийных	57
Боевитость	59
Борьба	60
Борьба за мир	61
Братский	63
Бригада коммунистического труда	65
Бряцать оружием	67

В

Вахта	68
Вертушка	69
Верхушка	71
Весомый	72
Ветеран	72
Вежа	74
Взяточничество	75
Визитер	79
Внутрипартийная демократия	80
Военщина	82
Волею партии	84
Воодушевленные решениями	85
Воспитание советское	85
Вояж	88
Временные трудности	89
Всемерный	90
Всемирно-исторический	91
Встречный план	91
Высокое доверие	93

Г

Гвардейцы труда	94
Гегемония пролетариата	95
Генеральная линия	98
Генеральный секретарь	101
Героизм	107
Главарь	110
Горизонт	111

Горячий отклик	112
Группа "А." и группа "Б."	112

Д

Давать	115
Дальнейший	116
Дальновидная политика	118
Дача	119
Демократический централизм	121
Детище	123
Дефицит	124
Диктатура пролетариата	126
Дисциплина	131
Добрая традиция	134
Допуск	136
Доска почета	138
Достойный	139
Драконовский	141
Дружба народов	142
Душа	144

Ж

Животворный	146
Жилплощадь	147

З

Закрытые магазины	151
Закрытые письма	153
Застрельщик	157
Знак качества	158
Знаменательные даты	159
Знатный	161
Зримый	162

И

Идейность	164
Идеология	165

Империализм	167
Инакомыслящие	168
Интернационализм	172
Исторические решения	174

К

Кадры	176
Клеймить позором	178
Клика	179
Клуб	180
Коллективное руководство	184
Колхоз	187
Коммунизм	191
Коммунистическая бюрократия	194
Коммунистическая смена	201
Комсомол	205
Контрреволюция	207
Космополитизм	209
Кремлевский паек	211
Культ личности	213

Л

Ленинский	218
Личные социалистические обязательства	220

М

Мирное сосуществование	222
Мнения	224
Мобилизация	226
Морально-политическое единство	227
Мудрый	228

Н

Навязать	231
Народные избранники	232
Наскок	237
Научный сотрудник	238
Небывалый	242

Непримиримость	243
Неуклонно	244
Новатор	245
Номенклатура	246

О

Обстановка политического и трудового подъема	251
Общежитие	252
Общественное государство	253
Общественная работа	256
Общественно-полезный труд	257
Оголтелый	259
Оппортунизм	260
Отдельный	264
Отреbye	266
Отчаянный	267
Отщепенец	268
Очередь	269
Очковтирательство	272

П

Партиец	275
Партийность	277
Партийный работник	281
Партия	286
Патриотизм	292
Первый отдел	295
Пережитки прошлого	296
Перерожденец	299
Персональное дело	300
Планирование	306
Подвизаться	309
Поджигатели войны	310
Подлевала	312
Политинформация	313
Помощь селу	315
Постоянно действующее производственное совещание	316
Почин	317

Предначертания	318
Пресловутый	319
Претворять в жизнь	320
Приверженность	322
Приписки	322
Приспешник	325
Прогрессивный	326
Прогул	328
Пропаганда	329
Прописка	332
Профсоюзы	335
Психологическая война	339

Р

Радиодиверсанты	344
Рапорт	346
Рачительно	347
Реакционный	348
Режим	349
Решительный протест	350
Руки прочь от ...	351

С

Самоотверженный	353
Свершения	354
Светлое будущее	355
Сделка	356
Славный	357
Советский народ	358
Советский образ жизни	362
Социалистический реализм	367
Социалистическое соревнование	370
Социальный паспорт микрорайона	373
Спецшколы	374
Сплоченность	379
Стахановский	379
Субботник	384
Сыновняя благодарность	386

Т

Так называемый	388
Товары народного потребления	389
Трудовой коллектив	390

У

Убежденность	394

Ф

Флагман	396

Х

Характеристика	398

Ц

Цензура	401

Ш

Шефство	407
Шовинизм	409
Штаб	414
Штурмовщина	415
Шумиха	417

Э

Элиты	418

Я

Язвы	422